

"Рассказы для детей"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Любовь Фёдоровна ВОРОНКОВА

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Валентина Путилина. СВЕТЛЫЙ И ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

МАША-РАСТЕРЯША

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЁК

БЕДОВАЯ КУРИЦА

ТАНИН ПИРОЖОК

СНЕЖОК

ТАНЯ ВЪЕЗЖАЕТ В ДЕРЕВНЮ

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

ПОРОСЁНОК

СРАЖЕНИЕ

НА РЕКЕ

ДЕДОВА ГАЛОША

МАЛЕНЬКИЙ СОКОЛИК

НОВАЯ КУКЛА

ДЕД РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ

СТАДО ИДЁТ ДОМОЙ

СЕРЕНЬКИЙ ЗВЕРЁК

СНЕЖОК РАЗГОВАРИВАЕТ

СНЕГ ИДЁТ

ПОДРУЖКИ

СНЕГ ИДЁТ

НОВЫЕ ГАЛОШИ

БАБУШКИНЫ ДЕЛА

ПОДРУЖКИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

ОКНО В РЕЧКУ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С КИСЕЛЁМ
В ГОСТЯХ НА СКОТНОМ
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ У ЖИТНИЦЫ
ХИТРЫЙ СНЕГОВИК
БАНЯ
ТАНЯ ВЫБИРАЕТ ЁЛКУ
КАК ЁЛКУ НАРЯЖАЛИ
НОВЫЙ ГОД ПРИШЁЛ
ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ
В НЕБЕ ТУЧКИ ПОСПОРИЛИ
КАК АЛЁНКА РАЗБИЛА ЗЕРКАЛО
МЕДОК И ХОЛОДОК
ГУСИ ТОЖЕ ЛЕТАТЬ УМЕЮТ
НАЧАЛО ПУТИ
НЕУДАЧНАЯ ОХОТА
ВСТРЕЧА С ЛЯГУШКОЙ
КАК ДЁМУШКА В КУЗНЕ ПОМОГАЛ
КАК СНЕЖОК НАПРОКАЗИЛ
МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО МОРЕ?
ЧТО ТВОРИТСЯ НА РЕКЕ НУДОЛИ
ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕЧКУ
ЧУДО-ЮДО В САРАЙЧИКЕ
ВСТРЕЧИ В ПОЛЕ
ЖЁЛТЫЕ БАРАНЧИКИ
ССОРА С БАБУШКОЙ
СЕДАЯ КОЗА
ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ
ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

ДОМ ПОД ТЕЛЕГОЙ
ПРЯТКИ ПОД СТОЙКАМИ
НА ДАЛЬНЕМ ПОЛЕ
НАХОДКИ В ПОЛЕ
НА ТОКУ
ПОДРУЖКИ ПОМОГАЮТ СТОРОЖИТЬ ВОРОХ
ГРУШЕВОЕ ЯБЛОЧКО
КАК ДЁМУШКА СНЕЖКА УГОЩАЛ
ЛЕСНЫЕ ПОДАРКИ
ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ
КОМАНДИР ЗВЁЗДОЧКИ
СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК
ЗВЁЗДОЧКА
ЗАБОТЫ КОМАНДИРА
ЧЕГО НЕ ОЖИДАЛА ТАНЯ
ТАНИНЫ ДЕЛА
ЧАЙНИКОВ УДИВИЛ ВСЕХ
СНЕГОПАД
ПТИЦЫ ГОВОРЯТ СПАСИБО
ВОТ И КАНИКУЛЫ
ВОЛШЕБНЫЙ БЕРЕГ
КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ
ЛЁНЕ ВСТРЕТИЛСЯ КТО-ТО ЛАСКОВЫЙ
ПОЛЁТ В КОСМОС
РАЗБОЙНИК ГДЕ-ТО БЛИЗКО
УТКАМ ТАКОЙ ОБЕД НЕ ПОНРАВИЛСЯ
В ГОСТЯХ У САМОГО УЧЁНОГО ПУГАЛА
НА ПТИЧНИКЕ ВОЛНЕНИЕ

НОЧЬ НА ВОЛШЕБНОМ БЕРЕГУ

В ГОСТЯХ У АРДЫВА

КОНЕЦ ВСЕЙ ИСТОРИИ

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

УТРО

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

МАТЬ УСТРАИВАЕТ НЕОБЫКНОВЕННУЮ БАНЮ

ГОСТИ ПЬЮТ ЧАЙ С ЛЕПЁШКАМИ И ОСУЖДАЮТ МАТЬ

ДЕВОЧКИ ОСТАЮТСЯ В ДОМЕ ОДНИ И ВЕДУТ ХОЗЯЙСТВО

ВАЛЕНТИНКА ЗАВОДИТ В ОВЧАРНИКЕ НЕРУШИМУЮ ДРУЖБУ

ВАЛЕНТИНКА РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ. ЖАВОРОНКИ ИЗ ТЕСТА

ОГОНЁК УВИДЕЛ СОЛНЦЕ

ПИСЬМО С ФРОНТА

ПОДСНЕЖНИКИ

САД ПОД ОБЛАКАМИ

НАДО И НЕЛЬЗЯ

СОН В ПОЛДЕНЬ

АЛИБЕК

БЕЛЫЕ ГОРЫ

САД ПОД ОБЛАКАМИ

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

1. АНИСКА

2. БРАТЕЦ НИКОЛЬКА, С КОТОРЫМ МОЖНО РАЗГОВАРИВАТЬ

3. ЛАСКОВОЕ СЛОВО

4. АНИСКИНЫ БРЕДНИ

5. ПУТИ К СЕРДЦУ

6. БУКЕТ СИРЕНИ

7. ИЗМЕНА

8. ВОСКРЕСЕНЬЕ

9. АНИСКА УХОДИТ ИЗ ДОМУ

10. ЦАРСТВО-ГОСУДАРСТВО

11. ПИРОГИ С МОРКОВЬЮ

12. КУДА ПЛЫВУТ ОБЛАКА

13. ТРУДНАЯ ДРУЖБА

14. РОНЖА

15. ГУСИ-ЛЕБЕДИ

СВЕТЛЫЙ И ДОБРЫЙ ТАЛАНТ

Имя замечательной детской писательницы Любви Фёдоровны Воронковой известно не только в нашей стране. Её книги читают и в Чехословакии, и во Франции, и в Японии и ещё в очень и очень многих других странах. В советской детской литературе они занимают одно из первых мест, их популярность необыкновенно велика.

Любовь Фёдоровна создала целую библиотеку для детей разных возрастов. Её книги написаны как бы на вырост: маленький читатель, подрастая, непременно встретится с ними. Может быть, эта встреча произойдёт у него в раннем детстве — с весёлой, поучительной книжкой «Маша-растеряша», которая уже давно стала одной из любимых у малышей. Потом, в начальных классах, он прочитает «Солнечный денёк», «Золотые ключики», «Девочку из города», «Гуси-лебеди» — это хрестоматийные произведения нашей детской литературы. Их нельзя не знать. Когда же читатель станет подростком, а то и взрослым человеком, в его жизнь войдут герои исторических произведений Любви Фёдоровны Воронковой, и откроется мир, тревожный и суровый, отдалённый от нас целыми тысячелетиями, наполненный важными и поучительными событиями.

Любовь Фёдоровна написала много книг. Она работала увлечённо и, как настоящий художник, по-своему, неповторимо, не похоже на других. Её писательский труд хочется сравнить с плодотворным, созидательным трудом садовника: она так любила землю, любила сажать и выращивать на ней всё живое!

В этом саду, который она вдохновенно выращивала долгие годы, много необыкновенного, разнообразного. Вот одно такое чудо-дерево — проза для маленьких, у него много стволов, а корень один — русская деревня. А вот ещё одно многоствольное дерево, оно тоже родом из России — это книги для старших ребят.

В творческом саду всё возможно. И потому там выросло совсем уже диковинное дерево, корни которого уходят в земли Древней Греции и Востока, в самые глубины веков.

Разные эпохи и далёкие друг от друга земли вместил в себя этот сад. Войдём и поглядим, что там растёт. Но сначала познакомимся с жизнью самого «садовника».

Любовь Фёдоровна Воронкова родилась в 1906 году в Москве, на Старой Божедомке, куда

однажды пришёл на заработки и поселился с семьёй её отец, безземельный крестьянин из деревушки на Орловщине.

Она училась в городском училище и очень любила рисовать. Мечтала быть художницей. Рисовала всюду, даже на земле. Самым дорогим подарком, памятным на всю жизнь, оказалась для неё коробка цветных карандашей. Учительница, заметив способности своей ученицы к рисованию, помогла ей поступить в Строгановское училище. Но очень скоро любимые занятия пришлось прекратить: семья покинула Москву, жить стало трудно и голодно.

Поселились в подмосковном посёлке Коськове, где насчитывалось всего-то семь дворов. Самой маленькой была их избушка. А в семье — семь человек.

Не понаслышке, не по рассказам узнала она тогда с двенадцатилетнего возраста, что такое крестьянский труд. «С весны начиналась маета, рассказывала она, уже став писательницей. — Огород пахать, полоть. Не успеешь одно с плеч свалить, другое подпирает. Пospели травы — начинался покос. От граблей мозоли набиваются. Рожь созрела. Длинный день на жнивье, выходили с серпами, жнёшь, снопы вяжешь, потом молотьба. Клали сноп на бревно и палкой околачивали. Но самое трудное — дёргать лён, потом мять да трепать. Зимой — корову подоить, овец накормить, воды из колодца натаскать...»

Да, жизнь была нелёгкая. Но выпадали в той жизни и радости — чтение книг. В доме любили книги, читали вслух. Незабываемый Гоголь, пьесы Островского, Пушкин, Шекспир, Вальтер Скотт — всё это навсегда осталось в памяти.

Жизнь в деревне дала Любви Фёдоровне и нечто другое, не только привычку к неустанному труду. Там открылась ей красота русской природы, и она научилась слышать её таинственный голос. Там накапливала она в памяти увиденное и пережитое, что потом войдёт в её книги, обернётся запоминающимся образом и точной деталью, наполнит их тёплым дыханием земли. Оттого так проникновенны и поэтичны её описания природы и людей труда, образно и свежо слово, которому она училась у народа.

Сколько она себя помнила, ей всегда хотелось писать и рисовать, «до страсти» — её любимое слово. Ещё в раннем детстве как-то неожиданно для самой себя сочинились первые стихи. С тех пор всё постепенно становилось поэзией, приобретало ей одной видимые краски.

Всё сильнее одолевала мысль о большом, просторном мире — мире творчества. Она верила в своё призвание и делала всё, чтобы сберечь его, не расплескать попусту.

И наконец-то она снова в Москве. «Это была трудная, каменистая тропинка в моей жизни, — вспоминала о тех годах Любовь Фёдоровна в автобиографии, — но я верила, что выберусь на широкую дорогу».

Широкой дорогой была для неё литература; Она упорно шла к своей заветной цели. Бралась за любую работу, чтобы было на что жить, а по ночам писала. И пока всё «не своё», нечто далёкое от реальной жизни: роман об испанских грандах, диковинные сказки, поэмы. Ей думалось тогда, что литература призвана рассказывать о чём-то необычном, не будничном, красивом, чтобы забыться от забот дня сегодняшнего.

В литературном кружке, где она стала бывать по вечерам, её заметили и помогли выйти на свою «зарубку». Она написала стихи про домашнюю работницу Варвару, судьба которой напоминала её собственную. Стихи были опубликованы в «Комсомольской правде».

С тех пор жизнь её переменилась: она стала журналисткой, много ездила по стране, писала о

сельских тружениках. Это было ей близко и знакомо, была невыдуманная жизнь, в которой она участвовала всем сердцем.

В 1940 году вышла первая книга Любви Фёдоровны — «Шурка», тонкая, всего одиннадцать крошечных рассказов, но в ней уже проявилось основное, характерное для творчества писательницы — любовь к природе и людям, доброта, чистый, прозрачный язык.

После «Шурки» она задумала новую книгу для детей — «Солнечный денёк». Но осуществить замысел помешала война. Уже нельзя было писать о радостном, безоблачном детстве девочки Тани и её друзей. Наступило время других героев.

Одна за другой стали выходить у Любви Фёдоровны Воронковой книги о войне: «Лихие дни», «Лесная избушка», «Девочка из города», «Село Городище».

Повесть «Девочка из города» сразу же принесла автору большую известность. Написанная в суровом 1943 году, она и до сих пор трогает сердца детей и взрослых. Потому что талантливо рассказывает не только о великом бедствии, но и о великом мужестве народном, которое помогает выстоять в лихие времена, возвращает веру в жизнь.

Не осталась одинокой в своём горе героиня повести Валентинка, у которой погибла мать. Чужие люди из села Нечаево пришли к ней на помощь, взяли в свой дом.

Трудно приживалась девочка из города в приютившей её семье — автор говорит об этом правдиво. Трудно было назвать матерью полюбившую её всем сердцем Дарью Шалихину. И всё-таки пришёл светлый день. Вместе с весной оттаяло и сердце девочки, она назвала добрую, терпеливую женщину мамой.

В повести «Девочка из города» — всё от самой жизни, ни слова выдумки. Любви Фёдоровне довелось видеть в войну таких вот, как Валентинка, детей-сирот, на долю которых выпало недетское горе. Встречала она и женщин, похожих характером на Дарью Шалихину — чутких, отзывчивых, мудрых, всегда готовых прийти на помощь тому, кто больше всего в этой помощи нуждается.

Всё лучшее в человеке ярче всего проявляется в годы тяжких испытаний. Это снова и снова утверждает повесть «Девочка из города».

До сих пор пользуется признанием у читателей ещё одна книга о войне Любви Фёдоровны Воронковой — «Село Городище». Вот как возник её замысел. В редакции «Пионерской правды» попросили Любовь Фёдоровну написать очерк о том, как налаживается жизнь в освобождённых от фашистов селениях. Она тотчас же отправилась в свою трудную поездку. Страшные картины увидела она: сожжённые дотла сёла — лишь остовы печей торчат. А вокруг обугленные деревья, заросшие, ещё не разминированные поля, изуродованные взрывами машины...

Увидела она и людей, вернувшихся домой. Были они измучены всем пережитым, плохо одеты, разутые, полуголодные, но не сломленные, сильные духом, полные желания поскорей наладить на разорённой земле жизнь, построить дома, засеять поля.

Впечатлений от поездки по освобождённым сёлам было так много и такими они были сильными, что оказалось невозможным вместить в один-единственный очерк всё то, о чём необходимо было рассказать. И она написала книгу «Село Городище», где показаны не только горе, бедствия людей, но и трудовой героизм, мужество, мечты их о будущем — мирном и счастливым.

Мечты эти исполнились. Мир и благополучие пришли на нашу землю. И появились книги о жизни без войны.

Только тогда и осуществился давнишний замысел Любви Фёдоровны: она написала «Солнечный денёк». А потом последовали повести: «Снег идёт», «Золотые ключики», «Подружки идут в школу», «Командир звёздочки». Все эти повести о двух подружках, Тане и Алёнке, которые живут в деревне, помогают взрослым на току, собирают в колхозном саду яблоки, и каждый день им чем-то необыкновенно интересен, каждый день несёт что-то новое.

Многому девочки успели научиться за это короткое время! И вместе с ними многому научится и маленький читатель, прочитав эти книги, — хорошо дружить, любить природу и прекрасное родное русское Слово.

Любовь Фёдоровна знала тайну живого Слова. Поэтому всё в её книгах живёт, дышит, звучит. Слышны голоса птиц и зверей, лесные шорохи, журчание ручья. Тихим огоньком светится фонарик-светлячок. А если затаишься, увидишь, как расправляет лепестки проснувшийся цветок. И люди живут настоящей жизнью: работают, грустят, радуются, помогают друг другу. И у каждого свой характер, свой голос, своё лицо. Читая книги Любви Фёдоровны, мы верим, что действительно жили-были на свете и Валентинка, и Таня, и Алёнка, и Федя с Данилкой. Удивительно, как удалось ей заставить нас полюбить героев, созданных её воображением, поверить в них, как в живых людей, и понять, отчего они у неё именно такие, а не иные.

Да всё потому, что и Валентинка, и Дарья Шалихина, и Танин дедушка, и Федя с Данилкой — все лучшие герои её книг — это она сама, всех она наделила своим сердцем и разумом, своей искренностью, добротой, способностью к состраданию. И может быть, больше всех она сама — это Аниска из повести «Гуси-лебеди», с её горячностью, нежной любовью к природе, мечтой о верной дружбе.

Эта повесть немножко грустная, но ведь и жизнь наша наполнена не одними только радостями. Случается иногда и погрустить, когда тебя не понимают близкие, особенно когда не понимает тот, с кем хочется дружить. Так было и у Аниски.

Её тонкие движения души казались окружающим чудными и непонятными, что приносило ей немало огорчений, заставляло страдать. И тогда она убегала в лес. Там она не чувствовала себя одинокой. Всё там ей было знакомо. «Пройду с закрытыми глазами», — говорила она.

Аниска верила, что деревья в лесу знают её, как знает их она сама, и ждут не дождутся, когда она к ним придёт. «Косматая, как медведь, ёлка машет ей, зовёт укрыться от дождя», берёзка радуется ей.

И всё-то она замечала, каждую былинку, каждую травинку, зверя и птицу. Вот шмелиное гнездо, вот ёжик, вот лосиные следы. Но пуще всего хотелось ей повстречать птицу ронжу, птицу-мечту. «Как полетит, будто огонь загорится. Красная вся — и крылья, и хвост. Только шапочка чёрная». Ходит-бродит Аниска целыми днями по лесу, забирается в глухомань, чтоб найти околдовавшую её птицу и показать своенравной девочке Светлане, с которой ей «до смерти» хочется дружить.

Аниска — глубокий, поэтический характер, и, создавая его, писательница будто приоткрывала тайну о человеке. О том, что всякий человек не всегда такой, каким кажется, и надо уметь видеть в нём лучшее, сокрытое от поверхностного взгляда. И о том, как богат его внутренний мир и прекрасен. Но увидеть это и понять может только чуткое сердце.

Любовь Фёдоровна писала всегда о главном: о любви к Родине, уважении к труду, людской

доброте, честности во всём, дружбе людей, в каком бы возрасте они ни были: взрослые или дети. В своих книгах она не устаёт говорить о дружбе, и каждый раз по-новому, не повторяясь.

Друзьям всё под силу, они не оставят друг друга в беде, им хорошо вместе, интересно. Это счастливая дружба. Такая дружба была у Феди с Данилкой, у Тани с Алёнкой. А вот у Аниски — дружба несчастливая, безответная; во всяком случае, совсем не такая, о какой мечтается ей и на какую она способна. От одного только ласкового слова, сказанного ей Светланой, всё переменялось вокруг. Небо стало высоким и ясным, птицы радостно запели. И «Аниска вдруг почувствовала, что сердце у неё большое-большое, во всю грудь, и что всё оно такое живое и тёплое». Вот чем была для Аниски дружба со Светланой, а для Светланы дружба ничего не значила.

Но читатель на стороне Аниски, понимает её, видит её душевную красоту, разделяет её мечту о настоящей дружбе, преданной и бескорыстной.

Сама Любовь Фёдоровна умела дружить самоотверженно, искренне, возвышенно.

Случалось, кто-то из её друзей попадал в беду, был несправедливо обижен. И она открыто вставала на его защиту, не боясь нажить врагов, не заботясь о собственном благополучии.

К ней можно было прийти со своим горем, и у неё всегда находились добрые, целебные слова, участливый, полный сострадания взгляд. Горе становилось разделённым и оттого менее тяжёлым...

Но не только в горе и беде она была другом. К ней нужно было незамедлительно являться со своей радостью и обстоятельно, подробно рассказывать обо всём. И чужая радость становилась её собственной.

Оттого, наверное, и была она такой жизнелюбивой. Оттого и тянулись к ней люди, особенно молодые. Им было интересно с ней так же, как ей с ними.

К ней шли начинающие авторы, чтобы услышать мнение о своей новой работе. Ей верили. Если повесть или рассказы были неудачны, она, сама огорчённая, говорила: «Нет, пока ещё не получилось. Работать надо, работать!» Зато как искренне радовалась она, даже глаза сияли, если можно было сказать автору доброе слово. «Это настоящее!» — говорила она тогда.

И робкий талант обретал веру в себя. «Настоящее!» Какая могучая сила в одном этом слове. Будто крылья вырастают! Кажется, всё теперь под силу. Как это важно, чтобы друг-мастер вовремя заметил это настоящее и внушил автору веру в собственные силы.

...»Волшебный берег« — так называется повесть Любви Фёдоровны Воронковой, где происходят всякие чудеса. В её доме тоже совершалось чудесное. Там были написаны книги. Там она, как настоящая ведунья, разговаривала со своими цветами, будто те живые, одухотворённые существа. Кого приободрит: «Расти!», кого похвалит — уж очень красив. А ранним утром будили её голоса постояльцев балкона: воробьи, синицы, две приметные галки, голуби. Она всех кормила, ласково ворча на них за бойкую говорливость.

Но и цветы и птицы — всё это было лишь вступлением к ещё одному чуду — к приходу героев её будущих книг.

Они появлялись — кто тихо, кто шумно, сообразно со своим характером, и она, отбросив все земные заботы, садилась за рабочий стол. Самый обыкновенный стол, за которым уютно сидеть с друзьями, говорить с ними по душам, пить чай. Но это потом. А сейчас начиналось

колдовство над рукописью. И так каждое утро, светлое неприкосновенное её время, отданное любимой работе. И каждое утро три страницы.

Каждое утро? И неизменно три страницы?

«А как же? — говорила она. — Классики наши разве написали бы столько, если бы не работали постоянно? Нельзя работать от случая к случаю. Так ничего не напишешь».

Кто-нибудь возразит: ведь это так трудно — вдруг сразу войти в жизнь героев, с которыми вчера расстался, закончив три положенные страницы.

Для неё же это не было трудным. Потому что она не расставалась со своими героями всё то время, пока писала книгу. Все они были ей близкими, дорогими людьми, которые приносили радость или огорчения в зависимости от того, как сложатся их судьбы. Иной раз заставляли и страдать, когда с ними случалась беда. Ведь они сами распоряжались своей судьбой и вели за собой автора.

«Работать надо, работать, — не уставала повторять она. — В работе нашей — жизнь, радость!»

Писательство было для неё высшей радостью.

«...Пока пишешь, — говорила она, — думаешь: это последнее произведение, больше тебе ничего не написать, не хватит сил. Да и не вечно же жить в таком напряжении нервов и сердца! Но поставишь последнюю точку, и вдруг станет грустно расставаться с героями, к которым ты уже привык, и жизнь твоя кажется вдруг опустевшей... Видишь, что тогда ты и жил по-настоящему, пока на столе лежала твоя работа, пока она звала тебя, тревожила и волновала.

Впрочем, освобождаешься ненадолго. Жизнь уже подсказывает тебе ещё что-то, и новая тема рождается где-то в глубине души. Смотришь — и ты опять за столом, за новой рукописью. Ничего не сделаешь. Это мне кажется похожим на дерево, пригретое весенним солнцем: оно не может не развернуть листья, если бы оно даже и не хотело их развернуть».

Иногда находило сомнение, настораживало её: не слишком ли легко идёт перо? Не поверху ли? В такие моменты ей был нужен слушатель. Хотелось кому-нибудь Почитать новые страницы, проверить на слух, как звучит.

Слушатель всегда находился среди её друзей. Да и кому не интересно послушать чтение автора! Узнать, о чём новая книга, которая ещё только создаётся? Что там происходит, как развернутся события дальше? И всё это у тебя на глазах! Вот она, редкостная возможность приобщиться к тайне создания писателем своего произведения. Манящая, непостижимая тайна!

Это так удивительно — ещё недавно брошенная в разговоре фраза о том, что собирался сказать автор в следующей главе, становится вдруг живым повествованием; являются новые образы, характеры. И тебя захватывает уже не просто цепь событий, а присутствие ещё чего-то: волнующее нечто, рождённое ритмом, музыкой слова, мыслью, всем тем, что и наполняет произведение дыханием жизни, делает его художественным. Как это удаётся? Вот загадка.

По книгам Любви Фёдоровны Воронковой легко угадывается, что волновало её современников — взрослых и детей, чем жила страна в период, который она изображала. Это относится и к пяти её маленьким повестям про Таню и Алёнку, и к повести «Федя и Данилка», и к таким, как «Старшая сестра», «Личное счастье», и многим-многим другим, которые она написала.

Некоторые из её произведений, адресованные читателям старшего возраста, построены на документальной основе: «Беспокойный человек», «Где твой дом?», «Алтайская повесть».

Наиболее интересной из цикла книг, построенных на документальной основе, является «Алтайская повесть», которая рассказывает о развитии садоводства в северных районах. Точнее, не только о садоводстве, но и о жизни народов Горного Алтая, «края несказанной красоты», как называла его Любовь Фёдоровна.

Жители Горного Алтая — алтайцы были в прежнее дореволюционное время скотоводами — кочевниками. Жили в аилах, посреди аила — костёр. Земледелием не занимались — слишком суров там климат. Но нашлись и на той земле смельчаки: решили посадить сад. Им это удалось.

В предисловии к «Алтайской повести» Любовь Фёдоровна раскрывает историю создания этой книги. Обратимся к тому, что она сказала: всегда интересно услышать слово самого автора о своём труде.

«Я старалась написать о Горном Алтае, о его красивой, но суровой природе, о его мужественных людях и весёлых трудолюбивых ребятах, как всё увидела это ещё давно.

Прообразом для моих героев я взяла школьников одной хорошей школы, где учились и русские и алтайские дети. Книга — об их делах, об их удачах и невзгодах, об их сердечной дружбе, о трудолюбивом мальчике Косте и своенравной Чечек, что по-русски значит «Цветок».

Прошло много лет. Мои школьники уже выросли и, конечно, заняты большими, настоящими делами.

А школа по-прежнему стоит на берегу кипучей, белопенной Катунь, и школьный сад, в котором ребята научились-таки выращивать яблоки, ещё богаче зеленеет под укрытием большой горы... И уже другие ребята учатся в этой школе и работают в этом саду. А у них свои удачи и радости, свои горести, свои маленькие события, из которых складывается жизнь...»

«Алтайская повесть» издана более тридцати лет тому назад и с тех пор много раз переиздавалась. Её и сейчас хочется читать.

В 1969 году у Л. Ф. Воронковой вышла книга, так не похожая на всё то, что она написала раньше. Книга включала две исторические повести: «След огненной жизни» и «Мессенские войны».

Обращение Любви Фёдоровны к миру древности кажется на первый взгляд неожиданным. На самом деле это не так. Для неё самой не был случайным такой, казалось бы, резкий переход из дня сегодняшнего в глубь веков. Её уже давно манили сюжеты Древней Греции. Любимым чтением были древние писатели — Плутарх, Павсаний, Фукидид и в первую очередь Геродот. Книга Геродота «История» покорила её. «Вот она передо мной — старая книга «отца истории» Геродота, — с восторгом и волнением писала Любовь Фёдоровна. Откроешь её и войдёшь в удивительный мир давнопрошедших времён.

Геродот — историк, путешественник, писатель позовёт тебя, и в его пленительных рассказах, овеянных легендами, встанут перед глазами древние государства в славе их величия и бедствиях падения; зашумят большие войны, пройдёт жизнь разных народов с их богами, обычаями, героями...»

Своего рода напутствием послужили ей слова Геродота, который писал свою «Историю»,

«...дабы от времени не изгладились из памяти деяния людей и не были бесславно забыты великие и удивления достойные дела».

Ей нестерпимо захотелось рассказать о том, что было для неё в истории особо притягательным, «удивления достойным». Сначала это была судьба царя Кира, основателя персидской державы.

Не сразу приступила Любовь Фёдоровна к своей первой исторической книге. То, о чём она писала раньше, было её родной стихией: всё знакомо, всё близко и понятно, на всё можно поглядеть своими глазами. А как увидеть то, что уже прошло, кануло в вечность?

Она стояла будто перед закрытой дверью, ведущей в незнакомые миры. Надо было обстоятельно подготовиться к встрече с ними, и она тщательно готовилась, изучая горы исторических материалов. Постепенно накопились изрядные знания о древнем мире, и далёкая эпоха приблизилась. Отворилась таинственная дверь, и писательница очутилась, как того и хотела, в VI веке до нашей эры, когда жил персидский царь Кир — о нём была первая её историческая повесть. Потом она заглянула в ещё более ранние века, когда шли Мессенские войны.

Какие далёкие времена отделяют нас от жизни древних эллинов и знаменитого царя персов! Но было в их деяниях нечто такое, что заставило писательницу обратиться к тем эпохам. Её привлекла яркая личность царя Кира, который, как повествует Геродот, оставил глубокий след, будто огненный, в истории античного мира и Востока.

Он не разорял покорённые города и государства, как обычно поступали его предшественники, особенно свирепый царь Астиаг, его дед. Тем самым царь Кир привлекал на свою сторону народы захваченных земель и укреплял свою державу.

Если в повести «След огненной жизни» центром внимания оказывается личность царя Кира с его необычной судьбой, то в «Мессенских войнах» главное действующее лицо — целый народ из маленькой страны Мессении, который мужественно сражался за свободу и независимость. Вынужденный покинуть свою страну, скитаясь триста лет по чужим землям, этот народ не забыл ни своего языка, ни обычаев своей родины. И нам, несмотря на отдалённость эпохи, близки поиски и деяния мессенцев, прославивших себя в веках героической борьбой за свободу и преданной любовью к родине.

Древний мир всё сильнее захватывал воображение писательницы, и более всего там привлекали её сильные и своеобразные характеры, влиявшие на ход исторических событий.

«Когда заглядываешь в глубокую историю, — делилась она своими мыслями с читателем, — видишь события огромные, потрясающие: расцвет городов и стран, их падение. И много войн. Нет в истории человечества времени, когда б не бушевала война. То идут захватывать чужие земли, города, то воюют, защищая свою родину».

Одним из величайших завоевателей своего времени был Александр Македонский. О нём написала Л. Ф. Воронкова две книги: «Сын Зевса» и «В глубинах веков».

С огнём и мечом прошёл он от Македонии до берегов Индийского океана, охваченный мечтой завоевать весь мир, стать его всемогущим властелином. Он был жесток, сын своего жестокого времени, беспощадно расправлялся с каждым, кто оказывал ему малейшее сопротивление. Не щадил даже друзей, если те вступали с ним в разногласие, расходились во взглядах. Чтобы укрепить свою власть среди побеждённых, он объявил себя сыном бога Зевса.

В двадцать лет Александр стал полководцем объединённого войска эллинского и македонского,

разбил в сражении во много раз превосходящую армию персов. Он построил Александрию, открыл путь в Индию.

Во все времена он вошёл как выдающийся полководец, военные действия которого и поныне поражают своим размахом и смелостью. «Изучив опыт своих предшественников, он и его соратники умело организовали армию, отказались от устаревших военных способов борьбы, овладели новым тактическим мастерством. Сам Александр был храбр и отважен, в боях сражался как простой солдат; стойко переносил лишения и трудности; он имел железную волю и сильный характер, как отмечает в одной из своих работ доктор исторических наук А. С. Шофман.

Путь Александра Македонского к победам не был простым и лёгким. Повсюду, куда бы он ни вступал со своей армией, свободолюбивые народы отчаянно сопротивлялись ему. Особенно сильное сопротивление встретил он в Средней Азии, в Согдиане. Борьбу согдов возглавлял талантливый военачальник Спитамен. Он приводил в ярость царя-завоевателя внезапными нападениями и мелкими стычками, изрядно измотав силы врага. Отважный Спитамен стоял до конца с небольшой горсткой храбрецов против огромной армии Александра.

С неменьшим мужеством сражались против него и народы Индии: горные племена аспазии, храбрые оксидраки, инды, маллы и множество разных племён, населявших далёкую страну. Они отравляли своё оружие змеиным ядом, сжигали города, чтобы не отдать их завоевателям, бежали в горы и там продолжали борьбу. Силы были не равные, не хватало оружия, но люди, защищавшие свою свободу, не сдавались. Стояли насмерть.

Любовь Фёдоровна писала свой роман об Александре Македонском вдохновенно, как-то неистово — более подходящего слова здесь и не подобрать.

С какой страстностью участвовала она, автор, в сражениях и походах древних эллинов, в освободительной войне непокорившихся народов! Как постигала вместе со своим героем учение гениального Аристотеля о мироздании и об устройстве государства, философию, древнюю литературу!

То была одна из интереснейших и сложнейших страниц истории, и ей удалось воссоздать эту страницу в художественной форме достоверно и убедительно.

К созданию романа об Александре Македонском она готовилась с неменьшей тщательностью, чем к первой своей исторической книге. Прочитала очень много старых и новых книг о знаменитом полководце и его эпохе, изучила посвящённые ему серьёзные труды, греческую мифологию, не обошла стороной науку Древней Греции, познакомилась с индийскими учениями и легендами, своеобразной жизнью племён, населявших Индию, вновь и вновь перечитывала «Одиссею» Гомера, вникала в тайны пирамид Египта.

Более того, когда пришла пора писать главу о походах Александра Македонского в Среднюю Азию, она отправилась в те края, чтобы отыскать там для своей книги достоверный материал. Побывала в Самарканде, или Мараканде, как называли во времена Александра Македонского этот город, где в 329 году до нашей эры проходил со своими войсками завоеватель и сильно разрушил его.

Была она и в Бухаре и в её окрестностях, входивших когда-то в страну, известную под именем Согдиана, — именно там согды, возглавляемые Спитаменом, оказали отчаянное сопротивление Александру — этому отведены впечатляющие страницы в книге «В глубинах веков».

Она бродила по узким улочкам древних городов Узбекистана, всматриваясь в смуглые с

тонкими чертами лица людей и восхищаясь их красотой, гордой осанкой, видя в каждом из них потомков тех согдов, которых некогда водил в сражения против македонского царя отважный Спитамен.

Вдумчиво, с интересом входила она в незнакомый ей ранее мир Востока и смотрела на всё глазами художника. Она запоминала цвет неба и цвет пустыни в разное время года, подолгу глядела на горы вечерней зарёй и на рассвете, любовалась цветением садов и яркими непередаваемыми красками осени. Ведь как и во времена Александра Македонского, здесь таким же знойным было солнце, так же иссушающе дули ветры, не изменили своего цвета горячие пески, по-прежнему вечными снегами были покрыты вершины гор, а небо не утратило своей ярчайшей синевы.

Самарканд — особая страница в жизни Любви Фёдоровны. Здесь она провела свою последнюю осень в 1975 году. Она хорошо знала Самарканд, не раз бывала в нём, жила продолжительное время и с большим радушием водила по улицам древнего города своих друзей, оказавшихся там впервые в ту осень.

Вот мавзолей Шахи-Зинда, Шир-Дор, усыпальница тимуридов Гур-Эмир с его изумительной красоты голубым изразцовым куполом, Регистан. А самаркандский базар! Восточный сказочный базар! Овощные и фруктовые ряды: яблоки, груши, гранаты; жёлтые, как мёд, дыни, розовый виноград... Смешались яркие краски и запахи, всё хочется разглядеть, купить. Но она торопит своих спутников, ведёт их дальше с какой-то затаённой улыбкой, явно собираясь удивить чем-то невиданным.

И вдруг останавливается. «Глядите!» — указывает широким жестом.

Там внизу, на просторном поле, живописно, будто по замыслу художника, рассыпаны горы арбузов и дынь, гигантов и крошечных карликов, зелёные и почти белые, полосатые и вовсе не поддающееся описанию разноцветье!

В памяти остался её щедрый жест. И улыбка, радостная, ликующая, будто это были её собственные сокровища и она делится ими с друзьями...

Она очень любила Самарканд. Звёзды над ним и неправдоподобно синее небо. Любила яркие краски, которыми так богат этот город, «сияющая точка земного шара», как называли его восточные поэты.

Там, в Самарканде, жил Улугбек, великий учёный, астроном, просветитель.

«Все сородичи Улугбека ушли в небытие. Но Улугбек протянул руку к наукам и добился многого. Перед его глазами небо стало близким и спустилось вниз. До конца света люди всех времён будут списывать законы и правила с его законов» — так сказал об Улугбеке узбекский поэт Алишер Навои, и эти слова запомнились Любви Фёдоровне. Чем больше она узнавала об Улугбеке и его жизни, полной знаменательных свершений, тем сильнее хотелось, чтоб узнали о нём и другие.

Оставив как-то сразу иные замыслы, она собралась писать о нём книгу.

Опять незнакомые миры и, дотоле неведомое, скрытое за семью замками средневековье Востока. Всё надо постичь заново — конец XIV — начало XV века (Улугбек родился в 1394 году, умер в 1449 году).

И вновь побывала она и в Самарканде и в других древних городах Хиве, Бухаре, Коканде,

Ургенче. По многу часов проводит в музеях и библиотеках, разыскивая материалы об Улугбеке и его эпохе. Ей всюду помогают. А беседы с хранителем древних рукописей в университетской библиотеке дают толчок новым мыслям. Завораживает уже одно звучание: «хранитель древних рукописей». Какая-то неуловимая связь между этими словами и Улугбеком видится ей, даёт простор писательской фантазии.

Но более всего притягивает Афрасиаб, где обсерватория Улугбека, построенная им самим к северу от Самарканда в 1428 году. Потом, через двадцать лет, враги учёного, расправившись с ним, разрушили обсерваторию, и её удалось восстановить лишь спустя почти пятьсот лет. Но и в то время, когда там была Любовь Фёдоровна, ещё продолжались раскопки.

С неуёмной любознательностью рассматривала она всё вокруг. Пугаясь и подсмеиваясь над собой, она то поднималась на край обрыва, то забиралась в подземелье, уходящее неизвестно куда. Ей лишь бы доглядеться до всего своими глазами! Найти яркие детали для будущей книги! Хотелось сказать своё, никого не повторяя. Быть достоверной и убедительной.

Росли стопки школьных тетрадей, в которых она любила делать нужные записи. Появились короткие наброски. Но написать задуманную книгу она не успела.

И всё же её впечатления от встреч с гостеприимным краем, который она искренне полюбила, не исчезли бесследно. В 1975 году вышла её маленькая повесть «Сад под облаками» об узбекском мальчике Алимджане и его друзьях, их участии в делах взрослых — хлопководов и садоводов, о верной дружбе. И всё это написано, как свойственно перу Любови Фёдоровны, когда героями книги оказываются малыши, с большой теплотой и доброй улыбкой.

С Узбекистаном связана и ещё одна её книга — «Неистовый Хамза», художественная биография узбекского писателя и революционера.

Так вырастила Любовь Фёдоровна в своём необыкновенном творческом саду ещё одно дерево, корни которого — в краю жарких пустынь и прохладных оазисов.

Около сорока лет занималась литературной деятельностью Любовь Фёдоровна Воронкова. С годами не ослабевал её добрый и светлый талант. С тех пор как она начала писать исторические произведения, будто новое дыхание пришло к ней. Именно в последние годы она чувствовала себя такой счастливой, ей всё удавалось, за что бы ни бралась. Свободно и легко ложились слова на бумагу. Кончая одну книгу, она уже знала, о чём будет следующая.

Замыслы рождались от соприкосновения с историческим материалом. Всё оказывалось взаимосвязанным, влияло друг на друга. Происходящее в седой древности воздействовало на будущее. Ничто не исчезало. Ясно улавливалась непрерывающаяся связь времён.

За сдержанной, суховатой строкой документа, случайным фактом ей, художнику, виделись целые картины. И главное — люди. Много замечательных людей: одни — давно забытые, другие известные только специалистам-историкам. А между тем судьбы их подчас были такие значительные, «удивления достойные», говоря словами Геродота, что нельзя было оставлять их в забвении. Казалось, они пришли к её «волшебному берегу» и не уходят, терпеливо дожидаясь, когда им подарят новую жизнь на страницах новых книг писательницы. И она торопилась, торопилась написать о том, кто особенно был ей интересен. Хотелось исполнить хотя бы небольшую долю задуманного.

Так, однажды её увлекла судьба афинского полководца, героя греко-персидских войн Фемистокла. Повесть о нём Любовь Фёдоровна задумала, ещё работая над книгой об Александре Македонском.

В романе «Сын Зевса» есть одна примечательная сцена: юный Александр просит своего учителя Аристотеля рассказать о подвигах древних эллинов.

« — Учитель, расскажи нам о таком героическом подвиге, который остался прославленным навеки!

— Хорошо, — согласился Аристотель, — я расскажу вам о многих подвигах, совершённых эллинскими героями, — о битве при Саламине, о битве при Марафоне... Но сначала расскажу о подвигах Леонида, царя спартанского».

События, о которых лишь коротко упоминается в «Сыне Зевса», настолько поразили воображение писательницы, что они вновь ожили в книге «Герой Саламина».

Эта книга — большая удача Любови Фёдоровны Воронковой. Здесь новыми гранями открылся её талант в труднейшем жанре, жанре исторического повествования. И если в её первой исторической повести о царе Кире и о Мессенских войнах ещё ощущается некоторая скованность, строгое следование Геродоту и Павсанию, если в романе об Александре Македонском заметна некоторая перегруженность событиями, то в повести «Герой Саламина» всё соразмерно, всё построено прочно, написано чистым, прозрачным языком, как её лучшие детские книги.

Уже с первых страниц повести мы входим в бурную, полную беспокойств и тревог жизнь Афинского государства. На собрании граждан страны решаются главнейшие вопросы их жизни. Мы слышим шум толпы, горячие споры, обнаруживаем непримиримую борьбу мнений. И, захваченные событиями, которые волнуют эллинов, принимаем в них самое живое участие, становясь на сторону одних, осуждая других...

На древнюю Элладу двинул несметные полчища персидский царь Ксеркс. Скорей всего, ему бы удалось завоевать и Афины и Спарту — ведь почти все остальные города-государства покорились ему, если бы не Фемистокл, вождь афинских демократов. Он сумел поднять соотечественников на борьбу против врага, вселить в их сердца веру в победу, и победа пришла.

С большим мастерством описывает Любовь Фёдоровна события тех лет и действующих в повести героев с их неожиданными поворотами судьбы. Здесь запоминается каждый. Прекрасна жена Фемистокла Архиппа, сильная и чуткая, умеющая поддержать близких в самую трудную минуту. Удачен и друг Фемистокла Эпикрат, оказавшийся верным ему до конца.

Не только образы друзей Фемистокла, но и его врагов оставляют сильное впечатление.

Но особенно убедительно и психологически достоверно нарисован портрет главного героя Фемистокла. Он весь в действии, в движении. Меняются времена, идут годы — другим становится и он. Лишь в одном Фемистокл остаётся неизменным — в своей любви к родине.

Казалось бы: далёкие времена и земли иные, совсем непохожие на наши. Но почему нас волнует эта повесть?

Да потому, что написана она талантливым художником. И учит любви к своей родине. Верности ей до конца.

Книги Любови Фёдоровны не стареют и не забываются. Они прочно вошли в золотой фонд советской детской литературы.

Валентина Путилина

МАША-РАСТЕРЯША

Жила-была девочка Маша.

Утром встало солнышко, заглянуло в окно.

А Маша спит.

Пришла мама:

— Маша, поднимайся, Маша, одевайся! Светит солнышко с утра, в детский сад идти пора!

Маша проснулась, открыла глаза:

— Встану — не устану. Я немножко полежу да в окошко погляжу.

А мама опять:

— Маша, поднимайся, Маша, одевайся!

Нечего делать — надо подниматься, надо чулки надевать.

Оглянулась Маша — а чулок-то нет!

— Где же, где мои чулки?

Обыщу все уголки.

Их на стуле нет,

И под стулом нет,

На кровати нет,

Под кроватью — нет...

Ищет Маша чулки, никак не найдёт.

А кошка на стуле мурлычет-приговаривает:

— Ищешь, ищешь — не

найдёшь,

А разыщешь — так пойдёшь.

Надо вещи убирать

Не придётся их искать.

И воробьи за окном Машу поддразнивают:

— Опоздаешь, Маша,

Маша-растеряша!

А Маша всё ищет:

— И под стулом нет,

И на стуле нет...

Да вот же они — у куклы в кроватке!

Мама спрашивает:

— Маша, скоро?

А Маша отвечает:

— Надеваю чулки,

Обуваю башмаки.

Заглянула под кровать, а там только один башмак стоит, а другого нет!

— Под кроватью нет,

На кровати нет,

И за шкапом нет,

И под шкапом нет...

А кошка ходит, всё своё мурлычет-приговаривает:

— Ищешь, ищешь — не найдёшь,

А разыщешь — так поймёшь.

Надо вещи убирать

Не придётся их искать.

Подошёл к окну петушок и запел:

— Опоздаешь, Маша, Маша-растеряша!

Стала Маша просить петушка:

— Петушок, петушок,

Разыщи мой башмачок!

Петушок поискал-поискал — нет башмачка во дворе.

А башмачок-то вот где — на столе стоит.

Мама спрашивает:

— Маша, скоро?

А Маша отвечает:

— Вот надену платье

И пойду гулять я!

А платья тоже нет нигде!

— В чём пойду гулять я?

Потерялось платье!

Платье в горошину,

Куда оно положено?

И на стуле нет,

И под стулом нет...

А кошка всё своё мурлычет-приговаривает:

— Ищешь, ищешь — не найдёшь,

А без платья не пойдёшь...

Надо вещи убирать

Не придётся их искать...

Опоздаешь, Маша,

Маша-растеряша!

Но тут Маша увидела своё платье. Обрадовалась:

— Платье в горошину

На полочку заброшено!

Мама говорит:

— Больше ждать я не могу!

А Маша отвечает:

— Я бегу-бегу-бегу!

Бежит Маша в детский сад, торопится.

А ребята в детском саду уже позавтракали и пошли гулять. Они увидели Машу и закричали:

— Опоздала, Маша,

Маша-растеряша!

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЁК

БЕДОВАЯ КУРИЦА

Таня спала под светлым ситцевым пологом. Утром к маленькому сенному оконцу подошёл петух — да как запоёт!

Таня и проснулась. Она подняла полог, посмотрела в оконце — солнышко уже высоко.

Таня слезла с постели и в одной рубашонке вышла во двор.

На дворе мать кормила кур:

— Цып-цып-цыпа-а-а!

Со всех сторон — и с усадьбы, и с улицы, и со двора — бежали и летели куры. Они хлопали крыльями и кудахтали.

— Ну, как, Танюша, спала? — спросила мать. — Видно, крепко? Моя бригада уже наработалась — мы целый луг скосили и валы разбили, а ты только-только глаза открыла! Ну, расскажи, какие тебе сны снились.

Таня посмотрела на синее небо, на зелёные берёзы... Посмотрела матери в лицо, в её весёлые глаза, улыбнулась и сказала:

— Не знаю.

Куры расторопно клевали корм. А одна — рябая, мохноногая — опоздала. Она спешила откуда-то издалека — шею вытянула, крылья распустила — да впопыхах и налетела на Таню. Таня даже покачнулась.

— Вот бедовая! — сказала Таня. — Людей с ног сшибает.

А мать засмеялась и поцеловала Таню в тёплые светлые завитки на макушке.

— Эх ты, — сказала она, — хохлаточка моя! С курицей не справилась! Беги умойся да платье надень, а то бабушка скоро завтракать позовёт.

ЛАСТОЧКИ

Таня прошла через двор к палисаднику. Возле сирени на самом солнцепёке росли в палисаднике весёлые цветы мальвы. Таня подняла голову к розовым бутонам, — как они высоко растут! — взялась рукой за шершавый стебель; стебель покачнулся, и капелька росы из алого цветка упала ей прямо на лицо.

— Ещё один расцвёл! — закричала Таня. — Мамушка, гляди — самый красный развернулся! Вот бы наш папка поглядел, если бы жив был, — он бы обрадовался!

Мать сжала губы и ничего не ответила. У Тани отца не было — он погиб на войне.

— А что, не правда? — сказала Таня. — Не обрадовался бы? А ты сама всегда говорила, что папка эти цветы любил!

— Любил, — ответила мать.

С шумом пролетела стайка маленьких чёрных ласточек, нагрянула на старую берёзу.

— Любил он эти цветы... — повторила мать, — и ласточек любил. Ишь как кричат, как рты разевают! Уже оперились, а всё ещё у матери корму просят.

Пролетела, просвистела синим крылом большая ласточка, поймала на лету козявку и сунула детёнышу в широкий жадный рот. Маленькая птичка трепыхнула крылышками и чуть с ветки не свалилась. А остальные ещё пуще подняли крик.

В это время пришёл дедушка. Он убирал на конюшне лошадей, потому что он колхозный конюх.

Дедушка стал мыть руки под рукомойником. А бабушка увидела из окна, что дед пришёл, и закричала:

— Эй, народ честной, идите завтракать!

ТАНИН ПИРОЖОК

Все сидели за столом: дедушка, бабушка, мать и Таня.

На столе стоял большой медный самовар и фыркал паром. Рядом с ним дымился горшок топлёного молока с коричневой пенкой.

Чашки у всех были разные. У бабушки — голубая, у матери — с ягодками, у Тани — с петушками.

У деда не было чашки. Он пил чай из стакана. А на стакане была только одна синяя полоска.

Бабушка достала из печки блюдо горячей картошки. Поставила на стол большую миску студня. А Тане на блюдце бабушка положила пухлый румяный пирожок. Таня обрадовалась.

— Эй, дедушка, — крикнула она, — а у тебя пирожка нету! А у меня-то есть!

— Подумаешь, пирожок! — ответил дед. — А зато я вижу синенькую птичку, а ты нет.

— Где, где синенькая птичка?

— Да вон, на берёзе сидит.

Таня высунулась из окна. Посмотрела на одну берёзу, посмотрела на другую. И на липу посмотрела.

— Где же эта птичка?

А дед встал, вышел на крыльцо, и когда вернулся, то опять сказал, что видел синенькую птичку.

— Да ты не слушай старого! — сказала бабушка. — Он нарочно.

— Вот ведь какой ты, дед, — рассердилась Таня, — всё обманываешь!

Она села на своё место, хотела взять пирожок, а пирожка-то нет! Таня посмотрела на всех по очереди — кто взял пирожок? Мать смеётся. Только у неё пирожка нет. И у бабушки пирожка нет... А дед удивляется:

— Что? Пирожок пропал? Э, да не его ли я сейчас во дворе видел?

— Как так — во дворе?

— Да так. Я иду в избу, а пирожок мне навстречу. Я спрашиваю: «Ты куда?» А он говорит: «Я на солнышко, погреться». А ну погляди, нет ли его на крылечке.

Таня выбежала на крылечко, смотрит — и правда! Лежит пирожок на перильцах. Лежит, греется на солнышке. Таня обрадовалась, схватила пирожок и прибежала обратно.

— Нашла беглеца? — спросила мать. — Ну вот и хорошо. Садись чай пить. Да ешь скорей свой пирожок, а то как бы опять не сбежал!

А бабушка покачала головой и проворчала тихонько:

— Эх, старый! И всё бы ему шутки пошучивать!

СНЕЖОК

На деревне звонил колокол. Это значит — колхозникам пора на работу. Мать повязалась платком, взяла грабли и пошла на луг. Дед отправился на конюшню посмотреть Зорьку. У Зорьки скоро должен родиться жеребёнок, поэтому дед всё ходит и смотрит и всё тревожится.

Таня взяла куклу, обняла её и вышла на улицу. Эта кукла была не её кукла была Алёнкина, в новеньком голубом платье. Алёнка только вчера сшила его.

На зелёной лужайке среди улицы маленькие ребяташки играли в «каравай». Тут был и Ваня Берёзкин, и Дёмушка — Алёнкин брат, и Катя Перепёлкина, и Костя Беляк... С ними была пионерка Ариша Родионова; она учила ребяташек петь:

— Каравай, каравай,

Кого любишь, выбирай!

Пионеры часто устраивали всякие игры с маленькими ребяташками. Ариша увидела Таню и позвала её:

— Таня, иди с нами в «каравай» играть!

— Иду! — откликнулась Таня. — Вот только куклу посажу куда-нибудь.

Таня хотела посадить куклу около двора, на брёвнышко, но тут из-под крыльца выскочил Снежок, молодой лопоухий пёс с озорными глазами.

Он уже успел сбегать на скотный двор, сунулся в свиную кормушку, промчался на реку к ребятам, которые ловили рыбу, и ухитрился стащить у них из ведра плотицу. Вернувшись, доел в своей плошке вчерашние щи, улёгся в холодке и решил вздремнуть. Но увидел Таню — не вытерпел и начал прыгать вокруг неё, хватать её за платье то с одного бока, то с другого.

— Отстань, Снежок! — прикрикнула Таня. — Отстань, говорят!

Она оттолкнула Снежка и нечаянно выронила куклу. А Снежок словно этого и ждал — подскочил, схватил куклу и помчался по улице.

Ребятишки засмеялись.

— Держи его! — закричал Дёмушка.

Таня бросилась за Снежком:

— Отдай куклу! Отдай куклу, озорник!

Но Снежок припустился ещё сильнее. Наверно, он думал, что Таня играет с ним. Он промчался по улице, распугал гусей и за вёслами возле пруда свернул на усадьбу. Таня бежала за ним — сначала по дорожке, потом по траве до самого перелеска. Снежок бросился в кусты и скрылся. Таня видела только, как метнулся за кустами его белый лохматый хвост.

Таня остановилась.

ТАНЯ ВЪЕЗЖАЕТ В ДЕРЕВНЮ

Высокая трава со всех сторон окружала Таню. Тонкие лиловые колокольчики покачивались перед ней. Словно белые вырезные тарелочки, блестели в траве ромашки. Малиновая липкая дрёма легонько цеплялась за платье. Где-то внизу, в траве, на сто голосов стрекотали кузнечики.

Таня оглянулась. Ничего не видно, только головки цветов пестреют перед глазами. Да ещё видны ольховые кусты, куда убежал Снежок, и ёлки вдаль, высокие и хмурые...

— Снежок! — позвала Таня. — Снежок, где ты?

И пошла дальше, до самых кустов.

Свежая зелёная тень лежала в кустах, и кругом было тихо-тихо.

Тане стало страшно. Она повернула назад, попробовала бежать... Но куда побежишь, когда ни тропки нет, ни дорожки и дом неизвестно где! Таня вышла на бугорок, оглянулась и заплакала. Сначала она плакала потихоньку, а потом прибавила голосу. Ей казалось, что она теперь никогда не увидит мать, и бабушка больше не испечёт ей пирожка, и дед не встретит её у конюшни. И она закричала громко и отчаянно:

— Мама-а! Мамушка-а!

Но никто не отвечал ей, только орешник шептал что-то своими шершавыми листьями.

Вдруг откуда-то издали сквозь кусты долетела к Тане песенка. Прозвенела и умолкла, словно ветерок унёс её. Таня обрадовалась: значит, где-то близко народ есть — и побежала туда, откуда донеслась песня. Пушистые пахучие цветы кивали Тане из-под кустов. На светлых полянках из травы поглядывали на Таню красные ягоды... Но Таня бежала не останавливаясь.

Скоро берёзки и орешины расступились, и Таня вышла на широкий солнечный луг. Скошенная трава рядами лежала на лугу. А на дальнем конце луга колхозницы ворошили сено. И среди них Таня сразу увидела свою мамушку.

Бежать по скошенному колку, и Таня тихонько пошла через луг.

— Ты как сюда попала? — удивилась мать.

— Снежок куклу утащил, — сказала Таня, — вот я за ним и побежала.

— А где же кукла?

— Не знаю. Он её спрятал где-то...

— Вот какой негодный этот Снежок! — сказала мать. — Ну, мы уже ему зададим!

Мать разговаривала с Таней, а сама не переставала ворошить сено. Она шла в рядок с другими колхозницами; сено так и шумело под её быстрыми граблями.

— Мамушка, — сказала Таня, — в кустах ягод много!

— Ну вот, поди да собирай.

— А я одна боюсь... Пойдём с тобой?

— Что ты, дочка! — сказала мать. — Да когда мне за ягодами ходить? Ведь я же бригадир. А наша бригада с Марьиной соревнуется. Что же, ты хочешь, чтобы твоя мамка отстающей была? Вон, посмотри, как в Марьиной бригаде работают, торопятся!

Таня посмотрела на соседнюю делянку. Там колхозницы разбивали свежие, недавно скошенные валы. Таня оглянулась: у кого больше сена — у тётки Марьи или у матери? У матери, пожалуй, больше... Помочь бы, да граблей нет.

— Иди-ка ты домой, Танюша, — сказала мать, — а то скоро жара начнётся.

— А куда мне идти? — ответила Таня. — Я дороги не знаю.

Тётка Наталья, которая шла рядом с матерью, засмеялась:

— На край света зашла!

А девушка Настя сказала:

— Танюша, вот Серёжа Таланов с косьбы едет — он тебя подвезёт, беги к нему! — И закричала: — Серёжа! Подвези Танюшку домой!

По дороге, по краю луга, шли две лошади, запряжённые в косилку. Металлические колёса косилки поблёскивали на солнце. Лошадьми правил парнишка. Он сидел, сдвинув на затылок рыжую кепку, и покрикивал:

— Ну-ну, шевелись! Домой, на отдых — ну-ка!

Серёжа посадил Таню на сиденье косилки, а сам пошёл рядом с вожжами в руках.

И отсюда, с высоты косилки, Таня увидела вдали какие-то крыши, выглядывающие из-за кустов. Возле одной крыши стояли высокие берёзы, которые показались Тане очень знакомыми...

— Это чей колхоз? — спросила Таня.

— Вот так раз, — засмеялся Серёжа, — своей деревни не узнала!

Тане стало очень весело. Оказывается, она совсем недалеко от дома. Ну конечно, это их деревня. И эти берёзки — их берёзки, которые у них во дворе растут. Таня подумала: вот как хорошо будет, когда она въедет на косилке в деревню! Только бы девчата были на улице.

Всё случилось так, как хотелось Тане. Её подружки были на улице — и Нюра, и Алёнка, и маленькие ребятишки. Все они стояли и смотрели, как приехала на косилке Таня.

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Серёжа ссадил Таню среди деревни. Ребятишки окружили её:

— Где была?

Таня начала рассказывать: она зашла далеко от дома, заблудилась в лесу; два волка выглядывали на неё из-за деревьев, хотели напасть, да побоялись...

Вдруг Алёнка спросила:

— А кукла моя где?

Таня сразу замолчала, забыла и про лес и про волков. Она глядела на Алёнку и просто не знала, что сказать. Алёнка почуяла недоброе.

— Отдавай куклу! — сказала она.

В это время на крыльцо вышла бабушка.

— Татьяна! — закричала она. — Иди слазь на чердак — собери яички!

Таня встрепенулась.

— Я тебе её после принесу! — сказала она Алёнке и побежала домой.

Вот спасибо бабушке, вот выручила Таню!

Таня подошла к лестнице на чердак, взялась за перекладину и остановилась.

— Ну, что же ты? — спросила бабушка.

— Боюсь... А вдруг лестница упадёт?

— Лестница-то не упадёт, — сказала бабушка, — а вот лукошко-то с яйцами ты, пожалуй, уронишь. Полезем-ка вместе — кто яйца собирать, кто лукошко держать.

На чердаке было тихо, светло. Солнышко сквозило из-под застрех, и в слуховое окно падали широкие светлые лучи. Под крышей висело много берёзовых веников — это бабушка и мать их на зиму заготовили. От веников шёл крепкий горьковатый запах. Возле стенок ютились соломенные плетушки. Это гнёзда для кур. Сюда куры приходят класть яйца.

— Ну, давай яйца собирать, — сказала бабушка.

Таня держала лукошко, а бабушка снимала с гнёзд и складывала в лукошко яйца. Со всех гнёзд собрали, только по одному яичку оставили в каждом гнезде — это чтобы курам охотнее было нестись. Потом бабушка сказала:

— А загляни-ка вон в то гнёздышко: есть там что-нибудь?

Таня взглянула:

— Ни одного!

— А скорлупки возле гнезда валяются?

— Нет. Никаких скорлупок нету!

— Что такое! Какой-то зверь повадился яйца таскать — подследить надо!

Вдруг Таня ухватилась за бабушкин фартук: в одном из тёмных углов среди веников торчали длинные жёлтые колючки.

— Бабушка! Вон он — зверь-то!

— Да где такое? Где ты видишь?

— Да вон он... Колючки торчат!

— Фу, глупая! — сказала бабушка.

Она подошла прямо к «зверю», схватила его за колючки и стащила вниз.

Таня поглядела — а это старый деревянный гребень, на котором бабушка зимой кудельку прядёт.

— Ну что? Страшный зверь?

Таня засмеялась:

— А я подумала — может, это он яйца таскает!

ПОРОСЁНОК

Таня подошла к слуховому оконцу, поглядела вниз — ух, до чего высоко!

И отсюда она увидела, что Алёнка сидит у них во дворе на брёвнышке, дожидается Таню. Таня нахмурилась: вот беда! Ну что она скажет Алёнке? Хоть бы спрятаться от неё куда-нибудь...

Таня слезла с чердака и через заднюю калитку пробралась в коровник. Оттуда она хотела пройти прямо на усадьбу да и убежать подальше.

Но около овчарника Таня поскользнулась на соломе и схватилась за щеколду, чтобы не упасть. Щеколда вдруг выскочила, и дверь открылась.

В овчарнике жил поросёнок. Поросёнок скучал в тесном и душном закутке. Когда дверь открылась, он сразу поднял пяточок, понюхал свежий воздух, радостно хрюкнул и со всех ног ринулся из овчарника.

— Ай! — закричала во дворе Алёнка.

Таня стояла за дверью овчарника и смотрела, как бушевал поросёнок. Он вертел головой, хрюкал и носился по двору взад и вперёд, взвизгивая от радости. Подбежал к скамейке — опрокинул её. Подбежал к тазу с водой перевернул таз и воду пролил. А потом увидел Алёнку и быстро засеменил к ней. Алёнка вскрикнула, выбежала со двора, и синее платье её замелькало за палисадником.

— Вот как! — засмеялась Таня. И тотчас закричала: — Бабушка, бабушка, скорей — поросёнок выскочил!

СРАЖЕНИЕ

Танины куклы жили на полу под лавкой. Их горница с одной стороны была отгорожена бабушкиным сундучком, а с другой — полосатой занавеской.

В горнице стоял деревянный чурбачок, на нём лежала перина и было постелено пёстрое одеяло. Это была кровать. Другой чурбачок был покрыт белым лоскутком — за этим чурбачком куклы обедали. А в жестяной коробке, которая была сундуком, хранились куклины платья.

Куклы у Тани были тряпичные, с размалёванными щеками и с волосами из пакли. Таня хмуро сидела перед ними, подперев кулаком подбородок.

«Может, Алёнке Грушу отдать? Жалко... У неё кофточка красная. Матрёшу? Тоже жалко. Дуньку? Вот Дуньку не жалко — она совсем чумазая и волосы у нее почти оторвались. Но Дуньку Алёнка не возьмёт, пожалуй».

В это время в избу вошла Алёнка. Таня покраснела и тотчас задёрнула занавеску.

— Давай мою куклу! — потребовала Алёнка. — Где она у тебя?

— Она спит, — сказала Таня.

— Где спит? Покажи!

— Не покажу!

— Ты что, не отдавать, да?

Алёнка отдернула занавеску. Одни Танины куклы сидели в горнице, а её новой, нарядной не было.

— Отдавай! — закричала Алёнка. — А то я сейчас твоих всех... Вот! Вот!

И начала швырять Таниных кукол по всему полу. Грушу в красной кофточке она подкинула так высоко, что та пролетела через всю избу и шлёпнулась в кадуюшку с водой.

Тогда Таня рассердилась.

— Уходи из избы! — закричала она. — Уходи!

Она схватила веник и замахнулась на Алёнку. Алёнка испугалась веника и побежала на улицу. На пороге она столкнулась с Таниной бабушкой.

— Это что за война? — сказала бабушка.

Таня и Алёнка закричали обе сразу:

— Она моих кукол расшвыряла! А одна вон как намокла — даже полиняла вся!

— А она мою куклу не отдаёт! Пусть отдаст!

— Так чего ж ты Алёнке куклу не отдаёшь, а? — спросила бабушка.

Таня опустила голову и заплакала. Бабушка обняла её:

— Чего же тут плакать? Надо отдать, да и всё!

Таня уткнулась в бабушкину кофту:

— Да как же я отдам, когда её Снежок в кусты утащил!

Бабушка погладила Таню по голове и сказала:

— Вот нашли из-за чего ругаться да драться! Да я вам ужотко ещё лучше куклу сделаю!

НА ПОЛДНИ

Прозвонил колокол на обед. Мать пришла с работы и поставила грабли у крыльца.

Таня выбежала к ней:

— Мамушка! Ну, чья бригада больше сработала — твоя или Марьиная?

Мать улыбнулась:

— Моя.

— Ну, значит, теперь за ягодами можно?

— Вот какая ты, дочка! — сказала мать с упрёком. — Мы-то свой участок убрали, а Марьиная бригада ещё не управилась.

— Ну и пусть они управляются!

— А если дождь?

— Ну и что же? Сено-то Марьино!

— Не Марьино и не моё, а наше общее, колхозное. Мы свою делянку убрали — значит, надо Марьиной бригаде помочь. Чем больше мы сена уберём, тем больше скотины у нас в колхозе будет. А чем больше скотины, тем колхоз богаче. А чем колхоз богаче, тем и нам с тобой жить лучше! Поняла? Ну-ка, принеси из сеней холодной водицы — я руки вымою, да надо идти на полдни, корову доить!

Мать вытерла фартуком потное, красное от загара лицо, вымыла руки, взяла подойник и пошла доить корову на луг, туда, где стадо полднюет отдыхает в холодке, переживает полуденную жару.

Таня увязалась за ней. Кого бы ещё позвать? Разве Нюру Туманову? Нюре не очень-то хотелось идти по жаре, но она подумала, что хорошо бы искупаться, и пошла.

Таня не знала, звать ей Алёнку или нет. Может, она теперь губы надула и сердится? Но Алёнка увидела, что девочки собрались на луг, и сама прибежала. А Дёмушку и звать не надо было — он и так нигде не отставал. Только Снежок остался дома. Он приподнял голову, посмотрел на них из-под крыльца и опять улёгся — не стоит бежать, в холодке лучше... К тому же и Таня больно оттаскала его за уши, когда он вернулся. Ну их, пусть идут.

Но, когда девочки зашли за околицу, Снежку стало скучно. Он вскочил и пустился за ними, хлопая ушами.

Шли через ржаное поле по горячей белой дорожке. Густая рожь стояла по сторонам — ничего не видно, только синее небо да высокие колосья над головой. Колосья задевали волосы матери, проводили ей по щекам своими шелковистыми усиками.

— Хорошая нынче рожь, — сказала мать, — ишь как дружно колосится!

За ржаным полем на цветущей луговине стояли маленькие домики. Это колхозная пасека. Пчёлы гудели над пёстрыми цветами.

— Идите потихоньку, — предупредила мать. — Не бегайте, не сердите пчёл.

Таня спряталась за мать, уцепилась за её юбку.

Алёнка тоже шла осторожно и зорко поглядывала кругом — не летит ли откуда пчела.

А Нюра и совсем затаила дыхание.

Вдруг Дёмушка остановился и закричал:

— Алёнка!

Он стоял и отмахивался рукой от пчелы, которая гудела над его головой. Но чем больше он отмахивался, тем сердитее гудела пчела.

Дёмушка побежал, и в эту минуту — раз! — пчела ткнула его прямо за щеку. Да так больно, будто огнём обожгло. Дёмушка заревел.

— Ничего, — сказала мать, — пройдёт!

Дёмушка поплакал и перестал. А когда пришли на луг, где коровы отдыхали, то все увидели, что щека у Дёмушки раздулась, будто он засунул туда орех. Девочки поглядели на него и засмеялись:

— Дёмушка, покажи, что ты за щеку спрятал?

НА РЕКЕ

Стадо полдневало в лесочке у реки. Коровы стояли и лежали среди берёзок в холодке и лениво жевали жвачку. Две пёстрые коровы забрели по колено в воду и стояли там неподвижно. Доярки с колхозной фермы уже доили коров. Коровы с фермы были все крупные, чёрные с белым.

На зелёной луговинке, под тенью берёзы, блестели большие светлые бидоны. Учётчик Петя Дроздов стоял возле этих бидонов. Доярки приносили к нему тяжёлые, полные молока подойники:

— Это — от Зорьки...

— Это — от Красотки...

— Это — от Ласточки...

А учётчик мерил молоко, чтобы знать, сколько какая корова даёт молока, и сливал надоенное в бидоны.

Мать пошла искать свою корову. Белая черноглазая Милка лежала под кустом. Она увидела хозяйку, встала не спеша и протянула морду: корочка есть? Мать дала Милке корочку, погладила её и села доить.

Девочки уже плескались в речке, брызгались и визжали на весь луг. Таня очень любила свою речку. Да и как было не любить её — такая она тихая, светлая, все камушки и раковинки на дне видны сквозь воду!

Тут, где вода еле достаёт до колен, хорошо. А вон у того берега, под густыми вётлами, вода тёмная, и на дне шевелятся косматые водоросли. И, как нарочно, жёлтые бубенчики растут именно там. Из их стеблей можно делать очень красивые цепочки, а среди жёлтых лепестков у них есть твёрдые тёмно-зелёные кувшинчики, которые годятся для кукол. Но попробуй достань их!

Вскоре на реку пришли ребята. Они прошли мимо девчонок на омут — не будут же они здесь, на мели, барахтаться! А Серёжа Таланов взял да и приплыл с омута, залез в осоку и начал рычать, будто какой-нибудь зверь. Девочки сначала испугались. А потом увидели, что это Серёжа, и пристали:

— Достань бубенчиков!

Серёжа стал на самом глубоком месте — там ему было чуть-чуть выше пояса.

— И купаются тоже! — усмехнулся он. — Тут и окунуться-то негде. Эх, мелюзга!

Но бубенчиков достал, бросил их на берег. А сам уплыл обратно на омут.

Мать подоила корову, подошла к реке.

— А ну-ка, вылезайте! — сказала она. — Ведь посинели, а всё-таки будут в реке сидеть, пока не выгонишь!

ДЕДОВА ГАЛОША

После обеда мать снова ушла на покос. Бабушка легла на лежанку отдохнуть, а дед взял дерюжку и отправился куда-то искать холодку.

Таня сунулась было к бабушке:

— Бабушка, что же ты, про куклу-то забыла?

Но бабушка отмахнулась от неё, как от мухи:

— Да не забыла, сделаю... Уйди, дай отдохнуть!.. — и отвернулась к стенке.

Тихо и сонно стало в избе. Таня вышла на улицу.

Стояла жара. Солнце так припекало, что на дорожке у крыльца босыми ногами горячо было стоять. Птицы примолкли... Куры попрятались в тень под сиренью и лежали, раскрыв клювы от жары. Гуси столпились возле таза с водой, ныряли головами в воду, булькали. Потом гусак придумал: влез в таз и уселся. Вода полилась через край, а он, очень довольный, плескался и встряхивал крыльями. Когда он вылез, воды в тазу осталось на доньшке, да и та была грязная-прегрязная.

Таня заглянула под крыльцо:

— Снежок, ты тут?

Снежок лежал неподвижно, вытянув лапы. Он открыл один глаз, посмотрел на Таню и снова закрыл: не до тебя, пропадаю от жары!

Таня встретила на улице Алёнку:

— Пойдём за цветами на луг? Венков навъём!

— Пойдём, — сказала Алёнка.

Девочки пошли на луг. Но только дошли они до околицы, как вдруг вдоль деревни пролетел вихрь. Зашумели ветлы над прудом, закружились по дороге соломинки и клочки сена. Чёрная туча поднялась из-за сарая и надвинулась на небо.

Мимо околицы к большим сараям, одна за другой, промчались грузовые машины, чуть не до облаков нагруженные сеном. Машины круто затормозили у раскрытого сарая. Из кабин торопливо вылезли колхозницы, приехавшие с покоса. Шофёры тоже выскочили. И все, с опаской поглядывая на тучу, принялись развязывать верёвки, которыми было перетянуто сено.

Торопливо подошёл председатель колхоза Степан Петрович.

— Давай скорей! — закричал он. — Туча близко!

Сено свалили с машин, и все бросились убирать его. Сено поддевали вилами и таскали в сарай. И сам председатель таскал — он самые большие охапки поднимал на вилах.

Около скотного двора доярки мыли бидоны.

— Смотрите, туча-то какая! — крикнул им учётчик Петя Дроздов. — А у сараев сено не убрано... Девчата, бросай бидоны, побежим помогать! Сено намочит!

Доярки сунули под навес вёдра и бидоны и побежали вслед за Петей к сараям убирать сено.

— Алёнка, а мы-то что стоим? — спохватилась Таня. — Давай и мы помогать!

Они прибежали к сараю, схватили прислонённые к стене грабли и принялись сгребать сено, которое ветер уже успел разнести по лужайке.

— Молодцы, молодцы, девчатки! — сказал им Степан Петрович. — Так и надо! Привыкайте о колхозном добре заботиться.

И только убрали сено в сарай, только втащили последнюю охапку, как снова рванул вихрь, загудел и помчался по усадьбам.

— Буря идёт, — сказала Алёнка. — Бежим скорее домой!

Девочки побежали. Ветер трепал их платья и волосы. И только успели они вскочить на крыльцо, как по крыше застучали крупные капли дождя.

Дождь хлынул сразу, густой, шумный, хлынул так поспешно, что солнышко и спрятаться не успело. И оттого, что светило солнце, дождь блистал и сверкал, будто звонкое серебро падало с неба.

Сразу по двору побежали ручьи, а возле коровника разлилась большая лужа.

Перестал дождь так же сразу, как и начался, будто опрокинули на землю огромный ушат воды. Ещё ярче засияло солнце, ещё душистее запахла цветущая липа. По всей деревне звонко запели петухи.

— Ух, и лужу нахлюпало! — сказала Таня. — Вот бы лодку пустить!

— А лодка-то у нас где? — возразила Алёнка.

На крыльце стояли большие дедовы галоши. Таня сбегала и принесла одну галошу:

— Вот тебе и лодка!

Галоша поплыла. Но вскоре в неё набралась вода. Галоша отяжелела, а потом вдруг повернулась набок, хлебнула воды, булькнула и утонула.

В это время на крыльцо вышел дед.

— Эй, бабка, — закричал он, — а где моя галоша?

— Здравствуйте! — ответила бабушка. — Галоши растерял!

— Да тут же они стояли! Одна здесь, а другой нет. Мне идти надо, а они куда-то галошу задевали!

Таня и Алёнка торопливо шарили по дну лужи. Галошу вытащили, вылили из неё воду. Но как её подать деду, такую мокрую?

А дед поворчал-поворчал и пошёл на конюшню в одной галоше.

Тогда Таня потихоньку пробежала на крыльцо и поставила галошу. Потом они вместе с Алёнкой сели на бревно под солнышком сушиться.

Немного погодя вышла бабушка, увидела галошу, покачала головой:

— Совсем чудной старик становится: битый час галошу искал, а она на месте стоит!

Тут Таня не выдержала.

— Бабушка, — сказала она, — ты не говори на дедушку «чудной старик»! А как же он найдёт свою галошу, когда она у нас в луже утонула?

Бабушка только руками развела. А Таня схватила дедову галошу и поставила её к печке — у печки она поскорее высохнет.

МАЛЕНЬКИЙ СОКОЛИК

Солнышко сошло с полуденной высоты, но пригревало ещё очень горячо. Так горячо, что видно было, как над землёй дрожит и струится знойный воздух.

Таня с Алёнкой сидели на брёвнышках и слушали, как под навесом щебечут молодые ласточки. Вдруг на задворки прибежала Нюра.

— Вы тут сидите и ничего не знаете, — закричала она, — а на конюшне жеребёнок родился!

Все побежали на конюшню. Конюшня стояла на самом краю деревни, возле пруда. Она была большая, со стеклянными окошками. Лошадей в конюшне не было — все работали. Только в одном стойле стояла рыжая Зорька. Дед подстилал ей чистую солому. Он увидел ребятишек и заворчал:

— Ну, чего пришли? Не видали вас!

Но девочки всё-таки подошли поближе и увидели, что возле Зорьки стоит маленький жеребёночек.

— Ух ты миленький! — воскликнула Таня. — Ух ты хорошенький! А на лбу звёздочка!.. Дедушка, дай я его поглажу.

— Нет уж, не гладь, — сказал дед. — Видишь, он и так боится.

Жеребёнок поводил ушами, косился на Таню, прижимался к матке. А дед ласково уговаривал его:

— Ну-ну, Соколик, не пугайся! Мы тебя не обидим.

Прихрамывая, шёл мимо конюшни счетовод Иван Сергеевич. Он пришёл с войны раненый, с тех пор с костылём ходит.

— Эй, Миرونч! — крикнул он деду. — Говорят, у тебя прибыль сегодня?

— А то как же! — гордо ответил дед. — Иди полюбуйся.

Счетоводу жеребёнок понравился:

— Ишь ты долгоногий какой! У нас в кавалерии такие были.

Шла на пруд тётка Марья. Поставила вёдра среди дороги и тоже зашла в конюшню.

— Вот и хорошо, — сказала она, — хозяйство наше прибавляется.

Потом пришёл старик сторож. Ему тоже хотелось жеребёнка посмотреть. Но дед увидел, что много народу собралось, замахал рукой:

— Нет уж, идите-ка, пожалуй! Нечего лошадь тревожить.

Все пошли со двора.

— Будь здоров, Мироныч, — сказали деду, — выхаживай коня.

— Да уж выходим, — ответил дед, — не беспокойтесь!

Но девочкам не хотелось уходить. Они ещё постояли у ворот, посмотрели, как жеребёночек ходит возле матки и помахивает хвостом. А хвост у него пушистый, кудрявый и ещё совсем маленький.

НОВАЯ КУКЛА

Таня и Алёнка прибежали к бабушке.

— Бабушка, — закричала Таня, — мы Соколика видели!

— Рыженький, — сказала Алёнка, — на лбу звёздочка, а ноги длинные-длинные!

Но бабушка словно и не слышала. Она сидела у окна и шила. А около неё на лавке лежал мешочек с лоскутками. Алёнка тихонько толкнула Таню:

— Спроси про куклу-то!

— Бабушка, — сказала Таня, — ты всё какие-то заплатки пришиваешь, а про куклу и забыла совсем!

— Забыла, как бы не так! — ответила бабушка. — А что же я, по-твоему, делаю?

— А что — куклу? Да?

Таня и Алёнка так и присмолились к бабушке, так и приклеились:

— Бабушка новую куклу шьёт!

А у бабушки кукла-то почти готова была. И руки и ноги сделаны, и светлая коса из чистого льна — заплетать можно. Осталось только одеть куклу да лицо нарисовать. Из синего сатина бабушка сшила кукле юбку, а кофту сделала из жёлтого атласа. Потом бабушка взяла чёрный карандаш, нарисовала кукле брови, глаза, нос. А красным карандашом нарисовала губы и сделала густой круглый румянец.

— Натё, готова!

Алёнка бережно взяла куклу. Она глядела на неё и глаз не могла отвести: до чего нарядна, до чего хороша!

Тане тоже понравилась новая кукла.

— А ту когда-нибудь тоже отыщем, — сказала она. — А то ведь как ей там одной... в лесу?

Но счастливая Алёнка уже и думать забыла о старой кукле. Она только кивнула головой в ответ и пошла домой показывать всем свою румяную красавицу.

ДЕД РАССКАЗЫВАЕТ СКАЗКИ

Солнце медленно клонилось к дальнему лесу. Бабушка принесла молодой крапивы и стала рубить её в корытце под навесом. Поросёнок похрюкивал из закутки, словно спрашивал: а не мне ли там ужин готовится?

Дед сидел на брёвнышках под берёзами, чинил хомуты и старую сбрую. От хомутов тепло пахло дёгтем и лошадьё. Таня примостилась к деду.

— Дедушка, — попросила она, — расскажи сказку!

— Ну что ж, слушай, — ответил дед.

И начал рассказывать:

— Жил-был Иван-царевич. Едет он однажды по тёмному лесу, смотрит бежит ему навстречу избушка на курьих ножках...

— Эй, дед! — крикнула из-под навеса бабушка. — Ты что-то путаешь: избушка сроду не бегала.

— Ну, у тебя не бегала, а у нас бегают, — ответил дед. — Чего же ей не бегать, раз у неё ноги есть!.. Правду я говорю, внучка?

— Правду, — ответила Таня. — Ну, а дальше?

— Дальше? Вот, сбила меня, старая... Давай я тебе лучше про Снегурочку расскажу... Вот жили старик со старухой, детей у них не было. Слепили они себе дочку из снега — Снегурочку. Принесли они дочку в избу. Старуха и говорит:

«Давай её на печь посадим, пусть погрееется».

А старик:

«Что ты, бабка, да ведь она же растает!»

«Молчи, старый! Много ты знаешь!»

И сделала по-своему — упрямая была: посадила Снегурочку на печь. Ну, Снегурочка-то — ах! ох! — да и растаяла!

— Эй, дед, что-то ты подвираешь! — опять вмешалась бабушка. — Дело-то не так было.

— Ну, у тебя не так, а у нас так. Правда, внучка?

— Правда. Ещё рассказывай.

— Ну, слушай. Вот жили старик со старухой...

— А старуха упрямая была?

— У! Очень даже. Спорщица была. Вот и заспорила она, что старику пашню пахать легче, чем ей в избе убираться. Тогда старик и говорит:

«Ну что ж, пожалуйста! Поезжай ты пахать, а я буду убираться в доме».

Остался старик дома. Встал пораньше, замесил хлебы, дал свинье корму, выпустил наседку с цыплятами. А потом печь затопил, хлебы испёк, обед в печку поставил и сидит старуху дожидается. Все дела поделал, а старухи всё нет и нет.

«Что такое? — думает. — Там и пашни-то часа на два».

К вечеру смотрит — идёт его старуха без сохи и без лошади. Одни вожжи в руках. Бросила вожжи старику и кричит:

«У тебя и соха-то как чугунная вся — не поднимешь! У тебя и лошадь-то бешеная — не удержишь! И земля-то у тебя в поле каменная — не прорежешь! Еле-еле одну борозду провела».

Тут бабушка не выдержала, вышла из-под навеса.

— И всё-то было наоборот! — сказала она. — Старуха-то в поле справилась ещё получше старика, а вот старик-то в избе не справился! И печку растопить не сумел, и цыплят у него коршун потаскал, и опара у него из квашни ушла, и свинья у него в избу залезла да опару съела! Уж ты, дед, молчи лучше!

— Не любит, когда про старух правду говорят, — подмигнул дед и улыбнулся.

— Ну, а дальше? — спросила Таня.

— Ну, а дальше они помирились, устроили пир. Патоку с имбирём варил дядя Симеон, бабушка Арина кушала — хвалила, а дедушка Елизар все пальчики облизал. И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

— Значит, ты облился весь?

— Весь облился.

— Ну, а дальше?

— А дальше — сказка вся, больше плесть нельзя. Сказке — конец, а нам с тобою берёзовый ларец, в ларце плошки, да ложки, да губные гармошки...

По улице шёл дядя Матвей. Он издали поздоровался с дедом и сказал с улыбкой:

— Эва, хомутов-то набрал! Видно, у тебя лошадей много.

— Все мои, — ответил дед. — Полна конюшня!

Таня поглядела на деда: как это так — все лошади его?

— Эй, дедушка, — сказала она, — ты и вправду что-то не так говоришь: лошади-то не твои, а колхозные!

СТАДО ИДЁТ ДОМОЙ

Солнце спускалось всё ниже да ниже. Докатилось оно до леса, осветило ещё немного и спряталось за ёлки.

Сумерки вошли во двор. Трава стала влажной и прохладной, и закрылись на ночь алые цветы

мальвы.

За околицей слышалось блеянье овец и мычанье коров.

— Скотину гонят, — сказала Тане бабушка. — Встречать помогай!

Первой во двор вошла корова Милка, большая, белая, рога калачом. Важно, ни на кого не глядя, прошла Милка в свою закутку. Она знала, что там приготовлена ей свежая трава.

Вслед за коровой вошла тёлочка Нежка. У Нежки жёлтая спина, а ноги белые, будто в чулочках. Она как вошла во двор, так и начала мычать. Это значит: давайте ей поила.

Бабушка вынесла ей поило, а Таня стала загонять овец. Овцы прибежали гурьбой. Они очень боялись отстать друг от дружки. Бабушка закрыла в овчарнике овец, водворила на место тёлочку и ушла в избу.

На дворе сразу затихло.

Вот и дедушка убрал лошадей, идёт домой. Вошёл дедушка во двор, остановился под тополем.

— Эко пахнет как! — сказал он. — Как вечер, так это дерево будто мёд на землю проливает!..

СЕРЕНЬКИЙ ЗВЕРЁК

Засинело на улице. Тоненький светлый месяц заглянул в окна. Мать взяла подойник, зажгла фонарь и сказала Тане:

— Пойдём со мной, дочка. Запоздала я сегодня корову доить, посвети мне.

В коровнике тепло и как-то дремотно. Пахнет свежей травой, соломой. Шуршат овцы в овчарнике, корова жуёт жвачку и сердито сопит: и что это её нынче не Доят так долго?

Наверху, на насестах, сидят куры. Они сидят бок о бок, прижавшись друг к другу мягкими перьями. Вот одна пошевелилась во сне, уронила пёрышко. А петух увидел огонёк, поднял голову и смотрит на Таню.

Таня держит фонарь, а от фонаря и свет и тени. Длинные тени, до самой крыши. Покачаешь фонарь — и они качаются.

Вдруг Таня перестала качать фонарь и затаила дыхание. В сумеречном свете фонаря она увидела какого-то зверька. Этот зверёк, серый, с длинным хвостом, бесшумно лез вверх по столбу на овчарник.

— Мамушка, — прошептала Таня, — гляди, кто на овчарник-то полез!

Мать подняла голову. Зверёк уже убежал. Но мать успела увидеть его.

— А, так вот это кто яйца таскает — крыса! — сказала она. — Ну хорошо же. Вот мы завтра поставим капкан — так она живо забудет, как по гнёздам лазить!

СНЕЖОК РАЗГОВАРИВАЕТ

Бабушка процедила парное молоко, налила Тане полную кружку. Таня съела с молоком ломоть чёрного хлеба и вышла на крыльцо. На крыльце лежал Снежок. Увидев Таню, он застучал

хвостом, обрадовался.

— Миленький! — сказала Таня и уселась возле Снежка. Она обняла его за шею и прилегла головой к его длинной белой шерсти, в которой плотно засели репы.

Глаза у неё закрывались. От Снежка пахло псиной, но он был мягкий и тёплый, и Тане возле него было очень уютно...

Чуть слышно шелестели берёзы над крыльцом.

Тёплый ветерок приносил свежие лесные запахи.

Откуда-то издалека слышались ей голоса матери и бабушки, звякала посуда на столе...

«Ужинать собирают», — подумалось Тане.

И вдруг Снежок повернулся к ней и прошептал ей на ухо:

«А знаешь, твоя кукла там, в траве, лежит, возле кустиков... Я тебе её принесу завтра...»

Вышла мать на крыльцо — звать Таню ужинать.

— Глядите-ка, — сказала она, — наша Татьянка, никак, вместе со Снежком уснула!

Она взяла Таню на руки, раздела её, уложила в постель и опустила полог.

СНЕГ ИДЁТ

ПОДРУЖКИ

Вот и лето прошло... Глубокая осень стоит на дворе. Листья облетели с деревьев, цветы засохли, трава пожелтела. Не поют птицы в лесу, не шумят жнейки в поле, не пылят по дорогам машины, тяжело груженные хлебом, урожай убран с полей. Только слышно, как с утра до вечера шумит молотилка на колхозном гумне и в два голоса наперебой стрекочут веялки.

Утром мать втащила в избу большое деревянное корыто, а дедушка наточил сечки. Таня обрадовалась:

— Капусту рубить!

Дедушка взял топорик и пошёл в огород подрубать кочаны. Таня сказала:

— Я тоже пойду в огород. Я помогать буду!

— Иди помогай, — сказала мать, — только оденься получше. Помогай и за себя и за меня, потому что мне некогда с вами капусту рубить — я на молотьбу ухожу.

Таня оделась. Заправила со лба под платок светлые завитушки и побежала в огород. Пусто было в огороде: ни морковки, ни огурчика. Только большие растрёпанные кочаны сиротливо сидели на грядках.

— Дедушка, уж им тут стало скучно, — сказала Таня, — морковка — в подполе, и репа, и картошка лежат себе там, а кочаны живут здесь одни, и на них ветер холодный дует!

— А вот мы сейчас их тоже отсюда уберём, — сказал дедушка. — Я буду подрубать, а ты в кучку таскай.

Дедушка подрубал кочаны, и они скатывались в межу. А Таня таскала их в кучку. Кочаны были крепкие, тугие. А попадались такие, что и не поднять.

— Эти не таскай, — сказал дедушка, — эти я сам принесу.

А потом собрал кочаны в корзину и понёс домой. Таня тоже за ним побежала, но увидела, что Алёнка стоит на своём крыльце.

— Алёнка! — закричала Таня. — Пойдём к нам, у нас капусту рубят!

— А я в валенках, — сказала Алёнка, — как мне по грязи?

— А ты сторонкой проберись.

— Ну ладно. Сейчас проберусь.

У Алёнки были очень большие валенки. Она стала пробираться сторонкой, оступилась и попала в лужу. Таня рассердилась:

— Вот всегда ты, Алёнка, в лужи попадаешь!

— А вот и нет, не всегда! — сказала Алёнка.

— А вот и да, всегда!

— А вот и нет!

Тут Алёнка опять попала в лужу и не стала больше спорить. Но раз валенки всё равно уж промокли, она побежала к Тане прямо по грязи, не разбирая дороги.

Звонко и часто стучала сечка в избе. Бабушка рубила капусту.

— Бабушка, давай мы тоже рубить будем, — сказала Таня. — Мы тебе помогать пришли!

Но бабушка ответила:

— Вы лучше кочерыжки погрызите. А уж капусту я как-нибудь сама изрублю.

Таня и Алёнка набрали кочерыжек и пошли на крыльцо. Они уселись на ступеньки и стали чистить кочерыжки. Кочерыжки хрустели, как сахар. И сладкие были, как сахар. Одну кочерыжку Алёнка засунула себе в карман:

— А эту Дёмке отнесу. Он тоже кочерыжки любит. Даже в колхозный огород за ними бегал — вон куда, за реку!.. У нас ещё капусту не рубили.

— Бери, — сказала Таня. — Ты побольше бери!

Алёнка взяла ещё две и сунула их в другой карман.

— Ладно, — сказала она. — А когда у нас будут капусту рубить, ты к нам тоже придёшь. Какую захочешь кочерыжку, такую и выберешь!

СНЕГ ИДЁТ

Подули студёные ветры, и зима загудела в трубу:

«Я иду-у-у!.. Я бреду-у-у!..»

Зачерствела грязь на дороге, стала жёсткой, как камень. Лужицы промёрзли до дна. Вся деревня стала тёмная, скучная — и дорога, и избы, и огород, и лес... Таня сидела дома, играла в куклы и на улицу не глядела. Но пришла бабушка с колодца и сказала:

— Вот и снежок пошёл!

Таня подбежала к окну:

— Где снежок пошёл?

За окном густо падали и кружились снежинки, так густо, что сквозь них даже соседнего двора не было видно. Таня схватила платок и выбежала на крыльцо:

— Снег идёт!

Всё небо и весь воздух были полны снежинок. Снежинки летели, падали, кружились и снова падали. Они ложились на чёрствую грязь на дороге. И на все деревенские крыши. И на замороженные лужицы. И на изгороди. И на разрытые огородные грядки. И на деревья. И на ступеньки крыльца. И на зелёный байковый Танин платок... Таня подставила ладонь — они и на ладонь упали. Таня стала их разглядывать. Когда снежинки летят, они как пух. А когда разглядишь поближе, то увидишь звёздочки, и все они резные, и все разные. У одной лучики широкие и зубчатые, у другой — острые, как стрелки. Но разглядывать их долго не пришлось — снежинки растаяли на тёплой ладони.

Бабушка понесла пойло овцам в хлев и раскрыла дверь. А белая корова Милка думала, что её в стадо выпускают. Обрадовалась, замотала головой и вышла из хлева. Но вышла и остановилась. Где же трава? Где же лужайки?

— Что смотришь? — сказала бабушка. — Думала куда-нибудь в клевер убежать? Или в кусты запрятаться? А вот и нет ничего. Иди-ка лучше обратно в хлев, там хоть тепло.

Бабушка отнесла ей охапку зелёного сена, но Милка всё стояла и глядела кругом. Тогда Таня взяла хворостину и погнала её в хлев:

— Ступай, ступай! Что вышла уши морозить? Тут тебя снегом занесёт!

А снег всё шёл и шёл. Снежинки всё кружились и падали. После обеда Таня вышла гулять и не узнала свою деревню. Стала она вся белая — и крыши белые, и дорога белая, и огород белый, и лужок белый...

А потом выглянуло солнышко, снег заблестел, загорелись искорки. И Тане стало так весело, будто праздник наступил. Она побежала к Алёнке и застучала в окно:

— Алёнка, выходи скорее — к нам зима пришла.

ЛЕПЁШКИ С ТВОРОГОМ

Пшеница в этом году в колхозе уродилась богатая. Хорошо удобрили колхозники землю,

глубоко вспахали, сортовыми семенами засекали поле — вот и хлеба на трудодни досталось много. Алёнкина мать напекла пшеничных лепёшек с творогом. Алёнка взяла себе лепёшку, и Алёнкин братишка Дёмушка взял. Тогда Алёнкина мать сказала:

— Что ж, вы будете лепёшки есть, а Тане на вас глядеть? На-ка и тебе, Танюшка!

— А у нас бабушка в воскресенье напечёт пирогов с капустой, — сказала Таня и взяла лепёшку.

Все трое вышли на улицу.

Увидела их ворона с дерева, спустилась пониже, а сама то одним глазом, то другим поглядывает на творожные лепёшки.

— Не гляди, не гляди, — сказал Дёмушка, — всё равно не дадим!

И спрятал руку с лепёшкой за спину.

Все глядели на ворону и не заметили, как прибежал озорной пёс Снежок. Он подошёл к Дёмушке сзади, понюхал вкусную лепёшку и схватил её зубами. Схватил и убежал и хвостом замотал от радости.

Дёмушка сразу заревел на всю улицу.

— А ты куда глядел? — закричала на него Алёнка. — Ты что — галок ловил?

— Я не галок... я на ворону...

— «На ворону!» Ну вот, лепёшку-то и проворонил!

А потом Алёнке стало жалко Дёмушку, она отломала от своей лепёшки половину и дала ему. Таня тоже отломала от своей половину. И стало у Дёмушки всех больше: у Тани одна половинка, у Алёнки одна половинка, а у Дёмушки — две!

НОВЫЕ ГАЛОШИ

Наступила настоящая зима. По льду через реку протянулась дорога. На стёклах мороз нарисовал всё, что ему вздумалось. И на улицах залёг глубокий снег.

— Танюшка, ты одевайся как следует, — сказала бабушка, — теперь не лето.

И принесла ей из чулана зимнее пальто с меховым воротником и вязаный шерстяной платок. А через несколько дней мать привезла Тане из города галоши на валенки. Галоши были новенькие, блестящие. Если проведёшь по ним пальцем, они так и заскрипят, так и запоют! А когда Таня вышла на улицу, следы её печатались на снегу, как пряники. Алёнка любовалась на Танины галоши, даже рукой их потрогала.

— Какие новые! — сказала она.

Таня посмотрела на Алёнку, подумала.

— Ну, а хочешь, давай поделим? — сказала она. — Тебе одну галошу и мне одну...

Алёнка засмеялась:

— А давай!

Но посмотрела на свои валенки и сказала:

— Да она мне не влезет — очень валенки велики. Вон у них носы-то какие!

Подружки прошлись по улице — во что бы поиграть? Алёнка сказала:

— Пойдём на пруд, на льду покатаемся!

— На пруду-то хорошо, — сказала Таня, — только там прорубь.

— Ну и что ж?

— А мне бабушка не велела на прорубь ходить.

Алёнка оглянулась на Танину избу:

— Ваша изба вон где, а пруд вон где. Бабушка-то увидит, что ли?

Таня и Алёнка сбегали на пруд, покатались на льду. А домой вернулись — ничего бабушке не сказали.

Но бабушка пошла на пруд за водой, вернулась и говорит:

— Татьяна! А ты всё-таки опять к проруби бегала?

Таня вытаращила на бабушку глаза:

— А как же ты, бабушка, увидела?

— Я тебя-то не видела, а вот следы твои видела, — сказала бабушка. У кого ж ещё такие новые галоши есть? Ох, не слушаешься ты, Таня, бабушку!

Таня опустила глаза, помолчала, подумала, а потом сказала:

— Бабушка, я больше не буду не слушаться!

БАБУШКИНЫ ДЕЛА

Ночью шумел буран. Страшно гудело и завывало в трубе. Жёсткий снег взвивался вихрем и ударялся о стены.

Таня спала в горнице, около маленькой печки.

— Мама, кто это стучится? — спросила она сквозь сон.

А мать ответила:

— Спи, спи. Это дедко Морозко веселится на улице.

Наступило утро, а дед-мороз всё ещё не унимался. После завтрака Таня взялась было за полушубок, но бабушка сказала:

— На улице свету белого не видно — сиди дома!

Таня подошла к окну, поглядела в узенькую чистую проталинку. Ох, что творится! Белая вьюга несётся вдоль деревни, снежные вихри взвиваются вверх, и ничего больше не видно — ни дворов, ни берёз, ни леса...

— Так весь день и сидеть дома? — сказала Таня. — А что дома делать?

— Дел в доме сколько хочешь найдётся, — ответила бабушка. — У меня вот дела ещё до свету начались: печку истопила, обед сварила, завтраком вас всех накормила... А сейчас давай за работу вместе приниматься: я буду кринки мыть, а ты чашки со стола убирай. Только, смотри, потихоньку, не разбей.

Таня налила горячей воды в самое глубокое блюдо. Много воды налила, до самых краёв.

— Бабушка, смотри-ка, у меня здесь пруд получился! — сказала она.

Но бабушке было некогда — она тёрла кринки мочалкой, отскребала у горлышка жёсткие пенки и не слушала Таню.

Таня взяла одну чашку — синюю с цветочками — и окунула в воду. Вода из блюда полилась через край, побежала ручьём по столу и на пол.

— Что это там? — спросила бабушка.

— Ничего, — ответила Таня. — Это пруд из берегов вышел!

Таня вымыла чашку синюю с цветочками и взяла другую, с ягодками. А когда стала мыть дедушкин стакан, то воды оказалось очень мало. Таня поворачивала стакан с боку на бок, он гремел, звенел и будто сердился.

— Ну и ладно, обойдётся так, — сказала Таня и стала вытирать стакан.

Вытерла, поставила — что же это такое? Стакан стоял мутный, весь в молочных полосах.

— Бабушка, — сказала Таня, — а стакан никак не моется!

Бабушка тем временем уже перемыла кринки, сполоснула водой и поставила в печку просушиться и прожариться.

— Ну, что тут у тебя? — сказала она. — Реки и озёра? Давай-ка я тебе помогу.

Бабушка налила в миску чистой воды.

Вдвоём с Таней они сполоснули чашки, а дедушкин стакан вымыли так, что он весь заблестел. Потом поставили посуду в шкаф, а клеёнку на столе вытерли сухо-насухо.

— Ну, вот и всё, — сказала Таня, — вот и дела кончились!

— По-твоему, кончились, а по-моему, начинаются, — сказала бабушка. Я вот пойду половики вытрясу, а ты бери веник, пол выметаи. Да сначала водой побрызгай!

Бабушка собрала с полу пёстрые дорожки, оделась и вышла из избы. А Таня зачерпнула из ведра кружку воды и начала брызгать по всему полу.

— Дождик идёт! — кричала она. — Эй, прячьтесь все — дождик идёт!

Брызги разлетались по всей избе — и на стены попало, и на лавки попало, и на сундук попало... И по всему полу, по белым половицам запестрели тёмные капли.

А потом Таня взяла веник и стала подметать. Она так размахивала веником, что весь сор вихрем взлетал кверху.

Бабушка вошла с половиками.

— Тише, тише! — сказала она. — Разве так метут!

И показала, как надо мести: тихо, ровно и сор не расшвыривать. Так они вместе подмели пол и постелили пёстрые дорожки. Чисто стало в избе!

— Вот и всё! — сказала Таня.

— Нет, не всё, — сказала бабушка, — сейчас пойдём гусей кормить.

Она насыпала в бадейку мякины, намяла туда картошки, облила всё горячей водой, замесила. Потом обе покрылись большими платками и пошли во двор.

Гуси уже стояли около своей кормушки и ждали. Увидев бабушку с ведром, они сразу закричали на разные голоса. Таня даже уши заткнула:

— Ой, теги, не подмазаны телеги! Замолчите!

Но они всё кричали и кивали головами, пока бабушка не дала им корму. А как только дала корму, так они уткнулись в кормушку и умолкли.

Куры тоже прибежали, но подойти боялись. Гуси шипели на них: не подходи, ущипну!

Тогда бабушка принесла горстку овса и посыпала курам в сторонке, чтобы гуси не видели.

— Ну, вот всех и накормили! — сказала Таня.

Но в это время из коровника раздался негромкий, как бы скучающий голос:

«М-му-уу...»

А потом из овчарника:

«Б-бя-а...»

Но бабушка сказала:

— Рано, рано запросили! Ещё полудня нет!

И пошла в избу. А Таня вперёд побежала. Бабушка вымыла руки, взяла гребень и веретено и уселась прясть кудельку. А Таня стала раздёргивать шерсть — тонко-тонко, по волоконьшку.

— Вот спрядёшь кудельку, и работа вся. Да, бабушка? — спросила она.

— Спряду кудельку и скотине сенца дам, — ответила бабушка. — А потом обедать собирать — дед из лесу с дровами приедет, мать из риги придёт. Они сегодня всей бригадой в риге лён мнут... Ну, после обеда кудельку спряду, а там и убираться надо: скотину поить, скотину

кормить, корову доить, за водой идти... А там уж и вечер — в горнице печку топить, картошку варить на ужин...

После обеда явилась Алёнка — вся в снегу! Таня обрадовалась.

— Что ж ты не шла так долго?

— Я вьюги боялась. И то едва добежала. А ты на улице была?

— А когда мне! Я всё бабушке помогала!

Подружки уселись играть в куклы. А когда стемнело, залезли на лежанку и принялись рассказывать друг другу сказки. Бабушка входила, выходила, гремела вёдрами, а Таня и забыла, что она ей собиралась целый день помогать.

И только вечером вспомнила, когда Алёнка ушла:

— Бабушка, а что ещё делать надо?

— А ещё сейчас полезу в подпол, картошки наберу на завтра, капусты достану.

— Бабушка, и я с тобой! Я тоже буду картошку набирать!

Бабушка зажгла лампу, взяла корзинку и полезла в подпол. И Таня с ней. В подполе было очень интересно. В одном углу лежал целый ворох картошки, в другом — брюква и свёкла, в третьем стояли пузатые кадки с капустой и огурцами.

Таня тоже хотела набирать картошку. Но бабушка сказала:

— Не грязни руки. Лучше выбери себе брюковку.

Таня выбрала брюкву, посмотрела, а у неё бочок погрызенный.

— Бабушка, смотри-ка! Кто-то брюкву обгрыз!

— Это мыши, — сказала бабушка. — Вот негодные!

Таня живо оглянулась:

— А где они живут?

— Да где-нибудь тут, в норочках.

В это время сверху спрыгнул в подпол кот Михей. И сразу пошёл лазить по углам. Глаза у него в темноте светились, как зелёные огоньки.

— Вот Михей знает, где мыши живут, — сказала бабушка. — Он уж их прочит!

Бабушка набрала в корзину картошки, положила из кадки капусты в миску, взяла морковку для щей.

— Ну, полезем? — сказала она.

— Сейчас, бабушка, — ответила Таня, — только подожди — я себе огурчик достану.

Таня приподнялась на цыпочки и достала из кадки большой солёный огурец. А когда увидела, что бабушка уже ногу на ступеньку поставила, то ей вдруг стало страшно в тёмном и тихом подполе.

— Подожди, подожди! — закричала она. — Чур, я первая вылезу!

Таня и бабушка вылезли. А кот в подполе остался — мышей искать.

— Вот мы и управились. Да, бабушка? — сказала Таня.

Но в это время загремела дверь на крыльце, заскрипели морозные шаги в избу вошла мать.

— Ох, вьюга все глаза залепила! — сказала она отряхиваясь. — Еле дошли из риги!

Снова загремела дверь — пришёл дедушка.

— Ну и ну, погодка! Бабка, давай ужинать — прозяб совсем!

— Накрывай на стол, Таня, — сказала бабушка, — будем ужин собирать.

— Ой, бабушка! — сказала Таня. — А когда же твоим делам конец?

Бабушка улыбнулась и ответила:

— Моим делам конца не бывает!

ПОДРУЖКИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ

Два дня и две ночи веселился дед-мороз, крутил снег, гудел в трубу. А потом ушёл отдыхать в лес, в овраги...

К полудню стало тихо в деревне. Выглянуло солнце, и сразу на стёклах заблестел разноцветный морозный бисер.

После обеда бабушка сказала Тане:

— Таня, сегодня мать не скоро домой придёт: льну уж очень много насушено, боится — перемять не успеют. Снеси-ка ты ей в ригу киселя — уж очень хорош у меня нынче овсяный кисель вышел.

Она завязала в платок горшок с киселём и дала Тане.

Таня вышла на улицу и даже зажмурилась — так ударило в глаза блеском снега и солнца. Горбатые сугробы, усыпанные искрами, залегли на улице, завалили изгородь у палисадника, заслонили дорогу. Всё бело, всё пышно, лишь чей-то одинокий след синими ямками протянулся через сугроб. Таня огляделась, подобрала шубейку и пошла по следу.

Только выбралась Таня на дорогу, только отряхнулась, как слышит Алёнка кричит:

— Куда собралась?

Алёнка, закутанная в голубой полушалок, стояла на крыльце и боялась сойти: сугроб привалился к самым ступенькам, к самым перильцам.

— В ригу иду, — ответила Таня, — матери кисель несу. Пойдём со мной?

— Пойдём, — сказала Алёнка.

И полезла через сугроб к Тане на дорогу. Как ступит ногой, так кричит:

— Ой, тону! Ой, тону!

Но не утонула, выбралась.

Подруги шли по дороге и разговаривали.

— Гляди-ка, что это с неба сыплется? — сказала Таня. — Сыплется и блестит! Видишь?

— Вижу, — ответила Алёнка. — Это мороз иголки сорит.

— Такие тоненькие иголки? А кто ж такими иголочками будет шить?

Деревня расступилась. Отошли в стороны заметённые снегом дворы. Подруги вышли на широкий выгон. Вот сколько снегу! Вот сколько огоньков на снегу!

И вдруг остановились.

— Таня, гляди-ка!

— Ох, Алёнушка!

На выгоне самый большой сугроб поднялся высокой стеной, а на стене зубцы, а между зубцами — окошечки. В окошечки маленькими квадратиками смотрит синее небо.

— Гляди, там кто-то есть!

— Кто-то есть, только прячется!

«Га-га, га-га!» — вдруг заскрипело невдалеке.

Это гуси, переваливаясь, шагали оранжевыми лапами по снежной дороге. Целое стадо гусей шло навстречу девочкам, высоко подняв головы на длинных шеях, и все они кричали и скрипели, как немазанные колёса:

«Га-га! Га-га!»

Дошли до Тани и Алёнки и остановились. Будто два воза встретились на дороге.

— Уклюнут, — прошептала Алёнка.

Таня закричала на гусей:

— Что стали? Сворачивайте с дороги да проходите!

Но гуси подняли такой крик, такой скрип, что и своего голоса не услышишь.

Таня замахнулась было на них варежкой. Но гусак распустил свои огромные крылья, пригнул длинную шею, зашипел, как змея, и двинулся на неё. Таня и Алёнка завизжали и, спасаясь от гусака, бросились через сугроб за ракитовый куст. И тут же споткнулись обо что-то и обе сразу

полетели в снег. И горшок с киселём уронили.

Но что же такое случилось? Кто это выскочил из-под куста? Кто закричал на них?

— Вот ещё козявки ходят тут! На разведчиков спотыкаются! Слепые, что ли?

Из-под куста выскочили председателей Юрка и его товарищ Витя Бубенцов. Но как только выскочили из-под куста разведчики, за высокой стеной с зубцами вдруг замелькали шапки и треухи, раздались крики и роем взлетели крепкие снежки. Разведчики залегли за куст, стали отстреливаться, а девочки очутились под перекрёстным снеговым огнём.

— Убирайтесь отсюда! — закричал им Юрка. — Боевым действиям мешаете!

— Да подожди ты, — отвечала ему Таня, — тут кисель пролился...

Но оказалось, что киселя пролилось немного, только платок смочило. Подруги обрадовались, что кисель цел, вылезли из сугроба и, пригибаясь, побежали подальше от крепких снежков.

Девочки и не заметили, что выбрались не на ту дорогу, по которой шли. Они выбрались на широкую тропку, которая увела их в другую сторону.

— Алёнка, ты смотри, куда мы идём, — сказала Таня. — Мы не в ригу идём!

Они остановились.

— И правда не в ригу, — сказала Алёнка. — Мы с тобой на реку идём!

ОКНО В РЕЧКУ

Тропка голубой канавкой убегала в овражек и по овражку — к реке. А рядом с овражком падал к реке крутой склон. Снег с него сдуло, и накатанный лёд крепко сверкал под солнцем. Таня засмеялась:

— Шли-шли и на гору пришли!

— На гору пришли, а санок нету! — сказала Алёнка.

— Можно и без санок, — сказала Таня, — можно на соломе.

— А солома где?

— А вон, около сарая!

— А кисель куда?

— На снегу постоит.

Девочки поставили горшок с киселём в снег, а сами подбежали к сенному сараю. Около сарая под большим навесом лежало много соломы, а снаружи соломенный заслон. Край заслона был приоткрыт. Но только они сунулись туда, как в соломе зашумело, и большой заяц выскочил из-под навеса, шараясь и бросился бежать в кусты — весь белый, только на ушах чёрные кончики. Убежал и скрылся. Лишь маленькие круглые следы остались на снегу.

— Ах ты косой! — засмеялась Таня. — Приходил мякину воровать!

— Меня даже лапой ударил, — сказала Алёнка. — Чуть с ног не сшиб как бросился!

Подруги вытащили по большому снопу соломы и отправились на гору. Золотые соломинки терялись у них по дороге. Притащили снопы на гору, уселись на них и помчались вниз по ледяному бугру. Лучше, чем на салазках: и весело, и не страшно. Внизу въехали в мягкий сугроб.

— Вот как, почти до реки домчались!

— А давай в прорубь посмотрим?

Девочки уселись на корточки около проруби. Прорубь была словно круглое окно в реку. Но ни жуков, ни рыбок не было в тёмной воде, только мелкие волны шли и шли одна за другой.

— А где же рыбы? — удивилась Алёнка. — Помёрзли?

— Не помёрзли, а спят, — сказала Таня. — Дедушка говорил — они стадом стоят на дне и спят. Только жабрами шевелят.

— Ага! Гляди, гляди! — вдруг крикнула Алёнка. — Видела?

— Видела, — ответила Таня. — Как она хвостом-то! Вырь-бырь — и нет её.

— А ты говоришь — спят!

— А может, это налим? Налим зимой не спит. Он спит летом.

— «Летом спит»! Да летом его, сонного, можно сразу схватить!

— А схвати-ка! Он под коряжину забьётся или под камень — вот и схвати!

— Дедушка говорил?

— Конечно.

Подружки ещё посидели, посмотрели сквозь круглое окно в реку. Но больше ничего не увидели. А потом взяли свои снопы и пошли обратно. Ох и круто же подниматься!

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С КИСЕЛЁМ

Вылезли наверх. Запыхались.

— Давай ещё разок скатимся? — сказала Алёнка.

Но Таня вдруг всплеснула руками:

— Ой! А кисель-то где же?

Горшка с киселём не было. Была только ямка в снегу.

— Лучше бы мы не катались! — всхлипнула Таня.

— Это всё гуси виноваты — сбили нас с дороги! — сказала Алёнка. Кабы не сбили, мы бы на гору не пришли...

Упала крупная пушистая снежинка прямо Алёнке на нос. Она подняла голову — никак, снег начинается?

Подняла голову и вдруг засмеялась:

— Таня, погляди наверх!

Таня поглядела. А наверху, на ракитовой ветке, висит их горшок с киселём!

— Кто-нибудь шёл мимо по тропочке и нарочно повесил!

Подружки обрадовались, да рано. Нашли свой кисель, а достать не могут — очень высока ветка. Они стали друг друга подсаживать, но только кряхтели да падали в снег. Хотели нагнуть ветку — силы не хватило. Ветка толстая, не гнётся, только иней с неё валится на голову.

— Знаешь что, Таня? — сказала Алёнка. — Пойди в деревню, позови кого-нибудь... Может, Юрку...

— А ты?

— А я отнесу солому и буду здесь стоять. Буду стеречь.

— Будешь стоять?

— Буду.

— А если замёрзнешь?

— Всё равно буду стоять.

Таня приподняла полы своего синего пальтеца и побежала по тропочке в деревню.

А Алёнка отнесла в сарай снопы и вернулась под большой ракитовый куст, на котором висел горшок с киселём.

Небо между тем побелело, потускнело. На сугробах уже не играли острые огоньки, и лёд на горе уже не сверкал так ярко. А снежинки всё гуще падали, всё веселей кружились.

Алёнке стало зябко. Снизу, из овражка, начинало подувать, начинало завихривать. Однако взялась Алёнка стоять, значит, стой!

Но Алёнка ждала недолго. Таня уже шла к ней на выручку, а с ней тётка Марья Бубенцова. Тётка Марья шла за водой на реку. Она нагнула ракитовый куст и сняла горшок с киселём.

— Это скотник дядя Павел повесил, я знаю, — сказала тётка Марья. — Он в сарай за соломой ходил, увидел ваш узелок да и подшутил над вами!

Таня и Алёнка сразу повеселели. Они опять взяли свой узелок: Таня с одной стороны, Алёнка — с другой. И пошли в ригу, понесли Таниной матери овсяный кисель.

Подруги шли, а ветер подгонял их. Он теребил их пальтишки, закидывал на головы концы платков. Снег стал густым, совсем завесил и небо и землю. А тут уж и темнеть начало. Сквозь снег и сумерки едва разглядели ригу.

Под навесом риги, за соломенными заслонами, колхозницы мяти лён.

Мягко и ровно тарыхтел трактор, негромко рокотала мялка.

Работа шла спорая. Одна колхозница разбирала большие пуки льна по горстям. Другая подавала эти жёсткие прямые горсти в мялку. Третья принимала их из мялки уже мягкими, мятыми и складывала в кучку. А остальные колхозницы трепали лён, выколачивали из него костру. И костра эта — сухие мелкие обломки жёстких стеблей — летела вокруг, словно белая придорожная пыль.

Около самой стены топорщились жёсткие пуки льна, ещё тёплые, только что вынутые из риги.

— Батюшки мои! — сказала Танина мать, приостанавливая работу. — Это вы откуда взялись? В такую-то непогоду!

— Мы тебе кисель принесли, — сказала Таня. — Полдничай!

Все колхозницы засмеялись: ужинать пора, а они с полдником! И Танина мать засмеялась тоже.

— Какие же полдники — уж вечер на дворе. Что же так поздно вас послали?

— Да нас давно послали... — сказала Таня.

— А где ж вы были?

— Да мы всё шли...

— У вас небось, пока шли, и кисель-то льдом подёрнулся! — сказала соседка Татьяна.

А соседка Катерина сказала:

— Ничего, что льдом подёрнулся. Не дорог кисель — дорога забота!

— Ну, отдохните — видно, далёкий у вас путь был, — сказала мать. — А мы сейчас последний лён домнём и пойдём домой все вместе. А дома тогда уж и кисель съедим.

Часто-часто замелькали в её руках льняные горсти, посыпалась, полетела сухая костра. Таня глядела, как длинные льняные стебли становились всё мягче, всё чище, превращались в серебристое светлое волокно.

Алёнка и Таня пробрались поближе к самой риге, к тёплой бревенчатой стене, к открытой дверце.

В глубине риги было темно. Круглый фонарь, повешенный наверху, слабо освещал длинные частые жерди-колосники. На эти жерди насаживают снопы — и ржаные, и овсяные, и льняные, — когда чей черёд. А внизу, под колосниками, топят большую печь, и снопы сохнут.

Сухую рожь и сухой овёс легче молотить. А сухой лён мять легче.

Из тёмной глубины риги дышало теплом и крепким запахом просохшего льна.

— Слезить бы туда, а? — прошептала Таня.

Но Алёнка даже отодвинулась от дверцы:

— Нет уж! Провалишься, да прямо в печку!

— А всё-таки посмотреть бы, а? Вот как дядя Иван Таланов ползет печку топить, и я с ним попрошусь!

— Много там ещё льну-то? — спросил кто-то. — А то уж темно становится.

— Девчонки, есть там лён на колосниках? — крикнула бригадирша тётка Дарья. — Видно вам или нет?

— Видно! — ответила Таня. — Все колосники видно, а льна — ни одного снопа нету!

— Ну тогда давайте поживей, — сказала тётка Дарья. — Давайте поживей, да и домой. Теперь немного осталось.

Ещё чаще застучала мялка, ещё гуще, полетела костра, ещё веселей замелькали длинные льняные горсти.

Колхозницы домяли лён и пошли домой. И Таня с Алёнкой пошли с ними.

Снежный ветер летел им навстречу и сбивал с дороги. Тогда мать распахнула своё широкое пальто и накрыла одной полкой Таню, а другой Алёнку. Идти втроем было тесно, но зато тепло и весело. Таня кричала:

— Ку-ку!

Алёнка откликнулась ей, а мать смеялась:

— Я с вами, как наседка с цыплятами. Цыплята, как озябнут, — сейчас к курице под крылья. Так и вы у меня!

В ГОСТЯХ НА СКОТНОМ

На другой день в сумерки Таня и Алёнка возвращались с горы и волочили свои большие салазки.

— У меня в валенках снегу полно, — сказала Алёнка.

— А ты вытряхни, — посоветовала Таня.

— Да как я вытряхну? Он там растаял, вода хлюпает.

Они шли мимо скотного двора. В сторожке на скотном светился огонёк и над крышей поднимался дым.

— Ваш дедушка печку топит, — сказала Алёнка, — вон дым из трубы идёт.

— Пойдём к дедушке, — сказала Таня. — Твои валенки посушим.

Подружки подошли к окну и постучались. Дедушка отворил дверь.

— Ах, батюшки! — сказал он. — Да ко мне, никак, гости пришли!

Дедушка ночевал в сторожке на скотном дворе — он сторожил по ночам скотину. Глядел, чтобы какой-нибудь бык с привязи не сорвался. Или коровы не забодали бы друг друга. Или не вздумал бы забрести волк из лесу в глухую зимнюю ночь.

Дедушка топил в сторожке печку, чтобы не холодно было ночевать. Алёнка как вошла, так сразу сняла валенки и поставила их к огню сушиться. А потом все трое — дедушка, Таня и Алёнка — уселись перед огоньком на лавочке.

— Дедушка, — сказала Таня, — а ты не боишься ночевать один?

— А я разве один? — сказал дедушка. — У меня здесь скотины полон двор.

— Ну, всё-таки это не люди же!

— Ну, положим, не люди. Только чего ж мне бояться?

— А если волк? — сказала Таня.

Дедушка кивнул в угол:

— А ружьё на что?

— А если медведь? — робко спросила Алёнка.

Дедушка усмехнулся:

— Ну и что ж? Пусть приходит. Поможет мне за скотиной смотреть... Да вот, слышно, кто-то уже бродит под окнами.

Алёнка живо подобрала ноги на лавку. А Таня вскочила и подбежала к окну.

— Где медведь?

За окном и правда мелькнула чья-то тень, и кто-то толкнулся в дверь. Алёнка вскочила на лавку:

— Ой, дедушка, не открывай!

А Таня, взглядевшись в темноту, сказала:

— И правда медведь! Ох, страшный! Чёрный какой!

Она говорила, а сама поглядывала на Алёнку и тихонько посмеивалась.

Дедушка открыл дверь и сказал:

— Кто здесь?

Знакомый голос ответил:

— Это я!

И в избушку вошёл Дёмушка.

— У, Дёмка-Ерёмка! — крикнула на него Алёнка. — Ходит по ночам, только всех пугает!

Но дедушка сказал:

— Ну, полно, полно! Что ты на него кричишь? Сами себе медведя придумали, а парень виноват.

Все снова уселись против печки. Грелись, разговаривали. Таня сняла пальто, сбросила платок. Алёнка развязала свой голубой полушалок, положила его на плечи. Дёмушка тоже снял треух и распахнул шубёнку. Щёки у всех раскраснелись от огня. А валенки Алёнкины сохли так, что даже пар от них шёл.

— Дедушка, а ты настоящего медведя видал? — спросила Таня.

— Медведя-то я никогда не видал, у нас они не водятся, — сказал дедушка, — а вот огненного змея видел.

Таня быстро поглядела на дедушку:

— Дедушка, правда?

Алёнка опять подтянула ноги на лавку, а Дёмушка так и уставился на деда любопытными глазами.

— Правда, видел, — сказал дедушка.

И рассказал такую историю:

— Это случилось давно. Жаркое в тот год лето стояло, засушливое. Всё попало. Надо пахать, а земля — как камень, плуг не врежешь. Тогда мужики придумали: будем пахать ночью. Ночь была светлая, всё видно. А пахал я недалеко от болота — вон там, за поляной. Вот пашу я, пашу. Вдруг лошадь у меня остановилась. Я говорю: «Ты что, Серый?» А Серый храпит, ушами прядает — испугался чего-то. А чего испугался, и понять не могу. Но тут я гляжу — всё поле осветилось. Поднял глаза — а он и летит...

— Ой! — прошептала Алёнка и обхватила Дёмушку за плечи.

А Таня спросила:

— А какой он? С крыльями?

— Нет, не с крыльями, — сказал дедушка, — а так, летит по небу огненная змейка, летит, извивается. Пролетела и скрылась за лесом. Ну, тут и я заодно с конём испугался, поворачиваю Серого — и домой!

Дедушка помолчал, покурил. А потом сказал:

— А уж после-то я сам над собой посмеялся. Это, оказывается, такая молния была... Говорят, такие молнии в жару над болотом бывают. А я тогда ещё молодой, мальчишка был и ничего этого не знал, вот и убежал с поля.

Таня перевела дух, и Алёнка спустила ноги со скамьи.

— Значит, это не змей был? — спросил Дёмушка.

Таня сказала:

— Ну и хорошо, что не змей. А то чего им, змеям, по небу летать!

Пока дедушка рассказывал, Алёнкины валенки высохли. Алёнка надела их — и сразу тепло ногам стало! На улице совсем стемнело. Дедушка взял фонарь:

— Пойти скотину поглядеть.

Дедушка шёл с фонарём между стойлами. А ребятишки — за ним.

На скотном было тихо и дремотно. Коровы — рыжие и пёстрые — лежали в своих стойлах, жевали жвачку, вздыхали в полусне, шуршали соломой. Дедушка подошёл к большому быку, посветил на него:

— Спишь, Рыжик?

Бык сонно посмотрел на дедушку. Голова у него была лобастая, с белой звёздочкой, прямые рога торчали в стороны. Он добродушно засопел и тихонько промычал в ответ.

— Ну спи, — сказал ему дедушка, — а мы ужинать пойдём.

Дедушка зашёл в сторожку, поставил фонарь на окошечко, загрёб в печке угли, закрыл её заслонкой. А потом они вышли все вместе на улицу, взяли салазки и пошли ужинать.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ У ЖИТНИЦЫ

Утром Таня только вышла на улицу, а уж Алёнка ей навстречу:

— Что такое всё трещит и трещит около житницы? — спросила она. Веялка, что ли?

— А пойдём посмотрим, — сказала Таня.

Они пришли к житнице. А там уже все ребятишки собрались. И Дёмушка тут, впереди всех стоит и смотрит.

Около житницы и в самом деле стояла машина — новенькая голубая веялка-сортировка. Колхозники сортировали овёс. Кладовщик и председатель взвешивали овёс на больших весах и засыпали в сортировку. А сортировку вертел Серёжа Таланов. Как завертит ручку, так сортировка сразу затрещит, как трещотка, — чётко, весело, по всей деревне слышно. Лёгким дымком взлетала над сортировкой пыль, а внутри, под голубой деревянной обшивкой, ровно шуршали овсяные зёрна.

Таня подошла ближе:

— Серёжа, дай покрутить, а?

— Покрути, — сказал Серёжа.

Таня взялась за гладкую ручку, подёргала, а ручка не крутится.

— Очень туго, — сказала Таня.

— Дай я помогу, — сказала Алёнка.

Они вдвоём взялись за ручку и еле-еле повернули. Сортировка затрещала, только медленно,

лениво. Зашатались внутри решётки и сита, посыпался, зашелестел овёс.

— Сортирует! — обрадовался Дёмушка. — Работает! Дайте я тоже поверну!

И полез к сортировке. Но Алёнка закричала:

— Отойти! От горшка — два вершка, а тоже к машине лезет!

Тогда за Дёмушку заступились все его товарищи — и Юрка Грачёв, и Егорка, и Ваня Берёзкин. Они тоже полезли к сортировке.

— Всё вы будете вертеть! А нам когда же?

— Что, ваш, что ли, овёс?

— А ваш?

— Наш!

— А может, наш!

Серёжа уж и не рад был, что пустил ребяташек к сортировке:

— Уходите отсюда, вертельщики! Вот, налетели, как воробьи, да ещё и дерутся!

И неизвестно, кто победил бы — Таня с Алёнкой, Дёмушка со своими товарищами или Серёжа прогнал бы их всех, — но тут случилось вот что: со скотного двора вдруг выскочил бык Рыжик и с рёвом побежал по деревне. Быку надоело стоять в стойле, он бегал и рыл снег то рогом, то копытами.

Лишь только бык выскочил на улицу, ребяташек от сортировки будто ветром сдуло: все забились под житницу. Сидят там и смотрят, как рыжий бык веселится на улице.

Потом пришёл скотник дядя Павел, взял Рыжика за верёвку и повёл обратно во двор. Тогда и ребяташки один за другим выползли из-под житницы.

— Ну что, трусы, попрятались? — сказал Серёжа. — Другие взяли бы хворостину да стали бы своё добро защищать, а то: «Овёс наш! Овёс наш!», а сами все под житницу залезли!

Таня с Алёнкой переглянулись и отошли от житницы. И больше не стали просить покрутить ручку у сортировки... А жалко! Очень интересно она рокочет, когда вертишь ручку, а овёс внутри сыплется, пересыпается и шуршит потихоньку...

ХИТРЫЙ СНЕГОВИК

Ребята-школьники сложили на выгоне огромного снеговика. Колхозницы ходили на колодец и смеялись:

— Вот какой дядя стоит! Ночью испугаешься!

— Давай мы тоже снеговика сделаем? — сказала Таня.

Алёнка согласилась:

— Давай. Только не страшного.

Они сделали маленького снеговика. А снеговик вышел кривой. Постоял-постоял, наклонился набок да и упал.

Таня попросила бабушку:

— Бабушка, слепи нам снеговика!

Но бабушка сказала:

— Вот только у меня и заботы — вам снеговиков лепить!

— Ну давай этого приподнимем, — сказала Алёнка.

Они стали поднимать своего снеговика, а он и совсем на куски развалился. У Тани даже слёзы брызнули.

Дедушка вышел во двор колоть дрова.

— Вы чего насупились? — спросил он.

— Снеговик не выходит, — сказала Таня, — разваливается!

— Вот это беда так беда! — сказал дедушка. — Придётся вам помочь.

Они все втроём — Таня, Алёнка и дедушка — скатали ком, большущий-пребольшущий!

Потом скатали ком поменьше. Потом совсем маленький.

Дедушка на большой ком положил ком поменьше, а наверх — самый маленький. Вот и получился снеговик.

— А теперь вы нарядите его, — сказал дедушка, — шапку ему наденьте, глаза ему сделайте! А я пойду дрова колоть.

Таня и Алёнка до самых сумерек наряжали и прихорашивали своего снеговика. Сделали ему глаза из угольков, вместо носа воткнули еловый сучок, на голову надели дырявое решето. И очень ему радовались.

Таня пришла домой, когда уже совсем стемнело. Она так устала, что даже забыла положить свои варежки в печурку. А варежки были совсем мокрые.

За ужином Таня всё рассказывала про снеговика. А потом легла спать в свою тёплую постель, сунула ноги к тёплой печке, подложила руку под щеку и закрыла глаза.

Тихо-тихо было в горнице. Тихо-тихо было на улице. Вдруг Таня слышит — скрипят по снегу чьи-то неуклюжие шаги.

Она поглядела в окно — на улице светит чистый месяц. А мимо окна идёт её снеговик; решето сдвинуло на ухо, палкой подпирается и шагает скрип-скрип... хруп-хруп...

«Куда пошёл! — закричала Таня. — Зачем уходишь? Что ж, нам теперь другого лепить?»

А снеговик идёт да идёт. И даже не оглядывается. Так и ушёл куда-то по светлой снежной дороге...

Утром Таня, как только проснулась, так сразу и вспомнила, что случилось.

— Ты что это сегодня ночью кричала? — спросила у неё мать. — Сон, что ли, страшный приснился?

— Не сон, — насупясь, сказала Таня. — У нас снеговик со двора ушёл...

— Снеговик ушёл? — удивилась мать и засмеялась. — Ну и выдумала ты, дочка! Вон он стоит, твой снеговик. Куда он денется?

Таня подбежала к окну, а окно совсем заморожено, и ничего сквозь него не видно. Тогда она живо оделась и выскочила во двор. Снеговик стоял на том же самом месте, где и вчера!

Таня обрадовалась.

— А, вернулся! — сказала она. — Ну и хорошо. А ты всё-таки скажи: зачем ты ночью уходил?

Но снеговик задумчиво глядел куда-то своими угольками и ничего не отвечал Тане.

БАНЯ

Таня и Алёнка играли в жохи. Жохи им сделал дедушка. Он взял гладкую ольховую палочку, разрезал на ровные кусочки, а потом каждый кусочек расколол пополам.

Вот и получились жохи.

А играют в них так. Возьмут в горсть и бросят на стол. Одна палочка ляжет на плоскую сторону — это жох. Другая ляжет на горбатую — это ничка. И нужно щелчками выбивать: жохом в жох, а ничкой в ничку. И при этом ни одной другой не задеть и не пошевелить.

От усердия подружки взгромоздились на табуретки с ногами. А иногда, чтобы ловчее бить, совсем ложились на стол. Алёнка была потихоньку, жохи у неё ходили вяло и останавливались на полпути. А у Тани жохи даже со стола летели и вместо одного сразу пять жохов сбивали. И кон тянулся долго, потому что обе проигрывали.

Девочки и не заметили, как засинело в окнах. Мать пришла с работы.

— Со льном разделались, — сказала она, — весь обтрепали. А пыли-то сколько!

Она сняла полушалок и вытрясла его в сених. Таня поглядела на неё:

— А у тебя и на волосах пыль! И на бровях тоже!

— Ступай-ка в баню, — сказала матери бабушка, — сегодня с утра баню топят. И Татьяну с собой возьми.

— Нет, не пойду я! — закричала Таня. — На мне пыли нету! И мне некогда — я в жохи играю!

— Да ведь сегодня суббота, всё равно надо в баню идти, — сказала мать.

— Я потом пойду, с бабушкой!

— А бабушка поздно пойдёт, после всех.

— И я после всех.

— Ну, иди с бабушкой, — сказала мать.

И ушла в баню.

Совсем синими стали окна, только морозные серебринки светились на стёклах. Подружки доиграли кон, оделись и убежали на улицу.

— Куда это, на ночь глядя! — закричала им вслед бабушка. — Смотрите, недолго!

Но Таня ничего не ответила, будто не слышала.

Девочки побежали на пруд, покатались с маленькими ребятами с ледяного бугра, поиграли в снежки. Потом сбегали к Алёнке домой посмотреть новый календарь с картинками, который недавно привезли из города.

И, когда уже совсем стемнело и затихло на улице, а в окошках засветились огоньки, Таня пошла домой.

Уж теперь-то ей бани опасаться нечего: бабушка, наверное, пождала-пождала да и ушла одна.

Но не успела Таня порог переступить, а бабушка ей навстречу:

— А! Как раз вовремя! Пойдём скорей, банька нас с тобой заждалась совсем.

— Куда идти? Уж ночь наступила, спать надо! И зачем только эти бани строят!

Но бабушка взяла её за руку и повела. И разговаривать не стала.

Колхозная баня была новая, большая. Она стояла среди сугробов, у самой речки. Узкая глубокая дорожка вела к ней, а недалеко от крыльца чернела прорубь, чтобы поближе в баню воду таскать.

В бане уже никого не было — Таня с бабушкой пришли позже всех.

Лавочки в бане были белые-белые, начисто промытые. От печки так и несло жаром, над большим котлом поднимался пар к потолку, а на потолке собирались крупные капли и падали вниз сквозь пар прямо на Таню. И Таня каждый раз кричала:

— Ой, бабушка! С потолка дождь идёт!

Таня мылась и плескалась в деревянной шайке и не боялась проливать воду на пол, потому что пол и так был залит водой.

— Бабушка, а можно я на полку влезу? — спросила Таня.

— Ну что ты! — сказала бабушка. — Там жарко, угоришь.

Но Таня всё-таки полезла. А на лесенке остановилась. На полке в жарких сумерках что-то чернело, притаившись в углу.

— Бабушка, — сказала Таня шёпотом, — а на полке у нас кто-то есть... Вроде барсук...

— Ну, какой там барсук! — сказала бабушка. — Все барсуки теперь в лесу, в норках спят!

— А может, он из норы-то выскочил — да сюда, погреться?

Таня поднялась на одну ступеньку. Потом на другую. И вдруг засмеялась.

— Бабушка, а это веник! — закричала она. — Это просто веник там у стенки притаился! А я думала — может, барсук...

Таня стащила с полка мокрый, распаренный веник. Бабушка покачала головой:

— Вот какой у тебя барсук-то лохматый! Дай-ка его сюда, я тебя попарю.

Бабушка вымыла Таню и сказала:

— Ну, одевайся, домой пойдём.

Но Тане уже не хотелось уходить:

— Подожди, бабушка, дай мне ещё помыться!

— Вот ведь ты какая у нас поперешная, — сказала бабушка, — в баню зовут — не идёшь, из бани зовут — тоже не идёшь!

Бабушка закутала Таню в большую шаль. Они шли по узкой тропочке, снег хрустел, и большие морозные звёзды мерцали сквозь кусты.

Когда Таня и бабушка вошли в избу, дед сказал:

— Ну, вот и наши из бани идут. С лёгким паром вас!

ТАНЯ ВЫБИРАЕТ ЁЛКУ

Один за другим проходили зимние дни — то вьюжные, то снежные, то морозные и румяные. И с каждым днём всё ближе да ближе подходил Новый год.

Как-то раз Таня пришла с улицы с громким плачем.

— Ты что? — спросила бабушка. — Руки отморозила?

— Я не отморозила руки! — прорыдала Таня.

— Ну, тогда что же? Мальчишки отколотили?

— Нет, не отколотили!

— А тогда что же стряслось?

— В школе ёлку будут делать... А нас не возьмут... Говорят — до школы далеко, маленькие замёрзнут... А мы и не замёрзнем даже ни капельки!..

— И правда, — сказала бабушка, — куда вы такую-то даль по морозу потащитесь!

— Да-а! «По морозу»! А там ёлка будет вся наряженная!

— Эва беда какая! А мы возьмём да свою нарядим!

— А где она у нас?

— Вот дед поедет за хворостом да и срубит.

— А чем наряжать?

— Найдём чем.

— И Алёнку позовём?

— Конечно, позовём.

Таня вытерла слёзы и сразу повеселела. После обеда дедушка стал запрягать лошадь.

Бабушка сказала ему:

— Дед, не забудь, сруби нам ёлочку. Да получше выбери.

— Какая встретится, ту и выберу, — сказал дедушка.

Но Таня закричала:

— Ой, дедушка, ты не такую выберешь! Надо пушистенькую. И чтобы прямая была. И чтобы густая. Дедушка, давай я сама с тобой поеду, а то ты не такую привезёшь!

— Поедем, — сказал дедушка. — А замёрзнешь — не реветь.

— Не буду реветь, — сказала Таня.

И тут же забралась в розвальни.

Лошадь бежала рысью по гладкой дороге.

В лесу было тихо, деревья стояли совсем неподвижно. Они словно увязли в снегу да и заснули.

Села какая-то птица на ветку и стряхнула сверху снежок прямо Тане на голову.

— Дедушка, а ведь холодно деревьям в лесу стоять, — сказала Таня.

— Конечно, холодно, — сказал дедушка, — и вьюжно и морозно.

— А как же они терпят?

— Так вот, терпят и молчат — переживают тяжёлое время. Как и человек всё равно.

— Человек-то не молчит, — подумав, сказала Таня, — человек-то возьмёт да заплачет.

— Ну, кто заплачет, тот человек не настоящий. Настоящий человек беду молча выносит.

Таня вспомнила, как она утром плакала, и примолкла.

В лесу, около самой дороги, лежала куча хворосту. Дедушка её ещё с осени приготовил.

— Я буду хворост на сани складывать, — сказал дедушка, — а ты пока что ёлку себе выбирай.

Таня пошла по лесной дороге.

Вот хорошая ёлочка, только ветки не донизу... Вот другая, тоже хорошая, только велика очень, в избу не войдёт... Вот и третья, рядом с берёзкой, — маленькая, пушистая, прямая, как раз такая, какую Тане хотелось!

— Я вот эту выбрала, — сказала Таня.

Дедушка срубил ёлочку и положил на воз. И Таню на воз посадил. Бодро пошла лошадка, запели полозья по накатанной дороге. Таня сидела на возу и крепко держала свою ёлочку.

КАК ЁЛКУ НАРЯЖАЛИ

Танина ёлочка стояла в горнице, расправив густые ветки. Она словно проснулась от лесного зимнего сна. По всей избе пахло свежей хвоей.

К Тане пришли Алёнка и Дёмушка наряжать ёлку. Алёнка принесла два пряника, розовый и белый. Дёмушка принёс только один пряник, белый, а розовый он не утерпел — съел по дороге.

Тане бабушка дала целую пригоршню конфет в пёстрых бумажках. Таня и Алёнка продевали нитки и в пряники и в конфеты и вешали их на ёлку.

А когда всё повесили, пришла мать с работы, поглядела:

— Эх, что-то у вас, ребяташки, на ёлке жидко!

— Давайте баранок навешаем, — сказала бабушка. — Я их на праздник целую связку припасла.

Бабушка достала связку, и вскоре все до одной баранки висели на ветках.

Но матери всё-таки не понравилось:

— Ну что это за украшение — баранки!

Она оделась и пошла в село в магазин.

Вернулась мать из села очень скоро, потому что ходила быстро.

Таня увидела её из окна и бросилась навстречу:

— Мамушка, ты что купила?

Мать поставила на стол белую коробку, развязала верёвочку, подняла крышку...

— Ой! — У Тани даже дух захватило от радости. — Игрушки!

— Уж если наряжать ёлку, так наряжать! — сказала мать и засмеялась. Ну что же ты глядишь? Доставай игрушки, вешай на ёлку.

Бабушка тоже подошла к столу:

— Вот это игрушки так игрушки, всеми огнями сияют!

Бабушка и Таня стали вынимать игрушки из коробки и вешать на ёлку. Тут были и шарики — жёлтые, зелёные, красные; и разные зверюшки из золотого и серебряного картона; и бусы — длинные-предлинные нитки бус. И самое главное — здесь была блестящая ярко-красная звезда. Мать встала на табуретку и прикрепила звезду на самой маковке.

— Теперь только свечек бы... — сказала бабушка. — Ну, а уж где свечек раздобыть, ума не приложу.

В это время пришёл с работы дедушка. Он медленно стягивал с плеч ватную стёганку и глядел из кухни на ёлку.

— О свечках не тужите, — сказал дедушка, — свечки уж нам учитель из города привезёт. Я ему наказывал.

Таня подбежала к деду:

— Дедушка, а ты хорошенько наказывал-то? Может, ты плохо наказывал, а он и забудет?

— Не забудет, — сказал дедушка. — Ему и для школьной ёлки надо свечек привезти — как же он забудет?

НОВЫЙ ГОД ПРИШЁЛ

Учитель не забыл — свечек привёз. А ещё привёз бенгальских огней и дал деду немного серебряной канители и золотого дождя.

— А когда свечки зажигать будем? — спросила Таня.

— Вечером, — сказала бабушка. — Как стемнеет на улице, так и зажжём.

Таня и Алёнка не могли дождаться, когда настанет вечер.

Они собрали всех своих кукол, нарядили их в самые лучшие платья и усадили под елку. А сами они тоже были нарядные. Алёнка пришла в новой вязаной кофточке, а Таня надела своё самое красивое платье — красное клетчатое с пуговицами на груди.

В сумерки пришёл Дёмушка и привёл своих товарищей — Егорку, Юру Грачёва и Ваню Берёзкина.

— Бабушка, смотри-ка, и все мальчишки к нам пришли! — закричала Таня.

Но бабушка сказала:

— Ну пусть они тоже на ёлке побудут, они ведь маленькие.

Мать пришла с работы пораньше, прибралась в избе, накрыла стол белой скатертью. Таня украдкой взяла шаль и выбежала на задворки посмотреть, не идёт ли Новый год. Но тихо было кругом, неподвижно стояли голые берёзы, и на снежной дороге никого не было.

— Не идёт ещё! — вздохнула Таня и побежала обратно в избу.

Скоро на улице совсем стемнело. Бабушка управилась со скотиной. Пришёл из конюшни

дедушка.

— Ну вот, скоро и Новый год пожалует, — сказала мать. — Теперь и зажигать можно!

Мать зажгла на ёлке свечи, и вся изба осветилась. Заблестела на ёлке серебряная канитель, засверкал золотой дождик, красная звезда и все конфетки в пёстрых бумажках засветились и засияли. Тане показалось даже, что и старые куклы, которые сидели под ёлкой, развеселились и заулыбались.

— Давайте мы Новому году песенку споём, — сказала мать. — Девчатки, начинайте, как я вас учила!

Таня и Алёнка стали рядом и запели песню про ёлку.

Дёмушка и мальчики тоже им подтягивали, и получалось хоть и не очень складно, зато очень весело.

Когда спели песенку, мать включила радио, и в избе зазвучала музыка, громкая и весёлая. Такая музыка, что всем плясать захотелось.

А потом дедушка зажжёт серную палочку — бенгальский огонь. Ну, уж это было настоящее чудо! Огонёк бежал по этой палочке, трещал, и по всей избе разлетались белые искры и белые звёзды.

Потом палочка сгорела, погасла, и пошёл дымок.

— Дедушка, ещё зажги! — закричала Таня.

— Ещё, ещё зажги! — закричала и Алёнка.

И мальчики закричали:

— Ещё! Ещё!

Дедушка зажжёт другую палочку, и снова по избе с треском полетели белые искры и белые звёзды. Дёмушка отскакивал от бенгальского огня боялся, что обожжётся. Он не знал, что бенгальский огонь холодный.

А Таня и Алёнка подставляли ладони, ловили огненные звёздочки и смеялись:

— А мы не боимся! А мы огонь хватаем!

Поздно вечером пришла Алёнкина мать и увела Алёнку и Дёмушку домой. И Дёмушкины товарищи тоже домой ушли. Танина мать всем гостям дала на дорожку по горсти разноцветных конфет. Конфеты были круглые, как крыжовник, и розовые и зелёные.

Таня свои конфеты есть не стала. Она высыпала их в блюдце и поставила куклам под ёлку — кукол ведь тоже угостить нужно.

Свечи на ёлке стали гореть тише. То одна погаснет, то другая. Но серебряная канитель и золотой дождик всё ещё блестили и светились.

— Давайте ёлку гасить, — сказала бабушка, — да за ужин пора.

Но Таня сказала:

— Что ты, бабушка! Новый год придёт, а у нас ёлка не горит. И радио пусть играет!.. — А потом спросила: — А когда же он придёт? Уж и свечки стали маленькие, и трескучий огонёк сгорел, а он всё не идёт и не идёт. Может, он сегодня не придёт совсем?

Мать засмеялась. А дедушка сказал:

— Как не придёт? Хотя все ворота запри, но всё равно здесь будет.

Таня опять потихоньку вышла во двор, опять посмотрела на дорогу. Но в деревне стояла тишина, молчали берёзы, и на пустынной дороге никого не было...

После ужина Таня не хотела ложиться спать.

— Я не хочу спать, — сказала она, — а то усну и Новый год не встречу... Я буду его дожидаться.

— Дождаться и в постели можно, — ответила мать. — Лежи и дождайся.

Мать повернула рычажок радиоприёмника, и музыка стала тихой и далёкой, как во сне. Таня легла. Она смотрела, как мигают на ёлочке последние свечки, и ждала: вот заскрипят шаги по морозу, вот стукнут в дверь или в окно... Но шаги всё не скрипели, и в окно никто не стучал. Последняя свечка на ёлке погасла, и серебряный дождь перестал светиться. И Таня сама не заметила, как заснула.

Тихо было кругом. Все спали — и мать и бабушка. А дед ушёл ночевать на скотный двор.

И тогда вдруг умолкла музыка, и в тишине раздался большой серебряный звон часов. Это били часы в Москве, на кремлёвской башне.

Они пробили двенадцать раз, и на земле наступил Новый год.

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

В НЕБЕ ТУЧКИ ПОСПОРИЛИ

Бабушка выставила зимние рамы, прислонила их к стене и сказала:

— Смотри, Танюша, не разбей стекло.

Но Таня не подходила к рамам: она разглядывала то, что лежало всю зиму между рамами на подоконнике.

— Бабушка, это что?

— А не видишь что? Хлопки.

— А зачем тут хлопки?

— Чтобы ветер не продувал.

Таня потащила с подоконника косматые льняные хлопки, и вдруг из-под них что-то задымилось, поднялась какая-то серая пыль.

— Фу! Фу!

Таня замахала руками и стала чихать.

— И что тебе всё надо! — прикрикнула на неё бабушка. — Зачем ты в золу руками залезла?

— А разве там зола? — удивилась Таня. — А зачем же там зола, бабушка?

— Затем, чтобы сырости на окнах не было. Отойди подальше, я сейчас всё отсюда уберу.

Бабушка сняла с подоконников старые хлопки, смела в ведро золу и открыла окно. И сразу в избе стало светло, весело, и всё слышно — вот в кустах воробьи чирикают, вот ласточки щебечут, вот где-то ребяташки кричат и смеются и на разные голоса поют петухи.

Вдруг как-то затуманилось солнышко, потемнело в избе... Лёгкий грохот прокатился над крышей, острый огонёк блеснул в окно... Таня бегом бросилась на улицу:

— Что это? Гроза?!

Дедушка в палисаднике перекапывал землю. Он опёрся на заступ и прищуренными глазами глядел на небо. А на небе уже снова сияло солнышко. И только две маленькие лиловые тучки летели по ветру и словно догоняли друг друга.

— Где гроза? — сказал дедушка. — Никакой грозы нет.

— А что же ударило?

— А это так: две молодые тучки столкнулись-поспорили, ударились, молнию высекли... А как ударились, так и громок загредел. Первый громок прогредел, Татьяна, весна-красна пришла!

ЛЕБЕДИ И ГУСИ

Таня стояла у палисадника и глядела в небо — на лиловые тучки, на круглые облачка, которые, как стадо белых ягнят, выбирались из-за леса.

— Дедушка, а откуда облака идут? — спросила Таня.

— Должно быть, с моря, — ответил дедушка.

— Дедушка, а куда они?

— Да вот к нам идут, на наши поля дождичка несут.

— А море — оно большое?

— Говорят, большое. Берегов не видно. Будешь день плыть, два дня плыть, неделю — и всё берегов не видно.

— Дедушка, а лодки по морю плавают?

— И лодки плавают. И большие пароходы плавают — огромные пароходы!..

— А это море-то далеко?

— От нас далеко.

— Дедушка, а ты дорогу к морю знаешь?

— Я-то не знаю, а вот наша речка Маринка, наверно, знает.

— Наша Маринка? А она разве в море течёт?

— Маринка течёт в Нудоль-реку. А Нудоль-река — в другую реку, побольше. А та река — в совсем большую реку. А большая река — в море. Так вот, может, и наша Маринка к морю добирается...

Вдруг дедушка перестал копать, наклонил голову набок и прислушался к чему-то.

Таня спросила шёпотом:

— Что там?

— Слышишь — лебеди трубят?

Таня поглядела на дедушку, потом на небо, потом опять на дедушку и улыбнулась:

— А что же, у лебедей труба есть?

— Какая там труба! — засмеялся дедушка. — Просто они кричат так протяжно, вот и говорят, что они трубят. Ну, слышишь?

Таня прислушалась. И правда, где-то высоко-высоко слышались далёкие протяжные голоса.

— Вишь ты, домой из-за моря летят, — сказал дедушка, — как перекликаются. Недаром их кликунами зовут. А вон-вон, мимо солнца пролетели, видны стали... Видишь?

— Вижу, вижу! — обрадовалась Таня. — Верёвочкой летят. Может, они тут где-нибудь сядут?

— Нет, они тут не сядут, — задумчиво сказал дедушка, — они домой полетели!

— Как — домой? — удивилась Таня. — А у нас-то не дом?

— Ну, им, значит, не дом.

Таня обиделась:

— Ласточкам — дом, жаворонкам — дом, скворцам — дом... А им не дом?

— А им дом поближе к северу. Там, говорят, в тундрах болот много, озёр. Там они и гнездуются, где поглуше.

— А у нас уж им воды мало? Вон речка, вон пруд... Ведь всё равно у нас лучше!

— Кто где родился, тот там и пригодился, — сказал дедушка. — Каждому свой край лучше.

А лебеди летели всё дальше. Всё глуше и глуше становились их голоса...

В это время вышли со двора гуси, остановились среди улицы, подняли головы и примолкли.

— Смотри-ка, дедушка, — прошептала Таня, дёргая его за руки, — а наши гуси тоже лебедей слушают! Как бы и они в тундры не улетели!

— Куда уж им! — сказал дедушка. — Наши гуси на подъём тяжелы!

И снова стал копать землю.

Замолкли в небе лебеди, скрылись, растаяли в далёкой синеве. А гуси загагакали, заскрипели и пошли вперевалку по улице. И гусиные следы треугольничками чётко отпечатывались на сырой дороге.

КАК АЛЁНКА РАЗБИЛА ЗЕРКАЛО

Улица была вся зелёная. А среди молодой травки во всех ямках и калужинках сверкала вешняя снеговая вода.

Недалеко от палисадника через широкую лужу была положена дощечка. На этой дощечке, как на мостике, стояла Алёнка и смотрела в воду.

— Алёнка, ты что смотришь? — крикнула Таня.

Алёнка помахала ей рукой:

— Пойди-ка сюда!

Таня подбежала к Алёнке и тоже стала на дощечке.

— Смотри-ка — зеркало! — сказала Алёнка. — Всё видно!

Таня посмотрела в лужу. И правда: всё видно — и небо, и белое облачко, и ветки сирени из палисадника... И их самих тоже видно — стоят в глубине Таня и Алёнка и смотрят на них из воды!

Таня сказала:

— Алёнка, а ты можешь по мостику бегом пробежать?

— А ты? — спросила Алёнка.

— Я могу! — ответила Таня.

Она быстро пробежала по узкой дощечке и спрыгнула на траву.

— А теперь ты!

Алёнка тоже пробежала и тоже спрыгнула на траву.

— А на одной ножке можешь?

— Не-ет... — протянула Алёнка. — А ты?

— А я могу!

Таня стала на дощечку и попрыгала на одной ноге по дощечке через лужу. На середине стало страшно — вот-вот оступится! Но ничего, не оступилась, допрыгала до конца и соскочила на траву.

— Видала?!

— Видала, — ответила Алёнка.

Но всё-таки на одной ножке прыгать через лужу боялась. Тогда Таня сказала ей:

— Ну, давай вместе! Держись за меня!

Таня и Алёнка схватились за руки и стали подпрыгивать на дощечке. Дощечка гнулась и скрипела, словно кричала им: «Тише! Тише! Не могу, ломаюсь!»

Но подружки смеялись, подпрыгивали и не слушали, что она им скрипит. И, может быть, мостик не выдержал бы и сломался... Но не успел: Алёнка оступилась да и прыгнула прямо в воду!

— О-ёй! — засмеялась Таня. — Зеркало разбила!

Лужа была мелкая, Алёнка только забрызгалась. Но неподвижную голубую лужу и правда, будто зеркало, разбила — огнистые брызги взлетели, как осколки. А вода замутилась, зарыбилась, и ничего не стало в ней видно — ни неба, ни облачка, ни сиреневых веток.

МЕДОК И ХОЛОДОК

Алёнка вылезла из лужи и сказала:

— А вода до чего тёплая!

И побежала по улице, по всем лужицам и калужинкам. Таня бросилась за ней.

Они догоняли друг друга, шлёпали босыми ногами по воде, поднимали весёлые брызги и смеялись.

Вдруг Алёнка остановилась.

— Гляди-ка, — сказала она, — пионерский вожатый хворост несёт!

Вожатый пионерского отряда Ваня Дозоров услышал Алёнку.

— Это не хворост, — сказал он, — это маленькие деревца — липки.

Таня подбежала к нему:

— Липки! А где же ты их столько накопал?

— Не накопал. В лесничестве взял. Там их в питомнике из семян вырастили...

— А на что они?

— Как «на что»? Сажать будем.

Посреди деревни около избы-читальни кучкой сидели ребята-школьники: кто на ступеньках, кто на брёвнышках. У всех были заступы, и солнечные огоньки то тут, то там загорались на отточенных лезвиях.

— Ну, идите, — сказал Ваня, — некогда мне с вами! А вон и бригада моя собралась, ждёт меня.

В это время школьники увидели Ваню и побежали ему навстречу:

— Сад в деревню принесли, сад принесли!

Они окружили Ваню Дозорова, разглядывали маленькие деревца, расспрашивали:

— А сколько их тут?

— А где сначала сажать будем?

— Сначала будем сажать вокруг пасеки, — сказал Ваня, — потому что это липка, а пчёлы липовый цвет любят.

— А потом где?

— А потом по всей деревне насажаем. Разных деревьев насажаем. Сирени побольше. Пускай у нас избы как в саду стоят.

— На пасеку так на пасеку! — закричал Вася Бражкин. — Шагай, ребята!

— На пасеку! — подхватила Ариша Родионова.

Настя вскинула заступ на плечо и первая зашагала по тропочке, ведущей на пасеку. Таня уцепилась за Ванин рукав:

— И мы с вами пойдём липки сажать!

Ваня засмеялся:

— И вы? Да вы же не сумеете!

— Сумеем! — сказала Таня.

Тут и Алёнка её поддержала:

— Мы сумеем!

Тогда Ваня дал им два деревца:

— Вот сажайте. Только на пасеку не ходите, вам далеко. Посадите их где-нибудь у своих дворов. Но смотрите, если не справитесь, позовите кого-нибудь из старших. А саженцы зря не губите — они трудов стоят.

И ушёл.

Алёнка посмотрела на своё деревцо и сказала:

— Разве это деревцо? Это просто какой-то прутик. Он, наверно, нам нарочно сказал.

Таня засмеялась:

— Эх ты, «прутик»! А у прутиков корни бывают?

Алёнка потрогала пальцами нежный маленький корешок, подумала и больше не стала спорить.

Подружки стали советовать.

— Ты где сажать будешь? — спросила Алёнка. — У ворот или под окнами?

— Я у ворот.

— Ну, тогда и я у ворот. А ты у чьих ворот? — опять спросила Алёнка. — У наших или у ваших?

— Я у наших.

— Ну, тогда и я у ваших.

Дедушка уже кончил копать в палисаднике и поставил заступ в сараюшку, под навес, а сам стал собираться на конюшню. Ему надо было лошадям приготовить корму. Лошади все в поле, на работе, придут с работы — есть захотят.

Таня нашла под навесом заступ и приволокла его к воротам:

— Давай ямки копать!

Но заступ был очень тяжёлый. Такой заступ и поднять-то не поднимешь, не то что им ямки копать!

Дедушка вышел на улицу и увидел, как Таня и Алёнка мучаются с заступом. Он подошёл к ним:

— Вы что это делаете?

— Мы, дедушка, деревья сажаем, — ответила Таня, — липки!

— А ну-ка, дайте сюда заступ, — сказал дедушка.

Он взял заступ и выкопал две ямки.

— Ну вот, теперь и сажайте.

Таня и Алёнка посадили свои деревца, примяли вокруг них землю, полили их тёплой водой из калужины... Светит горячее весеннее солнышко, идут по небу весёлые облака, поют скворцы у скворечен, развёртываются почки на деревьях. И два новых деревца стоят у ворот, расправляют корешки в тёплой земле!

— Мою липку знаешь как звать? — сказала Таня. — Мою липку звать Медок!

Алёнка удивилась:

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то на ней будут медовые цветы. И на неё пчёлы будут прилетать за мёдом. Вот потому и Медок!

— А как же мою?.. — спросила Алёнка. — Мою тоже Медок?

— Нет, твою пусть как-нибудь ещё!

— А как?

— Знаешь, как? Холодок!

— А почему?

— А потому, что когда она вырастет, то будет густая-прегустая. Кругом будет жара, дышать нечем, а под твоей липкой — холодок! Ну, пусть?

Алёнка улыбнулась и сказала:

— Пусть!

ГУСИ ТОЖЕ ЛЕТАТЬ УМЕЮТ

Бабушка выглянула в открытое окно и сказала Тане:

— Посмотри, Танюша, за гусями, как бы на озимь не ушли. А то они ростки поклюют, в поле плешин понаделают. Что хорошего? Народ нас не похвалит, да и самим не прибыль!

Таня взяла хворостину и побежала за гусями. А гуси медленно шли по деревне всей стаей — гусак впереди, гусыньки за ним. Они шли да щипали молодую травку и шаг за шагом уходили всё дальше и дальше.

Таня догнала их, замахала хворостиной:

— Куда отправились? Домой идите!

Но гуси домой не хотели. Таня гнала их в одну сторону, а они поворачивали в другую. Таня гнала их к дому, а они поворачивали к пруду. Тут и Алёнка подбежала к Тане на помощь. Она кричала на гусей и махала на них руками. Тогда гусак вдруг высоко вытянул шею и крикнул:

«Ка-га!»

Гусыньки тоже сразу вытянули шеи и откликнулись:

«Ка-га!»

И тут они все подобрались, приподнялись, побежали-побежали на цыпочках, замахали белыми крыльями и взлетели над Таниной головой. Шум и свист пошёл от широких крыльев.

— Куда! — закричала Таня и подняла обе руки, будто хотела поймать гусей. — Куда вы?!

А белая стая пролетела через улицу и опустилась у скотного двора, у самого пруда.

— Сейчас я вам задам хворостиной! — сказала Таня. — Ишь ты, не слушаются!

— Мы сейчас вам зададим! — подхватила и Алёнка.

И они побежали на пруд.

Но, когда прибежали к пруду, гуси уже плыли по воде, как белые кораблики. Они уплыли на самую середину и там плескались, и ныряли, и охорашивались. А пруд был полон воды, до самых краёв.

— Вот какие! — сказала Таня. — Как на пруд захотелось, так и летать сразу научились. А дедушка говорит — на подъём тяжелы!

НАЧАЛО ПУТИ

Весенний пруд был до краёв полон. А в одном месте вода размывла бережок и лилась через край. Бурливый ручей с шумом бежал от пруда через зелёный лужок и пропадал в густых ракушковых кустах.

Около ручья играли ребяташки. Юрка председателев устраивал на воде мельничку с колесом. Ваня Берёзкин ему помогал. Дёмушка просто бегал по воде, поднимая брызги. А на берегу пруда, на деревянных мосточках, сидела Нюра Туманова. Она болтала ногами в тёплой воде и пела песенку.

Таня и Алёнка тоже взобрались на мосточки, сели рядом с Нюрой и свесили ноги в воду. Узенькие волны бежали от мостков по пруду и пропадали, не дойдя до середины. А в самую середину пруда, как в круглое гладкое зеркало, глядело весёлое солнышко. Алёнка запела с Нюрой песенку, но скоро примолкла.

— Ручей шумит! — сказала она. — Даже песню не слышно!

— Потому что бежит, торопится, — сказала Таня, — до моря-то всё-таки далеко.

— До моря? — удивилась Нюра. — А что же, этот ручей в море бежит?

— Ручей — в Маринку, а Маринка — в Нудоль, а Нудоль — в большую реку, а большая река — в море...

Алёнка поглядела на Таню:

— А ты почём знаешь?

— Дедушка сказал.

Нюра засмеялась:

— Это он тебе нарочно сказал. Всё равно ручей до моря не дойдёт!

Но Таня даже рассердилась. Как это не дойдёт, если дедушка сказал!

— Значит, если я по рекам пойду, то тоже к морю выйду? — спросила Нюра.

— Конечно, к морю выйдешь, — ответила Таня.

— Вот бы поглядеть это море!.. — сказала Алёнка.

Таня живо подобрала ноги на мостки и вскочила:

— А пойдём!

— Куда? — удивилась Нюра.

— Море поглядим!

— «Море поглядим!» — повторила Нюра и снова рассмеялась: — Ну ступайте, ступайте поглядите. А потом придёте, расскажете, какое там море есть!

— А что смеёшься? — сказала Таня. — Вот пойдём да посмотрим. Алёнка, пойдём?

— Пойдём, — сказала Алёнка.

Они сбежали с горбатого бережка. А Нюра закричала:

— Смотрите в море не утоните!..

Не успели Таня и Алёнка отойти от пруда, как их увидел Дёмушка:

— Алёнка, куда? И я с вами!

— Не ходи, — сказала Таня, — мы далеко.

Но Дёмушка уже бежал к ним:

— И я далеко!

— Мы идём море смотреть. А ты куда?

— И я море смотреть.

— Пусть идёт, — сказала Алёнка, — всё равно от него теперь не отвяжешься.

На лугу их догнал Снежок. Он бежал и разбрызгивал лужи лапами. Белая шерсть висела на нём клоками, а лохматый хвост был завернут крючком.

— А вот и ещё один! — сказала Алёнка. — Ваш Снежок бежит. Тань, прогони его домой, заблудится ещё!

— Да, прогонишь его! — сказала Таня. — Уж от Дёмушки не отвяжешься, а от него и подавно!

Так и пошли все четверо по берегу бурливого ручья, через зелёный лужок, сквозь ракитовые кусты — смотреть море.

НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Ручей бежал через лужок. С одной стороны подымались ракитовые кусты, а с другой к ручью подступало колхозное поле.

Идти было весело — пели дрозды в кустах, в небе звенел жаворонок, на пашне рокотал трактор, весенний ветерок гулял на просторе...

— Ух, а грачей-то на пашне! — удивилась Таня.

— Червяков ищут, — сказала Алёнка.

Трактор медленно тащил плуги. Острые лемеха глубоко взрезали и отваливали сочные, сырые пласты.

Далеко-далеко уходили чёрные борозды, до самого леса. Их было много, уже половина поля почернела. А трактор шёл и шёл вперёд, тащил и тащил плуги.

Грачи шли вслед за плугами, выбирали из земли червей и личинок и совсем не боялись людей.

— Сейчас одного белоногого поймаю, — сказал Дёмушка.

И полез на пашню.

— Лезь, лезь! — сказала Алёнка. — Завязнешь — кто будет вытаскивать?

— Не завязну, — ответил Дёмушка.

— Лезь, лезь, — сказала Таня, — а мы уйдём!

— А я догоню! — откликнулся Дёмушка.

Бежать по вспаханной земле было трудно, ноги вязли и проваливались. Но Дёмушка всё-таки бежал. Вот уже до свежих борозд добрался. Вот уж и трактор идёт перед ним, идёт и рокочет грузно, спокойно, ровно... А сзади, за блестящими лемехами, ложатся глубокие борозды, отваливаются пласты, разламываются, рассыпаются в комья... и грачи идут, как домашние куры, даже и головы не поднимают на Дёмушку!

Дёмушка стал к ним подкрадываться, растопырил руки, идёт потихоньку...

Таня и Алёнка стояли на лужке у ручья и глядели: поймает или не поймает Дёмушка грача?

А Снежок тоже глядел и на Дёмушку и на грачей. И вдруг понял: Дёмушка грачей ловит! Снежок весело твякнул, взмахнул хвостом и пустился через пашню помогать Дёмушке.

Но из его помощи ничего не вышло. Грачи как увидели Снежка, так сразу и взлетели всей стаей. Снежок прыгал за ними, лаял... Но грачи летают высоко, разве их достанешь?

— И кто тебя звал? — сказал ему Дёмушка. — Бежит, как будто он ловить умеет!

Так и вернулись охотники ни с чем. Таня и Алёнка посмеялись над ними и пошли дальше.

А грачи покружили над полем, покричали и опять спустились на пашню. И снова пошли по рыхлым сырым бороздам, отыскивая жуков, червей и личинок...

ВСТРЕЧА С ЛЯГУШКОЙ

Снежок бежал впереди, а сам всё оглядывался на Таню — идёт она или нет? И, видя, что она идёт, весело бежал дальше и обнюхивал по пути все кротовые кучки, все пеньки, все кустики. У ракитника он остановился: неужели в кусты лезть? Но увидел, что ребяташки в кусты вошли, и побежал дальше. Снежок далеко убежал в сторону, в сквозистую чащу. А потом звонко лаял и выскакивал обратно к ручью. И очень веселился.

На лужке травка чуть-чуть наклюнулась, а под кустами было уже густо и зелено. И среди шершавых листьев весело цвела лиловая медуница.

Таня обрадовалась:

— Цветы!

И побежала рвать медуницу. Алёнка тоже не отставала. Только Дёмушка не рвал цветов. Он кидал в ручей то щепку, то веточку и глядел, как они уплывают.

Вдруг Дёмушка остановился, присел на корточки и уставился глазами в густую траву.

— Ты что увидел? — спросила Таня.

— Сейчас посмотрю, — сказал Дёмушка. — Там, может, лягушка...

И полез руками в молодую снытку, которая густо выросла под кустом.

— Не лови лягушек! — закричала на него Алёнка. — Всегда он лягушек ловит!

Таня с опаской посмотрела на траву и спросила:

— Алёнка, а ты лягушек боишься?

— Вот ещё! — сказала Алёнка и тоже покосилась на снытку. — Буду я лягушек бояться!

— Я тоже не боюсь, — сказала Таня. — Есть кого бояться! Подумаешь, зверь какой!

В это время выбежал из кустов Снежок, прошумел по сучьям и по траве и выгнал из травы лягушку. Лягушка выскочила — да прямо Алёнке под ноги!

— Ай! — взвизгнули Алёнка и Таня в один голос и бросились бежать.

И со страху все свои цветы растеряли.

А Дёмушка поймал лягушку, поглядел на неё. Лягушка то открывала, то закрывала свои выпуклые глаза, и лапки у неё дрожали. Дёмушке стало жалко лягушку.

— Ну, иди уж, — сказал он, — прыгай. Только под ноги не лезь.

И пустил её обратно в траву.

Девочки поджидали Дёмушку на солнечной луговинке.

— Ты с лягушкой? — издали крикнула Алёнка. — Покажи руки.

Дёмушка поднял руки и растопырил пальцы. Никакой лягушки у него нет!

— Ну, тогда иди скорее, — сказала Таня, — да смотри не отставай, а то так с тобой и до завтра к морю не дойдёшь!

И пошла вперёд.

— А наши цветы как же? — спросила Алёнка. — Так и останутся?

— Пусть останутся, — сказала Таня, — я их больше не возьму — их лягушка нюхала.

КАК ДЁМУШКА В КУЗНЕ ПОМОГАЛ

Путешественники спустились вместе с ручьём с горки и вышли на отлогий бережок речки Маринки. Маленькую молчаливую Маринку нынче и узнать нельзя было — так она шумела, так она бурлила, так она неслась и сверкала под солнцем!

— А теперь куда? — спросила Алёнка.

— А теперь — куда Маринка течёт, — ответила Таня, — она дорогу знает!

Так они шли и шли по берегу — туда, куда Маринка течёт.

— Гляди-ка, — сказала Алёнка, а мы прямо к нашей кузне пришли! Как же теперь?

— Ну и что ж? — сказала Таня. — Пускай кузня. А Маринка ещё дальше кузни бежит.

Ворота кузни были широко открыты. В кузне было всё черно от сажи. Невысокий огонь покачивался в горне, и горячее отражение мерцало на краях наковальни. Около кузни лежал плуг со сломанным лемехом — кузнецу Ивану Ильичу этот лемех надо наваривать. Рядом лежала борона, у которой не хватало зубьев — кузнецу надо выковать новые зубья. На узких литых колёсах стояла сенокосилка, у неё расшатались ножи — к этим ножам надо новые болты сделать...

— Лошадь куют! — вдруг крикнул Дёмушка и побежал к кузнице.

Алёнка поглядела на Таню:

— Пойдём посмотрим?

— Пойдём!

На кузню, прямо с поля, привели буланого коня Ландыша. Ландыш потерял подкову с задней ноги, ходить неловко. Его привела молодая колхозница Варя Соколова. Ландыш к ней прикреплен, Варя на нём работает, потому она о нём и заботится.

Ландыша ввели в станок, привязали. Конь тревожно переступал с ноги на ногу, ставил уши топориком, косился, а Варя его всё оглаживала и успокаивала:

— Ничего, Ландыш, ничего. Не в первый раз тебе, не молоденький!

Иван Ильич с подковой в руках подошёл к лошади.

— Вот как ему Ландыш сейчас наподдаст! — сказал Дёмушка.

— Ничего не наподдаст, — сказала Таня. — Вон наш дедушка к какой хочешь лошади подойдёт, и никакая не тронет! А Ландыш что — дурной, что ли?

— А всё-таки боязно! — прошептала Алёнка.

Кузнец подошёл к Ландышу и спокойно взял его за раскованную ногу.

— Ну-ка, ножку, Ландыш! — ласково сказал он. — Ну-ка, дай ножку!

Ландыш покосился на кузнеца умным глазом и приподнял свою белую, с косматой бабкой ногу. Кузнец зажал её меж колен, расчистил копыто, приладил подкову и стал её прибивать. Звонкие частые удары молотка полетели под лугом и отдались где-то в горе...

Не успели подружки и дух перевести, не успели и слова сказать друг другу, а уж звонкий молоток отстучал по всей подкове, по всем восьми гвоздям, и кузнец выпустил из рук Ландышеву ногу. Новенькая подкова сверкнула на солнце, и шипы её ушли в землю под тяжёлым, большим копытом.

— Вот и всё, — сказал кузнец и погладил Ландыша по гладкой спине. Носи, не теряй!

Тут из кузни вышел молодой кузнец Вася Курилин в кожаном фартуке, в кожаных рукавицах.

— А, помощники пришли! — сказал он. — Вот кстати! А мне как раз некому мех раздувать. Ну, кто у вас самый сильный?

Таня и Алёнка не знали, как быть: идти или не идти в кузницу мех раздувать?

Но, пока они думали, Дёмушка ответил:

— Я самый сильный!

— А, — засмеялся Вася Курилин, — вот как? Ну, иди сюда, давай дуй! Только смотри: берёшься за гуж, не говори, что не дюж!

— Я дюж... — сказал Дёмушка.

Он вошёл в кузню и взялся за мех. Вот как сейчас поддаст воздуху, как загудит в горне пламя, как полетят искры!..

Но потянул рукоятку, а мех еле-еле сжался и не дунул на огонь, не поддал жару, а лишь чуть слышно вздохнул.

— Ещё! Ещё! — закричал Вася. — Живей работай!

Дёмушка ещё раз налёг на рукоятку, даже совсем на ней повис. Но опять большой мех только вздохнул лёгким вздохом и не развеселил огня в горне.

— Эх, силёнки маловато! — сказал Вася. — Не дюж ты ещё!

И сам взялся за мех. Мех сразу задышал под его рукой, задышал, будто живой: фу! фу! фу! Пламя в горне заметалось, загудело, искры огненной речкой понеслись в трубу.

— Видал? — спросил Вася.

— Видал, — ответил Дёмушка.

— Ну, а теперь ступай, — сказал кузнец Иван Ильич, входя в кузницу. Когда подюжеешь, приходи, в помощники тебя возьму!

Дёмушка вышел из тёмной кузни и прищурился от солнца.

— Ну что, дюж? — засмеялась Таня. — Уж и бахвал ты, Дёмушка! «Я дюж! Я дюж!», а как за гуж взялся, так и не дюж оказался!

— Только в саже весь измазался! — добавила Алёнка.

А Дёмушке и без того было обидно, что он с мехом не справился. Он посмотрел на них сердито и сказал:

— Ну и не дюж! А вы от лягушки убежали!

Варя Соколова давно умчалась от кузни верхом на своём Ландыше. Снежок проводил её до горы, вернулся обратно, спустился к речке, поплакал воды и снова явился к ребятишкам. Ему было жарко. Он высунул язык и глядел на Таню, словно спрашивал: «Ну, а куда дальше

пойдём?»

— Что ж мы! — сказала Таня. — Про море-то и забыли совсем!

— А ещё далеко? — спросила Алёнка.

— Не знаю... — задумчиво ответила Таня, — может, за Нудолью...

И опять все четверо пошли по зелёному берегу, вслед за весёлой речкой Маринкой, которая бежала к морю.

КАК СНЕЖОК НАПРОКАЗИЛ

Далеко отступили от речки ракитовые кусты, и ребяташки вышли на светлый лужок. А на светлой зелени лужка, на молодой травке, паслось весёлое стадо — телятницы выпустили погулять маленьких телят.

Телята ещё не умели как следует ходить в стаде. Они бегали, играли, взбрыкивали задними ногами, бодались... Одна тёлочка, жёлтая Нежка, стояла неподвижно и, вытянув шею, смотрела на телятницу Грушу, которая сидела недалеко, на сухом бугорке. Тёлочка смотрела на Грушу своими чёрными глазками и потихоньку мычала, словно жаловалась:

«М-ма! М-ма! Дом-мой хочу! Дом-мой!..»

А Груша её уговаривала:

— Гуляй, гуляй! Ешь траву, привыкай! Вон погляди на Ночку, вон на Буяна погляди: как большие ходят. А ты что?

Ночка, чёрная тёлочка с белой звёздочкой на лбу, ходила по луговинке и нюхала траву, словно выбирала, какую травинку съесть. А пёстрый бычок Буян сорвал длинный стебелёк и всё мусолил его и сосал и не знал, что с ним делать.

Телятница Груша сидела на бугорке. А телятница Аннушка стояла у речки, смотрела, чтобы какой-нибудь глупый телёнок не прыгнул в воду.

Подружки припустились бегом смотреть телят. Дёмушка — за ними. А Снежок отстал. Он в это время разрывал лапами свежую кротовую кочку и совал нос в норку, хотел поймать крота. И не видел, что ребяташки убежали.

Таня первая подбежала к стаду. Но телятница Аннушка остановила её:

— Тише! Тише! Не пугай телят, они ещё маленькие, всего боятся... Их и так в стаде никак не удержишь!

Тёмно-рыжий белоногий бычок подошёл к Тане и сразу потянулся языком к её платью.

— Ты что — жевать? — сказала Таня. — Я тебе!

И спросила у Аннушки:

— А погладить можно?

— Погладь, — сказала Аннушка. — Это наш Рыжик.

Таня погладила бычку широкий лоб, почесала за ушками и за рожками... А бычок всё тянулся к ней и ловил языком Танину руку.

Алёнка тоже подошла к бычку.

— А он не бодается?

Аннушка засмеялась:

— А чем ему бодаться? Рога-то у него где? Ещё не выросли!

Алёнка смотрела на белоногого Рыжика. А в это время к ней подошла пёстрая тёлочка да как лизнёт ей ухо своим шершавым языком!

Алёнка вскрикнула:

— Ай!

И схватилась за ухо.

Аннушка засмеялась:

— Это тебе Майка хотела что-то на ушко пошептать, а ты испугалась!

— Девчонки всех боятся, — сказал Дёмушка.

— А ты-то храбрый! — сказала Таня. — Что лягушку поймал, то и не боится ничего!

— Ай! — опять вскрикнула Алёнка и схватилась за щеку: Майка опять ухитрилась её лизнуть.

— Ну, полюбились ты нашей ярославочке, — сказала Аннушка. — Вишь, как тебя целует!

— Ах ты лизунья! — сказала Таня и погладила Майкину нежную мордочку.

А Майка и Таню лизнула, да прямо в нос!

— О-ёй! — засмеялась Таня. — Язык-то, как тёрка!

А потом спросила у Аннушки:

— А почему ты её Ярославочкой зовёшь? Она ведь Майка!

— Имя её Майка, — сказала Аннушка, — а ярославочка потому, что она ярославской породы. Это очень хорошая порода: ярославские коровы много молока дают. Нам из совхоза трёх коров-ярославок дали, а теперь будем своих разводить. Это вот Нарядкина дочка. А Нарядка у нас видела какая?

— Видела, — сказала Таня, — большущая! И Майка такая будет?

— Конечно, будет.

Таня ещё раз погладила тёлочку:

— Ух ты моя миленькая!

Маленькие телята паслись, играли и жевали травку на тихой солнечной лужайке. Вдруг раздался звонкий, залиvistый лай, и вдаль показался Снежок. Крота он так и не поймал, только всю морду в земле испачкал. А когда поднял голову и увидел, что ребяташек нет, то громко залаял и побежал их догонять.

— Тише! Тише, Снежок! — ещё издали закричала на него Таня.

И обе телятницы тоже закричали на него и замахали руками:

— Пошёл! Пошёл отсюда!

— Цыц, негодный! Куда несёшься?!

Но Снежок не слушал никаких криков и окриков. Он обрадовался, что догнал ребяташек. С лаем влетел в стадо и начал бегать за телятами. Тут и пошла кутерьма! Телята бросились в разные стороны, подняв хвосты, телятницы бегали за ними, кричали на Снежка, бранили его... А Снежку всё это было очень интересно, и он бегал ещё веселее и ещё задорнее лаял...

Таня помогала телятницам собирать телячье стадо, бежала то за одним телёнком, то за другим. Дёмушка тоже помогал.

А Алёнка прижимала к щекам ладони и повторяла:

— Ой, что натворил! Ой, теперь нам от Аннушки достанется!

И, не выдержав, побежала по бережку подальше и от стада, и от Снежка, и от Аннушки.

Наконец телятница Груша крикнула Тане:

— Танюшка, уходи отсюда, тогда и пёс за тобой убежит! А так его ни за что не выгонишь!

— Снежок! Снежок! — позвала Таня и пошла из стада. — Снежок, я ухожу!

— Мы уходим! — сказал и Дёмушка и пошёл вслед за Таней.

Тогда и Снежок побежал за ними.

Алёнка поджидала их под пригорком у большой ветлы.

— Вот не брать бы их! — сердито сказала Алёнка. — Всегда что-нибудь натворят!

— Кого не брать? — спросила Таня.

— Кого? Снежка бы не брать и Дёмку не брать бы!.. Всегда увяжутся не отгонишь!

— «Дёмку»! — обиделся Дёмушка. — А я-то что? Я тоже лаял, что ли? Снежок лаял, а Дёмку не брать!..

Таня шла и бранила Снежка:

— Зачем ты телят гонял, а? Ты зачем их пугал, а? Хворостиной бы тебя хорошенько!

А сзади на лужке ещё долго слышались голоса телятниц, которые собирали своё неразумное стадо.

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО МОРЕ?

Дальше идти стало труднее. Дорогу загородило болотце. В зелёной низинке стояли неподвижные светлые лужи, в которых лягушки пели и рокотали свои весенние песни.

— Ноги вязнут, — сказала Алёнка. — Может, тут ещё и пиявки есть!

— Мало ли что пиявки! — сказала Таня. — А как же теперь?

Алёнка остановилась, поглядела на Таню:

— Может... обратно?

— Что ты! — сказала Таня. — Уж теперь скоро море будет. А ты обратно!

Болотце громко чавкало под ногами, и сквозь травку брызгала вода.

— Э! — вдруг крикнул сзади Дёмушка. — Вот они, лягушки-то! Что ж не убегаете?

— А что это нам убегать? — сердито сказала Алёнка.

— А в кустах-то что убежали? Забоялись?

Таня вдруг свернула в сторону и полезла в широкую лужу.

— Вот сейчас узнаешь, как забоялись! Вот сейчас поймаю да посажу тебе за пазуху, тогда узнаешь! — И схватила лягушку. — Ну, что?.. — сказала она. — Ага! Забо... забоя... забоялись?

Дёмушка сразу перестал смеяться. Он засунул руки в карманы и зашлёпал по воде от Тани подальше — а то ещё и правда как бы не вздумала ему мокрую лягушку за пазуху посадить!

А Таня бросила лягушку обратно в лужу и вытерла руки о траву. Ни за что бы ловить не стала, если бы Дёмушка не дразнился! Ну, теперь-то он не подразнится!

Густые ракиты стояли впереди. И речка Маринка совсем скрылась в ракитнике. А вдали, сквозь ветки, светилась большая вода и большой слышался шум...

— Что это? — прошептала Алёнка. — Может, море?..

— Может... — ответила Таня.

Они обошли кусты, поднялись на бугорок. И тут перед ними раскрылся широкий разлив. На быстром течении играли и сверкали солнечные огни, а ближе к берегу до самого дна залегла глубокая, чистая синева...

Тонкие осинки и берёзы и косматые ольховые кусты стояли в воде. Вода затопила их, а они покачивали ветками, словно не зная, что же им теперь делать...

Алёнка всплеснула руками:

— Ух ты! Воды-то сколько!

— О-ёй! — сказала Таня. — К самой горе подошла!

Алёнка, примолкнув, глядела на воду. А потом дёрнула Таню за платье:

— Тань, это море?

— Не знаю... — ответила Таня. — Наверно, море.

— А тот берег тоже весь залило, — сказал Дёмушка, — вон, до самого леса!

— Нет, это не море, — решила Таня, — ту сторону видно. А у моря ту сторону не видно. Целую неделю будешь плыть — и всё ту сторону не видно. Нет, не море! Это просто река Нудоль разлилась!

И Таня стала взбираться на горку, потому что понизу пройти было нельзя: на лугу стояла вода. Алёнка вздохнула и полезла за ней следом.

— Что же, теперь за Нудолью пойдём?

— Ну да, — сказала Таня, — а что?

— А Нудоль к морю придёт?

— Наверно, придёт. Ну, а что?

— Очень далеко море... Жарко...

Таня прошла несколько шагов молча. Потом тихо спросила:

— Алёнка... тебе домой хочется?

— Хочется... — ответила Алёнка.

— Мне тоже домой хочется, — созналась Таня, — а только как же море-то? Так и не посмотрим? А оно большое-пребольшое! И разные там корабли плавают, разные пароходы!.. Значит, так и не посмотрим?

— Ладно, пойдём, — сказала Алёнка. — Взглянем разок на пароходы — и обратно.

— Правда, — согласилась Таня, — взглянем на пароходы — и обратно. Да теперь уж идти недалеко. Вот пройдем бережок, а там, уж наверно, и море покажется!

Подойдя поближе к берёзовой роще, ребяташки услышали какой-то неясный гул. Что-то монотонно шумело там, что-то часто стучало: бух-бух-бух! Слышались голоса.

Снежок наострил уши, приподнял чёрный нос и, полный любопытства, припустил вперёд.

— Что это там творится, а? — удивилась Таня.

— Не знаю, — понизив голос, ответила Алёнка.

— А я знаю! — закричал Дёмушка. — Это мы, наверно, на ГЭС пришли!

И, перегнав девочек, побежал вслед за Снежком к берёзовой роще.

ЧТО ТВОРИТСЯ НА РЕКЕ НУДОЛИ

А на реке Нудоли шла большая стройка. Плотники чистили и строгали брёвна, весь берег был завален светлыми щепками и стружками. Тут же, на берегу, стояли какие-то узкие, высокие

срубы с плотно пригнанными брёвнами.

Около самой воды колхозники рыли широкий котлован. Колхозников было много — из всех окрестных деревень собрались они строить свою электрическую станцию. Горы песку и глины желтели на краю котлована, на зелёной траве. В котловане уже торчали забитые в землю сваи. И там же не переставая стучал механический молот: бух-бух-бух!

— Гляди, гляди, какая штука по столбу стучает! — закричала Таня, дёргая Алёнку за рукав. — И даже дым от неё идёт!

— А чего она стучает? — удивилась Алёнка.

— Не знаю. Забивает, может?

— «Забивает»? А разве такой высокий столб забьёшь?

— А вон ваш дядя Василий стоит! — сказала Таня. — Пойдём спросим?

Дядя Василий стоял на краю котлована и смотрел, как забивают сваю. Он был десятником на стройке: распределял работу и следил, чтобы работали правильно.

Но хоть он и был Алёнкин дядя, Алёнка всё-таки его немножко побаивалась.

— Дядя Василий, — несмело позвала она, — а дядя Василий! — Дядя Василий обернулся и поглядел на них суровыми глазами.

— Дядя Василий, а что это там бьёт?

— А вы что — наниматься на работу пришли?

Алёнка смутилась и спряталась за Таню.

— Нет, — ответила за неё Таня, — мы просто посмотреть.

— А зачем так далеко от дому забежали?

— Да это мы просто так... Мы мимо шли.

— А куда же вы шли?

— Да мы просто хотели море посмотреть.

— Море? А какое же море: Балтийское или Каспийское?

— Не знаю. Какое-нибудь.

— Эх вы, лягушки-путешественницы! — сказал дядя Василий. — На море собрались!

Он усмехнулся, покачал головой и весь скрылся в дыму от своей сигарки.

Дядя Василий сначала показался сердитым. Но, когда он засмеялся, тут даже и Алёнка осмелела:

— Дядя Василий, а ты всё-таки скажи, что это по столбу стучает?

— Это механический молот стучает, — ответил дядя Василий, дизель-копёр называется.

— А зачем он по столбу стучит?

— Сваю плотины в землю загоняет.

— Да сваи-то вон какие торчат коротенькие, — сказала Таня, — а это вон какое бревно — с берёзу!

— «Коротенькие»! Так они тоже с берёзу были. А вот заколотили их в землю, так и стали коротенькие. Это бревно тоже забьют — и оно коротенькое будет.

— Ух ты! — сказала Таня. — Вот какой этот дизель сильный!

— Ух сильный! — повторила и Алёнка. — Целое бревно в землю забивает!

— Алёнка, Алёнушка! — закричала Таня. — А гляди-ка — там, в ямке, ещё какая-то штука шипит!

— Таня, гляди-ка! — закричала в это время Алёнка, показывая рукой в котлован. — Дёмка уж там!

— Давай и мы полезем? — сказала Таня.

— А полезем! — сказала Алёнка.

Они сбежали с бугорка и осторожно спустились по песчаному склону в неглубокий котлован, к сваям, которые, словно деревянная щетина, рядами стояли на дне.

— А тут вязко, — сказала Алёнка.

— Гляди-ка, — сказала Таня, — где наступишь, туда сейчас и вода наливается!

ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕЧКУ

Подружки пробрались к небольшой квадратной ямке, похожей на колодец, в которой что-то шипело и рокотало. Дёмушка сидел на корточках возле ямки.

— Какая-то машинка и с кишкой, — в недоумении сказала Таня, — и зачем-то в колодчике сидит.

— Это помпа! — сказал Дёмушка.

Дёмушка это слово только сейчас в первый раз услышал, и оно ему очень понравилось.

— Пом-па это, вот что, — повторил он. — Пом-па!

— А что это помпа делает? — спросила Таня и тоже присела на корточки.

— Она воду сосёт, — объяснил Дёмушка, — и по кишке — прямо в речку.

— Что — в речку?

— Ну воду-то! Из песка эта помпа воду сосёт и по кишке в речку выливает. А если бы не эта помпа, то все сваи залило бы и пройти нельзя.

— А уж ты всё знаешь! — сказала Алёнка. — Небось половину выдумал.

— Как раз выдумал! — обиделся Дёмушка. — Вот поди да спроси у мужиков, как я выдумал!

И, прислушиваясь, как журчит вода в колодчике, ещё несколько раз повторил про себя: «Пом-па! Пом-па! Пом-па!..»

Круглый шланг помпы из котлована поднимался наверх, на зелёную травку. Конец его висел над крутым бережком Нудоли, и вода с журчанием и звоном лилась из шланга в реку.

— О-ёй! — сказала Таня. — Как вода-то бежит. Прямо хлещет! А я думала, она по капельке капает! Ну-ка, холодная?

Таня подбежала к шлангу, наклонилась, протянула руку под светлую струйку и вдруг закричала:

— Ай! Еду!..

Ноги её быстро поползли по сырому глинистому бережку. Таня замахала руками, хотела за что-нибудь схватиться, но не схватилась да и съехала с бережка прямо в реку.

Алёнка сначала рассмеялась. А потом нагнулась к Тане и сказала:

— Давай руку! Вылезай скорей!..

Таня уцепилась за Алёнкину руку и стала вылезать. Но бережок был скользкий, и ноги ехали обратно в речку.

— Ты тяни меня пошибче! — крикнула Таня.

Алёнка хотела её потянуть пошибче, но и сама не удержалась, заскользила по бережку.

— Дёмка! Дёмка! — закричала она.

Но Дёмушка и подбежать не успел, а Таня и Алёнка уже барахтались внизу, в мутной мелкой воде, и сверху на них лился ручеёк из помпы.

— Караси в тине! — сказал Дёмушка и засмеялся.

Девочки кое-как, цепляясь за ракитник, вылезли наверх.

— Всё платье мокрое, — сказала Алёнка отряхиваясь. — Вот как теперь идти?

— Авось, — сказала Таня и беззаботно махнула рукой, — на солнышке высохнем!

И, не взглянув на Дёмушку, который смотрел на них и смеялся, они полезли наверх из котлована.

И только вылезли — их тут же увидел инженер Николай Петрович, главный хозяин на стройке.

Алёнка заробела и хотела скатиться обратно в котлован. Тане тоже стало не по себе. Она опустила глаза, перебирая рукой намокший подол платья.

— Вы что тут делаете? — спросил Николай Петрович.

Услышав такой строгий голос, Алёнка уже спустила одну ногу в котлован. Но Таня поглядела на инженера и ответила:

— Мы ничего.

— А костры не разжигаете?

— А зачем нам?

— Ну — зачем! Ведь вы, ребяташки, как увидите — стружек много, так и костры жечь. Я почём знаю зачем? Может, сморчки жарить, может, картошку печь.

Как сказал инженер про жареные грибы да про печёную картошку, так Алёнка сразу вздохнула:

— Ой, как есть хочется!

А Таня тоже подумала:

«Вот если бы и правда кто-нибудь сейчас жёг костёр да пёк картошку!»

Но она ничего об этом не сказала.

— Нет, — ответила Таня инженеру, — мы никакие костры не разжигаем. У нас даже и спичек нету.

— А что же вы здесь делаете?

— Так. Смотрим.

Тут подошёл к инженеру молодой механик Саша Хрусталёв:

— Николай Петрович, пилораму пускать?

— А наладил?

— Наладил.

— Пускай. А я вот счета проверю — приду посмотрю, как там у тебя.

И оба пошли в разные стороны: инженер налево, в новенький домик, где только что устроили контору, а Саша направо, к большим стропилам, которые неизвестно для чего стояли среди брёвен и стружек.

Из котлована показался Дёмушка. Он был весь в песке и глине, штаны его были высоко подкручены, а рукава рубашки потемнели от воды.

— Эх, чуть трёхтона не поймал! — сказал Дёмушка. — В тину уполз, никак не найдёшь!

— Опять ловишь! — закричала Алёнка. — Всегда он кого-нибудь ловит! Ещё трёхтона какого-то!

— «Трёхтона»! — засмеялась Таня. — Тритона, а не трёхтона! Алёнка, помнишь, нам Серёжа Таланов в пруду показывал: такой... с лапками.

— Помню, — сказала Алёнка и сморщилась. — Фу, страшилище!.. А этот прямо руками ловит. Вот ужалит, тогда будет знать!

— «Ужалит»! — усмехнулся Дёмушка. — Что он, змея, что ли?

— Ну, укусит!

— А чем? У него и зубов-то не найдёшь!

Вдруг там, под стропилами, что-то сразу загудело ровным гудом.

— Пилу в раме пустили! — крикнул Дёмушка.

И побежал смотреть.

ЧУДО-ЮДО В САРАЙЧИКЕ

Дёмушка побежал, но и Таня с Алёнкой на этот раз от него не отстали. Таня впопыхах на какую-то занозистую стружку наступила, уколола ногу. Но останавливаться не стала — уж очень хотелось поглядеть, что это там загудело.

А когда прибежали, то поняли, что стропила эти — не стропила, а станок, в котором установлена механическая пила.

— Во! Пила в раме пошла! — закричал Дёмушка.

Саша услышал.

— Не пила в раме, а пилорама пошла, — сказал он.

— А тут даже три пилы! — крикнула Таня. — И все сами пилят! — и даже умолкла от удивления.

А в чёрной металлической раме и в самом деле было три пилы. Они все сразу врезались в толстое бревно и начали его пилить. Бревно медленно подвигалось, налезало на пилы, а пилы, мягко двигаясь, разнимали его на равные доски и горбыли.

— Вот как пилит — и не устаёт! — сказала Таня, любясь пилорамой. — А у нас дедушка с матерью возьмутся пилить, да сразу и уморятся! Вот бы нам такую пилу — дрова пилить!

— А возьмите, — сказал Саша, — пускай наша пилорама у вас дровец попилит!

Таня не могла понять — не то Саша шутит, не то правду говорит. Сам не улыбается, а светлые глаза его смеются.

— Ну давай, — сказала Таня, — пускай попилит!

— А кто у вас её двигать будет? — спросил Саша.

— Кто? А у вас кто двигает?

— У нас!..

Саша вдруг замолчал, словно чего-то испугался. А потом сказал почти шёпотом:

— У нас её чудо-юдо двигает!

Таня и Алёнка сразу присунулись к нему поближе:

— Где чудо-юдо?

— Какое чудо-юдо?

— Страшное чудо-юдо, — сказал Саша, — чёрное, сердитое. На шести лапах стоит. Силы у него сколько хочешь! Копром кто бьёт? Это чудо-юдо бьёт. Помпой кто работает? Оно. Пилами кто двигает и бревно подаёт кто? Тоже оно. Всю стройку оно движет. И что ни заставь — всё сделать может. Только сердитое очень: чуть что не по нём — так фыркнет, зашипит и сразу всю работу бросит. Уж мы за ним смотрим, чистим, маслом его мажем...

— Каким маслом — коровьим? — спросила Алёнка. — Он небось постное-то ещё и не любит.

— Не коровьим, а машинным, — сказал Саша, — самым чистым.

— А! — засмеялась Таня. — Ну, значит, это не чудо-юдо, а машина какая-нибудь!

— Хорошо, — сказал Саша. — А вот ты пойдёшь да загляни в тот сарайчик. И скажи, чудо-юдо это или нет. И скажи, живое оно или нет. Пойди-ка, пойдёшь!

И опять было непонятно — не то Саша шутит, не то правду говорит.

— Алёнка, пойдём? — негромко спросила Таня.

Алёнка поёжилась:

— Боязно...

А Дёмушка стоял и смотрел на них: если они пойдут, то и он пойдёт. Чудо-юдо в сарае — это тебе не лягушка какая-нибудь, это тебе не тритон, у которого даже и зубов-то не найдёшь!

Подружки постояли, подумали, а потом всё-таки пошли к сарайчику. Новенький тесовый сарайчик белел на солнце, и на стенках жёлтыми каплями блестела смола. И чем ближе подходили они к нему, тем слышнее становился ровный, глухой гул, который доносился оттуда.

Недалеко от сарайчика девочки остановились.

— Дёмка, иди первый, — сказала Алёнка.

— Иди сама, — ответил Дёмушка.

— А я вот и совсем не пойду, — сказала Алёнка. — Очень надо мне на него смотреть!.. Тань, пойдём отсюда?

Но Таня шаг за шагом подходила к сарайчику и, вытянув шею, старалась туда заглянуть. Невысокие ворота были открыты. На земляном полу светлым квадратом лежало солнце.

У-у-у! — неслось из сарая, будто летел большой самолёт.

Тане было страшно. Но отойти от ворот она не могла: очень хотелось увидеть это чудо-юдо. Она шагнула ещё раза два, подкралась, заглянула... и сразу попятилась.

— Ой, чёрный какой! — прошептала она.

— Бежим! — закричала Алёнка.

Но Таня не побежала.

— Подожди, Алёнка, — сказала она, — я ещё раз посмотрю!

Таня вошла в сарайчик и сейчас же закричала оттуда:

— Алёнка! Да это машина такая!

Тут и Дёмушка осмелел, вбежал в сарайчик.

— У! — сказал он. — Да это просто движок! Я его уже видел. Ещё когда его везли.

Алёнка из ворот поглядывала на гудящий двигатель.

«А может, он всё-таки живой? — думалось ей. — Вишь, как гудит и дрожит и даже вспотел весь!..»

Вдруг она услышала чьи-то шаги, хрустящие по щепкам. Оглянулась — а это дядя Семён, механик.

— Механик идёт! — крикнула Алёнка и побежала от сарайчика.

Таня и Дёмушка тоже бросились бежать. А дядя Семён остановился и сказал:

— Вот посмотрите на них — и откуда взялись? Не успел отойти, а они уж тут как тут! Да разве можно посторонним сюда входить?

Но ребяташки почти и не слышали, что он говорит, — бежали без оглядки.

Они выбежали на дорогу и тут остановились.

Дорога эта уходила от строительства куда-то в поле. По сторонам, на отлогих склонах, ярко зеленели густые озими.

А вдоль дороги, прямо по озими, тянулись вереницей высокие новенькие столбы. Они словно шагали куда-то большими шагами, и наверху у них, будто серьги, блестели маленькие белые чашечки.

Девочки ещё постояли, поглядели на строительство: на колхозников, которые копали землю, чистили брёвна, рубили срубы; на механический молот, который всё ещё хлопал по верхушке сваи, фукая синим дымком (а свая стала уже совсем низенькая).

Людские голоса смешивались с монотонным рёвом пилорамы, с ударами молота, с гулом, который шёл из сарайчика, и с широким поющим шумом весенней реки Нудоли.

Нудоль текла рядом и журчала и заливала кусты и деревья на той стороне.

— А где же у нас Снежок? — вдруг спохватилась Таня.

— А он давно убежал, — сказал Дёмушка.

— Куда убежал?

— Прямо по дороге убежал куда-то. Домой, наверно. Может, есть захотел...

— Пошли домой, — сказала Алёнка. — Наверно, обедать пора.

— А как же море? — сказала Таня.

— Мне больше не хочется море смотреть, — сказала Алёнка, — я домой пойду.

— А по какой дороге домой пойдёшь? Как сюда шли?

— Вот по этой пойду, — сказала Алёнка и показала рукой на полевую дорогу, — по столбам.

— Ну, пойдём, — вздохнула Таня. — А море когда-нибудь ещё сходим посмотрим. Ладно?

— Ладно, — сказала Алёнка.

И они тихонько пошли по светлой полевой дороге — домой. И Дёмушка зашагал за ними.

ВСТРЕЧИ В ПОЛЕ

Дорога шла сначала среди зеленей. Ровные, чистые озими, раскинувшись, лежали под солнышком, расправляя свои зелёные, густые стебельки.

А потом кончились озими и открылась широкая пашня. Сырые комья свежей земли блестели и чуть-чуть дымились под горячими весенними лучами.

В небе было полно звона, друг перед другом заливались весёлые жаворонки. По ровной, мягкой земле шли тракторы с сеялками на прицепе.

Один трактор шёл далеко, возле рощицы, а другой двигался навстречу у самой дороги.

— Вот бы прокатиться! — сказала Таня. — Давай попросимся!

— Не посадит, — сказал Дёмушка. — Я уж просился один раз — не сажает.

— Ну, тебя не сажает, а нас посадит!

Трактор шёл медленно и очень ровно. А когда подошёл поближе, Таня закричала:

— Эй, дяденька тракторист! Прокати немножко!

— Вот отсеемся, тогда и прокатим, — ответил тракторист, — а сейчас куда же? Смотрите, что к трактору-то прицеплено: сеялки с овсом. А за сеялками ещё и бороны. Да ещё вы сядете — трактор-то и уморится совсем!

Трактор прошёл мимо, протащил и сеялки и бороны.

Таня стояла и смотрела трактору вслед.

— Гляди, сколько тащит! — сказала она. — И сразу из трёх сеялок сеет!

— А видала, как из сеялок овёс по трубочкам в землю сыплется? спросила Алёнка. — Я видала.

— И я видала!

— А что, прокатились на тракторе? — спросил Дёмушка. — Не затрясло?

Таня тоненьким голоском запела песенку, Алёнка подхватила. И ничего не ответили Дёмушке, будто не слышали. Так и пошли с песенкой дальше. А вот и полю конец, и деревню видно!

На конце пашни встретился ещё один человек — женщина в розовом платочке запахивала углы. Трактор на поле поворачивается не круто, закругляет на поворотах. Потому и остаются в поле незапаханные углы.

Таня посмотрела на эту женщину, на её розовый платок, низко надвинутый на глаза от солнца, и вдруг закричала:

— Мамушка! Вот ты где!

И побежала к ней по зелёной кромке поля.

Танина мать остановила свою серую лошадку.

— Это вы где же пропадаете? — сказала она. — С утра вас дома нету!

— А мы ходили море смотреть! — быстро начала Таня. — И на ГЭС были! Там всякие машины видели!

— Ну вот, — сказала мать, — убежали из дому, не сказались. А там бабушка тебя ищет — не найдёт! Беги скорей домой! Небось в животе-то петухи поют!

— Мамушка, — сказала Таня, — а ты домой не пойдёшь? Ведь уж небось обеда!

— Какие там обеда! — ответила мать. — Обеда уж прошли! Бегите домой сейчас же!

И снова тронула лошадь.

ЖЁЛТЫЕ БАРАНЧИКИ

Ребятишки побежали к деревне прямо через лужайку. На сухом бугорке Таня увидела светлый жёлтый цветок. На голлом стебельке висели жёлтые венчики, а около самой земли теснились пушистые круглые листья.

— Баранчик! — закричала Таня и сорвала цветок.

— А вот и ещё два! — закричала Алёнка. — А вон и ещё один!

Но тут оказалось, что баранчиков на бугорке очень много, не сосчитаешь. Девочки нарвали жёлтых цветов по целой горсти и принялись грызть их сочные, свежие стебельки. А Дёмушка и в горсть нарвал, и в карман набил, чтобы ему до самого дома хватило.

Они бегали по луговине, собирали баранчики, грызли их.

Вдруг Таня вспомнила:

— Пошли! Мне мамушка домой велела!

Они опять вышли на дорогу. А по дороге одна за другой бежали лошади, запряжённые в телеги. Телеги были грязные, все испачканные навозом. Возчики сидели кто на чистой дощечке, кто на соломенном пучке. А кто и вовсе стоймя стоял.

— Эй, ребяташки, садитесь — подвезём! — со смехом крикнула с передней телеги Сима Кукушкина.

Сима была в колхозе бригадир по огородам и теперь возила со своей бригадой на огороды навоз.

— Вот когда обратно с возами поедём, тогда и их захватим, — сказал озорной парнишка Петька.

А на третьей телеге ехал Серёжа Таланов. Серёжа никогда не обижал маленьких ребяташек и не смеялся над ними. Он остановил лошадь и сказал:

— Влезайте. Садитесь на солому.

Таня и Алёнка живо взобрались на телегу. А за ними и Дёмушка вскарабкался. Серёжа отдал им пук соломы, на котором сидел, а сам поехал стоя. Лошадь бежала рысью, телега подпрыгивала на кочках и на ухабинках, но Серёжа стоял и покачивался, а не падал.

— И как не боится! — сказала Таня.

— А я тоже не боюсь! — вдруг заявил Дёмушка.

Он встал на телеге, расставил ноги пошире... Но тут же и сел, прямо на навозное дно.

Таня засмеялась, а Алёнка сказала:

— Вот и хорош! Вот и сиди там, а к нам не подлезай!

Но Дёмушка сидеть не стал. Он снова поднялся на ноги, покачнулся, но не упал. Так и стоял до самой деревни рядом с Серёжей, широко растопырив руки и покачиваясь на колдобинах.

И, когда домчались до конюшни, Серёжа сказал ему:

— Молодец! Ловкий работник будешь!

Снял его с телеги и поставил на землю. А девочки сами соскочили.

ССОРА С БАБУШКОЙ

Таня прибежала домой.

— Бабушка, дай пообедать! — закричала она.

Бабушка месила корм для поросёнка. Увидев Таню, она даже руками всплеснула:

— Ну где же это ты бегала, а? Это где же ты пропадала, а? Я вот тебе шлепков сейчас надаю, а не пообедать! Обедать надо вовремя приходиться, когда все люди обедают!

Таня обиделась, надула губы и полезла в стол за хлебом. Но в столе лежала большая краюшка, и ни одного ломтика отрезанного не было. Только одна засохшая корочка валялась в углу. Таня

взяла эту жёсткую корочку и отошла к окну. Она глядела в окно, грызла корку, хрустела, как мышь, а на бабушку и не оглядывалась.

— Вот и грызи корки, — продолжала бранить её бабушка, — вот так и надо! Я-то думаю — она за гусями смотрит, а гуси ходят да ходят себе по озими! И не спросится и не скажется, убежит куда-то! Да что это за вольница такая растёт!

Бабушка пошла кормить поросёнка. А Таня, всё так же насупившись, стояла у окна.

Корочку она съела. Но что это за обед, когда всё утро по полям да по лугам пробегаешь!

Бабушка вернулась из хлева. Она молча вымыла посуду. Вытрясла самовар. Нащепала лучины... А Таня стояла у окна, водила пальцем по стеклу и что-то сердито шептала себе под нос.

Потом бабушка принесла из чулана мучной лоток и стала сеять муку на хлебы. И вдруг сказала тихо и печально:

— Нет, Танюшка, совсем ты свою бабушку не любишь! Я-то тут бегаю, ищу, кричу. Думаю — не в пруду ли утонула, не заблудилась ли где. Спасибо, телятницы сказали, что на лугу вас видели. А тебе и думки мало, что бабушка тут беспокоится. Вот какая ты у нас, Танюша, недобрая, бабушку совсем не жалеешь!

У Тани глаза сразу налились слезами.

— Бабушка, я тебя жалею! — закричала она.

Таня живо подбежала к бабушке, вскарабкалась на приступку, где стоял мучной лоток, и обняла бабушку за шею.

У бабушки чуть сито с мукой из рук не вывалилось.

— Бабушка, я тебя жалею! — повторила Таня со слезами и прижалась лицом к бабушкиной щеке.

Бабушка улыбнулась, положила сито и вытерла своим ситцевым фартуком Танины слёзы.

— Вот и хорошо, что жалеешь, — сказала она. — Только давай уговоримся: если вздумаешь куда убежать, так сначала у бабушки спросись. Ладно?

— Ладно, — обещала Таня.

— Ну, а теперь садись да поешь, — сказала бабушка. — Вот тебе каши с молоком да творожку мисочку... Да вот ещё яичко я тебе оставила. Подкрепись пока до ужина.

Так помирились бабушка с Таней, и обеим стало хорошо и весело.

СЕДАЯ КОЗА

Таня обедала, а сама поглядывала в окошко — что это Снежка не видать?

— Бабушка, а где Снежок? — спросила она.

— Небось под крыльцом спит, — сказала бабушка. — А что ему? Целую плоску похлёбки съел

да и на боковую!

Таня успокоилась: значит, Снежок домой прибежал, не заблудился.

— Бабушка, а я тебе баранчиков принесла, — сказала Таня. — Вот эти тебе, а эти дедушке. Они сладкие, попробуй!

Бабушка посмотрела на вялые жёлтые цветы.

— Нет, — ответила она, — мне их грызть нечем: зубов у меня нету. Лучше отнеси их Деду.

Таня взяла цветы и пошла к дедушке. Дедушка во дворе постукивал топориком, тесал колья.

Таня уселась рядом с ним, на старом бревне под берёзами.

— Дедушка, попробуй баранчиков, — сказала она, — сладкие — прямо сахар!

— Подожди, — ответил дедушка, — вот ещё десятка два кольев затешу, тогда и угощай меня баранчиками.

— Дедушка, а зачем ты столько кольев затёсываешь? — спросила Таня. На что они тебе нужны?

— Для колхоза нужны, — ответил дедушка. — На огородах загородки расшатались — поправить надо... Потом выгон будем огораживать, потом вон садовник наш Федот Иваныч говорит, что ему новые посадки огородить надо. А ты спрашиваешь — на что нужны!

Дедушка сказал о новых посадках, и Таня сразу вспомнила про свой Медок и про Алёнкин Холодок. Она вскочила:

— Пойду наши липки посмотрю. А баранчики пускай здесь, на бревне, полежат.

Таня выбежала за ворота и сразу закричала:

— Пошла! Пошла отсюда!

К маленьким липкам подобралась седая коза, которая бродила по деревне. Коза уже обнюхивала тонкие веточки и выбирала, которую отгрызть.

Таня кричала на козу, махала на неё руками. Но коза не испугалась Тани. Она упёрлась ногами в землю, нагнула голову и устала на Таню острые рога. У Тани не было ни палки, ни хворостины. Она схватила ком земли и запустила в козу. Потом схватила какую-то щепку и тоже запустила в козу. Но коза ничего не боялась!

Тогда Таня, оглянувшись, увидела на изгороди большую жёлтую мочалку, которой моют полы. Таня сдёрнула эту мочалку и начала хлестать козу по рогам. Это козе не понравилось. Она зафыркала, закрутила головой и запуталась рогами в косматой мочалке. Коза ещё сильнее затрясла головой, но мочалка сидела у неё на рогах. Тогда она испугалась и пустилась бежать. А Таня гналась за ней и кричала:

— Куда мочалку понесла? А чем будем пол мыть?

Наконец коза догадалась, подбежала к берёзе, потёрлась рогами о корявый ствол и сбросила мочалку. И помчалась дальше, потряхивая головой.

Таня взяла мочалку и со слезами вернулась к дедушке:

— Дедушка! Коза наши липки чуть не съела!

— Ну, ведь не съела же, — сказал дедушка, — так чего же ты плачешь? Эко слёзы-то как у тебя близко!

— А может, она потом придёт и съест!

— Может, и съест. А может, овцы из стада прибегут да и обгрызут... Или корова потопчет.

— Дедушка, ну а как же теперь?

— Вот то-то, «как же»! Ты думаешь, посадила, воткнула в землю да и ладно? Однако нет. Дело-то не так делается. Раз посадил — значит, смотреть надо, заботиться надо, беречь.

— А как заботиться?

— Ну, прежде всего надо их огородить.

— Дедушка, давай скорей огородим! А то скоро скотина придёт! А вдруг наши липки бык увидит? Бык-то мочалки не побоится! Дедушка, я тебе помогать буду!

— Вот, оказывается, и для твоих посадок загородка понадобилась, сказал дедушка, — а ты спрашивала — колья на что!

Дедушка вбил в землю четыре кола и огородил деревца частыми слегами. Теперь их никто не тронет — ни коровы, ни овцы, ни седая коза. Пусть растут хорошенько!

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

Всё ещё пели птицы в небе, всё ещё носились ласточки над крышей, ещё блестели от солнца молодые листики на берёзе, но уже реяли в воздухе прозрачные сумерки, и всё гуще, всё длиннее становились вечерние тени.

— А теперь, — сказал дедушка, снова взявшись за топор, — расскажи-ка ты мне, где это вы с Алёнкой скрывались?

— Мы не скрывались, — сказала Таня, — мы ходили море глядеть.

Дедушка даже топор опустил:

— Море?

— Ну да, море. Ну, а что, дедушка? Ты ведь сам сказал, что наша Маринка дорогу к морю знает. Вот мы и пошли — сначала за ручьём, потом за Маринкой, потом за Нудолью... Ой, дедушка, а что мы на Нудоли видали! Там всякие машины работают! Помпа! Пила в раме! А их двигает знаешь кто? Такая машина, движок называется. Саша говорит, что это чудо-юдо, а это и вовсе движок. Только его маслом мазать надо, а то он рассердится и ничего делать не будет.

Дедушка, продолжая работать, покосился на Таню и усмехнулся в бороду.

— Ну, уж этому движку сердиться недолго осталось, — сказал он. Скоро наша ГЭС построится, турбину привезут. Тогда эта турбина будет все машины двигать — и молотилки, и льномялки, и

веялки. И по всем избам электрический свет даст.

— А какая она, эта турбина?

— Ну как я тебе расскажу — какая! Я и сам ещё не видал, какая она. Вот осенью привезут её на ГЭС, тогда и посмотрим.

Таня задумалась о чём-то. А дедушка помолчал-помолчал и спросил:

— Ну, а как же море-то? Видели?

— Нет, — сказала Таня, — не видели. Не дошли: очень есть захотелось.

— А кабы есть не захотели, то дошли бы?

— Дошли бы, конечно.

— Ну? — сказал дедушка. — Неужели дошли бы? А я слышал, что от нас до моря, до самого ближнего, и то километров семьсот.

Таня посмотрела на дедушку, и даже рот у неё немножко открылся:

— Дальше Москвы?

— Столько, сколько до Москвы. Да ещё шесть раз столько. До моря надо на поезде ехать, а не босиком по бережку бежать!

Таня неподвижно глядела на дедушку и молчала.

— Есть море и поближе, — продолжал дедушка, — совсем недалеко от Москвы. Это море люди сами сделали. Сначала прорыли канал, соединили Москву-реку с Волгой-рекой. А чтобы в канале всегда полно воды было, сделали огромный водоём. Там воды сколько хочешь, большой запас. Вот и получилось море. Московское называется.

— Значит, люди умеют моря делать?

— Наши, советские люди всё умеют.

— А значит, у этого Московского моря тоже берегов не видно?

— Нет, у этого моря берега недалеко! — сказал дедушка. — Однако большие пароходы по Московскому морю тоже ходят!

— Посмотреть бы... — задумчиво сказала Таня. А потом спросила: Дедушка, а если бы мой папка жив был, мы бы с ним поехали море посмотреть?

— А то как же! — ответил дедушка. — Обязательно бы поехали. Эх, был бы твой папка жив...

Дедушка отложил топор, вздохнул и стал закручивать сигарку. Лицо у него запечалилось, потемнело, будто тучей заволочло... Но Таня не дала ему долго печалиться.

— Дедушка, дедушка, — живо сказала она, — а что ж ты баранчики-то забыл?

Дедушка взял один цветок, поглядел на него и сказал:

— А эти цветы ещё по-другому называются. Ещё их зовут «золотые ключики». Видишь — будто связка ключей висит?

— Вижу, — сказала Таня.

— А про эти «золотые ключики» я такую историю слышал...

— Расскажи, дедушка, расскажи! — закричала Таня и поближе придвинулась к дедушке.

А дедушка закурил свою сигарку и начал такую историю:

— Говорят, этот цветок весне двери отпирает. Зима тянется долго. И людям и зверям холодно. А птицы и вовсе пропадают от метелей да от стужи.

Но вот приходит месяц Март. Тут все: и люди, и звери, и птицы начинают просить:

«Месяц Март, бери золотые ключи, отпирай Весне золотые ворота!»

А Март отвечает:

«Отпер бы я Весне золотые ворота, да нет у меня золотых ключей. Золотые ключи месяц Апрель унёс!»

Прошёл месяц Март, подходит Апрель. Опять люди, и звери, и малые пташки просят:

«Месяц Апрель, бери скорее золотые ключи, отпирай Весне золотые ворота!»

Но что тут поделывать! И у месяца Апреля нет золотых ключей.

«Не могу я отпереть Весне золотые ворота: золотые ключи месяц Май унёс!»

Стали и люди, и звери, и малые птицы месяца Мая ждать. А как месяц Май пришёл, то и стали просить:

«Месяц Май, у тебя ли золотые ключи? Отпирай поскорее золотые ворота, впускай Весну-красну!»

Тут месяц Май вынул золотые ключики, позвенел связкой:

«Вот они, золотые ключи. Сейчас отопру золотые ворота, впущу Весну-красну!»

Отпер месяц Май золотые ворота, и заиграло солнышко, зацвели дубравницы, проглянула зелёная трава... Отворились золотые ворота, пришла Весна-красна на землю!

Все тут — и люди, и звери, и малые пташки — на солнышке обогрелись.

Месяц Май отпер ворота, а золотые ключики уронил невзначай. Те ключики упали на лужок, и вырос из них вот этот цветик...

Таня молча разглядывала нежный жёлтый цветок, похожий на связку ключиков, и молчала. И виделось ей, как в дедушкиной сказке бродит Весна-красна по окрестным лугам и полям, обряжает рощу зелёной листвой, сажает медуницу в раkitнике. А где-то далеко за лесом горят на солнце и тонко поют под ветром высокие золотые ворота, через которые пришла Весна на землю.

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

ДОМ ПОД ТЕЛЕГОЙ

На улице было жарко, солнце лежало и на траве и на дороге. И только под телегой, которая стояла у двора, притаился кусочек тени и холодку.

Таня и Алёнка залезли под телегу со своими куклами.

— Это будет наш дом. Ладно, Алёнка?

— Ладно.

— Мы тут обедать будем.

— А что обедать?

— Да из огорода принесём!

Девочки усадили кукол в кружок, а сами сбегали в огород и принесли всякой еды: и свежей морковки, и зеленых огурчиков, и гороховых стручков. Подкатали под телегу круглый чурбак, накрыли его лопухом — вот и стол, накрытый скатертью. Нарвали круглых листьев подорожника — вот и тарелки. Разложили угощение по тарелкам — садитесь, гости, обедать!

Но тут осмотрела Таня накрытый стол и сказала:

— А хлеба нет! Какой же это обед без хлеба?

Таня хотела бежать домой за хлебом, но Алёнка остановила её:

— Вот Дёмушка наш идёт с куском, у него возьмём.

Дёмушка не спеша подходил к телеге. В одной руке он держал большой красный помидор, а в другой — ломоть хлеба с солью. А рядом с Дёмушкой бежал Снежок и, виляя лохматым хвостом, поглядывал на хлеб.

Алёнка позвала Дёмушку:

— Дёмка, будешь играть?

— Буду, — сказал Дёмушка.

— Ну, лезь под телегу, садись за стол. А хлеб не ешь.

— А куда же его?

— А вот сюда. Клади на тарелку, вместе обедать будем.

Все уселись вокруг чурбака. И Снежок сюда же присунулся. Под телегой было тесно, но зато весело. И солнце не пекло.

Таня была хозяйкой за столом и всех угощала:

— Вот морковки покушайте. Вот огурчики. А вот горох очень сладкий, прямо сахарный!

Таня угощенья брала понемножку, и Алёнка понемножку. А Дёмушка как попробовал горох, так и сгрёб почти все стручки к себе на колени.

— Ты что же это! — сказала Таня. — Так в гостях разве делают? По одному стручку должен брать!

— А по одному не распробуешь...

— Жуй получше, вот и распробуешь. Клади горох обратно!

Таня потянулась к Дёмушке за горохом. А в это время Снежок улучил минутку, схватил хлеб со стола и съел его вместе с «тарелкой».

— Ой, ну что за гости такие! — закричала Алёнка. — Так всё со стола и хватают!

А Таня рассердилась и вытолкала Снежка из-под телеги.

— Уходи отсюда, нам таких гостей не нужно!

— А вон Танина мамка идёт с лошадьё, — вдруг сказал Дёмушка, высунувшись из-за колеса. — Запрягать, наверно.

Он проворно схватил горсть сладких стручков, вылез из-под телеги и убежал.

— Ну и беги, — сказала Таня, — мы и одни можем...

В это время к телеге и правда подошла Танина мать и подвела на поводу тёмно-гнедую лошадь Ночку.

— Это что, как воробьи под застреху забились? — сказала мать, заглядывая под телегу. — Вылезайте, запрягать буду!

— А тут наш дом! — закричала Таня.

— Ваш дом сейчас в поле за снопами поедет, — ответила мать и стала вводить лошадь в оглобли.

Таня быстро выскочила из-под телеги. И Алёнка за ней.

— А мы тоже с тобой! — попросила Таня. — Мамушка, можно — мы тоже с тобой в поле?

— Лезьте в телегу, — сказала мать, затягивая на лошади хомут.

Подружкам не надо было повторять. Они живо взобрались на телегу. Мать запрягла лошадь, села на край телеги, дёрнула вожжами. Ночка быстро побежала по белой, сухой дороге; телега покатила... Снежок позабыл, что его недавно вытолкали из гостей, весело закрутил свой лохматый хвост и побежал следом. А на лужке остался круглый стол — чурбак, накрытый зелёной скатертью, и куклы сидели вокруг него, протянув руки к надкусанным огурцам и морковкам.

ПРЯТКИ ПОД СТОЙКАМИ

Ночка бежала рысью, и телега весело катилась по улице — мимо пруда, мимо скотного двора, за околицу. А как только выехали за околицу, высокая рожь сразу с двух сторон подступила к

дороге. Спелые колосья тихонько кивали и покачивались в солнечной тишине.

— Гляди-ка, мамушка, — сказала Таня, — как нам рожь кланяется! Это она здоровается с нами — да?

— Конечно, — улыбнулась мать, — а как же? Своих узнаёт!

— Вроде трещит где-то... — сказала Алёнка прислушиваясь.

Таня привстала на телеге.

— Где? — и тут же закричала: — Вижу! Крылья крутятся — жнейка идёт! Это жнейка трещит, а ты, Алёнка, не узнала? Мамушка, мы сейчас сбегает посмотреть!

Таня хотела соскочить с телеги, но мать сказала:

— Да куда вы по хлебам пойдёте? Вот выедем на скошенное, тогда и бегите по стерне. Сто раз на эту жнейку смотрели — и всё им интересно!

— А когда смотрели-то? — сказала Таня. — Ещё в прошлом году, когда маленькие были. А в этом году ни разу не смотрели! Вон как она крыльями взмахивает. Алёнка, ты видишь?

Но Алёнка плотно сидела на телеге. Одной рукой она держалась за перекладину, а другой отводила ржаные колосья, которые то и дело стучали её по лбу и щекотали своими короткими сухими усиками. И никакой жнейки она не видела.

Но вот поле словно раскрылось и раздвинулось — дорога выбежала на жнивье. На скошенном стало далеко видно: и лес, и кусты в овражке, и за овражком — дальнее поле. А на дальнем поле ещё стояла рожь, и видно было, как светлые золотые волны идут по ржаным просторам.

Две лошади, рыжая и серая, тащили жнейку. Жнейка трещала, как большой кузнечик, вертела крыльями и проворно работала острыми ножами. Подкошенная рожь ложилась на жнейку. А когда набиралась большая охалка ржи, жнейка своим крылом мягко сбрасывала её на стерню.

Следом за жнейкой шли колхозницы. Они подбирали рожь, вязали её в снопы, а снопы ставили в стойки. Всё поле пестрело от стоек. Снопы стояли словно шалашики: днищами к земле, а колосьями кверху. Пускай солнышко ещё погрееет зерно, пускай ветерок его ещё подсушит.

Таня и Алёнка соскочили с телеги и побежали к жнейке.

— Алёнка, ты видишь, какие у неё зубчики? — спросила Таня. — Видишь на крыле — как грабли всё равно? Вот она ими и сбрасывает рожь! Видишь?

Но Алёнка не ответила. Таня оглянулась — почему это Алёнка молчит? Смотрит, а её нет. Таня остановилась:

— Алёнка!

— Вот тебе и Алёнка! — засмеялась колхозница Елена Дозорова, которая тут же вязала снопы.
— Вот тебе и подружка! Пропала!

Таня медленно пошла по полю. Вдруг откуда-то послышался Алёнкин голос:

— Ку-ку!

Таня улыбнулась:

— А, спряталась!

Она стала искать Алёнку и под одной стойкой увидела между снопами кусочек синего Алёнкиного платья.

— Вижу, вижу! Сама спряталась, а платье видно!

Алёнка засмеялась и вылезла из-под стойки.

— А вот я спрячусь, так уж не найдёшь! — сказала Таня. — Ну, закрой глаза!

Алёнка закрыла глаза ладонями. А Таня забежала далеко, к самой крайней стойке, залезла под снопы и подобрала платье. Пускай теперь Алёнка поищет!

Алёнка ходила по полю и заглядывала под каждую стойку. А потом остановилась и стала кричать:

— Таня, ау! Таня, где ты? Ау!

— Ишь какая! — тихонько засмеялась Таня. — Искать не хочется, вот и кричит. Поищи, поищи!

Под стойкой было жарко. Плотные снопы тесно стояли вокруг. Они были новенькие, чистые. А колосья так густо сомкнулись над головой, что будь хоть дождик, хоть гроза — всё равно Таню не промочило бы. Только в щели между снопами ярко светилось синее небо.

— Таня, Танюшка, ау! — кричала Алёнка.

А Таня опять засмеялась:

— Поищи, поищи!

Вдруг что-то зашуршало по стерне. И между снопами под стойку просунулась белая с чёрным носом Снежкова морда. Снежок посмотрел на Таню и весело залаял.

— А, вот где ты! — закричала Алёнка. — Вылезай, мы тебя нашли!

Таня вылезла из-под стойки.

— И что это ты, Снежок, лезешь? — сказала она. — Звала я тебя, да?

А Снежок глядел на неё и только хвостом махал, будто хотел сказать: «Ну и что ж, что не звала! Ты спряталась, а я нашёл! А может, я тоже в прятки играть умею!»

НА ДАЛЬНЕМ ПОЛЕ

Пока Таня и Алёнка прятались под стойками, мать уже навилла воз. Снопы плотно лежали крест-накрест, колосьями внутрь. А чтобы снопы не скользили и не разъезжались, мать прихватила их верёвкой и сама села на воз, в самую середину.

— Побежим, — сказала Алёнка, — прокатимся!

Но Таня будто не слышала. Она глядела на дальнее поле за овражками, на большие хлеба, по

которым шли светлые золотые волны.

Алёнка потянула её за рукав:

— Тань, скорей! Полезем на воз!

— Алёнка, гляди-ка, — не слушая её, сказала Таня, — а ведь там комбайн ходит!

Алёнка пригляделась:

— Ага. Комбайн.

— Вот бы на чём прокатиться-то! На самую бы верхушку залезть...

— А на возу тоже высоко.

— Ну, Алёнка, что ты говоришь! На возу-то уж мы сколько раз ездили, когда ещё маленькие были! Ну, что на возу? Воз лошадь везёт. А там машина! И на самом верху колесо такое есть — штурвал. Наш дедушка говорит, что на кораблях тоже такие штурвалы есть — для управления. Понимаешь?

Алёнка кивнула головой:

— Понимаю.

Лошадь осторожно тронула воз со снопами.

— Со мной поедете или тут останетесь? — крикнула с воза мать.

— Тут останемся! — ответила Таня.

— Ну оставайтесь, — сказала мать, — а когда второй раз приеду, тогда и вас с собой заберу, — и поехала с поля.

Жнейка стрекотала и сбрасывала охапки ржи. Женщины вязали снопы, весело перекликались друг с другом, ставили стойки.

А Таня шаг за шагом уходила всё дальше и дальше к овражкам, к большому полю за овражками, где среди светлых золотых хлебов медленно шёл комбайн.

Алёнка плелась вслед за Таней. Ей не хотелось отставать от своей подружки, а идти тоже не хотелось, потому что было колко. И Алёнка то и дело останавливалась:

— Уф, колется как! И охота была к комбайну идти, лучше бы на снопах поехали!

Но когда выбрались на дорогу, то и Алёнка перестала жаловаться.

Подружки бегом побежали на большое поле. А по большому полю уже двигался им навстречу комбайн.

— А у него тоже крыло крутится! — удивилась Алёнка. — Как у жнейки всё равно!

— Да, правда, — сказала Таня, — только он рожь на землю не кладёт, а прямо к себе на полотне тащит! Видишь?

— Нет, кладёт! — заспорила Алёнка. — Гляди, гляди, вон целую охапку на стерню выбросил! И вон ещё сколько...

— Да разве это рожь? Это же пустая солома — мне дедушка говорил!

Таня вдруг задумалась. Потом сказала тихонько:

— А если бы мой папка жив был, он бы тоже на комбайне работал...

Вдруг издали слышались звонкие голоса. И на сжатом пологом склоне весело запестрели майки, платья, платки...

— Что это все наши ребята в поле пришли? — удивилась Таня. — Может, они хотят стойки ставить?

— Нет, это они, наверно, пришли колоски собирать! — догадалась Алёнка.

— Алёнка, пойдём и мы с тобой колоски собирать, — сказала Таня.

Алёнка обрадовалась:

— Пойдём!

Таня и Алёнка побежали к ребяташкам.

В поле пришли все колхозные школьники и пионеры: и Юра председателей, и Ваня Дозоров, и Ариша Родионова, и Петя Рябинин, и Нюра Туманова... Да всех и не переберёшь!

Они шли рядом по скошенному полю и подбирали упавшие колоски — кто в мешок, кто в фартук.

Нюра Туманова первая увидела Таню и Алёнку.

— А вы зачем сюда прибежали? — сказала она. — Вы ещё не школьники.

— Ну и что ж, что не школьники! — ответила Таня. — А мы тоже скоро в школу пойдём!

— Мало ли что скоро, а всё-таки ещё не школьники!

Тут к ним подошёл вожатый Ваня Дозоров.

— Вы что спорите?

— Смотри-ка, — сказала Нюра, — пришли колоски собирать, а сами ещё и в школу никогда не ходили!

— Тем лучше, — сказал Ваня, — ещё и не школьники, а уж помогать пришли.

Он поставил Таню и Алёнку рядом с Нюрой.

— Смотрите внимательно, — сказал он, — все до одного колоска собирайте, чтобы поле было чисто-начисто убрано.

— Тань! Ты во что собирать будешь? — спросила Алёнка.

— Я — в фартук. А ты?

— Тань, а у меня и фартука-то нет!

— Ну, а ты в мой клади. Вместе собирать будем.

Так шли ребяташки вереницей по полю, шли с песнями, с разговорами и собирали колоски. Сухая стерня шелестела у них под ногами. Сухие колоски шелестели у них в фартуках и мешочках...

А над головой в синем небе жарко горело солнце последним своим, августовским жаром.

— Мне что-то всё не попадаются и не попадаются! — сердилась Алёнка.

— Мне самой только три попалося, — сказала Таня, — да и то один сломанный!

А Нюра услышала и засмеялась:

— Вот так умны: сердятся, что колосья не попадаются! Ну, раз не попадаются — значит, скошено хорошо!

НАХОДКИ В ПОЛЕ

Шли и шли ребята по полю... Вдруг Юра председателев закричал:

— Гнездо!

Все побежали смотреть гнездо, окружили Юру. Таня и Алёнка тоже побежали. Только Таня отстала, потому что она не сразу побежала, а сначала сняла фартук с колосками и положила на то место, где остановилась.

Гнёздышко было маленькое, из сухих травинок и мягких стебельков. А в гнёздышке лежало немножко рыжих коровьих шерстинок.

И больше ничего в нём не было.

— А где же птенчики? — спросила Алёнка.

Все засмеялись:

— Вот хватилась! Да уж птенчики выросли давно, уж они теперь улетать собираются!

— А чьё это гнездо? — спросила Таня.

Нюра Туманова опять засмеялась:

— Чьё! Куриное, наверно!

Но Ваня Дозоров сказал:

— Зря смеёшься! Таня верно спросила. У каждой птицы — своё гнездо. Ну, а какая птица во ржи гнездо вьёт? Ребята, кто знает?

— Жаворонок! — закричали ребята.

— Перепел!

— А это чьё гнездо?

— Перепела!

— Нет, не перепела. — Ваня Дозоров взял гнёздышко в руки. — Это гнездо жаворонка, — сказал он, — а перепела яички кладут прямо на землю. Выроют в земле ямочку, положат туда какой-нибудь мягкой травки, соломки тут и выводят птенцов. Мы это гнёздышко возьмём с собой, в юннатский уголок. А вы, ребята, беритесь за работу, становитесь, кто где был, ни одного шага не пропускайте.

Ребята разбежались, хотели встать, кто где был, но все забыли, где они остановились. Только Таня знала своё место, потому что там лежал её голубой фартук с колосками.

— Вот молодец, Танюшка! — сказал Ваня Дозоров. — Смотрите, а? Хоть ещё и не школьница, а всех догадливей у нас оказалась.

И все стали говорить:

— Вот у нас Татьяна — маленькая, да удаленькая. Наверно, хорошая ученица будет!

Только Нюра Туманова ничего не сказала. Она молча встала рядом с Таней и принялась собирать колоски.

И ребята опять пошли по полю, опять зашуршала сухая стерня под ногами, зашуршали колоски в фартуках и мешочках. И Снежок бегал тут же, искал мышей в норках.

Вдруг Снежок остановился и начал лаять.

— Снежок, ты кого увидел? — крикнула Таня.

Снежок поглядел на Таню и опять залаял.

— Я сбегаю посмотрю, — сказала Алёнка.

Она сунула свой колосок Тане в фартук и побежала. Подбежала к Снежку и всплеснула руками:

— Ой, тут ёжик! Тут ёжичек по тропочке идёт!

Ребятишки не утерпели, побежали смотреть ёжика. Только на этот раз положили на те места, где остановились, свои фартуки и мешочки с колосками.

Ёжик увидел людей, зафыркал и свернулся клубком. Ни лапок, ни чёрной мордочки — одни иглы торчат во все стороны!

— Давайте его тоже в живой уголок возьмём! — сказал Ваня Дозоров. Юннаты, кто может ежа взять?

— Я могу! — крикнул Юра председателев.

Он живо снял с себя майку, накрыл ею ёжика и закатал его в эту майку, будто в узелок.

Тане стало жалко ёжика.

— Не надо его брать, — сказала она, — пускай он в поле бегаёт, ему у вас скучно будет!

— Ничего ему скучно не будет, — ответил Юра, — у нас уже есть один ёжик. Вот тому ёжику, правда, скучно. А теперь им вдвоём будет весело!

— А вы там их, может, не кормите, — сказала Таня, — может, забываете!

— Как это так — мы забываем! — рассердился Юра. — Мы ведь юннаты!

— Ты же сама скоро в школу придёшь, — сказал Тане Ваня Дозоров, — вот и будешь их кормить!

Таня обрадовалась:

— Я? А мне разве можно?

— А почему нельзя? Ты у нас тоже юннаткой будешь.

— Ну ладно! — согласилась Таня. И улыбнулась. А потом потрогала сквозь майку ежиные колючки и сказала: — Ничего, ничего, ёжичек, не фыркай! Мы тебя будем кормить. Мы тебе будем молока давать, вот увидишь!

А когда все ребята снова принялись собирать колоски, Алёнка сказала:

— А что бы нам ещё для юннатского уголка найти?

— Не знаю, — ответила Таня. — Давай получше посмотреть, может, ещё кто встретится.

Но им больше никто не встретился, потому что поле кончилось.

И Ваня сказал:

— Ребята, теперь мы пойдём домой. А все колоски давайте в один большой мешок ссыплем.

Ваня держал большой мешок. И все ребята высыпали свои колоски в этот мешок. И Таня высыпала туда же из голубого фартука свои колоски и Алёнкины. Все собрали понемножку.

— Вот и мы колхозу помогли! — весело сказала Таня. — А я даже ничуть и не устала!

— И я не устала! — подхватила Алёнка. — Побежим?

— Побежим! — согласилась Таня.

Они взялись за руки и побежали по мягкой и Солнечной полевой дороге. И Снежок, закрутив свой лохматый хвост, весело побежал за ними.

НА ТОКУ

Таня и Алёнка миновали овражек и вышли на ближнее поле, где работала жнейка и где они сегодня прятались под стойками. Стоек в поле стало гораздо меньше. В поле возить снопы пришли машины. А на машину можно целую гору снопов погрузить, не то что на телегу. Но и на лошадях тоже возили. Чем скорее убрать хлеб, тем лучше. Везы со снопами шли и шли с

поля на колхозный ток.

— Смотри-ка, смотри-ка! — закричала Алёнка. — Вон твоя мамка на возу едет! Уж она, наверно, третий раз приехала — а нас всё нет и нет!

Таня обрадовалась и замахала рукой:

— Мамушка, возьми к себе на воз!

Мать выехала со жнивья на дорогу и остановила лошадь:

— Ну, взбирайтесь!

Таня и Алёнка подбежали к возу. «Взбирайтесь!»! А как взбираться? Воз стоит широкий, как печка... Мать смотрела на них сверху и смеялась:

— Ну, что же вы вокруг воза ходите? Влезайте!

— А за что держаться? — спросила Таня. — Прямо за снопы?

— Становись на оглоблю, — сказала мать, — а теперь — лошади на спину... Становись, становись, не бойся!

Таня робко взобралась с оглобли на лошадь. Лошадь стояла тихо, только помахивала головой, отгоняя мух, и шерсть у неё на спине была гладкая и тёплая.

— Ну, а теперь давай руку — и сюда! — сказала мать.

И не успела Таня оглянуться, как уже сидела рядом с матерью на широком возу.

— А я как же? — спросила Алёнка.

— Да и ты так же, — ответила мать, — видала, как Танюшка? Лезь, не бойся, я руку подам!

— Лезь, лезь! — крикнула Таня. — Здесь хорошо!

Алёнка изловчилась и тоже взобралась на воз.

— Все тут, — спросила мать, — или там ещё кто есть?

— Все тут! — ответила Алёнка.

Вдруг снизу еле слышно проскулил Снежок. Он стоял у оглобли, вертел хвостом и глядел вверх просящими глазами.

— И тебя на воз? — засмеялась мать. — Ну уж нет, ты и пешком пробежаться можешь. У нас по две ноги, а у тебя четыре!

Мать тронула вожжами, и лошадь пошла. Воз тихонько покачивался. Таня и Алёнка сидели в самой середине, в гуще тёплых колосьев, и крепко держались за верёвку. На возу жарко пахло свежей соломой, снопы были тугие, гладкие, и в каждой соломинке блестело солнце.

Воз медленно проехал через поле и повернул к риге. Около риги стояли высокие крутые копны. Мать слезла с воза, подвела лошадь к копнам и развязала верёвку, которой были

связаны снопы.

— А вы слезать будете или нет? — крикнула она девочкам.

— Нет, не будем! — ответила Таня.

— Не будем! — повторила и Алёнка.

Они засмеялись и поглубже зарылись в снопы.

— Ну, значит, придётся вместе со снопами сваливать, — сказал бригадир дядя Савелий.

Он налёг плечом на воз, воз накренился, снопы заскользили и поползли.

— Ай-ай, падаем! — кричали Таня и Алёнка.

Они смеялись и хватались за снопы. Но воз кренился всё больше, колёса с одной стороны совсем поднялись — и снопы горой свалились на землю. Таня и Алёнка со смехом барахтались в снопах. Снежок поглядел-поглядел на них да и тоже прыгнул к ним в снопы. А мать и дядя Савелий смотрели на них и тоже смеялись.

— Вот как у нас пассажиров высаживают! — сказал дядя Савелий. Будете знать!

— А мы как с горки съехали! — ответила Таня. — Ничуть и не страшно даже!

— Даже и ничуть! — подтвердила Алёнка.

Девочки вылезли из снопов, отряхнулись. А мать сбросила с телеги последние снопы и сказала:

— Садитесь, домой отвезу.

— Мы не поедem, — ответила Таня, — мы ещё будем помогать!

— Ну, помогайте, — сказала мать. И уехала.

— Тань, а что мы помогать будем? — спросила Алёнка.

— А что-нибудь, — сказала Таня, — что велют.

Около риги стояли три копны. А рядом клали ещё копну. Проворная девушка Варя Соколова подавала снопы, а дядя Кузьма их укладывал. Он укладывал их кружком, плотно друг к другу, колосьями внутрь. Если дождь пойдёт, пускай солому мочит, а колосья внутри копны сухими останутся. Копна становилась всё выше и выше, и Вале всё труднее было кидать наверх тяжёлые снопы.

— Варя, давай мы тоже будем снопы кидать? — сказала Таня.

Но Варя ответила:

— Вам не докинуть, тяжело. Лучше идите на ток, там помогайте.

На току было очень шумно. Тарахтела молотилка, трещали веялки, шелестела солома. Мальчишки, отвозившие солому, покрикивали на лошадей. Соседка Марья подавала снопы в молотилку. Молотилка без усталости хватала их один за другим железными зубьями.

А тётка Марья стояла вся закутанная платком, потому что пыль вихрем кружилась над молотилкой.

— Туда не полезем, — сказала Алёнка, — там пыльно.

— Мало ли что пыльно, — ответила Таня. — А если нужно?

Дядя Савелий услышал их.

— Туда вас и не пустят, — сказал он, — там работать надо умело.

— Дядя Савелий, а куда же нам?

— А вы идите к веялке сор отгребать.

Веялка весело трещала, лёгкая мелкая солома взлетала над ней. А внизу по жёлобу текло тяжёлое чистое зерно. Две девушки стояли с мётлами и осторожно сметали с зерна соломинки, остатки колосьев, упавшие сверху.

— А где ещё метла? — спросила Таня. — Мы тоже будем сор сметать.

— Вы, пожалуй, вместе с сором и зерно сметёте, — сказала одна девушка, Груша Миронова. — Вы, девчатки, лучше возьмите грабли да отгребайте солому от гумна.

Девочки сбегали за граблями под навес и стали отгребать обмолоченную солому. Солома была лёгкая и светлая, как облако.

— Так-так! — кричали им колхозницы, которые тоже отгребали солому. Живей, живей, дремать некогда!

— Грабли у них так и взлетали, солома так и шумела.

Таня с Алёнкой тоже старались изо всех сил.

Вдруг далеко-далеко в деревне прозвонил колокол.

Прозвонил и затих.

— Кончай работу! — сказал дядя Савелий. — На обед прозвонили!

Молотилка загудела тише и остановилась. Веялка перестала трещать.

Дядя Савелий большой деревянной лопатой подгрёб и подровнял ворох намолоченной ржи.

Таня и Алёнка отнесли грабли под навес.

— У меня весь лоб мокрый, — сказала Таня, — а у тебя?

— И у меня! — ответила Алёнка. — И лоб мокрый и шея! И везде колючки набились!

Таня и Алёнка стали вытаскивать из волос солому и колючки — усики от колосьев. Отряхнули платья. В это время на ток пришёл Танин дедушка.

— Дедушка, — закричала Таня, — а мы с Алёнкой солому отгребали!

— Молодцы! — сказал дедушка. — Хорошее хорошо и послушать.

— Дедушка, а ты что — молотить пришёл?

— Да не молотить, а ворох сторожить. Я у вороха посижу, пока народ пообедает. А то мало ли что? Может скотина забрести, может птица налететь.

— Так мы пошли, Мироныч! — сказал дядя Савелий. — Гляди не задремли тут у вороха!

— Да уж не задремлю, — ответил дедушка. — Обедайте спокойно, я колхозному хлебу цену знаю!

ПОДРУЖКИ ПОМОГАЮТ СТОРОЖИТЬ ВОРОХ

Все ушли с гумна — и дядя Савелий, и дядя Кузьма, и все колхозницы. И сразу наступила тишина.

— А вы что, пичужки, тут присели? — сказал дедушка. — Ступайте домой обедать — небось умаялись.

— А мы не умаялись, — ответила Таня. — Мы с тобой будем хлеб сторожить.

Таня подсела к вороху. Она провела рукой по серебристому зерну, запустила руки в ворох, зачерпнула пригорошни и просыпала зёрна обратно сквозь пальцы. А ворох лежал перед ней, как тяжёлая гора, и каждое зерно блестело, словно чеканное.

Дедушка уселся на снопах под навесом. Тогда и Таня с Алёнкой примостились около него и тут же начали рассказывать дедушке:

— Мы сегодня колоски подбирали в поле!

— А когда колоски собирали — ёжика встретили!

— И гнездо нашли!

— Только гнёздышко совсем пустое, — сказала Алёнка, — ни одного птенчика не было.

— Ну, какие же теперь птенчики! — сказал дедушка. — Они уже теперь все выросли, летают, в дальний путь готовятся. Да уж и пора им в тёплые страны — сентябрь месяц стоит у околицы, осень ходит по лесу, деревья красит...

Таня задумалась. Ей вспомнилось, как весной летели из тёплых стран лебеди и кричали. А гуси шли по дороге, поднимали головы и слушали их.

— Дедушка, а лебеди опять в тёплые страны полетят?

— Опять полетят. И жаворонки полетят. И ласточки. И журавли... А как журавли через море летели, я один раз сам видел.

— Как, дедушка?

— Я тогда был в Крыму. Мне дали путёвку в дом отдыха, я и поехал.

— Дедушка, а какой это — Крым?

— А это место такое — Крым, у самого моря. Кругом горы, а море синее-синее и всё шумит, и всё шумит, и волны одна за другой бегут к берегу... Вот так сижу я как-то утром на берегу, смотрю на эти синие волны, слушаю, как они шумят. Вдруг знакомые голоса: «Курлы! Курлы!» Я так и привскочил — неужто журавли? Поднял голову, а они летят из-за горы. И пошли, пошли через море на тот, на турецкий берег. Летят, а сами кричат-покрикивают — да так жалобно, словно не хочется им на чужой берег лететь, словно они с родиной прощаются.

— Ой, дедушка, — прошептала Таня, — мне их жалко!

— А что ж поделаешь, — сказал дедушка, — родина-то всем дорога! Но птицы свои родные места крепко помнят. Переждут холода — и снова домой. Да с радостью, да с песнями!

— Таня вытерла глаза ладонью.

— А между тем, — продолжал дедушка, — пока мы тут разговариваем, у нас к вороху жеребятки подбираются!

Таня сразу вскочила:

— Где?

Жеребятки паслись недалеко на лужке. Надоело им щипать траву, они и подобрались к риге, хотели попробовать хлеба. Но из-под навеса выскочили Таня и Алёнка, закричали на них, замахали руками. А тут ещё, откуда ни возьмись, Снежок выскочил и залаял. Жеребята испугались и убежали обратно на лужок.

— Снежок, а ты где был? — удивилась Таня. — Я думала, уж ты давно домой убежал!

— Наверно, в снопах спал, — сказала Алёнка. — Вон в хвосте сколько соломы набилось!

Так и сидели Таня и Алёнка с дедушкой, а дедушка рассказывал им и про ласточек, которые на лету поезд обгоняют, и про коростеля, который летать не любит, а всё больше пешком ходит...

— Дедушка, — сказала Таня, — вот ты говоришь — сентябрь месяц у околицы стоит... А ведь мы с Алёнкой первого сентября в школу пойдём!

— Мне мамка уже кармашки для азбуки сшила, — отозвалась Алёнка.

— И мне бабушка сшила, — сказала Таня, — с красной каёмочкой. Это касса называется.

— В добрый час! — ответил им дедушка. — Значит, скоро будете мне книжки читать, а я буду слушать. У меня-то глаза совсем плохо видеть стали!

А потом зазвонил в деревне колокол. И дедушка сказал:

— Ну, вот и кончена наша сторожа. Сейчас народ на работу, а мы — на обед. Бегите домой, пичужки!

Таня и Алёнка побежали домой. Таня как вошла в избу, так прямо к бабушке:

— Бабушка, дай, пожалуйста, скорей пообедать: мы сегодня с Алёнкой целый день колхозу помогали!

ГРУШЕВОЕ ЯБЛОЧКО

Утром Алёнка явилась с большим подсолнухом. Подсолнух был широкий, как корзинка, и весь набит чёрными шелковистыми семечками. Алёнка вытаскивала по одному семечку, и в подсолнухе оставалось светлое пустое гнёздышко.

А Таня укладывала кукол спать. Она вчера совсем про них забыла, и куклы всю ночь просидели на улице за круглым чурбаком. Зелёная «скатерть» у них завяла, «тарелки» съёжились, угощение расклевали куры, а их самих насквозь промочила ночная роса.

— Тань, а нынче куда помогать пойдём? — спросила Алёнка, выщипывая семечки.

Таня закрыла кукол одеялом и тоже взялась за Алёнкин подсолнух.

— Я не знаю, — сказала она. — Может, опять на гумно?

— Ступайте лучше к садовнику дяде Тимофею, — сказала бабушка, — он сегодня народ собирал яблоки снимать. А народу мало — все в поле да на молотье.

Подружки разломали подсолнух пополам и пошли в сад к дяде Тимофею.

Дёмушка услышал, что они идут яблоки снимать, и тоже пошёл с ними.

— Как солому отгрести, так ты не приходил, — сказала Алёнка, — а как про яблоки услышал, так сразу прибежал!

Дёмушка ничего не отвечал, но шагал и шагал следом за ними.

Колхозный сад был со всех сторон обнесён частой изгородью и обсажен тополями. Тополя чуть-чуть шумели серебристыми листьями. Они стояли ровной стеной, защищая сад от холодных ветров.

Калитка в сад была открыта. Недалеко от калитки стоял соломенный шалаш. А около шалаша лежали новенькие дощатые ящики, несколько снопов свежей жёлтой соломы и большие кучи яблок. Колхозный сторож дед Антон укладывал яблоки в ящики, а внуки его, Ваня и Вася, помогали ему.

Среди деревьев то тут, то там виднелись пёстрые платки и кофты колхозницы снимали яблоки с веток.

Таня, Алёнка и Дёмушка друг за другом вошли в сад и остановились. Дядя Тимофей увидел их:

— Вам что — яблочка?

— Да, — сказал Дёмушка.

— Нет, мы не за яблоками! — поспешно сказала Таня и сердито дёрнула Дёмушку за рукав. — Мы помогать пришли!

— Вот ребяташки молодцы! — сказал дядя Тимофей. — А мне подмога как раз очень нужна, народу у меня сегодня мало.

Дядя Тимофей велел им собирать в кучу паданцы — упавшие с веток яблоки.

— Если какое понравится — съешьте, — сказал он, — но с деревьев не рвите.

Ребятишки разбрелись по широкому саду. И что это за прекрасный был сад! Таня шла и не знала, куда глядеть: то ли вниз, под ноги, искать упавшие яблоки, то ли вверх, на яблони, которые стоят кругом, как в хороводе. Яблоки висели над её головой — и красные, и розовые, и жёлтые, и с румянцем, и без румянца, и зелёные с тёмно-красными полосками.

— Что ж ты только ходишь и смотришь, а ничего не собираешь? — сказала ей Алёнка. — Я уж вон сколько набрала и два яблочка съела!

Таня спохватилась и тоже стала собирать паданцы из травы — то там, то здесь выглядывали яблоки: одно с ушибленным бочком, другое подгрызенное червяком, третье — недозрелое... Таня собирала их в свой голубой фартук. А когда попало яблочко румяное Да рассыпчатое, Таня сказала:

— Какое понравится — можно съесть. А вот это мне очень нравится! — и съела сладкое яблочко.

Так ходили Таня, Алёнка и Дёмушка по саду, собирали яблоки, носили их в кучу к шалашу. И сами лакомились: как попадётся яблочко послаще, то и съедят.

А Дёмушка не столько собирал, сколько ел. Наконец ему надоело собирать паданцы.

С ветки глядели на него крупные круглые яблоки — тёмно-красные, почти коричневые. Дёмушка легонько тронул ветку, тряхнул её — яблоки не упали. Но откуда-то сверху вдруг сорвалось одно большое яблоко, прошумело сквозь листву и ударило Дёмушку по макушке.

— Ой! — сказал Дёмушка и отскочил в сторону.

Тут подбежала к нему Алёнка и закричала:

— Ты что — яблоки рвать? Сейчас дяде Тимофею скажем!

— Я и не рвал даже! — сказал Дёмушка и потёр ладонью свою макушку. Оно само упало.

Но тут и Таня на него напустилась:

— А зачем ветку трогал? Эх, ты! Дядя Тимофей тебя в сад пустил, а ты его обманываешь, яблоки рвёшь!

Дёмушка ничего не стал отвечать им. Он молча собирал паданцы в подол рубахи. И то яблоко, которое сверху упало, тоже положил и отнёс к шалашу.

Ребятишки собирали да собирали яблоки. Целый ворошок яблок натаскали.

— Вот спасибо! — сказал дядя Тимофей. — Крепко мне помогли сегодня. А за работу возьмите себе яблок — какие вам захочется, какие на вас глядят!

Дёмушка насовал себе в карманы медовых ранеток. Алёнка набрала красных полосатых. А Таня выбрала себе три самых больших яблока. Одно жёлтое, прозрачное — это дедушке. Другое рассыпчатое, красное — это бабушке. Третье золотое, наливное, с румяным бочком — это матери.

— А себе что же? — спросил дядя Тимофей.

Таня улыбнулась:

— А мне больше не надо. Я их и так сегодня много съела.

— Ну, тогда я тебе сам подарю, — сказал дядя Тимофей.

Он снял с дерева грушевое яблочко, самое сладкое, самое душистое, и отдал его Тане.

Вечером все — и бабушка, и дедушка, и мать — пили чай с яблоками и хвалили Таню:

— Вот какая у нас Таня славная помощница растёт!

КАК ДЁМУШКА СНЕЖКА УГОЩАЛ

На другой день Таня помогала бабушке собирать огурцы в огороде. Все огурцы собрали — одни плети с шершавыми листьями остались на грядках. Бабушка вымыла огурцы и засолила их в большой кадучке.

— Вот и управились с огурцами, — сказала она.

Но на другой день пришла с колхозных огородов грузовая машина. А в машине — полон кузов огурцов.

Сима-огородница сказала:

— Это колхозникам на трудодни будем раздавать, — и велела высыпать их около колхозной кладовой.

— Вот тебе раз! — сказала бабушка. — А я-то думала, что с огурцами управилась... И куда это столько огурцов нынче уродилось!

Пока сгружали огурцы, около машины собрались ребяташки. И не успели ещё борта закрыть, а они уж сидели в кузове, как белые грибы в корзинке.

— А куда это вы поедете, интересно знать? — спросил шофёр.

— Куда ты поедешь, туда и мы! — прокричали ребяташки.

— А может, я в Москву поеду?

— И мы — в Москву!

— Ну, в таком случае сидите хорошенько.

Машина фыркнула, зашумела и пошла. Ребяташки ухватились кто за борт, кто за кабину, а кто прямо на дно кузова сел. Таня и Алёнка прижались к самой кабине и держались друг за друга.

Машина мчалась по укатанной белой дороге, лёгкая, сухая пыль вырывалась из-под задних колёс. Ветер дул навстречу и ерошил волосы. А столбы с проводами так и отсчитывались один за другим вдоль дороги.

— Тань, гляди-ка: Снежок бежит! — вдруг сказала Алёнка.

Снежок и в самом деле бежал за машиной, то и дело чихая от пыли. Но как он ни старался, а машину догнать не мог. Он отставал всё больше и больше и наконец где-то под горкой совсем отстал.

— Ну куда бежит? — сказала Таня. — Наверно, все лапы себе отбил!

Машина слегка затормозила и свернула к огородам. Тут, на огороде, недалеко от дороги, лежали насыпанные горкой огурцы. И тут же, одна на другой, громоздились большие корзины, полные помидоров. Машина подошла к этим корзинам и остановилась.

— Приехали! — крикнул шофёр.

— Вот так Москва! — засмеялась Алёнка. — Грядки да речка, а больше нет ничего.

А Таня молча слезла с машины. Она всё поглядывала на дорогу — не бежит ли Снежок? Этот пёс такой глупый, что и заблудиться может!

В это время две девушки — Клаша Галкина и Маша Фонарёва — принесли ещё одну корзину с помидорами.

— Вот я вам какую ораву привёз! — сказал шофёр. — Они у вас тут сейчас всё поедят!

Но Клаша и Маша только рассмеялись в ответ:

— Пускай едят, на всех хватит — и ещё останется. Возить — не перевозить!

— Куда пойдём, — спросила Алёнка у Тани, — на помидоры или на горох? Или маку поищем?

— Что ты, мак уже собрали давно! — сказала Таня.

— Тогда, может, за подсолнухами сбегает?

— А я — за помидорами, — решил Дёмушка.

Они пошли вдоль грядки. Помидоры висели на низеньких ветках и почти лежали на земле. Таня шла и выбирала себе помидор:

— Этот не хочу: у него бочок зелёный. Этот не хочу: он ещё маленький. А вот этот возьму: он большой и красный!

— Ешьте, ешьте, ребяташки! — сказала огородница Сима. — Помидоры скоро кончатся, последние снимаем.

— А ребята побежали морковь дёргать! — крикнул Дёмушка. — Я тоже побегу!

— Помидор-то съешь сначала! — сказала Алёнка. — Как уж он всюду торопится, боится опоздать!

Таня и Алёнка съели по хорошему помидору и тоже пошли за морковкой.

Морковь лежала красными кучками среди чёрных разрытых грядок. А рядом стояли ещё не тронутые грядки, пышные и пушистые от морковной зелени. Это поздний сорт, эту морковь дёргать ещё рано. Но Таня всё-таки выдернула одну — вот как захрустела свежая морковка на зубах, будто кусок сахару!

Сходили и за горохом. Но горох не понравился: он стал уже сухой и жёсткий. Потом пробрались через густые свекольные грядки и черед грядки с брюквой — прямо к маковой делянке. Мак уже давно созрел, и давно его собрали. Лишь две или три сухие коричневые

головки погромыхивали на ветру. Девочки сломили их и вытрясли из них мак прямо в рот.

Потом их приманили грядки с репой. Как пропустить, как не попробовать! Репка чистая, жёлтая, как мёд. А как откусишь — сладкий сок из неё так и брызнет!

Таня держала репку за зелёный вихор и стряхивала с неё землю. Вдруг она услышала какой-то шум в густой свекольной ботве и оглянулась.

— Алёнка, гляди, — крикнула она, — Снежок прибежал!

Снежок смотрел на них, высунув язык, и мотал хвостом от радости. А Таня и сама очень обрадовалась.

— Прибежал, не заблудился! И как же ты нас в таком большом огороде нашёл?

— Он, наверно, голодный, — сказала Алёнка.

— Да, как же, голодный! — сказал Дёмушка, который тоже пришёл за репкой. — Помидор ему давал — не ест, огурец давал — не ест, брюквину давал — не ест. Вот так голодный!

А Таня засмеялась и сказала:

— Вот ведь какой ты у нас, Снежок, избалованный!

ЛЕСНЫЕ ПОДАРКИ

Помой с огородов девочки пошли не по дороге, а прямо через лесок. Снежок тоже побежал за ними. А Дёмушка остался с ребяташками — ему ещё не хотелось уходить с огородов.

В лесу было тихо и нарядно. Ёлки густо зеленели. В берёзках светились светло-золотые искорки. А осинки стояли румяные, алые и тихонько дрожали своими круглыми листьями.

Тане вспомнилось, как дедушка сказал: «Вот уж осень деревья красит».

Она шла потихоньку и оглядывалась по сторонам — вот бы подсмотреть, как это осень ходит по лесу да красит деревья!

— Ух ты, опят сколько! — крикнула Алёнка. — Танюшка, беги сюда!

Таня подбежала к Алёнке. А там стоял высокий пенёк, весь усаженный жёлтыми грибами опёнками. Они росли кучками — и побольше, и поменьше, и совсем маленькие, как горошины.

— Целую корзину набрать можно! — сказала Таня.

— А у нас никакой корзинки нету, — сказала Алёнка. — Эх, жалко!

— Корзинки нету, зато фартук есть! — ответила Таня.

Она сняла свой голубой фартук и расстелила его на земле.

Девочки собрали грибы в фартук, завязали его узелком и пошли дальше.

На полянке им встретился широкий ореховый куст. Среди его шершавых листьев висели орешки в зелёных обёрточках — по одному, по двойке, по тройке.

Таня и Алёнка положили узелок с грибами на траву, а сами стали рвать орехи.

— А орехи куда будем класть? — спросила Алёнка.

— Орехи — тоже в фартук, — ответила Таня.

Много орехов нарвали, а ещё больше осталось на кусте. Но куст очень высокий, верхних веток никак не достанешь.

Девочки пошли домой. На опушке они увидели рябину. А на рябине, словно пригоршни красных бус, висели тугие красные ягоды.

— Алёнка, нарвём?

— Нарвём, конечно.

— А класть куда?

— Да тоже в фартук положим. Дома разберёмся.

И рябины нарвали. Да ещё по пути Таня не утерпела — наломала красных осиновых веток. Уж очень они были красивы!

Так и шли с лесными подарками: с грибами, с орехами, с рябиной. А когда вышли на поле, то над ними в хрустальном воздухе тихо плыли и светились радужные осенние паутинки.

Таня и Алёнка пришли домой, сели на крылечко и стали делать из рябины ожерелья. Они взяли у бабушки клубок суровых ниток и толстую иголку, нанизали на нитки ягоды и надели себе на шею.

— Я пойду бабушке покажусь, — сказала Таня.

Ей хотелось, чтобы бабушка посмотрела, какая она нарядная.

Но в это время пришёл Дёмушка.

— Дайте рябинки! — попросил он.

— Опоздал, — ответила Алёнка, — мы всю рябину на бусы нанизали.

— Ну, тогда я бусинку оторву! — сказал Дёмушка.

И оторвал от Алёнкиного ожерелья несколько рябиновых бусинок.

— Ты что делаешь! — закричала на него Алёнка.

А Таня вскочила:

— Уходи отсюда!

Дёмушка попятился со ступеньки, да оступился и чуть не упал. А чтобы не упасть, схватился за Таню и нечаянно оборвал её красное ожерелье.

— Всё испортил! — чуть не заплакала Таня. — Все бусины раздавил!

Тут на крыльцо вышла бабушка.

— Вы что кричите? — сказала она. — Что не поделили?

— Бабушка, посмотри, он мне бусы оборвал! — пожаловалась Таня.

— Вон и мне сколько бусин смял! — поддержала Таню Алёнка.

— Эх, девчатки, — сказала бабушка, — что ж вы из-за пустого дела столько шума поднимаете! Дёмушка ещё маленький, что с него взять? А вы уже большие, вы скоро в школу пойдёте. Неужели всё по Дёмушке будете равняться?

Таня и Алёнка взглянули друг на друга. Да, правда, через несколько деньков — в школу! И обе они как-то притихли, призадумались и забыли про свои красные ожерелья.

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

Эти несколько деньков пролетели очень быстро, пролетели, как жёлтые листочки с берёзы, унесённые ветром. Наступило первое сентября.

В этот день Таня проснулась очень рано. Ясное сентябрьское солнце косо заглядывало в окно, и у бабушки в кухне ещё топилась печка.

Таня вскочила с постели и, шлёпая босыми ногами, побежала на кухню.

— Ты что вскочила такую рань? — сказала бабушка. — У меня ещё и завтрак не готов!

— Так и надо, чтобы рань! — ответила Таня. — Ты, бабушка, наверно, всё забыла!

— А что ж такое я забыла?

— Бабушка, да ведь я сегодня в школу иду!

— Ну и что ж ты кричишь? — удивилась бабушка. — В школе тоже уроки не до свету начинаются.

Тут она вытащила из печки большую, шипящую на сковороде лепёшку и сказала:

— Вот я тебе и лепёшку испекла, с собой возьмишь в школу. Видишь ничего я не забыла!

Таня побежала на крыльцо умываться. Щёки и уши сразу загорелись от холодной воды. Таня крепко вытерлась суровым полотенцем, но посмотрела на свои руки и опять побежала на крыльцо. Руки у неё были обветренные, коричневые от загара. Таня тёрла их и намыливала, тёрла и намыливала...

— Да уж будет тебе! — сказала бабушка.

— Да как же, бабушка, будет? — чуть не плача, ответила Таня. — А дежурная посмотрит, что руки чёрные, и скажет: «Уходи из класса». Вон Нюра Туманова говорит, что там дежурные всегда руки смотрят!

К завтраку пришла мать с молотьбы.

— Я сейчас сама дочку в школу соберу, — сказала она. — Ну-ка, иди сюда!

Она дала Тане выглаженное коричневое платье, застегнула на ней чёрный фартук, сунула ей в карман носовой платок и сама расчесала Тане волосы. Расчесала и задумалась:

— А что же нам с твоими волосами делать? Так идти в школу не годится, на голове у тебя словно овин горит — завитушки торчат во все стороны. Или подстричь их надо, или косичку заплести.

— Косичку заплести! — сказала Таня.

Мать достала из комода синюю ленту и заплела Тане косичку. Косичка вышла маленькая и закручивалась кверху. Но Таня радовалась и гордилась и всё трогала её рукой. Таня ещё никогда в жизни не ходила с косичкой!

Мать оглядела Таню, всё ли на ней хорошо, и сказала:

— Учись, дочка, прилежно, слушай, что учительница будет говорить, набирайся ума-разума!

Таня пила чай и дула в блюдце, потому что она торопилась, а чай был горячий и никак не остывал. В это время в окно заглянула Алёнка. Таня поставила блюдце с чаем на стол:

— Идём?

Алёнка кивнула головой.

— Да куда ж ты? — сказала Тане бабушка. — Ты хоть чай-то допей!

Но Таня уже схватила свою сумку, которую ей приготовили в школу, и выскочила на крыльцо. А в сумке была тёплая лепёшка, бутылка с молоком и холщовые кармашки для азбуки.

Подружки вышли на улицу.

— Ух, как провода на солнце блестят! — сказала Таня. — Может, они серебряные?

— Наверно, серебряные, — согласилась Алёнка.

Таня опасливо посмотрела кругом:

— Снежка не видать? Как бы за нами не увязался!

А Снежок словно только и ждал, чтобы про него вспомнили. Он выбежал из калитки и начал прыгать вокруг Тани.

— Ты не смей с нами ходить! — прикрикнула на него Таня. — Иди домой!

Но Снежок глядел на неё и вилял хвостом, словно хотел сказать: «Ну, а почему мне нельзя с тобой идти? Я пойду!»

Тогда Таня подняла хворостинку и замахнулась на Снежка:

— Кому говорят — домой иди! Вот я тебя!

Снежок обиделся, опустил хвост и отстал. Он стоял и глядел, как Таня и Алёнка всё дальше и дальше уходили по дороге.

В конце улицы уже собрались все колхозные ребяташки-школьники. Кто идёт в четвёртый класс, кто в третий, кто во второй, а кто и вовсе только в первый раз учиться идёт. Все собрались и вместе пошли в школу. И Таня с Алёнкой тоже пошли.

Светлое поле лежало по сторонам дороги. В поле было уже пусто, хлеб убран, и жёлтая стерня слабо блестела на солнце. А за полем стоял нарядный сентябрьский лес.

С дальних полей возили овёс. Большие косматые возы, покачиваясь, шли по дороге.

— Эй, школьники, садитесь, подвезём! — кричали им с возов.

— Подвезёте в ригу, — отвечали ребята, — а нам надо в школу. Не по пути!

В риге шумела молотилка, рокотали веялки, слышались голоса... Весёлый шум работ далеко разносился над опустевшими полями.

— Слышите? — сказал Юра председателев. — Вот как у нас теперь — все молотилки и веялки на электричестве работают! ГЭС пустили! — И тут же крикнул: — Ребята, сторонись! Машина сзади!

Ребяташки сбежали с дороги. Машина шла, поднимая невысокую пыль. Она была доверху нагружена тяжёлыми мешками — колхоз отправлял хлеб на ссыпной пункт.

С машины тоже покричали:

— Может, подвезти?

— Далеко едете! — отвечали ребята. — Увезёте в район, а наша школа близко.

Дорога спустилась в овражек, заросший ольшаником. А когда поднялась на горку, кусты расступились, и стало видно школу. Вот она стоит на зелёной луговине — новая, с голубыми наличниками — и блестит на солнце своими большими окнами.

Алёнка оглянулась и подтолкнула Таню:

— Тань, посмотри-ка!

Таня оглянулась тоже. По дороге шагали ещё двое: Дёмушка и его товарищ Ваня Берёзкин. А сзади, закрутив лохматый хвост, бежал Снежок.

— Так и есть, — сказала Таня, — все тут!

— Думают, что их тоже примут! — усмехнулась Алёнка.

Со всех сторон, изо всех деревень собрались в школу ученики. Учителя встретили их и развели по классам.

Таня и Алёнка, держась друг за друга, вошли в первый класс и сели за парту.

Но едва все ученики уселись, как открылась дверь, и вошли ещё двое Дёмушка и Ваня Берёзкин. Они вошли, сняли шапки и остановились у дверей.

Учительница посмотрела на них:

— А вы зачем пришли?

— А мы тоже учиться, — сказал Дёмушка.

— Сколько же тебе лет?

— Семь. Почти уж восьмой.

— А мне уж почти девятый, — осмелев, сказал Ваня Берёзкин.

Учительница улыбнулась:

— Восьмой вам будет через год, а девятый — через два года. На будущую осень приходите, а сейчас ступайте домой!

Дёмушка и Ваня переглянулись, надели шапки и пошли домой.

— Вот как! — засмеялась Таня. — Уже выучились!

— Сядьте прямо, дети, — сказала учительница, — положите руки на парту... — И вдруг посмотрела на дверь: — Кто это царапается за дверью?

Учительница открыла дверь, и в класс вбежал Снежок. Он увидел Таню и сразу завилял хвостом. Все ребятишки засмеялись, учительница тоже засмеялась и сказала:

— Вот так ученик явился! Ну нет, нам таких учеников не надо! Уходи, уходи из класса!

Она прикрикнула на Снежка и прогнала его. Ребята посмеялись, но скоро успокоились и стали слушать, что говорит учительница.

КОМАНДИР ЗВЁЗДОЧКИ

СЕГОДНЯ ПРАЗДНИК

Таня проснулась и сразу вспомнила, что сегодня праздник.

Утро было серенькое, холодное, моросил дождик. Чёрная ветка берёзы с одним только жёлтым листиком качалась за окном...

И всё-таки сегодня был праздник. На календаре красовалась красная цифра «7» и красными буквами было написано «Ноябрь».

В избе пахло тёплыми лепёшками и шумел самовар.

Таня вскочила с постели, сразу оделась.

— Чуть праздник не проспала, — сказала мать, — смотри, на часах-то сколько!

— Погода такая, что только спать, — сказала бабушка.

— Что ты, бабушка! — возразила Таня. — Как же спать? Скоро в школу идти! Нам сегодня октябрятские звёздочки будут давать!

— Да, уж по такому-то дождю...

— Ничего, — сказала мать, — не сахарная, не размокнет!

Таня ничего не сказала на это. Она подошла к часам-ходикам, которые висели на стене, и стала смотреть, который час. А чтобы получше разобраться, она влезла на стул. Большая стрелка стоит на цифре шесть значит, половина какого-то часа. А маленькая — на пути от цифры девять к цифре десять...

— Половина десятого! — закричала Таня. — Половина десятого! А как будет одиннадцать — нам в школу идти!

Мать надела голубую кофточку, поставила самовар на стол, собрала чашки. Ей сегодня в риге не работать, лён не мять, потому что праздник.

Бабушка достала из печи лепёшки с творогом. Большие лепёшки, с тарелку. Корочки на них зарумянились, а творог пожелтел, будто помазанный мёдом.

— И чего это дед не идёт так долго! — сказала бабушка. — Самовар заглохнет, лепёшки простынут.

Не успела она сказать, а дед уж тут как тут, на пороге.

— Ну и погодка для праздника, — проворчал он и стал раздеваться.

Дед снял стёганку, стряхнул дождик с шапки.

— Дедушка, — сказала Таня, — ведь сегодня праздник. Мама на работу не пошла, а ты всё равно пошёл!

— Эх ты, умная головушка! — ответил дед. — Лён в риге и до завтра подождёт, ничего ему не сделается. А коров разве можно не евши оставить? Мы с тобой будем праздновать, а они с голоду заревут.

— Нет, — поспешно сказала Таня, — пускай они тоже поедят!

— И лошади также, — продолжал дед, — они реветь не будут, промолчат. Но ведь и молча не сладко голодным стоять, им завтра работать!

— Нет, нет, дедушка, их тоже надо покормить! — закричала Таня.

— Ну вот, то-то, — сказал дед.

Он вымыл руки и сел к столу. Таня уселась с ним рядом. И, пока мать наливала всем чай с молоком, а бабушка подавала лепёшки, Таня смотрела в окно.

Серый дождик моросил и моросил. Качались мокрые берёзовые ветки. Куры попрятались под дровяной навес и не вылезали оттуда. Даже весёлый, озорной Снежок приуныл. Он сидел на крыльце и смотрел в окно жалобными глазами.

— Бабушка, давай Снежка в избу пустим, — попросила Таня. — Ему там скучно!

— Как не пустить! — ответила бабушка. — Сейчас тут по чистому полу мокрыми лапами налапает. Собачье дело на улице сидеть, дом сторожить. А в избе — это дело кошачье, ловить

мышей. Каждому своё.

— Да ему Михай сразу глаза выцарапает! — сказала мать. — Разве он собаку в избу пустит?

А серый кот Михай уже влез к Тане на стул и толкал её лбом под локоть — чего ж она ему лепёшки не даёт?

Вдруг где-то далеко, на краю деревни, заиграла гармонь. Зазвенела, рассыпалась золотыми бубенчиками весёлая музыка, заглушила шум дождя.

Дедушка улыбнулся, вспомнил, как был молодой, как ходил по деревне с гармонью...

Бабушка вздохнула: когда-то и она была молодая, любила поплясать под гармонь...

У матери заблестели глаза. Так бы и выбежала она сейчас на улицу, пошла бы рядом с гармонистом и запела бы во весь голос песню!

А Таня схватила платок, выскочила на крыльцо — где играют?

Играли возле клуба, под густой сосной. Над крыльцом клуба висел хоть и намокший, но всё равно яркий красный флаг.

И Тане стало очень весело. Хоть и льётся дождь, хоть и качаются ветки и скучает Снежок на крыльце, а всё-таки сегодня праздник! Самый большой праздник на всей большой советской земле!

ЗВЁЗДОЧКА

Да, праздник сегодня был очень большой — годовщина Октябрьской революции! Ребята-школьники не побоялись дождя, они сходили в лес и принесли оттуда еловых веток, зелёного брусничника и красных осиновых листьев. А потом вместе с учительницей украсили всю школу.

Таня пришла в школу нарядная. Мать надела ей новый белый фартук, в косички вплела белые ленты. Только галоши у неё очень загрязнились дорогой, и даже на башмаки грязь попала. Это бестолковый Снежок ей удружил. Увязался провожать до школы и всю дорогу шлёпал по лужам, брызгался грязью. Но галоши Таня сняла, а башмаки вытерла тряпкой.

— Вот какая аккуратная, — сказала уборщица тётя Ньюша, — настоящий октябрёнок, только звёздочки нету!

— А сегодня и звёздочка будет! — весело ответила Таня.

Алёнка сегодня тоже и оделась и причесалась очень старательно. Волосы у неё были очень густые и всегда торчали в разные стороны. Ну, уж сегодня-то она им воли не дала — заплела туго-претуго две косы. Только у неё не было одинаковых лент, и она в одну косу вплела белую ленту, а в другую — красную. А мать в это время возилась с пирогами у печки и не видела, как собралась Алёнка.

Ребятишки увидели, что у неё в косах разные ленты, и начали смеяться:

— А ты ещё на макушке синий бантик завяжи!

Алёнка рассердилась, нахмурилась и уже хотела было заплакать, но тут подошла к ним

пионерка из пятого класса, Ариша Родионова.

Ариша была живая, расторопная девочка и очень любила маленьких ребятшек.

— Что случилось у ребят, что ребята говорят? — весело спросила она.

А когда увидела Алёнкины банты, то и сама засмеялась.

— Эх, ты, — сказала она, — если у тебя только одна белая лента, так и косу заплети одну!

Ариша быстро расплела Алёнкины косы, из двух кос сделала одну и завязала белым бантом. Бант получился очень красивый, и над Алёнкой больше никто не смеялся.

Да и все ребятки были сегодня нарядные. Только один Гришка Чайников пришёл, как всегда, неумытый, непричёсанный, с оторванной пуговицей у ворота. Строгий санитар Митя Колечкин подошёл к нему и сердито сказал:

— А ты почему не умылся?

— Тебя не спросился! — ответил Гришка.

— А пуговицу не мог пришить?

— Забыл тебя спросить!

Митя не знал, что ему делать. Может, взять да и прогнать Гришку домой?

А Чайников показал Мите язык и отбежал подальше.

— Завтра получишь! — крикнул Митя и показал кулак.

— Это кто же получит? — поспешно спросила Ариша. — Разве октябрята дерутся? Эх, вы! А ещё звёздочки пришли получать!

— Это он Грише грозился! — закричали кругом ребята. — Гриша неумытый пришёл!

Ариша подошла к Чайникову, поглядела на него и всплеснула руками.

— Ой, Гришенька! Что ж ты такой непраздничный в школу на праздник пришёл? Что же мать тебе чистой рубашки не дала?

— А её дома нету, — сказал Гриша насупясь.

— А где же она?

— Пошла к Мироновым. У них свадьба.

— Ну, а отец-то?

— Отец ночью со стройки пришёл, спит ещё.

— Что с тобой разговаривать! — сказала Ариша и закинула за плечи свои толстые косы. — Пойдём-ка, я тебя умою. Пора и самому о себе заботиться.

Она взяла Гришу за руку и увела в умывальную.

Скоро собрались все ребята — и старшие и младшие.

Учительницы тоже пришли. В широком коридоре стало шумно, тесно. Вернулся из умывальной и Гриша Чайников, умытый, с приглаженными волосами. А пуговицы Ариша не нашла, застегнула ему ворот булавкой.

Вдруг заиграл-запел пионерский горн. Горнист Саша Грачёв высоко поднял маленькую блестящую трубу, он горнил звонко и весело и изо всех сил надувал свои красные щёки.

Пионеры быстро построились в линейку. А октябрят поставили напротив пионерской линейки, у стены, под самым портретом Ленина.

Алёнка схватила Таню за руку, словно испугалась чего-то. У Тани и у самой слегка замерло сердце, только не от страха, а от волнения.

Начинается!

Снова заиграл горн, залился звонким голосом. На середину вышел председатель совета дружины Серёжа Зеленин.

И — странное дело! Разве не знали ребята Серёжу Зеленина? Сколько раз ходили с ним рыбу ловить, и сено вместе сгребали, и в снежки зимой играли. И даже дразнили: «Сергунок-Моргунок», потому что когда Серёжа из-за чего-нибудь рассердится, то начинает часто-часто моргать глазами.

А вот сейчас, когда он стоит перед ними в белой наглаженной рубашке с красным галстуком на груди, такой весь подтянутый, строгий, ребята даже немного оробели.

— Начинаем праздник октябрят, наших младших товарищей! — громко сказал Серёжа и посмотрел на первоклассников. — Сегодня у нас торжественный день — октябрята получают свою красную звёздочку!

Таня поспешно расправила фартук на груди — приготовила место для звёздочки. Щёки у неё разругались от волнения.

— Только прежде чем приколоть вам, ребята, звёздочки, — продолжал Серёжа, — мы хотим услышать: знаете ли вы свои октябратские правила?

Ну, ещё бы не знать! Октябратские правила, написанные крупными буквами на белых листах, уже давно висят у них в классе. А кроме того, последнюю неделю ребята-пионеры каждый день занимались с младшими ребятами, объясняли им эти правила, готовили будущих октябрат к торжественному дню.

Но хотя и знали ребята свои октябратские правила, однако все молчали, переминались с ноги на ногу, поглядывали друг на друга.

Тут к ним подошла Настя Кузнецова. Насте совет дружины поручил руководить всей группой октябрат, всем первым классом.

Она подошла к ребятам, сама вся розовая от волнения, с новеньким красным галстуком на шее, с пионерским значком на груди.

— Ну, что же вы? Начинайте! Ведь вы же знаете...

— Знаем! — крикнул бойкий Митя Колечкин.

— Знаем, — негромко повторила Таня. И начала: — Октябрюта будущие...

— Пионеры! — дружно подхватили ребята.

Тане стало весело. Она хорошо знала правила.

— Октябрюта — прилежные ребята, хорошо учатся, любят школу, уважают старших!

Хор получался нестройный: кто забежал вперёд, кто отставал. Но все старались выкрикивать слова как можно громче:

— Только тех, кто любит труд,

Октябрютами зовут!

Октябрюта

Честные, правдивые ребята!

Таня так старалась, что при каждом слове кивала головой. Алёнка тоже развеселилась и отпустила Танину руку, за которую всё время крепко держалась.

— Октябрюта — дружные ребята,

Читают и рисуют, играют и поют,

Весело живут!

И только Гришка Чайников не запомнил слов, а гудел себе что-то под нос, как шмель.

Когда ребята кончили, все пионеры, все школьники, все учителя захлопали в ладоши. Снова заиграл горн, барабанщики ударили в барабаны.

Из линейки вышли пионеры — вожатые звёздочек — и стали рядом с Настей. Среди них, конечно, была и Ариша Родионова.

— Пионеры, прикрепите октябрютам звёздочки! — сказала Настя.

Вожатые подошли к ребятишкам и приколотили каждому на грудь красную пятиконечную октябрютскую звёздочку.

А горн всё трубил, и барабаны били. И октябрюта стояли притихшие, со звёздочками на груди.

Когда замолчал горн и барабаны утихли, Серёжа Зеленин сказал:

— Поздравляю вас, октябрюта! Не забывайте своих правил, выполняйте их. Берегите свои октябрютские звёздочки, носите их с честью! Ведите себя так, чтобы мы потом могли сказать: эти октябрюта достойны стать пионерами!

И все пионеры подхватили:

— Поздравляем вас, ребята-октябрюта! Поздравляем! Поздравляем!

Тут же пионеры стали раздавать октябрятам подарки: мешочки с гостинцами. Мешочки были разноцветные — и синие, и красные, и зелёные. Тане достался красный мешочек с белыми цветочками. Она заглянула в мешочек — там тихонько светилась серебряная обёртка маленькой шоколадки, торчали острые уголки конфет. А на самом дне виднелся яркий оранжевый мандарин! Таня поскорее закрыла мешочек. Вот придёт домой, тогда и достанет свои гостинцы и всех угостит: и мать, и бабушку, и дедушку.

Но Алёнка не утерпела, развернула шоколадку.

— Я только шоколадку, — сказала она Тане, — а конфеток и Дёмке дам.

А Гриша Чайников как принялся, так тут же и съел свои гостинцы. Кому же он понесёт, если дома всё равно никого нету?

Но вот что случилось, когда октябрята стали разбиваться на звёздочки. Все спрашивали друг у друга:

— Ты с кем?

— А ты с кем?

Таня и Алёнка опять схватились за руки. Митя Колечкин подошёл к ним:

— Я с вами, ладно?

— Нет, не с нами, — ответила Алёнка, — ты споришь всегда.

— А ты не споришь?

— Вот ещё Федю Валькова возьмите, — сказала Ариша.

Федя — толстый, ленивый и всегда молчит. Его, ещё когда он был совсем маленьким, прозвали Колобком.

— Настоящий Колобок на сметане мешён, — сказала Алёнка, — куда его.

— Ладно, — сказала Таня Арише и взяла Федю за руку, — ну и что ж такого, что Колобок!

Понемножку все ребята разделились на звёздочки. Только Гришу Чайникова никто не взял в свою звёздочку.

— На что он нам! — сказал Сеня Солонцов. — Он в клубе стекло разбил.

— А нам на что? — сказала Груша Горелова. — Он дерётся!

— Ну, а как же быть Грише Чайникову, ребята? — сказала тогда Настя Кузнецова, и карие глаза её стали очень грустными. — Неужели ему одному оставаться?

А белобрысый Гришка стоял, опустив вихрастую голову, и разглядывал пряжку на своём ремне. Красные уши его торчали, рубаха на спине вздулась пузырём, руки были в чернилах — кому нужен такой октябрёнок?

Тане стало очень жалко Гришку Чайникова.

— Мы его возьмём! — сказала она.

Алёнка дёрнула её за рукав.

Митя сердито насупился:

— Вот ещё! С нас и Колобка-Кабанка довольно.

Но Настя обрадовалась.

— Вот и правильно, — сказала она, — у звёздочки — пять лучей, в звёздочке — пять человек. Вот Гриша и будет у вас пятым. И вожатая у вас будет хорошая — Аришу Родионову вам дадим.

Таня и Алёнка радостно закричали:

— Аришу к нам! Аришу к нам!

И тут же уцепились за Аришин фартук. Ариша засмеялась:

— Смотрите оборки мне не оторвите!

А потом собрала в кружок всю свою звёздочку:

— Ну, октябрята, дружные ребята, теперь со всякими ссорами и драками у нас покончено. И Гриша Чайников теперь драться не будет. И рогатку свою закинет. Правда, Гриша, ведь закинешь?

— Закину, — пробурчал Гриша.

Он выпустил ремень из рук, поднял голову и сверкнул на ребят озорными глазами:

— Ага! Вот и я в звёздочке!

ЗАБОТЫ КОМАНДИРА

В этот вечер Таниным рассказам не было конца. Обо всём рассказала: и как им звёздочки приколоты и как они потом читали разные стихи и пели песенки. А самая главная новость была вот такая: Таню выбрали командиром звёздочки.

— Это Ариша придумала, — рассказывала Таня. — Она нам сказала: «А знаете что, ребятки, давайте выберем командира звёздочки. Я ведь не всегда с вами: у меня уроков много». Мы говорим: «Давайте выберем!» А тогда Ариша говорит: «Кто же у вас будет командир?» Я хотела сказать: «Митя!» А тут Алёнка говорит: «Таня!» И Гриша Чайников вдруг пробурчал: «Пускай Таня!» Тогда Ариша сказала: «Вот и хорошо. Пускай командиром у вас будет Таня!»

— Значит, ты теперь у нас большой начальник, — сказал дед. — Я вот до старости дожил, а командиром никогда не был. А ты уже и командир. Вот дела-то!

Мать и бабушка засмеялись.

— А ты тоже командир. Над лошадьми, — сказала бабушка. — Мало тебе, что ли?

— Ты не шути, — ответил дед, — хоть я и старший на скотном, а всего лишь заведующий. Ну и бригадиром был. А вот командиром — нет, не был.

— Дедушка, а может, ты забыл? — сказала Таня. — Может, когда был ты октябрёнком, так тоже тебя выбирали.

Тут снова все засмеялись — и мать, и дед, и бабушка. Наверное, смешно им показалось, что их дедушка — и вдруг октябрёнок!

— Эх, ты! — сказал дед Тане. — Да разве я был когда октябрёнком-то? Тогда таких и слов на свете не было!

— Пастушонком он был в твои годы, — вздохнула бабушка, — даже и в школу-то ему ходить было некогда, свиней у барина пас. Одна свинья, огромная, чуть не сожрала своего пастуха, спасибо, люди увидели, отбили. Вот каким он октябрёнком был!

— Ой, дедушка! — Таня подбежала к деду, обняла его за морщинистую шею, будто хотела защитить его от той страшной свиньи. — Что же ты не убежал тогда?

— А куда же пастуху от стада бежать? У барина жил, не своя воля. Нанялся, так паси.

— Какое же это тяжёлое время было, — сказала мать. — Таких-то ребятишек на работу посылали?

— Так и посылали, — ответил дед. — Земли мало, семья большая, хлеба не хватает...

— Ну, а барин-то как же таких маленьких на работу брал?

Дед невесело усмехнулся:

— А барину что? Мужика найми, так ему платить надо. А мальчишку накормят — он и этим доволен. У барина свои расчёты были.

— Расчёты-то были, да сердца не было! — сказала бабушка. — Ох, вспомнили для праздника, будто страшный сон какой... Включи-ка, Танюшка, радио!

Таня подошла к радиоприёмнику, повернула рычажок и впустила в избу песню. Хорошая, боевая была песня о том, как воевали за революцию, как «по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...».

Мать отложила книгу, которую читала, и стала слушать.

— Люблю эту песню, — сказала она.

А Таня потрогала свою красную звёздочку, приколотую на груди. И снова вспомнила, что было сегодня в школе и как славно они выкрикивали: «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут!»

— А над кем же ты командиром-то поставлена? — снова начал дедушка.

Ему, видно, очень нравилось, что Таню выбрали командиром.

— Ну, Алёнка. Потом Митя Колечкин у нас, — ответила Таня, — Федя Вальков. А ещё Гришка Чайников...

— Кто? — вмешалась бабушка. — Такой-то неслух?

— И такой он всегда неумытый, нечёсанный, — сказала мать.

— Ну, а вот это уж не он виноват, — сказал дедушка. — Значит, мать за ним плохо смотрит.

— А когда матери за ним смотреть? — проворчала бабушка. — Ей только по соседям ходить, судить-пересуживать, а то в клубе плясать.

— Всё так, — согласился дедушка, — и повеселиться человеку хочется, и к соседям сходить. Но и за сыном тоже глядеть надо.

— А Вальков Федя ленивый очень, — задумчиво сказала Таня. — Ему и слово-то сказать лень. А Митя очень сердитый. Как чуть — так и спорит, кричит.

— Да, не просто в такой роте командиром быть, — посочувствовал ей дедушка. — Ну, да если ты настоящий командир, то справишься! То и хорошо, что трудно. А где легко, там и всякий командовать может!

ЧЕГО НЕ ОЖИДАЛА ТАНЯ

Учительница Марья Васильевна задала уроки на дом. Надо решить задачку: «У Маши было пять пуговиц. К пальто она пришила две пуговицы. Сколько пуговиц осталось у Маши?»

Таня уселась за стол, открыла тетрадку, приготовила перо. И задумалась. Надо сначала сосчитать, а то вдруг ошибёшься.

— Ты сначала на плохонькой бумажке решай, — подсказала ей бабушка, а то в прошлый раз вон как чистую тетрадку испачкала.

Таня провела ладонью по белой гладкой странице с голубыми клеточками. Конечно, жалко пачкать.

Бабушка дала ей белую обёртку от сахара. Вот на этой не жалко: если не так напишешь, можно зачеркнуть.

— У Маши было пять пуговиц, а пришила она только две. Значит, от пяти надо отнять две пуговицы. Правда, бабушка?

— Правда.

— А если от пяти отнять две...

Пришлось посмотреть на свои пальцы. Вот у неё на руке пять пальцев. А если один загнуть да ещё один загнуть...

— Три, бабушка!

— Верно. Только что же это ты по пальцам считаешь? Возьми свои палочки да считай.

— Бабушка, а я книжку с картинками принесла! — вдруг вспомнила Таня. — Про Снегурочку!

И так ей захотелось поскорей раскрыть эту книжку, рассмотреть картинки и тут же прочитать! Такая, видно, сказка интересная! Обложка вся раскрашенная, на ней нарисована избушка с пёстрыми ставенками, на завалинке сидят дед и баба. А перед ними на снежной полянке девочка в белой шубке и в белой шапочке.

— Ты что там притихла? — спросила бабушка из кухни. — Всё решила?

— Нет ещё. Только примеры остались да по русскому... Бабушка, ты погляди! — Таня взяла книгу и пошла к бабушке. — Значит, это и есть Снегурочка?

Но бабушка даже и не посмотрела на книгу.

— Ни про каких Снегурочек и говорить не буду, — сказала она, — пока все свои примеры не решишь и начисто не перепишешь.

Таня читала очень хорошо. А вот считать и писать не любила. Не так уж трудно решить все эти задачки и примеры. Но вот начисто переписать... Пока-то все эти цифры поставишь! Да ещё надо так поставить, чтобы они ровно стояли, набок не валились, и чтобы они все одинакового роста были, да ещё чтобы ни одной кляксы не получилось. А ведь чернила-то жидкие, они так и бегут с пера!

— Ну-ну, не ленись, — сказала бабушка, — тебе теперь лениться никак нельзя: ты ведь командир, а на командира вся звёздочка смотрит!

Таня вздохнула, отложила книгу и снова уселась за уроки. Ну, уж она-то свою звёздочку не подведёт!

Таня и задачку, и все примеры решила правильно. Переписала чисто и ни одной кляксы не поставила. Теперь и погулять можно. Но подошла к окну, посмотрела, а там седые тучи висят чуть не до земли, по крышам волочатся. Берёзы шумят под ветром, все свои длинные ветки вытянули в одну сторону, будто руки протянули и просят о чём-то. Может, это они ветер упрасивают, чтобы не ломал им сучьев?

И Снежка не видно. Наверное, забился под крыльцо и сидит там. Ну, какое уж гулянье по такой погоде!

«А сказка-то!» — вспомнила Таня.

Она уселась в уголок около окна и принялась читать сказку про Снегурочку.

— Тучи снеговые идут, — сказала бабушка. — Плохо человеку в такую погоду в пути.

— А дома хорошо! Правда, бабушка?

— Куда лучше!

Мать и дедушка пришли с работы. Они ещё и раздеться не успели, а уж Таня к ним со своими тетрадками. Задачку решила, все примеры сделала, по русскому урок выполнила и вот как чисто всё написала, ни одной кляксы не посадила!

Мать обрадовалась, что Таня так хорошо сделала уроки, улыбнулась и сказала:

— Молодец!

Но дедушка крикнул, покачал головой:

— Молодец-то молодец! А вот как твои ребята-октябрюта? Они-то всё ли хорошо сделали?

— А что ж ей теперь, за всех ребят решать? — вмешалась бабушка. Пускай сами заботятся!

Но дед не сдавался:

— Так-то оно так. Да ведь о командире по солдатам судят.

Таня огорчилась. Вот какой дедушка, никак ему не угодишь! Но и призадумалась. Надо, чтобы все в звёздочке хорошо учились, чтобы все хорошо делали уроки. А разве Гриша Чайников сделает хорошо? Наверно, уж и тетрадку всю загрязнил и чернилами закапал. Вожатая Ариша посмотрит на его тетрадки и скажет:

«Плохо ты, командир, о своей звёздочке заботишься!»

Таня взяла было «Снегурочку», полистала, посмотрела картинки. Но вскоре отложила книгу и стала одеваться.

— Куда это ты на ночь глядя? — прикрикнула бабушка. — На улице грязь, холод!

— К Чайниковым схожу.

— А всё ты, старый! — забранилась бабушка на деда. — Как ребята да как октябрята! Нагнал заботу на человека!

Дед молчал. И мать молчала. Она только сказала Тане:

— Покройся получше.

В избе было тепло. Над столом ярко горела лампа. Танина постель приветливо выглядывала из-за белой печки. Раскрытая книга с картинками лежала на столе. Но что ж поделаешь! Надо идти. А то этот Чайников опять забудет решить примеры или перепутает что-нибудь — такой он рассеянный!

Таня закуталась платком и вышла на улицу. Шагнула раза два от крыльца и попала в лужу. Снежок подал голос из своей конуры, словно спросил, вылезать ему или не вылезать.

— Сиди, сиди там, — ответила Таня, — только грязью будешь брызгаться!

Но Снежок не мог утерпеть. Таня уходит куда-то, а он будет дома сидеть? Снежок вылез из конуры, отряхнулся и побежал за Таней.

Вечер был ненастный. Чёрные тучи почти лежали на крышах, фонари на столбах качались от ветра, лужи то и дело хлюпали под ногами. А Чайниковы живут вон где, за клубом, почти на краю деревни!

Таня поплотней закуталась платком и побежала, Снежок припустился за ней. Таня старалась идти где посуше, а Снежок так и шлёпал по всем лужам.

В клубе во всех окнах горел свет, играла гармонь. Может, этот Чайников тоже в клуб забрался и сидит там, смотрит, как пляшут. С него станется!

Но Гришка был дома. Он открыл дверь и спросил:

— Мамка, это ты?

Таня засмеялась:

— Какая я тебе мамка!

Гришка очень удивился, что Таня пришла к нему. Он молча смотрел на неё и ждал, что она скажет. В избе было очень тихо. На столе стояла кринка с молоком и лежал надкусанный ломоть хлеба. Где-то за печкой свиристел сверчок.

— Ты что, один?

Гришка кивнул вихрастой головой:

— Ага!

— А мать где же?

— Она к тётке Наталье пошла, к соседке. Там поросёнка зарезали. Мать свинину жареную любит, вот и пошла.

— А отец?

— Отец на ремонтной станции. Ночует там.

— А ты чего?

— А чего я? Поужинаю да спать лягу.

Тане стало жалко Гришку. Всё он один да один. Отец на работе, а мать любит по соседям ходить. Пойдёт туда, где семья большая, где народу много. Сидит там и разговаривает о том о сём. Только и знает — с работы в гости, а своего дома будто и нет у неё! Вот так и выходит, что за Гришей присмотреть некому.

— Ты задачку решил? Примеры сделал? — спросила Таня.

— А то нет, — ответил Гришка.

— А по русскому написал? Покажи тетрадку.

— А ты что, учительница?

— Давай показывай. Ещё будешь нашу звёздочку подводить!

Гриша услышал про звёздочку и сейчас же достал из сумки свою тетрадь. Он и в самом деле решил задачку и примеры сделал. А по русскому всё написал правильно. Только грязно написал, с помарками. А кроме того, по голубым линейкам расплзлось водяное пятно.

— Вода из кружки пролилась, — угрюмо объяснил Гришка, — локтем задел, кружка и опрокинулась.

— А когда садишься уроки делать, надо, чтобы на столе чисто было, сказала Таня. — И никакие кружки не стояли бы. Сначала со стола убери, стол тряпкой вытри, а потом и за уроки садись. Марья Васильевна что говорила? А у тебя вон и хлеб, и крошки, и тут же чернила. Ещё как ты кринку с молоком на свою тетрадку не опрокинул?

— А я и кринку опрокинул, — отвернувшись, проворчал Гриша. — Стол покачнулся — она и опрокинулась. Только на тетрадку не попало.

Таня хотела ещё побранить его, да не стала. Уроки сделал — и то хорошо. Она покрепче прихватила платок, хотела идти. Но посмотрела на вихрастый Гришин затылок и сказала:

— Когда же тебя мать пострижёт? Скажи, чтобы постригла. Во всём классе только ты один такой!

Таня вышла, оглянулась: а где же Снежок? Но Снежка уже и след простыл, убежал в свою тёплую конуру.

Таня шла обратно домой и думала, до чего же хорошо у них дома. А если бы ей пришлось сидеть вот так одной? Ой, нет, нет!

Таня взбежала на своё крыльцо и застучала в дверь так нетерпеливо, будто неизвестно сколько времени не была дома.

— Чайников уроки сделал! — закричала она, будто все только и ждали этого известия.

Мать улыбнулась:

— Ну, раз Чайников сделал, о других беспокоиться нечего.

Но вот тут-то мать и ошиблась.

Утром, по дороге в школу, Таня начала окликать ребят из своей звёздочки:

— Митя, уроки сделал?

— Сделал! — прокричал в ответ Митя и помахал варежкой.

— Вальков, а ты сделал?

Федя Вальков ничего не ответил, только кивнул головой.

Таня успокоилась, повеселела.

— Ой!.. А я-то... — вдруг пролепетала Алёнка и даже остановилась. — Я забыла...

— Что забыла? — удивилась Таня. — Тетрадку?

— Нет, — жалобно ответила Алёнка, — примеры сделать забыла.

Таня тоже остановилась. Она смотрела на Алёнку сердитыми глазами и не знала, что делать: не то плакать, не то браниться. Разве могла она подумать, что Алёнка так их звёздочку подведёт!

— А потому, что мне было некогда, — начала оправдываться Алёнка, — а потому, что отец дрова рубил, а я таскала в поленницу, а потом меня мама учила чулок вязать. Всё время трудилась!

— Трудилась, как же! — со слезами сказала Таня. — С Дёмушкой до ночи в жохи играла!

— Мало ли что в жохи, — закричала Алёнка, — а всё равно трудилась! Октябрюта должны трудиться! А ты вот и не трудишься ничего. А ещё командир!

— А уроки октябрюта не должны делать, да?

Совсем поссорились подружки, пока шли в школу.

Но потом помирились: ведь октябрюта должны хорошо с друзьями жить, крепко-накрепко дружить.

ТАНИНЫ ДЕЛА

Помирились-то они помирились. Но Таня никак не могла забыть Алёнкиных слов, что Таня командир, а не трудится!

Таня пришла из школы, поскорей сделала уроки.

«А теперь буду трудиться, — подумала она. — Чего бы мне поделаться?»

Но только Таня убрала свои тетрадки, бабушка сказала ей:

— Подмети горницу, Таня, а я пока за водой схожу. Изба у нас не убрана. Мать — на молотилке с утра, дед — на конюшне, а я в риге была, лён сушила.

Таня взяла веник, намочила его. Подмела пол чисто, аккуратно, как её бабушка учила.

— Вот и всё. Теперь буду трудиться!

Но пол-то подмела, а половики на крыльце лежат не вытрясенные. Таня вытрясла их, расстелила на полу.

— Теперь всё. Теперь и потрудиться можно. Только вот как?

Тут пришла бабушка с водой. Она поставила тяжёлые вёдра на лавку и сказала:

— Танюшка, там куры всей стаей на меня набросились. Покорми их, пожалуйста!

Таня вышла во двор, созвала кур, дала им корму. И пока они клевали, стояла около них. Задиристых отгоняла, потому что они другим клевать не дают. А слабых и робких в сторонке из рук подкармливала, потому что им совсем мало достаётся корму.

В это время прибежала Алёнка. А следом за ней Митя.

— Таня, скорей собирайся! — закричали они оба сразу. — Ариша в лес зовёт рябину собирать.

Таня не стала спрашивать, зачем собирать рябину. Она поскорей отнесла миску домой, оделась и выбежала на улицу.

Оказалось, ребята-пионеры собрались идти за кормом для птиц, чтобы кормить их зимой. Настя Кузнецова сказала, чтобы маленьких ребятешек позвали, пускай тоже для птиц постараются.

Когда все собрались, Ариша спросила:

— Таня, а что же это наша звёздочка не вся здесь?

Таня посмотрела: Алёнка здесь, Митя здесь, Чайников здесь... А вот Феди Валькова нету. Что за

человек такой ленивый!

— А мы вот как сделаем, — сказала Ариша, — в лес пойдём мимо их дома, ты забежишь и позовёшь его.

Ребята взяли с собой кто корзиночку, кто мешочек. Весело было идти всем вместе. Смеялись, пели, шалили. Ну как утерпеть — не потолкаться, не побегать вперегонки, не спрятать чью-нибудь корзинку!

Дёмушка тоже увязался за школьниками. А за ним и Ваня Берёзкин. А уж от них шалостей и озорства было больше всего.

Но пуще всех веселился Снежок. Он бегал, лаял, прыгал, хватал ребят за рукава. А когда кто-нибудь убегал вперёд, так он бросался догонять изо всех сил.

Таня не забыла про Федю и зашла за ним. Федя сидел на крыльце и что-то сколачивал из дощечек.

— Ты что же сидишь? — закричала Таня. — Тебя не звали разве?

— Звали, — нехотя ответил Федя.

— Ну, так вставай, пойдём!

— А чего идти-то? Я птиц зимой овсом кормить буду. Мамка даст.

Но Таня схватила его за руку и потащила с крыльца.

— Всегда ты один сидишь! Все октябрюта идут, а ты всё один! Пойдём, всё равно не отпущу!

— Ну ладно, — согласился Федя, — только кепку надену.

Лес был красивый, сквозистый. Сегодня ночью прошёлся по земле морозец, подобрал грязь на дорогах, вставил в лужи ледяные стёкла. До утра светились в небе крупные осенние звёзды. А утром выглянуло солнце, и денёк сложился ясный и чистый, с острым холодком.

Ариша объяснила ребятишкам, что надо собирать красную рябину, которая осталась на деревьях, ягоды калины и семена ясеня, которые жёлтыми кисточками висят на ветках, — эти семена очень любят снегири. Если попадётся репейник, то и репей годится, в нём тоже есть маленькие семечки. Зимой птицы за всё спасибо скажут.

Таня с Алёнкой нашли старую рябину. Листья с неё облетели, а кисти рябины — красные, прихваченные морозцем, ещё висели на ветках.

— Сразу полную корзинку набрали бы, — сказала Алёнка, — да разве достанешь!

— Митя! — закричала Таня. — Чайников! Бегите сюда!

— Зачем ты их зовёшь? — сказала Алёнка. — Ведь это мы нашли.

— Мы нашли, а они достанут, — ответила Таня. — Ты что, забыла? Они же в нашей звёздочке!

Чайников прибежал первым. Он сбросил кепку на землю, на жёлтые листья, и живо взобрался на рябину.

— Привык гнёзда разорять, вот и лазает... — проворчала Алёнка.

Но Гриша не слышал. Он рвал рябиновые гроздья и бросал Тане и Алёнке.

— Лови! — весело кричал он. — Вот обед, вот ужин, ещё обед, а вот ещё ужин!

Осенний день короткий. Не успели ребята оглянуться, а в овражках и в ельниках уже засинело.

— Домой, домой! — на весь лес запела Настя Кузнецова.

И Ариша подхватила:

— Ребятишки, домой, сидит волк под горой!

Много всякого добра набрали — и рябины, и калины, и ясеня, и репья... Всё снесли к Арише на крыльцо и разошлись по домам.

— Ну что, утомился? — сказала Таня Феде Валькову.

— Вот ещё! — ответил Федя и поглядел на Таню ясными глазами, будто только сейчас проснулся.

Ему сегодня было весело, он сыроежку нашёл, наверно, последнюю во всём лесу, калины набрал. И ребята не дразнились. А то всегда дразнят, что он неловкий, да неповоротливый, да соня-засоня. А если бы не дразнились, так он бы всегда с ними ходил.

Таня пришла домой, когда уже зажглись в избе огни. Бабушка собирала ужин.

— Вот и ещё день прошёл, — сказал дедушка, зевая.

«День прошёл, — подумала Таня, — а я опять ничего не потрудилась».

И ей стало очень скучно. Наверно, она совсем плохой октябрёнок, всё потрудиться не успевает. А ещё командир!

Утром, придя в школу, Таня сразу побежала искать Аришу. Ариша вожатая, она скажет, как быть Тане. Но, пока искала, прозвенел звонок. Таня задумчиво села за парту. Пришла Марья Васильевна, поздоровалась со своими учениками. И сразу заметила, что Таня сидит грустная.

— Ты почему, Таня, такая невесёлая? — спросила она. — Уж не заболела ли?

— Нет, не заболела, — хмуро ответила Таня, — а я не тружусь ничего. А ещё командир...

— Давай разберёмся, — сказала учительница. — Таня, подойди ко мне. И давайте все вместе подумаем, как помочь Таниному горю: ведь октябрюта всегда должны помогать друг другу!

Все ребята сидели на своих местах. А Таня стояла среди класса, опустив голову, и не глядела ни на кого.

— Ну, так расскажи, Танюша, что же ты делаешь дома, если совсем не успеваешь трудиться?

— Ничего не делаю, — ответила Таня, — только пол подмету, да половики вытрясу, да кур накормлю, да уроки сделаю. А сегодня ещё за рябиной для птичек ходили. А трудиться совсем и некогда.

Марья Васильевна засмеялась и сказала:

— А как же тебе ещё надо трудиться? Может, комбайны водить или трактором управлять? Каждому работа даётся по его силам. Пол подмести и кур покормить — это и есть твой труд. И уроки учить — это твой труд. А уроки ты учишь хорошо — значит, трудишься хорошо. Садись, Танюша, на своё место и не огорчайся.

Таня вернулась на свою парту весёлая. Пускай-ка теперь Алёнка скажет, что она совсем не трудится!

ЧАЙНИКОВ УДИВИЛ ВСЕХ

Сегодня учительница Марья Васильевна опять сказала Грише Чайникову:

— Гриша, когда же тебя подстригут?

— А ещё октябрёнок! — проворчала Алёнка.

И Таня, когда шли из школы домой, напомнила:

— Скажи маме, чтобы подстригла. А то всю нашу звёздочку портишь!

Гриша промолчал. Но про себя решил, что сегодня не отстанет от матери, пока она его не подстрижёт.

На его счастье, мать была дома. Она сидела за столом и что-то шила.

— Достань кашу из печки, — сказала она, не отрываясь от своего шитья, — молоко на шестке.

Но Гриша бросил на лавку сумку с книгами, быстро разделся, взял ножницы и подошёл к матери.

— Давай остриги!

— Подожди ты, — отмахнулась мать, — не мешай. Видишь, какой я костюм шью?

Мать посмотрела на Гришу чёрными, как вишни, глазами, провела рукой по его вихрам:

— В клубе выступать буду — слышал или нет?

— Ну, слышал, — сказал Гриша. — Только всё равно остриги!

— Ну, вот ты какой! — упрекнула его мать. — Я спешу, а ты со своими ножницами. Ступай, ешь кашу. Завтра остригу.

И опять принялась шить, пришивать красные ленты к синей юбке.

— Ну ладно, — сказал Гриша, — только чтобы утром!

— Утром, сынок, утром.

Но утром, когда Гриша проснулся, матери уже не было дома. Гриша бросился к окну — может, за водой пошла? Выглянул из сеней во двор может, корову доит?

Нигде нет матери. Вёдра полны воды. Молоко уже в кринках, процежено. А самой и след

простыл.

Гриша чуть не заплакал от горя и досады. Что же ему теперь делать, опять в школу косматым идти? А вот возьмёт да сам и острижётся!

Гриша схватил ножницы и принялся стричь свои белобрысые вихры. И чего это он всё ждал, когда его мать подстрижёт, почему раньше не догадался?

Гриша остригся, стряхнул волосы и бодро пошёл в школу.

Он шёл очень весёлый. Пускай теперь его кто-нибудь подразнит: косматый да лохматый. А он придёт в школу, снимет шапку — а вот и стриженный!

Но когда Гриша пришёл в школу да снял шапку, то все почему-то начали хохотать. Один большой парень из седьмого провёл рукой по Гришиной голове:

— Ах ты! Вот гладко подстригся-то!

Засмеялась и уборщица тётя Нюра:

— Это в какой же ты парикмахерской, Чайников, стригся? Не иначе, в район ездил!

Гриша не знал, что и делать. Он сердито отвернулся и пошёл в свой класс.

Но едва вошёл в класс, и тут все засмеялись. А Таня просто руками всплеснула:

— Ой, Чайников! Ну на кого ты похож только! Уж лучше бы вовсе не стригся.

Таня выскочила из класса и побежала искать Аришу Родионову.

Ариша сидела в пионерской комнате и что-то раскрашивала цветными карандашами. Она очень старалась, видно, боялась испортить, и не сразу заметила, что Таня чуть не плачет.

— Смотри, какая картиночка! — сказала Ариша. — Дед Мороз идёт с ёлкой, а на ёлке сосульки... А здесь будут цветы и солнышко. Это я для вашего класса календарь погоды делаю.

Но Тане было не до картинки.

— Ариша, пойдём скорее. Пойди на Чайникова погляди. Теперь из-за него наша звёздочка позади останется!

Ариша наскоро сложила карандаши, и они вместе с Таней побежали в первый класс.

Чайников сидел на своей парте. Он нагнулся, закрыл обеими руками голову и ни на кого не глядел. Ариша подошла к нему:

— Что с тобой, Гриша?

Чайников не поднял головы:

— Ничего!

А сам думал: «Может, мне домой убежать?»

Но тут прозвенел звонок, и вошла Марья Васильевна. Она сразу во всем разобралась.

— Ариша, ты ступай в свой класс. А ты, Гриша, не горюй. Причёска у тебя получилась не очень удачная. Но это не беда, в перемену я сама тебя подстригу.

А когда наступила перемена, Марья Васильевна достала из стола ножницы и остригла Гришу. Хорошо остригла. Гладенько. Чайников сразу повеселел. Он ходил по всей школе и всё гладил руками свою круглую стриженую голову.

И вся Танина звёздочка повеселела. Теперь у них тоже неопрятных нет.

СНЕГОПАД

— Снег выпал, — сказала бабушка, поглядев в окно, — зима пришла.

— Пора, — сказал дед, — земле одеяло нужно.

Было ещё очень рано, утро только занималось. За окном неподвижно висели белые, запушённые снегом берёзовые ветки.

Бабушка ломала сухую лучину: собиралась топить печку. Дедушка одевался: ему до завтрака надо на скотный. Мать встала тихонько и тоже начала одеваться: в избе всяких дел много, а после завтрака — сразу на работу.

Лишь Таня сладко спала в своей тёплой постели.

Но бабушка брякнула ухватом, и Таня проснулась. Ей бросилось в глаза, что в горнице как-то очень светло.

«Проспала!» — подумала Таня и вскочила с постели.

— Ты что вскочила? — спросила мать. — Испугалась чего-то?

— Я в школу опаздываю! — закричала Таня.

Мать улыбнулась:

— Ещё рано. Сегодня утро такое — светло от снега. Посмотри-ка, что на улице-то!

Таня подбежала к окну. Кругом всё белое: и земля, и крыши, и деревья. Солнце только встаёт, и там, где протянулись его косые лучи, снег стал совсем розовым. И дымки над крышами розовые. И на заснеженных берёзовых ветках розовые искорки горят.

— Зима! — Таня засмеялась от радости. — Вот теперь с горки покатаемся! В снежки поиграем!

На низкую изгородь спустилась сорока. Красивая, чистая, в чёрной шубке, в белом фартучке. Села и начала стрекотать — видно, ей тоже понравилось, что снег выпал. Но тут из своей конуры выскочил Снежок и с лаем бросился ловить сороку. Сорока уже давно улетела, а Снежок всё бегал по снегу и звонко лаял — ему-то, конечно, нравилось, что кончились дождь да слякоть. А зимний мороз Снежку не страшен — вон у него шуба-то какая!

Таня стояла у окна и смеялась, глядя, как её лохматый пёс прыгает по свежему пушистому снегу. А потом немножко затревожилась.

— Ой, бабушка, — сказала она, — сколько снегу-то! И как только мы в школу пойдём? Все увязнем.

И ни за что не дойти бы ребятишкам до школы, — столько снега навалило за ночь! Но председатель сказал Таниному дедушке, чтобы запряг лошадь в большие сани-розвальни и отвёз их. Большие ребята не стали дожидаться лошади, пошли пешком. А маленькие ребятишки всей гурьбой забрались в сани со своими сумками и ранцами.

Дедушка запряг самого сильного жеребца, Весёлого.

— Ему тоже пробежаться полезно, — сказал дедушка, — а то стоит в стойле, со скуки пропадает!

Жеребец побежал было рысью, да скоро приостановился: тяжело ему бежать по рыхлому снегу. А ребятишки сидели в санях, держались друг за друга и смеялись. Весело было ехать всем вместе по снежной дороге!

В большую перемену Ариша Родионова выбежала со своими ребятами-октябрятами на улицу поиграть в снежки. Кинула два-три снежка, сразу покраснелась. Но потом поглядела вокруг: на белую улицу, на белые крыши, на белые деревья — и призадумалась. Снежки летели в Аришу со всех сторон, но она будто не замечала.

— Послушайте, ребятишки, что я думаю, — сказала она. — Видите, сколько снега-то навалило? Всё закрыло кругом — и землю и деревья. В такую снежную зиму птицам очень плохо: им совсем негде добывать корм. Птицы на нас с весны до осени работают — всяких жуков, личинок истребляют, берегут наши сады. Значит, и мы должны им помочь в трудное время, им нужны кормушки.

— Да ведь у нас есть кормушки около школы! — сказал Митя Колечкин.

— И корму каждый день даём, — добавила Таня.

— Птиц много, а кормушек мало, — ответила Ариша, — вот если бы у всех дворов кормушки были! Чтобы у каждого пионера и у каждого октябрёнка дома своя кормушка была... Побегу Насте скажу!

Насте Кузнецовой очень понравилось Аришино предложение. Она в этот же день после уроков собрала всех октябрят и всех октябрятских вожатых. Собрание продолжалось ровно десять минут. А что долго разговаривать? Вопрос ясный: зима круто завернула, птицы в беде, а друзей в беде оставлять нельзя.

Когда ребята шли из школы домой, то у них только и разговору было что о кормушках.

— Я живо кормушку сделаю, — сказал Митя Колечкин, — это мне недолго!

— И я сделаю! — закричал Гриша Чайников. — Я что, гвоздя не сумею забить, что ли?

— А мне дедушка сделает, — сказала Таня.

— А мне отец, — сказала Алёнка.

— Федя, а ты чего молчишь? — спросила Таня. — Тебе кто кормушку сделает?

— Я сам сделаю, — ответил Федя.

— Ну да! Сделает! — засмеялась Алёнка. — Такой ленивый!

— Может, к весне соберётся, — подхватил и Митя. — Уж сказал бы ребят попрошу!

— Я сам сделаю, — повторил Федя.

Таня, как только пришла домой, ещё с порога закричала:

— Дедушка, дедушка, надо кормушку птицам делать!

— Чего ты кричишь? — остановила её бабушка. — Деда дома нет. В район уехал.

— Уехал? — Таня чуть не заплакала. — А когда же приедет?

— На собрание уехал. Всех животноводов позвали на собрание. Приедет поздно, а то, может, и заночует в районе.

— А как же моя кормушка? Тогда, бабушка, давай с тобой сделаем кормушку!

Но бабушка только отмахнулась:

— Не умею я никакие ваши кормушки делать. Дед приедет завтра, так и сделает.

«Завтра!» Все ребята сегодня будут делать, а мне до завтра ждать! А я же командир!

Таня бросила сумку с книгами и выбежала на улицу. Бабушка достала чугунок из печки, хотела Тане налить супу. Оглянулась, а Тани уже и след простыл.

— Вот беспокойный-то командир! — сказала бабушка и поставила чугунок обратно.

А Таня побежала к Алёнке. Может, Алёнкин отец и Тане кормушку сделает? Но Алёнка сама бежала ей навстречу.

— Отец с дровами на станцию поехал! Пускай твой дедушка и мне кормушку подвесит!

— Да, дедушка! — только и смогла сказать Таня.

Тут к ним подошёл Дёмушка:

— А я бы какую хочешь кормушку сделал!

Но Алёнка отмахнулась от него:

— Ты сделал бы! Ложку и то в руке держать не умеешь. Сейчас обедал, так облился весь.

— А пойдём к нашим ребятам! — сказала Таня. — Может, они и нам сделают?

Таня и Алёнка пошли к Мите Колечкину. Дёмушка — за ними. Снежок тоже. Так все и отправились.

Но Мити Колечкина дома не оказалось.

— Он к Чайниковым пошёл, — сказала старшая Митина сестра.

Таня и Алёнка пошли к Чайниковым. Дёмушка опять за ними. А позади всех — Снежок.

Но и у Чайниковых ребят не оказалось. И совсем никого у них не было дома, дверь на замке, а

ключ около двери на гвоздике.

— Куда же они пошли? — сказала Алёнка. — Давай следы посмотрим!

Но в это время пошёл снег. Такой крупный, густой пошёл снег, что словно завесило всё кругом: и неба не видно, и деревьев не видно. И дороги тоже не видно, сразу застлало её пушистой белизной. Как-то всё притихло в деревне, и в полях за деревней тоже притихло.

— Вот так снег! — сказала Таня и остановилась.

— Пойдёмте домой, — позвала присмирившая Алёнка, — а то нас тут снегом занесёт!

Снежок тоже присмирел. Он стоял возле Тани, смотрел на неё и словно спрашивал:

«Ну, чего ж ты стоишь? Домой надо!»

Но Таня сказала:

— А что нам домой бежать? Не в поле, не заблудимся. Пошли к Феде Валькову — наверно, ребята давно уже там!

Таня не ошиблась: и Митя, и Гриша Чайников были давно у Валькова. А у Феде уже кормушка на берёзе висит. Она висит на сучке, на четырёх верёвочках. А одна верёвочка спущена вниз, на крыльцо, за перильце привязана. Отвяжешь её — кормушка спустится. Потянешь — кормушка поднимется.

— Ой как хорошо сделали! — сказала Таня. — А у нас дедушка в район уехал!

— Чайников, это ты сделал? — спросила Алёнка.

— Как бы не я, — хмуро ответил Гриша, — у меня чего-то не получается.

Таня взглянула на Митю: значит, он? Но Митя стоял, молчал и глядел куда-то в сторону.

Тогда Таня оглянулась на Федю:

— Отец тебе сделал, да?

А Федя ответил:

— Я сам сделал.

— Ты сам? — удивилась Алёнка.

А Федя спокойно повторил:

— Сам. Давай и тебе сделаю.

— Ну вот, я же говорила, что Федя не ленивый, — обрадовалась Таня, он только не смелый! Ребята, давайте все вместе кормушки делать! И Мите, и Грише, и Алёнке, и мне. Федя будет показывать и помогать. А мы делать!

— Давайте! — согласился Гриша. — Пускай Федя показывает.

Ребята так и сделали — принялись за работу все вместе.

Не прошло и двух дней, а у всех октябрят из Таниной звёздочки уже висели во дворах птичьи кормушки. Кое-где Танин дедушка помог. Кое-что Ариша Родионова подсказала.

И мало того. Повесили кормушки и ребятишкам из других звёздочек, которые жили по соседству. Правда, Алёнка и Митя не хотели делать кормушки другим ребятам:

— Пускай у них кормушек не будет. Зато наша звёздочка станет лучше всех!

Но Таня сказала:

— А разве мы из-за этого кормушки делаем? Ведь мы кормушки делаем потому, что снег кругом, а птицам есть нечего!

ПТИЦЫ ГОВОРЯТ СПАСИБО

Уходя утром в школу, Таня всегда говорила бабушке:

— Бабушка, будешь кур кормить — положи и птичкам немножко. Ладно, бабушка?

— Да уж положу, положу, — отвечала бабушка, — беги в школу-то, беспокойный ты командир!

А когда Таня приходила из школы, то собирала всякий корм для птичек крошки со стола, варёную картофелину, кусочек мяса, если у кого остался, или каши. А потом добавляла рябины, ясеневых семян, которые они осенью принесли из лесу. И всё это несла в птичью кормушку. Никогда не забывала покормить птиц.

Сегодня воскресенье, в школу идти не нужно. Сегодня Таня пошла сама кормить кур. А заодно и птиц.

Стоял тихий снежный денёк. Солнце брело где-то за светло-серыми облаками, которые тянулись по небу, словно мягкие льняные волокна. Солнце подкрашивало их розовым светом и просеивалось сквозь них на чистые сугробы, на деревья, покрытые инеем.

Таня накормила кур. Положила корму в птичью кормушку. А потом остановилась около палисадника, о чём-то задумалась, и сама не знала о чём.

Вдруг тоненький голосок раздался среди мягкой белой тишины:

«Пинь-пинь!..»

Таня встрепенулась: кто это у неё сегодня будет в гостях?

Она тихонько подошла поближе, спряталась за большую берёзу и стала глядеть.

Гостей оказалось много. Были тут и синички, и воробьи, и тупоносые снегири в красных рубашках... Снег на деревьях птицам хуже всего: ни ягод, ни семян на ветках не найдёшь.

«А сколько ещё их, бедных, летает по лесу! — подумала Таня. — Ничего найти не могут. И не знают, что у нас для них кормушки есть. И что из рогаток в них никто не стреляет. Ой, а кто же это ещё прилетел?»

На кормушку опустилась какая-то совсем незнакомая птица. Она была нарядная, пёрышки на груди и на крыльях красноватые, а на голове пушистый хохолок. Птичка опасливо поглядела в одну сторону, в другую видно, боялась, как бы не появился откуда человек.

А человек в это время стоял за берёзой и глядел на неё. Но птичка не видела Таню. Она оглянулась ещё разок и принялась вместе с другими клевать корм.

Таня затаила дыхание. И всё тянулась потихоньку из-за берёзы — ей хотелось поближе разглядеть эту хохлатую птицу.

Вдруг, откуда ни возьмись, в палисадник вбежал Снежок. Он бросился к Тане и залаял от радости. Да так звонко залаял, что все птицы с кормушки взвились разом и улетели.

— Кто тебя звал сюда? — закричала на Снежка Таня. — Видишь, что наделал?

Снежок вяло завилял хвостом и поглядел на Таню: ну, а что он сделал плохого? Он ведь просто обрадовался!

Тане стало жалко Снежка. И так уж она его совсем забросила. Раньше Снежок всегда ходил с ней вместе — и в поле, и на луг, и на речку. А как стала Таня учиться в школе, так Снежок всё один да один. Таня погладила его.

— Ну ладно. Пойдём к ребятам на гору. Только вот птичку с хохолком не дал разглядеть!

Снежок снова повеселел. Лохматый хвост его закрутился кольцом. Снежок принялся прыгать и хватать Таню за рукава, за варежки. Таня взяла салазки, выбежала на улицу, Снежок — за ней: ну всё, как раньше, когда Таня не ходила в школу. Он прыгал вокруг Тани, убегал вперёд, а потом изо всех сил мчался обратно и всё заглядывал ей в глаза, словно спрашивал: «А куда мы идём? А в какую сторону мне мчаться?»

Таня зашла за Алёнкой, и они отправились на гору, Снежок теперь понял, куда они идут, и помчался по белой дороге.

На горе было шумно, весело. Сколько есть в колхозе ребят, все, видно, собрались здесь. Санки мчались одни за другими с крутой горбатой горы, ребята кричали, смеялись, а некоторые визжали от страха. Лёд на горе так блестел на солнце, что глазам было больно.

Таня и Алёнка подошли к горе и остановились.

— Ух, как раскатали! — сказала Алёнка. — Один лёд.

— Что, забоялись? — крикнул им Юрка председателев. — Эх вы, пичужки!

— «Пичужки»! — обиделась Таня. — А сам и вовсе весь в снегу!

— Стоят, боятся! — крикнул Дёмушка. — Да им санками не управить!

— Зато ты управил, — засмеялась Алёнка, — только что из сугроба вылез!

— Во, как Зеленин помчался! — сказал Юрка. — Сейчас и я так же! Э-гей!

Он бросился в свои санки и полетел с горы.

— Я тоже! — сказал Дёмушка. — Э-гей!

Он поправил шапку и так же, как Юрка, бросился в санки и помчался вниз.

— А вы что же? — крикнула Тане Ариша Родионова. — Глядите, как я буду санками править, и

вы так же!

И Ариша понеслась вслед за Дёмушкой.

— Давай и мы! — решила Таня. — Алёнка, садись!

Ух, как ринулись санки с ледяного бугра! Снежная пыль била в лицо, сердце замирало. Кусты по сторонам летели вверх, на гору. А ракиты, что в овраге, над речкой, мчались навстречу. Теперь править, править надо, чтобы санки к речке не проскочили!..

Но куда там, к речке! Санки вдруг свернули да прямо в сугроб. Таня и Алёнка оказались в снегу. Они подняли головы и поглядели друг на друга. А потом засмеялись и начали выбираться из сугроба. Но тут подскочил к ним Снежок, начал играть с ними и никак не давал встать и отряхнуться.

Еле-еле выбрались подружки на гору. Поехали снова — и опять в сугроб, на потеху ребятам!

Но зато в третий раз наловчились править. Доехали до самой речки и остановились под ракитами. Вот попробуй, подразни-ка их теперь!

Долго катались ребяташки с горы. Щёки у всех стали красные и руки красные — в варежках жарко!

А глупый Снежок совсем запыхался. Он ни за что не хотел отстать от Тани и Алёнки. Подружки с горы — и он за ними мчится! Они санки на гору тащат — и он рядом плетётся, высунув язык. Да ведь и то сказать — неужели ему в такой день в конуре одному сидеть?

Таня пришла домой, когда уже стемнело и в избах зажглись огни.

Мать, как увидела Таню, так и всплеснула руками:

— Ох, дочка, на кого же ты похожа! И вся-то ты в снегу, и варежки хоть выжми. Наверно, и в валенках вода хлюпает!

— Раздевайся живо! — прикрикнула на Таню бабушка. — Снимай валенки да на печку!

Таня не спорила. Варежки и правда были совсем мокрые, а в валенках и в самом деле вода хлюпала. Она живо разделась, пальто повесила на свой гвоздик, который для неё прибил дедушка. Валенки поставила на печку. И сама туда же забралась.

— Смотри не засни там, — сказала мать, — а то ужин проспичь.

— Во сне поужинает, — отозвался дед.

Сон тотчас начал одолевать Таню. Ласковое тепло сразу охватило её, глаза начали закрываться. Всё ещё мелькали перед глазами санки, снег, ребячьи лица, ракиты, Снежок... Слышались голоса. Но постепенно эти голоса становились всё тише, удалялись куда-то. И вот уже Таня стоит в белом палисаднике, а на её птичьей кормушке сидит птичка с красноватым хохолком и поёт тоненьким голосом...

Но это не птичка пела. Это пел на столе самовар, пел-распевал и пускал пар под потолок. И мать звала Таню:

— Вставай ужинать!

Таня слезла с печки.

— Дедушка, — спросила она, — а какая это птичка сегодня ко мне прилетала? Красненькая с хохолком?

— Я её видел, — ответил дед. — Это свиристель. Видно, совсем голодно в лесу, коли в деревню прилетела.

И, немного погодя, дедушка сказал:

— Это хорошо, товарищ командир, что твои октябрята кормушки поразвесили. Посмотрел я сегодня, как у тебя птицы обедали. Поели они, а потом сидели на ветках и всё щебетали что-то. Наверно, говорили тебе спасибо. Не иначе!

ВОТ И КАНИКУЛЫ

И как это быстро пролетело время! Кажется, что зима совсем недавно наступила, а уже и Новый год на дворе.

Когда Таня была маленькая, она всё хотела увидеть — как это Новый год приходит? Даже на улицу выходила поглядеть, не идёт ли Новый год по дороге. Вот какая она тогда была смешная.

И как же плакала тогда Таня, что ребята-школьники не взяли её в школу на ёлку.

А нынче — вот она, эта ёлка, стоит разукрашенная посреди большого класса. И Таня с Алёнкой вместе со всеми октябрятами ходят вокруг ёлки и поют песню:

— В лесу родилась ёлочка,

В лесу она росла.

Зимой и летом стройная,

Зелёная была.

Таня пела песенку, а сама глаз не могла отвести от ёлки. Сколько на ней разных игрушек! Тут и рыбки, и слоники, и звёзды, и снегурочки... А какие шары — они словно светятся своим светом — жёлтые, красные, зелёные. А бусы переплетались на зелёных ветках, словно радужные пузырьки, и каждая бусинка сияет и сверкает. А какая звезда горит на верхушке! Словно красный огонёк, у которого пять лучиков.

Ребята пели, плясали, читали стихи. Таня тоже выступала. Они с Федей Вальковым разучили басню Крылова «Стрекоза и Муравей». Ариша нарядила Таню Стрекозой, прицепила ей зелёные крылья из прозрачной бумаги. А Феде сделала из картонки чёрный панцирь. Но, когда подошла очередь выступать, Федя пропал.

Ариша рассердилась:

— Вот какой недисциплинированный человек этот Федя Вальков! А ещё октябрёнок!

Но Таня вступилась за Федю:

— Он дис... он диспли... Ну, он хороший, только несмелый. Он просто от страха куда-нибудь спрятался!

Все стали искать Федю. А он и в самом деле спрятался. Забился в угол за шкаф и стоит там с чёрным муравьиным панцирем на спине.

— Смотрите, вот он! — закричал Митя. — Будто и правда муравей какой, стоит притаился!

Марья Васильевна подошла к Феде, взяла его за руку и подвела к ёлке.

— Ты же очень хороший ученик, Федя, — ласково сказала она, — и октябрёнок ты хороший, и голос у тебя звонкий, чего же ты спрятался?

Федя стоял весь красный от смущения и не знал, что ему делать. Но тут выручила Таня. Она стала рядом с Федей и громко начала:

— Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела;

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.

Федя вторил ей чуть слышным голосом, только что губами шевелил. А когда в самом конце ему пришлось отвечать Стрекозе, так он еле прошептал:

— Ты всё пела? Это дело:

Так поди же, попляши!

— Громче! — закричали ребята, которые стояли сзади. — Не слышать ничего!

Федя перевёл дух и повторил звонко и отчётливо, так, что всем стало слышно:

— Ты всё пела? Это дело:

Так поди же, попляши!

Тут все засмеялись и весело захлопали Тане и Феде. Федя улыбнулся, а Таня засмеялась:

— Ну вот, а ты всё боялся!

Как будто сама-то она нисколечко не боялась!

В каникулы каждый день — праздник. Что хочешь, то и делай. Можно и с горы покататься, и в снежки с ребятами поиграть, и радио послушать, и книжку почитать!

Таня думала, что если ей в школу не ходить, так и времени девать будет некуда. Но оказалось, что его и теперь не хватает. Денёк пробежит не увидишь как.

Кажется, давно ли утро заголубело в окнах и солнце засверкало искорками на сугробах? А вот уж и сумерки бредут, и фонари зажглись на улицах.

Эти каникулы были особенно весёлыми. Наверно, потому они были весёлыми, что все ребята-октябрята очень подружились, играли все вместе и на санках с горы катались вместе.

И наверно, ещё потому было так весело, что старшие ребята, школьники-пионеры, тоже не

забывали про маленьких. Они играли в «гори-гори ясно» и в другие игры и всех маленьких в игру принимали.

Но вот и каникулы кончились. Завтра в школу.

Таня с вечера уложила свою школьную сумку и пришила чистый воротничок к своему коричневому платью.

— Что, не хочется небось в школу-то? — сказала бабушка. — Привыкла гулять.

Хочется или не хочется? Таня задумалась на минутку. И улыбнулась:

— Хочется!

Ей и правда уже хотелось в школу. Она соскучилась по своему классу. И по Марье Васильевне соскучилась. Да, пожалуй, и по урокам тоже — ведь учиться не так уж трудно, если быть внимательной!

Весело, с песнями отправились ребята на другой день в школу. Отдохнули за эти дни, набегались, наигрались. За парту пора.

Всех дружней, всех веселей шли ребята из Таниной звёздочки. Все умытые, причёсанные, с чистыми воротничками. Даже у Гриши Чайникова был чистый воротничок и руки чистые.

В этот день грустным был только Снежок. Он стоял и глядел, как уходили ребята. Не на гору, не в лес, не в клуб они уходили. А уходили в школу. Уходили по той дороге, куда Снежку бегать за ними не велено.

— Ну, чего загоревал? — сказал дед, проходя мимо. — Придёт твоя хозяйка. Что, у тебя и дел больше нет, как только за ней бегать?

Снежок посмотрел на деда, замахал хвостом и тотчас увязался за ним, на скотный. Снежок не терпел одиночества!

ВОЛШЕБНЫЙ БЕРЕГ

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

— Мне сегодня ночью будет жутко одной на озере, — сказала Феня. — Моя сменщица Катя простудилась, не может дежурить.

— Возьми Алексея, — посоветовала мать, — всё-таки живая душа.

Лёня тут же бросил чурку, которую обстругивал ножом. Он хотел сделать ракету и слетать на Луну. Но если надо идти на озеро, то он готов.

Мать велела ему захватить одежонку, потому что вечером на озере холодно. А Фене подала корзиночку с едой.

— На двоих еды давай, — сказал Лёня, — а то вдруг не хватит!

— На троих дала, — успокоила его мать, — только смотрите за утками хорошенько, рот не разевайте.

— Не разинем, — ответил Лёня.

И первым вышел на улицу. Он ведь и без сестры знал, где озеро.

ЧТО СКАЗАЛИ УТКИ

Феня и Лёня пришли к озеру, сели в лодку и переплыли на другой берег.

Тут на берегу, на прибрежном песке, толпилось множество белых уток.

Они были такие белые, словно только что выкупались в сметане.

— Штук сто будет, — сказал Лёня. — Сейчас сосчитаю.

— Лучше и не берись, — ответила Феня, — их не сто штук, а сто раз по сто. Ты до стольких и считать не умеешь.

Феня пошла в кладовую готовить уткам корм. А Лёня уселся на берегу и стал смотреть на уток.

Утки не обращали на него внимания. Одни дремали на тёплом песке, другие качались на воде, на светлых зыбульках, третьи ныряли под воду, ловили кого-то... И всё время что-то лопотали, переговаривались между собой.

— Эх, скучища! — вздохнул Лёня. — И чего тут делать, на озере? Искупаться, что ли?

В это время к воде подбежала одна уточка и закричала:

— Не уплывайте далеко, не уплывайте! Это опасно!

— Почему? Что такое? — затревожились утки и столпились вокруг неё.

Уточка оглянулась на воду и негромко сказала:

— Говорят, в озере появилась выдра!

— Где выдра? — спросил Лёня.

Уточка опять оглянулась на озеро:

— Говорят, около острова!

— Эх! — сказал Лёня. — Дремать некогда.

Он встал, подбежал к лодке и столкнул её на воду.

Феня вышла из кладовой.

— Куда это ты собрался? — закричала она.

— В озере выдра появилась! — ответил Лёня. — Еду на остров выдру искать!

— Да кто это тебе сказал?

— Утки сказали!

— Уже придумал! Никакой выдры здесь нет. И смотри, опрокинешь лодку тебе достанется!

Лёня взял весло и поплыл на остров искать выдру. Лодочка была лёгкая и сама шла по гладкой воде.

ЛЁНЕ ВСТРЕТИЛСЯ КТО-ТО ЛАСКОВЫЙ

Островок был совсем маленький. Но деревья здесь толпились так тесно, словно лучшего места они не нашли на всей земле.

Лёня привязал лодку и шагнул было на берег. Но тут зашумели камыши, зашелестели кусты:

— Не пропускайте его! Не пропускайте его!

Камыши легли на берег, загородили дорогу. Кусты протянули друг к другу ветки, словно за руки взялись.

А деревья раскинули кроны, и стало на острове совсем темно.

— Почему вы не пропускаете меня? — спросил Лёня.

— Ты будешь разводить костёр, — зашелестели кусты, — ты сделаешь пожар! Мальчишки всегда делают пожары!

— Вовсе нет! — сказал Лёня. — У меня даже и спичек-то нету!

— Значит, ты будешь вырезать удочки и губить молодые деревца! зашумели деревья. — Мы с таким трудом растим свои ветки, свои листья и цветы, а вот такие мальчишки приходят и губят нас!

— И тоже нет! — сказал Лёня. — У меня и ножика-то нету!

— А тогда зачем же ты пришёл? — зашуршали камыши. — Искать птичьи гнёзда в наших зарослях?

— Я не птичьи гнёзда пришёл искать, — сказал Лёня, — я хочу поймать выдру. Она здесь, на острове. Утки боятся её. И правильно, что боятся. Она ведь хватает их за ноги и утаскивает под воду!

— А!.. А!.. А!.. — весело прошумели камыши, кусты и деревья. — Тогда иди!

Камыши выпрямились, кусты приподняли ветки, деревья подняли кроны, и на острове стало совсем светло.

— Только вот не знаю, какая она, — сказал Лёня. — Я её никогда, эту выдру, не видел. Может, вы мне скажете?

— Не можем сказать, — прошелестело кругом, — мы сами её не знаем. Зайцев знаем, лисиц знаем, а выдры не знаем!

— Ну ничего, — сказал Лёня, — как встречу её, так сразу узнаю! — И Лёня вошёл в чащу.

Не прошёл Лёня и десяти шагов, как увидел какого-то милого зверька. Этот зверёк сидел на старом пне. Одет он был в тёмно-бурую шубку; пушистый хвост красиво лежал у ног, а

маленькие глазки весело блестели.

— Здравствуй, Лёня, — сказал зверёк. — Нравится тебе у меня на острове?

— Очень даже, — сказал Лёня. — А откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Слышал, как тебя сестра называла.

— А это что — твой остров?

— Да. Это мой остров.

— Ты здесь родился?

— Н-нет, я не здесь родился. Я просто сюда пришёл и стал здесь жить. И это стал мой остров.

— А как тебя зовут?

— Ардив.

— Как, как? Ардив?

— Ну да. А чего ты так удивился? Тебе не нравится?

Лёня постеснялся сказать, что такое имя ему не нравится.

— Конечно... Всякие имена бывают. Только кто же тебя так назвал?

— А я сам себя так назвал. Ты скажешь, что мы, звери, не умеем придумывать хорошие имена? Ну, уж если бы ты знал, как меня люди назвали, так... Тьфу, даже вспоминать не хочу!

— А где же ты здесь живёшь? — спросил Лёня. — Что ты ешь в лесу?

— Живу в своей норе, как все хорошие звери. А ем... Хи-хи... Я ем землянику. Ты любишь землянику?

— А кто ж её не любит!

Зверёк прыгнул с пенька.

— Тогда я тебе покажу полянку — вся красная от земляники, ступить негде! Пойдём?

— Нет, — сказал Лёня, — я сейчас не могу. Я выдру ищу.

Зверёк посмотрел Лёне в глаза:

— А зачем она тебе?

— Как — зачем? Ведь она злой разбойник! Она рыбу в озере ловит, птичьи гнёзда разоряет... А самое главное, уток хватает за ноги — и под воду! Да смотри, и тебе несдобровать. Утащит в воду, а ты небось и плавать не умеешь.

— Не умею, не умею! Я и воды до смерти боюсь!

Тут зверёк начал ластиться к Лёне, начал тереться своей мягкой шкуркой о его ноги.

— Спасибо, что сказал! А если ты найдёшь эту выдру, тогда что?

— Скажу охотникам. Они придут и убьют её. Мне бы только, узнать, где она живёт.

— Тогда я тебе помогу, Лёня. Как придёт выдра, я тебе свистну. Вот так: фью-фью!.. — Зверёк посвистел нежно, как птица. — Так что ты спи спокойно. Если не слышишь моего свиста — значит, никакой опасности нет. Я у тебя буду вроде сторожа. Подумайте только — рыбу ловит, уток за ноги хватает! Вот разбойница! А? И знаешь — ты её сейчас не ищи, она теперь нырнула в воду и сидит там.

— А ты в воду можешь нырять?

— Я? — Зверёк оглядел свою мягкую шубку, свой длинный хвост. — Хи-хи! Я боюсь даже лапы замочить!

— А однако, ты, Абрыв, всё-таки свои лапы замочил где-то, — сказал Лёня. — Вон на пне мокрые следы остались!

— Во-первых, я не Абрыв. Я — Ардыв. А во-вторых, я просто нечаянно попал в лужу.

Зверёк свистнул, прыгнул в чашу.

— Значит, жди, когда я сигнал подам!

— Ладно, — ответил ему Лёня.

Он вернулся к лодке, сел в неё и переправился на свой берег.

— Ну что, нашёл выдру? — спросила Феня.

— Нет, — сказал Лёня, — выдру я не нашёл, но зато встретил одного зверька, Ардыв его зовут. Ох и умный же! Он у нас вроде сторожа будет. Как выдра появится, так он мне свистнет с того берега. Теперь уткам бояться нечего.

— Как, ты сказал, его зовут?

— Ардыв.

— Эх, и выдумщик ты, Алексей! — вздохнула Феня. — И когда ты станешь серьёзным человеком? Зверьков с таким именем вообще на свете нет. Пойдём, помоги мне подстилку сменить, надо свежей соломы притащить, а то утки обидятся.

ПОЛЁТ В КОСМОС

Лёня помогал Фене таскать солому под навес. Солома была лёгкая, сухая и вся блестела на солнце. Она щекотала шею, царапала руки. Но зато постель для уток получилась пышная, мягкая. И уж конечно, утки скажут Лёне спасибо. Они очень не любят спать на сырой подстилке. Они заболеть могут, если подстилка будет сырая и грязная. И даже умереть от этого могут. Вот какие они нежные!

Под навесом стало светло от жёлтой соломы, будто в этой соломе запуталось солнце. И прежде чем пришли отдыхать утки, Лёня сам повалился и покувыркался на их постели.

В это время на птичник прибежала Аринка, бригадирова дочка.

— Меня отец прислал, — сказала она Фене. — Он спрашивает: как ты здесь одна справляешься? И не нужна ли тебе помощь?

Феня засмеялась.

— Нет, Аринка, — ответила Феня, — мне помощь не нужна, потому что у меня уже есть помощник.

— Кто помощник?

— Я помощник! — закричал Лёня.

— Вот так помощник — весь-то в соломе! — сказала Аринка. — И в волосах солома!

— Ну и что же? — ответил Лёня. — Я уткам постель стелил.

Аринка оглянулась.

По всему берегу — утки, в воде на озере — полно солнца. Весело.

— А давай я тебе, Феня, тоже помогать буду, — попросила Аринка. — Я буду с тобой уток кормить.

— Пожалуйста, — сказала Феня, — очень рада буду. Позову, когда понадобится, а пока поиграйте.

— А как нам играть? — спросила Аринка.

— Я не буду играть, — сказал Лёня. — Я не маленький. Если хочешь, полетим в космос.

— Куда-куда?

— В космос. На ракете. Неужели в первый раз слышишь?

— А где ракета?

Лёня оглянулся. Возле кормушки стояла белая бадейка. В этой бадейке Феня разносила уткам еду. Но утки любят, чтобы посуда была чистая, и Феня только что вымыла её и поставила на солнышко просохнуть.

Лёня схватил бадейку, надел себе на голову:

— Вот и шлем. А ракета — будто бы есть.

— А мне? — спросила Аринка.

— И у тебя ракета будто бы.

— А шлем? Тоже будто бы?

— Конечно. Приготовиться! Даю старт!

Лёня махнул рукой, дал старт, и вдруг они оба с Аринкой взлетели под самые облака. Ох и раздолье же! Ох и веселье же тут началось! Лёня и Аринка летели в своих ракетах, а вокруг них крутились вихри, пухом разлетались облака.

— Внимание! Внимание! — Лёня давал позывные. — Я — Орёл, я — Орёл! Синица, ты меня слышишь?

— Я — Синица! Я — Синица! — из неизвестной дали отвечала Аринка. — Я тебя слышу!

— Синица, ты землю видишь?

— Нет, не вижу! Кругом облака!

— А я вижу. Земля — голубой шар! Синица, лети выше!

— Лечу выше! Я тоже вижу: земля — голубой шар!

— Синица, а у тебя невесомость есть?

— Какая невесомость?

— Ну, когда ничего не вешишь! Вниз головой ходить можешь?

— Нет.

— Тогда поднимайся выше!

— Поднимаюсь!

— Облака внизу?

— Внизу!

— Синица! Я — Орёл! Давай спустимся на облачко, отдохнём!

— Ой, давай отдохнём, Орёл!

Лёня и Аринка опустились на облако и сразу утонули в нём по колёно.

— Из чего это облако, из ваты, что ли? — спросила Аринка.

— Из утиногo пуха, — ответил Лёня. — Эх, и мягко!

Они сидели на белом облачке и плыли по небу, как по голубой воде. А солнце так и обливало их теплом и светом, и спрятаться от него некуда!

— Даю старт! — крикнул Лёня. — В космос!

И они снова понеслись.

А вихри так и крутились вокруг, и белые облака опять разлетались пухом.

— Во, чегой-то они! — сказал вдруг где-то рядом грубый голос. Носятся как угорелые, а у этого ещё и бадья на голове!

И сразу Лёня и Аринка очутились на земле. На самой обыкновенной твёрдой земле, на тёмном, сыром песке. И вокруг не белые облака летели пухом, а летел пух с тополей, самый обыкновенный тополиный пух...

А у калитки стоял Корней, Аринкин брат. Он был очень умный и всегда всё знал.

— Мы были в космосе! — сказала Аринка.

— Вы носились по берегу и пугали уток, — сказал Корней, — а больше ничего не было.

— Ты же не видел! — закричал Лёня. — Ты же не знаешь!

— Ха-ха! — засмеялся Корней грубым смехом. — А ты что видел в своей бадейке?

Лёня поставил бадейку около кормушки. Ему сразу стало скучно. Так скучно, что хоть плачь. И почему это ему стало так скучно? Ведь Корней правду сказал. Какой же это шлем, если это просто белая бадейка!

Но подумал, нахмурился и сказал сам себе:

«А всё-таки у меня был шлем. Был!»

РАЗБОЙНИК ГДЕ-ТО БЛИЗКО

— Сейчас будем обедать, — сказала Феня, — а вы, ребята, пока бегите на озеро да вымойте руки хорошенько. И как это вас в космос с такими руками пускают!

Лёня посмотрел на свои руки. Да, правда грязные. И когда успели загрязниться? Может, когда по острову лазал? Может, когда солому стелил?

— У меня почище, — сказала Аринка. — Ну, всё равно, пошли на озеро!

— У меня чистые, — сказал Корней. — Я на озеро не пойду.

Лёня и Аринка подбежали к воде.

— Нет, тут нехорошо, — сказала Аринка, — здесь утки намутили.

— Да, мы намутили, — сказала одна крупная белая утка. — Мы теперь ныряем только около берега.

— Слышишь? — прошептал Лёня и поглядел на Аринку.

— А что?

— Что утка говорит?

— Утка?

— Да, я говорю, — продолжала утка. — Кто-то обещал нам поймать выдру...

— Да, слышу!.. — прошептала Аринка. — Как же это?

— А что ж такого? — ответил Лёня. — Они здесь постоянно разговаривают. — И, обратившись к утке, сказал: — Это я обещал. И поймаю. Как появится — так и поймаю.

— Она появилась, — прошипела утка, — она ловит рыбу. Съест одну, а поймает десять. А потом бросает их. И всё зря... зря... зря...

— Чего вы стоите тут? — крикнул Корней своим грубым голосом (его Феня тоже послала мыть руки). — Уток не видали?

— Тише! — рассердилась Аринка. — Ты не слышишь, что утка говорит?

— Ха-ха! Слышу, не глухой. «Кря-кря-кря!..» — вот что она говорит!

— Кря... кря... кря... — сказала утка и тихонько уплыла прочь.

Аринка и Лёня переглянулись.

— Пойдём дальше, — сказала Аринка, — здесь вода мутная!

— Подумаешь! — сказал Корней. — Вода как вода, — и стал умываться.

А Лёня и Аринка побежали дальше по берегу. Побежали туда, где кончалась проволочная загородка, где на жёлтом песке ни одной утки не было и вода светилась до самого дна и тихо покачивала на волне лучистое солнышко.

Лёня и Аринка вошли в тёплую воду. Они доставали со дна горсти зернистого песка и тёрли им ладони вместо щётки. Потом рвали на берегу круглые листья с байковой подкладочкой и тёрли ими руки вместо мочалки. А потом полоскали руки в прозрачной воде.

— Хватит, — сказал наконец Лёня.

— Хватит, — повторила Аринка.

— Она оглянулась — чем бы руки вытереть? И вдруг увидела на берегу рыбу:

— Смотри-ка! Рыба!

Рыба лежала неподвижно. Она была вся целая, только на спинке кто-то выгрыз мягкий кусочек.

— Выдра! — сказал Лёня. — Это она ловит и бросает, губит рыбу зря!.. Разбойник где-то близко!

— Так чего же ты не ловишь эту выдру? — сердито крикнула Аринка. — Ты же обещал! Смотри, вон ещё рыбина лежит!..

— А вон ещё... — сказал Лёня. — Ещё две...

— Какая противная, злая! — Аринка почти плакала. — Если бы хотела есть, так ела бы!.. А то ведь даже есть не хотела! А так, от жадности! Где же твой сторож?

— Где же мой сторож? — повторил Лёня и посмотрел на остров. — Что же он мне не свистит?

— Спит твой сторож, и всё! — сказала Аринка. — Спит и ничего не видит.

— Я не сплю, хи-хи! Я не сплю!.. — послышался ласковый голосок, и круглая мордочка с круглыми ушками высунулась из-под калинового куста.

— Ардыв! — обрадовался Лёня. — Ты здесь?

— Я случайно бежал мимо и услышал ваш разговор, — сказал Ардыв. Хи-хи! Я не сплю. Никакой выдры нет.

— А рыба? — сказала Аринка.

— Хи-хи! Рыбу клевали вороны. Я сам видел. Зачем было рыбе выплывать на мелкое и греться на солнце? Вороны не зевают! Они даже уток заклевать могут. Молоденьких уточек. Фью-фью!.. Очень просто!

— Вороны?!

— Хи-хи! Конечно. Их большая семья поселилась возле птичника. Я сам видел!

— Ардыв, поиграй с нами! — сказала Аринка. — Мне хочется тебя погладить...

— Нет, не могу... — сказал Ардыв и ещё глубже запрятался в куст. — Я пойду спать. Мне ведь ночью сторожить нужно. И шубку почистить надо. Дела, знаете. Хи-хи! До свидания!

Зверёк исчез.

— Как жалко, что ушёл Ардыв! — сказала Аринка. — Он очень хорошенький. У него белое пятнышко на нижней губе. Ты заметил?

— Конечно. Я ещё раньше видел.

— Только почему это он всё встряхивался? Купался он, что ли?

— Что ты! — Лёня махнул рукой. — Он даже лапы-то боится замочить!

— Лёня... а может, это он ел рыбу?

— Что ты! Он, кроме земляники, ничего не ест!

— Да, — согласилась Аринка, — он такой ласковый. Разве он мог бы загрызть кого-нибудь?

Феня издали позвала их:

— Обедать! Обедать! Обедать!

— Идём! — в один голос ответили Лёня и Аринка и припустились наперегонки к вагончику.

— А к нам Ардыв приходил! — кричала Аринка. — Он с нами разговаривал!..

— Ох! — вздохнула Феня. — Раньше один придумывал, теперь двое взялись! Может, и ты с ними вместе начнёшь придумывать? — сказала она Корнею.

— Не! — Корней выпятил нижнюю губу и потряс головой. — Вот ещё! Дурак я, что ли? Я небось умный. У меня утки не заговорят!

УТКАМ ТАКОЙ ОБЕД НЕ ПОНРАВИЛСЯ

Горячая картошка так и рассыпалась в миске, малосольные огурцы пахли укропом и хрустели на зубах. Яйца, помидоры, молоко — всё очень скоро исчезло из Фениной корзинки. Так вкусно ребята ещё никогда не обедали!

— И почему это? — удивилась Аринка. — Дома и суп и мясо. А мне есть не хочется. А вот здесь, на берегу, ох и вкусно всё!

— А потому, что этот берег волшебный, — сказал Лёня.

— Ха-ха! Волшебный! — Корней повалился на траву от смеха. — Ха-ха!

Но Лёня и Аринка даже не поглядели на него.

— Около птичника вороны поселились, — сказал Лёня Фене, — целая семья!

— И они могут молодых уток заклевать, — сказала Аринка, — рыбку уже заклевали!

— Расскажите всё по порядку, — попросила Феня.

Лёня и Аринка рассказали.

И про Ардыва рассказали тоже.

— Ну, вашего Ардыва вы возьмите себе, — сказала Феня, — а вот то, что рыба загрызенная лежит... Нет, ребята, вороны её не могли в озере заклевать. Рыбу загрызла выдра.

— А что же, значит, Ардыв врёт? — обиделся Лёня.

Но Аринка вспомнила про утку:

— А что утка говорила? Значит, утка врёт?

— Ох, не забивайте мне голову! — сказала Феня. — Вечер близко, опасности кругом — и выдра и вороны, — а вы всё со сказками своими!

— Да, вечер скоро, — сказал Корней. — Я, пожалуй, домой пойду. Чего тут, на озере-то? Солнце сядет — холодно. Дома лучше. Аринка, пошли!

Аринка отвернулась:

— Иди, пожалуйста. Я уток стеречь буду.

— Ну, и застынешь ночью.

— Ну, и застыну. Опасность кругом, а я домой пойду?

— А я не дурак. Я небось умный. Я спать под тёплым одеялом люблю.

— Послушай-ка меня, Корней-Всех-Умней, — сказала Феня, — передай отцу, что комбикорм у нас кончился. Должны были привезти сегодня, а вот не привезли. Пускай бригадир распорядится.

— Ладно, скажу.

Корней ушёл.

— А мы с вами сейчас будем уток кормить, — сказала Феня. — Ну-ка, пошли вертеть корморезку!

— Опять кормить? — удивилась Аринка. — Ты же их недавно кормила! Ты их целый день кормишь!

— Пусть едят, — сказала Феня. — Чем больше едят, тем скорей растут.

Сначала Феня вертела корморезку, а Лёня и Аринка подавали в машину молодую зелёную кукурузу. Потом Лёня с Аринкой вертели, а Феня подавала. Сочные стебли хрустели под ножами. А когда выходили из-под ножей, то из них получалась сочная зелёная каша. Целый ворох зелёной каши!

— Ах, беда какая, — сказала Феня, — нет и нет комбикорма.

— А что там, в этом коммикорме? — спросил Лёня. — Что, без этого коммикорма уткам жить нельзя, что ли?

— Эх, вы! А ещё в космос летаете! Не коммикорм, а комбикорм комбинированный корм. Ну, значит, составленный из разных кормов. Тут и витамины и минералы — всё, что утке нужно. А если одной болтушкой кормить, заскучают наши утки, заболеют... Это вы, ребята, всё знать должны — вы же не белоручки какие-нибудь, вам ведь тоже работать придётся!

— А мы и сейчас будем работать! — сказал Лёня.

Он схватил корзинку, нагрёб в неё зелёной каши и понёс в кормушки уткам. А утки уже поджидали его. Они бросились клевать — им нравилась эта зелёная каша.

— Вкусно, вкусно! — приговаривали они. — Нам очень нужна зелень. Если бы мы были дикие, мы бы сами находили зелени сколько хотели. Но волье мы в загоне, здесь один песок. Где же мы найдём зелень? А нам очень нужно.

— Вот и ешьте на здоровье, — сказал им Лёня. — Сейчас ещё принесу.

— Но, между прочим, сегодня обед был опять очень плохой, — скучным голосом сказала одна молодая утка. — В кормах совсем нет рыбной муки. И жома свекловичного нет. И жмыха нет...

— Да, вот уже сколько дней всё одно и то же! — сказала другая. — А где кальций? Неужели на земле мела не стало?

— Разве Феня хочет, чтобы мы какими-то рахитиками стали? — сказала третья. — Разве она не знает, что без кальция у нас косточки станут совсем хрупкие?

— И соли нам нужно! — подхватила четвёртая.

— Феня всё знает! — поспешно ответил Лёня. — Завтра будет у нас комбикорм — и мел, и жмых, и рыбная мука. Всё будет!..

Вскоре наступил вечер. Утки стали потихоньку собираться под навес. Они ложились рядышком на мягкую солому, будто пирожки в печке.

Тихо стало на берегу. Песок потемнел, и вода потемнела. Феня зажгла свет в вагончике.

— Утки спать легли, и вы ложитесь, — сказала Феня. — Ты, Аринка, лезь на верхнюю полку, там теплее, а ты, Лёня, ложись на нижнюю.

— А ты где? — спросил Лёня.

— А я буду на берегу. Мне спать нельзя — надо уток охранять.

— Мы сами будем охранять, — сказал Лёня, — а ты спать ложись.

— А когда ты поспишь, мы ляжем, — сказала Аринка. — Я сейчас совсем спать не хочу.

— Хорошо, — согласилась Феня. — Только сторожите внимательно, не дремлите.

— Да уж не задремлем!

Феня легла спать. А Лёня и Аринка пошли охранять уток.

В ГОСТЯХ У САМОГО УЧЁНОГО ПУГАЛА

Вода в озере лежала тихо, не шумела. И деревья на острове стояли тихо. А над деревьями тихо светилась жёлтая заря.

— Ещё ночь не наступила, а как-то страшно, — прошептала Аринка.

— Ничего не страшно! — громким голосом ответил Лёня. — Вон и месяц всходит, никакой темноты нет.

Они шли вдвоём по берегу, песок скрипел у них под ногами. Утки поднимали голову, прислушивались и тихонько переговаривались:

— Свои ходят. Это Лёня и Аринка нас охраняют. Спите... Лёня и Аринка здесь... С нами. Спите...

— Ой, Лёня, — вдруг сказала Аринка, — кто это там на бугре стоит?

— Где?

— Ну, около самого птичника! Ну вон же он, в шапке!

Лёня пригляделся:

— Да это же наше Пугало! Неужели не узнала?

— Лёня, это не Пугало. Это человек. Он руками шевелит!

— Руками! А есть у него руки-то? Пойдём к нему.

Лёня зашагал туда, где на высоком бугорке стояло Пугало. Аринка не знала, что делать. Идти к Пугалу страшно. Остаться одной — ещё страшней. Аринка бросилась догонять Лёню.

Да, это и в самом деле было Пугало. Аринка видела его днём обыкновенная крестовина, на ней чей-то рваный пиджак, вместо головы чья-то старая шапка. Его поставили сюда, чтобы пугать ворон.

Лёня и Аринка взбежали на бугор.

— Смотри, как здорово! — сказал Лёня. — Самое правильное место для Пугала — отсюда всё кругом видно, и Пугало всем видно.

— Здравствуй, Пугало! — крикнула Аринка. — Я тебя больше не боюсь!

— Здравствуй, — проскрипело Пугало. — А меня никто не боится.

Лёня и Аринка переглянулись. Пугало-то их видит и слышит!

— Мы хотим около тебя посидеть, — сказал Лёня, — ничего?

— Очень буду радо, — ответило Пугало. — Мне так скучно одному! Особенно по ночам. Здесь лежит брёвнышко, садитесь.

Лёня и Аринка уселись.

— И почему это люди всегда оставляют Пугало в одиночестве? Ставили бы нас по два, по три. И вороны больше боялись бы, и нам не было бы так скучно. Днём-то ничего, днём работа. Глядишь, хищник какой появился, начнёшь пугать его — машешь рукавами изо всех сил. Только к рукавам они скоро привыкают. Вот если бы голос мне погромче, я бы крикнул! Или хотя бы две ноги — я бы побежал, прогнал, а на одной ноге куда?

— Да, правда, — сказала Аринка, — очень плохо на одной ноге!

— Вот и люди тоже, особенно взрослые, — чудные такие. Другой раз вижу что-нибудь неладное, скриплю-скриплю, они ничего не слышат. Вижу другой раз — слабую утку забивают, щиплют. Я скриплю: «Возьмите скорей, отсадите её, спасите, она пропадёт!» Не слышат. Или замечу — подстилка сырая, опять скриплю: «Смените скорее подстилку, заболели утки, плохо им, погибли они!» Не слышат. А как-то услышали меня, зоотехник услышал. И что же? «Это кто здесь раскрипелся? — говорит, да так сердито. — Это Пугало скрипит, что ли? Ему всё плохо? Оно всем недовольно? Сломать его да забросить!» И не поспоришь. Так вот помашешь рукавами да поскрипишь без толку. А ведь сердцевина-то болит!

— Ты очень хорошее, Пугало, — сказал Лёня, — жаль, что я раньше с тобой не поговорил.

— И вот поставили меня на самом высоком бугре. А мне отсюда всё видно. Лучше поставили бы меня куда-нибудь в ложбину. Стояло бы я там и не видело бы ничего. И сердцевина у меня не болела бы.

— Мы к тебе приходиться будем, — сказала Аринка, — по вечерам. И тебе и нам будет весело!

— Очень хорошо! — нежно проскрипело Пугало. — Вечера сейчас звёздные. Вот, смотрите, Большая Медведица взошла. И Орион.

— Чего?! — удивились Лёня и Аринка. — О чём ты говоришь?

— О созвездиях я говорю. Большая Медведица — это созвездие, вот оно, в виде ковша. Из семи звёзд. А вот эти три звезды, яркие, такие белые звезды, — это пояс Ориона. Тоже созвездие такое. А вон там — Марс.

— А какая это звезда — Марс? — спросил Лёня. — Ты нам её показать можешь?

— Могу. Вот она. Красноватая такая. Видите? Над лесом висит. Только это не звезда, а планета, — ответило Пугало.

— Как так — планета?

— Такая же, как Земля. Только поменьше.

— Ты путаешь что-то. Земля не светится. А Марс вон как светится!

— И Марс не светится. Это его Солнце освещает.

— Ой, Пугало, что ты говоришь! — засмеялась Аринка. — Откуда же Солнце? Ведь сейчас ночь и никакого Солнца на небе нет!..

— У нас нет, — прервал её Лёня, — а где-нибудь-то оно есть же? Оттуда и светит.

— А почему Марс красный? — спросила Аринка.

— Ну этого я не знаю, — ответило Пугало. — Я ведь только то говорю, что учёные люди говорят. А они говорят, на Марсе кто-то живёт, есть каналы там. И растения какие-то. А растения эти то голубыми становятся, то красными.

— Да откуда ты всё это знаешь? — спросил Лёня. — Стоишь здесь на птичнике один...

— Хм!.. — усмехнулось Пугало. — Очень просто. Феня набила мне в шапку газет, чтобы шапка лучше держалась. Так что в голове у меня теперь полно всякого космоса. Когда запустили ракету на Марс, об этом люди много писали.

— А-а! — сказал Лёня. — Это здорово! Вот если бы мне набили в голову всяких задачников, всяких примеров! Тогда и уроки учить не надо бы!

— А мне бы стихов! — сказала Аринка. — А то велят учить стихи, а я их никак не запоминаю.

— Хм! — усмехнулось опять Пугало. — У меня и стихи есть. Хотите, прочту? Впрочем, тс-с-с-с!..

Все сразу примолкли, прислушались.

— Мне показалось, будто по озеру волна прошла...

Лёня и Аринка вскочили. Всё было тихо. Но вдруг заговорили, зашумели спросонок утки.

— Что-то неладно! — резко скрипнуло Пугало. — Бегите!

Лёня и Аринка помчались с бугра изо всех сил. А Пугало стояло и махало рукавами им вслед, скрипело и махало рукавами...

Лёня и Аринка подбежали к уткам.

— В чём дело? — спросил Лёня.

— Нам приснилась выдра, — сказала одна уточка дрожащим голосом, будто она вылезла из воды и ходила по берегу.

— И подбиралась к нам... — сказала другая.

Лёня и Аринка пошли на берег. И тут на песке увидели маленькие следы. Месяц светил ярко, и следы были так хорошо видны, что даже можно было их сосчитать.

— Лёня, — Аринка тронула Лёню за руку, — на озере волна.

Озеро лежало неподвижно, и только одна волна бесшумно шла к острову. Подошла к острову и пропала.

— Это выдра была. Да, это была выдра, — сказал Лёня. — Но где же Ардыв? Почему он мне не свистнул?

— Фью!.. Фью!.. — тут же послышался нежный свист с острова. — Я тебе давно свистел — фью... фью!..

— А мы сидели там и не слышали! — с досадой сказал Лёня. — А ты, Аринка, говоришь, что Ардыв никакой не сторож. Ну что, не сторож?

— Теперь давай от берега не отходить, — сказала Аринка, — вдруг твой Ардыв опять засвистит, а мы и не услышим!

— Лёня! Аринка! — позвала их Феня. — Идите спать. Теперь я буду дежурить.

Ни Лёня, ни Аринка спорить не стали. По правде сказать, им уже хотелось в тёплую постель.

— Только ты, Феня, слушай, — сказал Лёня, — если Ардыв засвистит, значит, выдра близко.

— Ох, Лёнёк, надоел ты мне со своими сказками! — Феня зевнула и запахнула поплотнее жакетку. — Ночь светлая, я выдру и без твоего Ардыва увижу.

— А к Пугалу тоже подходи иногда, — попросила Аринка, — а то ему скучно одному... Оно тебе что-нибудь расскажет.

— Ступайте, ступайте, — сказала Феня, — вам уже обоим на ходу сны снятся.

Как уютно, как тепло было в вагончике! Феня постелила им постели — и на верхней полке, и на нижней. Аринка живо взобралась наверх. Лёня улёгся внизу, укрылся тёплым Фениным одеялом. В открытую дверцу вагончика смотрело ночное небо, полное звёзд...

Вдруг Лёня увидел, как спустилась с неба красноватая звезда, стала большим шаром и тихо подплыла к вагончику. Красноватый шар заглянул к Лёне, осветил всё красным светом и уплыл. А потом появился с другой стороны, опять заглянул и снова уплыл.

«Это Марс, — подумал Лёня, — кружится вокруг нашего вагончика!..»

И, уже засыпая, Лёня увидел, как вагончик снова осветился красным светом...

А Феня в это время развела на берегу маленький костёр и села у огня. У огня веселее и не так страшно. Красное пламя играло, и плясало, и освещало берег.

Феня была трусиха и всегда боялась ночного озера, только никому об этом не говорила.

НА ПТИЧНИКЕ ВОЛНЕНИЕ

— Ну, а ты что, домой пойдёшь? — спросила Феня.

— А разве я тебе мешаю здесь? — ответил Лёня. — Я тебе даже помогаю!

— Конечно, помогаешь, — сказала Феня, — только я подумала — может, тебе надоело?

— Ничего мне не надоело! — сказал Лёня. — И вообще, пока я не поймаю выдру или не выслежу её, я отсюда никуда не уйду.

— А мне тоже не надоело, — сказала Аринка, — и я тоже никуда не уйду.

— Очень хорошо, — согласилась Феня. — В таком случае, давайте братья за дело.

— Кормить уток?

— Конечно. Самое главное у нас дело — кормить, кормить и кормить наших уток. Только вот чем кормить? Опять не везут комбикорма!

Замесили болтушку с зеленью. Лёня и Аринка стали разносить это месиво по кормушкам. Утки сунулись было клевать, но тут же закричали, затрясли головами и побежали к воде.

— Нет, это невозможно! — жаловались они. — От этого корма у нас клювы слипаются!

— Да, опять ничего, кроме болтушки. Это же сплошной белок!

— Вот именно! Только от этого белка мы сами перестанем быть белыми!

А некоторые утки не кричали, не жаловались, а лишь молча и печально отходили в сторонку. Они не хотели есть, не хотели разговаривать, не хотели плавать.

— Аринка, ты видишь? — спросил Лёня.

— Вижу, — чуть не плача, сказала Аринка, — они заболели. И сразу какие-то грязные стали! Смотри-ка, вот эта маленькая совсем серая, будто её пеплом посыпали.

В это время утки окружили маленькую уточку и принялись её щипать.

— Ай! — вскрикнула она. — Мне и так нездоровится, а вы ещё и щиплетесь!

— А ты уходи от нас! — шипели утки. — Мы белые, чистые, а ты какая?

И снова принялись её щипать.

— Вы что, с ума сошли? — закричал на них Лёня. — Кто послабей, того и щиплете?

— Конечно, — ответила ему одна большая задиристая утка, — вот слабых-то и щипать. А сильных щипать страшно, они ведь могут дать сдачи!

— И это говорит совхозная утка? — рассердился Лёня. — У нас нет такого закона — щипать слабых. У нас другой закон — защищать слабых! Но утки словно и не слышали. Они шипели и косились и опять норовили ущипнуть заболевшую уточку.

— Феня, — позвала Аринка, — иди сюда скорей! Здоровые утки больных забивают да ещё всякие гадкие слова говорят!

Феня поспешно подошла к ним:

— Ах ты, беда какая! Давайте отнесём больных в зимний птичник, а то их совсем заклюют!

Лёня, Аринка и Феня стали быстро ловить заболевших уток.

— Может, их вымыть сначала? — сказала Аринка. — Может, они побелеют?

— Нет, — сказала Феня, — от воды они побелеть не могут. Они побелеют только от хорошего корма.

Прошли по вему стаду, выловили всех слабых уток, отнесли их в зимний птичник и закрыли там.

— Поймайте ещё вот эту, — сказала Феня, — вон ту, большую задиру. У неё тоже начинают перья кое-где пеплом покрываться.

Феня ушла в вагончик варить обед. А Лёня и Аринка принялись ловить большую утку, ту самую, которая слабую уточку щипала.

— Что вы делаете? Что вы делаете? — кричала она. — Я хорошая белая утка!

Она убегала от них, хлопала крыльями. А потом вдруг присела, будто лапки у неё подкосились. И тут же к ней подошла большая белая утка и больно ущипнула её.

— Почему ты меня щиплешь? Я ведь тоже белая.

— Нет, ты уже не совсем белая. Это я совсем белая. А у тебя и на шейке и на крыльях перья потемнели!

— Но подожди, разве я виновата? За что же меня щипать? Ведь не вина это моя, это моя беда!

Тут Лёня схватил её.

— Зря! Зря! Зря! — жалобно закричала утка.

— Ну что ты кричишь? — стала уговаривать её Аринка. — Мы же тебя лечить будем и кормить будем. А тут, на берегу, тебя утки совсем защиплют!

— Да, да, — сказала утка, — обязательно защиплют. И как им не стыдно щипать тех, кто слабее!

— А тебе было стыдно, когда ты щипала тех, кто слабее? — спросил Лёня.

Утка примолкла. И всю дорогу, пока её несли, молчала. И только уже у зимнего птичника пролепетала еле слышно:

— Я, кажется, больше не стану щипать слабых. Это очень неприятно, когда ты даже защититься не можешь.

— Хорошо, что ты хоть до этого додумалась, — сказал Лёня, впустил её в птичник и закрыл дверь.

Целый день на берегу ждали — вот-вот зашумит машина, вот-вот привезут комбикорм. Но день уже к вечеру пошёл, а машина всё не приходила.

— Неужели Корней ничего не сказал? Неужели забыл? — волновалась Феня. — Видно, придётся мне самой в правление бежать.

— Беги, — сказал Лёня, — а то стемнеет скоро.

— Ну как я побегу? Как на вас птичник брошу? Не могу я!

Феня не знала, что делать, от волнения у неё даже слёзы на глаза навернулись.

— Вот уже месяц уток болтушкой кормим! — жаловалась она неизвестно кому. — Завод на ремонт закрылся, а у нас и запасов никаких нет. Хозяева называются! А теперь, когда завод снова работает, так мы опять ждём чего-то! Нет, побегу, пожалуй!

Феня пошла в вагончик за платком.

— Что-то Пугало размахалось, — сказала Аринка.

— Вроде как зовёт, — сказал Лёня и побежал на высокий холмик к Пугалу.

— Машу, машу — не видишь! — заскрипело Пугало. — Пускай Феня не спешит — машина идёт к нам.

— Где?

— Пыль видишь?

— Вижу.

— Так это машина идёт.

Теперь Лёня тоже увидел машину.

— Ура! Наша, совхозная! Комбикорм везут!

Лёня чуть не кубарем скатился с бугорка. И даже спасибо забыл сказать Пугалу.

— Феня! Феня! К нам машина идёт! Я с бугра увидел!

— Вот всегда так, — чуть слышно проскрипело Пугало, — подскажешь что-нибудь человеку, а ему уже кажется, что это он сам решил, сам сделал, сам придумал... А впрочем, неважно. Лишь бы польза была. Если комбикорм какая радость! Утки опять будут здоровыми! А то уж у меня сердцевина совсем изболелась. Не загнила бы!..

Лёня и Аринка бросились открывать ворота. Они открыли ворота во всю ширь, и машина подъехала прямо к кладовой.

— Наконец-то! — крикнула Феня. — Заждались вас!

Из кабинки вылез бригадир:

— Здравствуй, Феня.

— Здравствуйте! Как я рада! А кто там ещё в кабине?

— Это я, — ответил Корней и тоже вылез из кабины.

— Корней! Вот здорово! — сказал Лёня. — Целую машину корма привёз!

— А чего ж... — нехотя ответил Корней.

— А почему вчера не приехали? — спросила Феня. — Я уже хотела сама к вам в правление бежать. Думаю, может, Корней не передал. А вы, думаю, может, забыли.

— Как бы это я забыл, Феня? — сказал бригадир. — Да не было раньше-то кормов на заводе. Машина там со вчерашнего дня дежурила. Как открыли завод — так мы первые!

— Вот и хорошо, на душе отлегло!

— А что ты про Корнея сказала? Что он мне передать должен был?

— Да вот чтобы комбикорму скорей везли.

— А, — сказал бригадир и вдруг начал смеяться. — Ну, если бы на Корнея понадеялись, долго бы вам пришлось ждать! — И рассказал такую историю.

Оказывается, Корней пришёл и говорит:

— Там конюкорму нужно.

Бригадир удивился:

— Какому коню? Какого корму?

— А я почём знаю? — сказал Корней. — Феня велела, чтобы ты привёз конюкорму.

— Да что я, по коням, что ли, бригадир? Да и какой там конь у Фени? Ты что-то путаешь.

— Ну вот ещё! Дурак я, что ли?

Так бригадир и не понял ничего.

— Теперь понимаю! — смеялся бригадир. — Это он, значит, комбикорму просил!

— Эх ты, а ещё Корней-Всех-Умней! — засмеялся Лёня.

— Ну и что ж такого? — ответил Корней. — Умный тоже ошибиться может.

Шофёр и бригадир открыли борт машины и стали таскать мешки в кладовую.

Феня тоже им помогала.

— Пожалуйста, пришлите кого-нибудь с ружьём, — попросила Феня бригадира, — у нас тут выдра появилась, рыбу душит беспощадно. Боимся, как бы до уток не добралась!

— Лесничего попрошу, — обещал бригадир. — Эти разбойницы ему знакомы. Вот только запомнить надо, где она живёт — здесь ли, на берегу, или на острове.

— Выследим! — поспешно сказал Лёня. — Я теперь не отстану, пока не выслежу!

Шофёр и бригадир попрощались и уехали.

— А ты чего остался? — сказала Аринка Корнею. — Скоро вечер, а ты ведь умный, спать в тёплой постели любишь.

— Да, не дурак, — согласился Корней, — я уйду домой, когда вечер наступит. Только поужинаю

у вас сначала.

А Феня и не думала готовить ужин.

Она торопилась накормить уток хорошими комбинированными кормами.

— Вот вам и витамины, вот вам и минералы, вот вам и соль, вот вам и кальций...

А особенно сытно кормила заболевших уток.

— Ешьте, ешьте. Если будете хорошо есть, то опять станете беленькими, веселенькими, и никто вас больше щипать не посмеет!

Незаметно подошёл вечер.

Корней так и не дождался ужина, посидел, поворчал да и ушёл домой.

Ужинали поздно, у костра. Утки долго не ложились спать, то отходили от кормушек, то снова подходили — такая вкусная была у них еда.

НОЧЬ НА ВОЛШЕБНОМ БЕРЕГУ

Аринка поужинала и сразу забралась в вагончик на верхнюю полку. Феня задремала у костра. А Лёня встал и пошёл по берегу. Красные отсветы костра играли на песке, плескались в озере. Над самым озером висел месяц, и второй месяц глядел на него из воды.

Вдруг Лёня услышал знакомое нежное хихиканье.

— Хи-хи! Как дела?

— Ардыв! — обрадовался Лёня. — Как хорошо, что ты пришёл! Только не убегай так скоро, мне с тобой надо посоветоваться!

Зверёк прыгнул к Лёне, как кошка, и ласково потёрся о его ноги. Он был очень весел.

— С удовольствием, — сказал Ардыв, — давай поговорим. А хочешь сначала поиграем в прятки? Мне что-то так весело сегодня! Даже хочется кого-нибудь куснуть.

Он поднял кверху круглую мордочку, и Лёня увидел, как при свете луны блеснули его белые острые зубки.

— Э, только не меня! — засмеялся Лёня. — Ну, давай в прятки. Считаю:

— Раз, два, три, четыре, пять,

Надо выдру нам поймать...

— Фу, какая плохая считалка! — прервал Ардыв. — Давай лучше я:

— Выдра рыбу ела, ела,

Выдре рыба надоела.

Надо птичник ей проведать,

Надо уточки отвежать.

Утку съест — да и в кусты,

А разиня — это ты!

Лёня обиделся:

— А почему я разиня?

Ардыв захихикал:

— Хи-хи! Я хотел сказать:

— А водилка — это ты!

— Ну ладно, вожу... — сказал Лёня и закрыл глаза. — Раз... два... три! Пора?

Ардыв не откликнулся.

— Раз! Два! Три! — начал Лёня снова, но уже погромче. — Пора?

Ардыв молчал.

Лёня открыл глаза и оглянулся. Никого не было.

— Ну, это нечестно, — сказал Лёня. — То играть, а то убежал. И куда он делся?

Лёня поглядел кругом. Всё было тихо. Только Пугало на бугорке изо всех сил махало рукавами.

— Опять меня зовёт, — усмехнулся Лёня. — Скучно одному-то? Иду, иду, Пугало! Может, ещё что о планетах расскажешь.

Лёня направился к Пугалу. Но в это время неизвестно откуда явился Ардыв.

— Нет, Лёня, это ты поступаешь нечестно: тебе водить, а ты не водишь! — сказал он. — И зачем тебе надо к этому глупому Пугалу ходить? Я вижу, ты в прятки играть не умеешь...

— Как это — не умею? — рассердился Лёня. — Я спрашиваю: «Пора?» А ты скрылся и молчишь. Это ты не умеешь. Тебе бы только появляться да скрываться!

— А ловко я это делаю, а? — Ардыв усмехнулся, и Лёня опять увидел, как у него сверкнули острые белые зубки. — Хочешь, опять исчезну?

— Пожалуйста, — Лёня обиделся, — можешь. А я пойду к Пугалу. С ним гораздо интереснее.

— Ну уж нет! Это со мной гораздо интереснее. Хочешь, пройдемся в озеро?

— В озеро? Как это — в озеро? Ведь ты же воды очень боишься!

— Да, да, — поспешно согласился Ардыв, — я воды боюсь.

— И потом, уже темно. Что же хорошего в тёмной воде?

Ардыв слегка вздохнул:

— Как — что хорошего? Весело! Если бы я воды не боялся, я бы нырял, плавал, носился по всему озеру, всех рыб распугал бы, всех диких уток... и какие там ещё птицы есть в камышах... Все бы их гнёзда раскидал. Интересно! Ты с ними всё можешь сделать, а они с тобой — ничего! Хорошо!

— Ты как-то разговариваешь сегодня... — Лёня поморщился и покачал головой. — Не нравится мне. Не понимаю я тебя. До свиданья, пойду уток посмотрю.

Ардыв стал тихим и ласковым:

— Я больше не буду так разговаривать. Это на меня месяц действует. Мне тоже хочется твоих уток посмотреть. Я их очень люблю!

— Ну ладно, пойдём, — сказал Лёня. — И чего это Пугало так рукавами размахалось?

— Не обращай внимания, — сказал Ардыв. — Ну что умного может сказать существо, у которого вместо головы — шапка, набитая старыми газетами?

— А зато у него живая сердцевина. Она у него болит, когда что-нибудь у нас не ладится.

— А что толку? Скрипит да скрипит. Доскрипится — выдернут его да выбросят... Ну, где же утки?

— Вон там, спят под навесом.

— Пойдём поближе?

— Не надо. Испугаются. Пойдём лучше к Фене. А то она всё не верит мне, думает, что я тебя выдумал. Пускай она на тебя посмотрит!

Ардыв даже попятился:

— Что ты, Лёня! Я же терпеть не могу огня. А там костёр горит. Лучше пойдём на озеро, посмотрим, где утки днём плавают.

Они подошли к озеру, туда, где проволочная изгородь стояла в воде.

— Вот в этом загончике они и плавают? — спросил Ардыв. — И отсюда никуда?

— А куда им надо?

— Ну как же! Им же, наверно, хочется по всему озеру поплавать!

— Конечно, хочется. Только незачем. Могут в камыши уйти. Одичать могут. А то и выдра может напасть!

— И неужели никакой лазейки нет из этого загончика? — спросил Ардыв.

Он подошёл к самой воде и стал разглядывать изгородь. Тонкое тело его изогнулось, хвост тихонько шевелился, короткие лапы оставляли на песке глубокие следы.

— Есть, — тихо сказал Лёня, — есть лазейка. Смотри сюда — видишь?

— А! Вижу! — Ардыв очень обрадовался, начал кататься по песку, играть. — Вижу лазейку! Хи-

хи!

— Тише, — сказал Лёня, — утки услышат, узнают про лазейку...

— Лёня! — Феня проснулась и позвала Лёню. — С кем ты разговариваешь?

Лёня хотел сказать, что у него в гостях Ардыв, но зверёк затаился, поднял лапку:

— Не говори про меня, я взрослых не люблю! Лучше вы с Аринкой приходите ко мне завтра в гости. Ладно? Обязательно! Я буду вас ждать! Я вас к себе в норку поведу!.. Ладно?

— Ладно, — ответил Лёня.

Но ответил он в пустую темноту — Ардыва уже не было.

— Ступай спать, Алексей, — сказала Феня, — а то, я гляжу, ты ходишь и спишь и сам с собой во сне разговариваешь. А я так славно вздремнула, что до утра спать не захочу. Да и утро недалеко, вот уже и заря занимается.

Лёне очень хотелось рассказать ей про Ардыва, но зачем? Феня всё равно не поверит.

Он зевнул и пошёл спать в вагончик.

В ГОСТЯХ У АРДЫВА

На заре прошёл дождь — густой тёплый ливень.

Лёня сквозь сон слышал, как вызванивали крупные капли по железной крыше вагончика.

Утром умытое солнышко засияло ещё веселей, ещё ласковей. Вода в озере просвечивала до самого дна. Видны были и песок, и камушки, и какие-то мохнатые водоросли, и рыбки...

«Пойдём в озеро!» — сказал вчера Ардыв.

Но куда же в озеро ночью, в тёмную воду? Вот сейчас Лёня пошёл бы, походил бы по светлому дну... Надо Аринку позвать.

— Аринка, где ты?

Аринка прибежала не сразу.

— Я была у Пугала. Мы про него забыли.

— Да, — сказал Лёня, — а оно мне вчера рукавами махало, махало...

— А ты не пошёл?

— Я не пошёл. У меня Ардыв был. А ты спала.

— Ой как жалко! Что ж ты меня не позвал? Он тебе что-нибудь рассказывал?

— Ничего. Играли с ним. А потом в гости звал.

Аринка подпрыгнула от радости:

— В гости? Пойдём?

— Конечно, пойдём. А что Пугало сказало?

Аринка покачала головой:

— Оно почему-то ничего не говорит. И не скрипит даже. Только стоит и будто вздыхает. Мне как-то обидно стало. Я с ним разговариваю, а оно молчит. Будто какой-нибудь простой осиновый кол.

— Оно не осиновое. Оно из тополя.

— А если молчит, то не всё равно, из чего?

Лёня поглядел в ту сторону, где стояло Пугало. Пугало не шевелилось. Оно грелось на солнышке и было счастливо, что солнышко так хорошо его пригревает. Что-то в нём напомнило Лёне деревья весной. Ещё стоят голые, как этот кол, но уже радуются солнцу и словно прислушиваются, как идут у них по стволу живые соки...

«Придумал тоже, — проворчал про себя Лёня, — голый кол с деревом сравнил!»

— А когда пойдём к Ардыву? — напомнила Аринка.

— В полдень, — сказал Лёня. — Как уток накормим, так и пойдём.

Аринка взвизгнула от счастья:

— Ой как интересно! Только знаешь, надо нарядиться. Когда к кому-нибудь в гости идут, то всегда наряжаются.

— Наряжайся, — сказал Лёня. — А во что ты нарядишься?

— И я и ты, — сказала Аринка, — мы оба нарядимся. А во что? Увидишь.

В полдень накормили уток. Утки уже все были здоровы, они больше не щипали друг друга, не бранились. Те, которые сидели в зимнем птичнике, снова стали спокойными, весёлыми и белыми, как сметана.

Лёня пошёл отвязывать лодку.

— Подожди! — крикнула Аринка. — Сейчас наряды принесу! — и убежала в рожицу.

«Какие там наряды? — подумал Лёня. — Откуда она возьмёт?»

— Вот какие наряды! — сказала Аринка.

Она принесла из рожи охапку цветов. Тут были и лиловые колокольчики, и жёлтые лютики, и красная дрёма. Лёня и Аринка сплели себе из дрёмы и колокольчиков красивые венки, из лютиков сделали золотые цепи на шею. И стали очень нарядными.

— Как думаешь, Ардыв нам обрадуется? — спросила Аринка.

— Думаю, что обрадуется, — ответил Лёня. — Он ведь очень звал, очень-очень звал!..

Лёня и Аринка сели в лодку и поплыли на остров. Им было так весело, что казалось, наступил какой-то праздник. Вот сейчас выйдут они на берег, а знакомые кусты и деревья обрадуются им, зашумят: «Здравствуйте, здравствуйте! Как хорошо, что вы к нам пришли! Вас так давно здесь не было!» А потом встретит их Ардыв и тоже обрадуется. «Пойдёмте ко мне в норку, — скажет он, — я вас земляничкой угощу!»

Но подплыли к острову, вылезли из лодки и увидели, что никто им не обрадовался. Деревья стояли молча и глядели в небо. Они даже не видели, что на остров пришли гости. Они даже не хотели их видеть. И кусты им не обрадовались, они просто отвернули от них ветки и смотрели куда-то в сторону.

И камыши отвернулись.

Они глядели в воду, будто в первый раз увидели своё отражение.

— Здравствуйте! — громко сказал Лёня.

— Не здравствуй, — ответили кусты.

А деревья и камыши просто промолчали.

— Что случилось? — спросил Лёня. — Почему вы все рассердились? Я ведь не ломал ваши ветки и не разжигал костров!.. И гнёзда не разорял тоже!

— Смеш-шно... — прошелестел шершавыми листьями орешник. — Ты не разорял — так твои друзья разоряли!

Лёня удивился:

— Мои друзья?! Какие мои друзья?

А Аринка обиделась:

— Какие его друзья? Ну-ка, скажи! Может быть, я?

— Ах, он не знает, какие его друзья! — зашумело кругом. — Слыш-шите? Он не знает!

— Неуж-жели ты думаешь, Лёня, — проскрипел старый дуб, — что если ты друж-жишь с разбойником, то сам остаёшься хорош-шим человеком?

— Хорош-ший человек не может быть товарищ-щем разбойнику, — торопливо прошептала рябина, — не мож-жет, не мож-жет!..

— Но кто же этот разбойник? — спросил Лёня. — Кто этот мой товарищ?

— Ох, он не знает... Он не знает!

— Выдра, вот кто твой товарищ! — сказала ёлочка и встопорщила все свои колючки. — Что ты, не знаешь?

— Выдра?! — вскрикнул Лёня. — Выдра — мой товарищ?

— Он не знает, он не знает! Слыш-шите? Он не знает!

— Да, выдра, — сказала ёлочка. — Ты хотел её выследить, ты обещал её поймать, а сам подружился с ней!

— Это неправда! — сказал Лёня. — Я её даже не видел никогда!

— Это совсем неправда! — повторила и Аринка. — Мы её сами ищем, только никак не можем найти!

— Они её не видели! — зашумело кругом. — Слышите? Они её не видели! Ещё и лгут, лгут...

— А мож-жет, её вообще на свете нет? — прошуршали жёстким голосом камыши. — Только вот кто же разорил птичьи гнёзда в моих зарослях? Кто погубил птенцов? Кто убивает рыбу, а потом бросает её на берегу?

— Пойдём, Аринка, — сказал Лёня, — я не знаю, о чём они говорят.

Лёня очень обиделся. Он сам ненавидит выдру, он сам выслеживает её. Он за тем и на остров приехал, чтобы вместе с Ардывом поискать её нору... А они на него же и шумят!

Лёня и Аринка шли по берегу. И чем дальше шли, тем больше пропадала их весёлость. На берегу то и дело попадались загрызенные рыбы. Серебряные карпы лежали тут. Краснопёрые плотвицы. Караси... у всех были выгрызены спинки. Жестокий хищник расправлялся с ними, жадный и бессовестный...

Под кустами, в траве, белели кучки птичьих перьев. Значит, и птицы попадались ему.

— Как нехорошо здесь... — прошептала Аринка. — Даже сердце сжимается!

— И чего это нас Ардыв не встречает? — сказал Лёня. — Сказал встречу. Вот я сейчас спрошу его — неужели он эту выдру так ни разу и не видел?

— А может, его самого эта выдра уже съела?

Лёня поглядел на Аринку:

— А может, и правда?

Они стали кричать, звать Ардыва:

— Ардыв! Где ты? Мы пришли к тебе в гости! Ардыв, ау! Встречай нас! Ау!

Но на острове было тихо и печально. И никто им не отвечал. Аринка заплакала:

— Лёня, поедem скорее домой! Мне тут страшно!

Лёня снял венок и золотую цепь из лютиков и бросил в траву.

— Пойдём.

Они скорым шагом пошли обратно к лодке. Но идти стало очень трудно колючие ветки подвёртывались под ноги, древесные корни топорщились из-под земли, крапива хлестала по голым коленкам.

Аринка уже плакала в голос от боли и от страха.

— Не плачь, — сказал Лёня, — вот наша лодка.

Аринка прыгнула в лодку. А когда прыгала, то прибрежная ива наклонилась и сорвала с Аринки венки.

— Они нас все ненавидят! — плакала Аринка. — А мы к ним в гости пришли!..

Лёня молчал. Он торопливо работал вёслами. Его мучила обида: как могли подумать, что он подружился с выдрой? Он подружился с милым, весёлым зверьком Ардывом, а разве Ардыв похож на выдру?

И Ардыв тоже хорош — зовёт в гости, а потом скрывается!..

Впрочем, скрывается ли? А может, и в самом деле его тоже загрызла выдра?

Молча подплыли они к берегу. Молча вышли на песок и привязали лодку.

И вдруг услышали крик.

— Алексей! Аринка! — изо всех сил кричала Феня. — Куда вы пропали? Скорей! Выдра утку утащила!

КОНЕЦ ВСЕЙ ИСТОРИИ

А случилось это так. Феня спокойно сидела около вагончика, чистила картошку на ужин. Корней спокойно лежал в холодке и ждал ужина. Утки спокойно плавали, качались на маленьких волнах-зыбульках. Солнце гляделось в воду. Пугало неподвижно стояло на бугре — может, дремало, может, думало о чём-то...

И вдруг Пугало начало размахивать рукавами. Казалось, оно так и рвётся сбежать с бугра, крикнуть или что-то сделать.

«Будто живой человек, — подумала тогда Феня. — И как непонятно: ветра нет, а у Пугала рукава качаются. Но, может быть, там, на бугре, ветер?»

И вдруг закричали утки. Феня вскочила, бросилась к воде:

— Что такое? Что случилось?

Утки кричали отчаянно, они толкались, хлопали по воде крыльями и изо всех сил спешили к Фене. Всей гурьбой они бросились на берег. И лишь одна утка осталась на воде. Она билась, кричала, но с места тронуться не могла, словно кто-то невидимый держал её.

«Это выдра схватила её за ноги!» — догадалась Феня. И как была, в платье, кинулась в воду выручать утку.

Но было поздно. Утка ушла под воду и больше не выплыла. Феня только успела увидеть, что утку держит за лапы выдра и тащит её в тёмную глубину.

— Я тоже видел выдру, — сказал Корней, — длинная такая эта выдра.

— И как догадалась, что в изгороди прогалинка есть? — сказала Феня и смахнула слёзы со щёк. — Вот хитрющий зверь! Прямо под воду, и прямо в эту прогалинку! И кончено, исчезла! Такую хорошую, милую утку утащила!

— Теперь повадится, — сказала Аринка, — теперь нашла дорожку.

А Лёня хмуро молчал.

«Откуда выдра узнала про эту лазейку? — думал он. — Может, она была вчера ночью на берегу, когда мы с Ардывом играли? Может, она и слышала, как я об этой лазейке Ардыву рассказывал?»

Феня сняла мокрое платье, надела старенький халатик, вытерла слёзы.

— Ну, вот что, — сказала она, — хватит. Бегите, ребята, к бригадиру, пусть сейчас же пришлёт охотника с ружьём. Пусть сейчас же придёт и поймаёт эту выдру! Чтоб ни одного дня не жить ей больше на свете!

Лёня и Аринка разговаривать не стали, они тут же побежали в совхоз. А Корней опять улёгся в холодок.

— Я так и знал, что выдра утку утащит, — сказал он. — Раз рыбу таскает, то и уток таскать начнёт. Надо было её поймать.

— Ну и ловил бы её, чего ждал-то? — сказала Феня.

— Так я думал — а может, утка отобьётся.

— Слишком много ты думаешь, как я вижу, — сказала Феня с досадой, сразу видно, что ты Корней-Всех-Умней.

— Да, не дурак, — согласился Корней и повернулся на другой бок.

Ужина сегодня, видно, не скоро дождёшься, так можно вздремнуть пока.

Солнце перестало глядеться в воду. Оно подобрало свои жёлтые лучи и село на верхушки деревьев, тех самых деревьев, которые росли на острове. В это время вернулись из совхоза Лёня и Аринка. А вместе с ними пришёл и бригадир.

— А где же охотник? — спросила Феня. — А где же ружьё?

— Нечего нам ждать охотников, — сказал бригадир. — Охотник — это я. А ружья мне не надо. Вот что у меня вместо ружья. — Он снял свой заплечный мешок и вытащил оттуда капкан.

— А полезет ли она в капкан? — сказала Феня. — Она очень хитрая!

— Она хитрая, а мы ещё хитрее, — сказал бригадир. — Посмотрим, кто кого перехитрит.

И он тут же взял лодку и уехал на остров. Лёня, Аринка и Корней тоже хотели поехать с ним, но бригадир не взял их. Сказал, что они шуметь будут и выдру испугают.

— Эх, зря не взял меня с собой! — сказал Корней и поскрёб в затылке. — Уж я-то поставил бы капкан как надо. Уж у меня-то не вырвалась бы!

— «Не вырвалась бы!»! — сказала Аринка. — Из-под носу у тебя утку утащила! Молчи уж!

— А что мне — в воду прыгать? Дураков нету... У меня небось рубаха новая. Полинять могла.

— И для чего ты только на свете живёшь? — спросила Аринка. — Ну, скажи!

— Для чего? — Корней задумался.

Потом Феня пошла кормить уток. Лёня и Аринка пошли ей помогать. А Корней всё лежал и всё думал, всё хотел понять, для чего же он живёт на свете.

Лёня и Аринка управились с делами и пошли навестить Пугало. Пугало ещё издали замахало им рукавами.

— Давно я вас не видало, — мягко и как-то влажно заскрипело оно. Как хорошо, что вы пришли! Я вам очень радо!..

— Разговаривает! — удивилась Аринка. — А почему молчало, когда я приходила?

— Ах, Аринка, не спрашивай! Я само не понимаю, что со мной творится. Меня взволновал дождь. Я вдруг почувствовало влажную землю... Какие-то воспоминания возникли в моей сердцевине... Мне померещилось, что я было когда-то деревом...

— Конечно, ты было деревом, — сказал Лёня. — Ты было молодым тополем и стояло у самой дороги.

— Да, да! Я стояло у самой дороги! И все проходили и проезжали мимо меня. Это было так весело!

— А вот стояло бы в лесу, тебя и не срубили бы, — сказала Аринка, — и Пугала из тебя не сделали бы.

— Да ведь не так плохо быть и Пугалом, — возразило Пугало, — если какую-то пользу приносишь. Но вот сегодня никакой пользы я принести не смогло. Я видело, как подплывала выдра, я скрипело, я махало рукавами! Я так старалось предотвратить беду! Но разве кто-нибудь прислушался? И вот так всегда: помашешь рукавами да при том и останешься. Так стоит ли стоять тут и расстраиваться попусту?

— И зачем мы поехали на остров! — сказала Аринка. — Может, утку спасли бы.

— Конечно, спасли бы, — сказал Лёня. — Я бы до самого дна нырнул, а уж отнял бы утку! Она кричала, звала...

— Да, она кричала, — печально скрипнуло Пугало. — Она так кричала, что у меня сердцевина застыла. А ведь мне уже мерещилось, будто в моей коре тронулись живые соки!.. Хм!.. Мне мерещилось, что я снова могу стать деревом... Я стояло такое счастливое, мне казалось, что у меня пробиваются корни! Но утка так кричала, что всё это исчезло. Кажется — какое мне дело? Ведь это же не меня выдра утащила! Но вот поди ж ты! Если рядом такая беда, то и ты теряешь всякую радость, и кора твоя застывает...

Так Лёня и Аринка сидели и разговаривали на бугре с опечаленным Пугалом. И сами были очень печальные. А Лёню, кроме того, мучила мысль, что это он проболтался о прогалинке в изгороди, а злая выдра подслушала это.

Потом вернулся бригадир, и Феня позвала их ужинать.

Ужин был хороший, но все были невеселы.

— Не пойдёт она в капкан, — сказала Феня. — Зачем ей в капкан лезть, если еды сколько хочешь кругом?

— А затем полезет, что жадная, — сказал бригадир. — До того жадная, что разум теряет.

Потом бригадир пошёл домой. Он сказал, что придёт рано утром и проверит капкан.

Корней тоже пошёл с ним. Он всё ещё был задумчив. Он никак не мог решить, для чего он всё-таки живёт на свете. С этим нерешённым вопросом он и ушёл домой, а заодно и ушёл из нашей книжки.

Феня всю ночь ходила по берегу, сторожила уток. Иногда садилась отдохнуть у костра. А когда рассвело, погасила костёр, стала кормить уток и не отходила от них никуда. Лёня и Аринка долго не спали, прислушивались: им всё казалось, что они услышат, если подкрадётся выдра. Но потом сон одолел их, и они сами не заметили, как уснули. Утром Лёня проснулся оттого, что услышал голос бригадира.

— Бригадир пришёл!.. — крикнул он Аринке и выскочил из вагончика. — Я с вами пойду, товарищ бригадир! — сказал Лёня. — С вами на остров!

— Да я и один управлюсь, — ответил бригадир.

Но тут вылезла из вагончика Аринка:

— Нет, отец, мы обязательно пойдём с тобой! Мы будем тебе помогать!

— Мы обязательно должны пойти! — повторил Лёня.

— Отвязывайте лодку, — сказал бригадир и взял свой мешок, а в мешок положил верёвку.

Теперь вместе с бригадиром Лёня и Аринка не боялись плыть на остров. Вон он какой большой и сильный, их бригадир. Пускай теперь попробуют их обидеть!

А на острове никто и не собирался их обижать. Казалось, их даже и не замечал никто. Деревья пошумливали вершинами где-то в небе, кусты молчали, камыши дремали над водой, птицы чирикали свои песенки... И никому не было никакого дела до Лёни и Аринки.

Они долго шли по берегу — бригадир впереди, Лёня и Аринка за ним.

— И почему это совсем перестал приходить Ардыв? — задумчиво сказала Аринка.

— Да, совсем перестал, — сказал Лёня, — или он ушёл отсюда... Или...

— Или его загрызла выдра.

Помолчали.

— Лёня, — опять сказала Аринка, — мне не хочется, чтобы его выдра загрызла. Мне так его жалко, он такой был хорошенький! Позови его. Может, он откликнется? Он умел так хорошо посвистывать и хихикать!..

— Ардыв! — крикнул Лёня. — Ардыв! Покажись!

— Покажись хоть на минутку! — крикнула и Аринка. — На одну минуточку! Мы по тебе

соскучились!..

— А вот и нора, — сказал бригадир, — вот отсюда и выход к воде.

— Где нора? Это выдрина нора?

Лёня и Аринка заглянули в круглую норку. В норе было темно, она уходила глубоко под землю, под древесные корни.

Бригадир повернул к озеру. Лёня и Аринка гуськом пошли за ним. Идти было трудно, мешали заросли травы и кустов. Но берег был недалеко, вода уже светилась сквозь ветки.

— Сейчас увидим, что у выдры сильнее: разум или жадность, — сказал бригадир и спустился к самой воде.

— Ну что? — У Лёни замер дух. — Что?

— Хм! — Бригадир усмехнулся. — Как я и говорил. Конечно, жадность!

— Попалась?!

— Попалась!

Лёня и Аринка скатились с берега прямо в воду. Здесь было мелко, но вода была зелёная от каких-то водорослей и водяной травы.

И здесь, под водой, они увидели капкан. А в капкане...

— Ардыв! — закричал Лёня. — Товарищ бригадир, что вы сделали! Вы поймали нашего Ардыва!

— Нашего Ардыва! — закричала и Аринка. — Нашего милого Ардыва!.. Нашего хорошенького...

— Ардыв? — бригадир засмеялся. — Это кто же её так назвал?

— Он сам нам сказал! Его зовут Ардыв! Скорей освободите его из капкана!

— Освободи Ардыва, отец! — вторила Аринка. — Скорей освободи!

Ардыв жалобно глядел на них из воды. Капкан крепко держал его за лапу железными зубами.

— Ардыв? — повторил бригадир. — Да, конечно, это Ардыв. Ну-ка, Лёня, напиши это имя на песке.

— Зачем? — спросил Лёня. Но всё-таки вышел на берег, взял какой-то прутик и написал: «Ардыв».

— А теперь прочти это с конца, — сказал бригадир. — Ну-ка, читай вслух.

Лёня прочёл:

— «Выдра».

— Что? — закричала Аринка. — Где выдра? Какая выдра? Ты читать не умеешь!

Она выскочила на берег и прочла сама. И у неё получилось то же самое.

— Ардыв — выдра... Выдра! — сказала Аринка. — Так ты и есть выдра! Ты и есть та самая выдра!

И Аринка громко заплакала от горя и от обиды.

— Выдра, — повторил Лёня. — А я ещё хотел тебя освободить! А мы тебя любили... Вор, злодей и обманщик!

Да, это была выдра. Она уже не притворялась больше ласковым зверьком. Она шипела, визжала, грызла капкан белыми острыми зубами и глядела так злобно, что казалось, так бы и бросилась на всех, так бы и закусала их до смерти! Бригадир взял выдру, посадил её в мешок и крепко завязал верёвкой.

— Вот и всё, — сказал он, — больше разбоев на нашем озере не будет.

Бригадир шёл весёлый и даже напевал песенку. А Лёня и Аринка молчали.

«Очень хорошо, что поймали эту злую выдру! — думал Лёня. — Но как же я её не узнал? Как же я не догадался?»

«Так и надо, что поймали злую выдру! — думала Аринка. — Пускай больше не таскает уток, не губит рыбу. А главное — пусть не притворяется больше таким хорошеньким зверьком, чтобы её напрасно любили!»

Феня очень обрадовалась, когда услышала, что выдра попалась. Феня так радовалась и так веселилась, что и Лёня с Аринкой перестали огорчаться.

Бригадир бросил мешок с выдрой на траву. Лёня подошёл посмотреть. Выдра шипела и ворочалась в мешке, она пыталась прогрызть его. Но мешок был кожаный, и она ничего не могла поделать.

Потом почувала, что Лёня стоит около неё, и притихла.

— Лёня, выручи меня! — зашептала она жалобно. — Мы ведь с тобой дружили, Лёня, ведь тебе со мной было весело. Помнишь, как мы играли в прятки на берегу? Выпусти меня, я опять буду приходить к тебе, буду играть с тобой... Я знаю разные весёлые игры!

Но Лёня даже и слова не сказал в ответ. Он отошёл в сторону и не стал её слушать. Потом бригадир закинул на спину мешок с выдрой и ушёл.

Снова стало тихо и спокойно на озере. Снова солнышко гляделось в воду и утки о чём-то лопотали и качались на воде.

В полдень, когда накормили уток и пообедали сами, Лёня увидел, что Пугало машет рукавами.

— Аринка, Пугало зовёт! — сказал Лёня.

— Побежали! — сказала Аринка.

— Да, я звало вас! — радостно прошептало Пугало. — Я всё знаю! Я видело, как утром несли выдру в мешке! И знаете? У меня снова ожила сердцевина. И я уже слышу, отчётливо слышу, что соки двинулись по моей коре!

— Ты что же — может быть, выпустишь зелёные листья? — спросил Лёня.

— И станешь деревом? — спросила Аринка.

— Да. У меня уже есть листья. Они ещё совсем маленькие, но, если вы присмотритесь, они есть! Лёня,ними с меня эту шапку и этот старый пиджак и брось куда-нибудь. Они мешают мне. Мне теперь нужно солнце и нужен дождик — я стану деревом! Я стану деревом!

Лёня снял с Пугала шапку и бросил её в кусты.

— Значит, ты не будешь больше рассказывать нам про всякие планеты? сказал он. — Как жалко!

— Когда у меня будет листва, у меня будет ещё больше всяких рассказов! — сказала Пугало. — Скорееними с меня старые тряпки!

Лёня стащил с Пугала старый пиджак. Потом снял перекладину. И вместо Пугала на бугорке оказался молодой древесный ствол.

— Да, да, у него есть зелёные листики! — радостно закричала Аринка. Они пробиваются на верхушке!

— Да, — сказал Лёня и улыбнулся, — ты больше не будешь Пугалом, ты будешь тополем! Зелёным тополем!

— Только смотри, — сказала Аринка, — чтоб ты не молчало, когда у тебя будут зелёные ветки!

— О нет, я не буду молчать, — прошептало бывшее Пугало, — сколько веток, столько и рассказов. Я всегда, всегда буду радо видеть вас, Лёня и Аринка! Ах, я так счастливо!.. Я так счастливо — я могу жить, зеленеть, радоваться и другим приносить радость!..

А вечером на птичник пришла Фенина сменщица Катя.

— Вот я и выздоровела, — сказала она. — Теперь я буду дежурить, а ты, Феня, будешь отдыхать. Нам с тобой вдвоём будет нетрудно работать.

— Очень хорошо вдвоём работать, — сказала Феня, — и очень я рада, что ты пришла. Ты опять будешь спать на верхней полке, а я буду — на нижней.

— А мы? — спросил Лёня.

— А мы где же? — спросила Аринка.

— А вы пойдёте домой, — сказала Феня, — ваша помощь больше не нужна. Но за то, что помогли мне в трудное время, большое вам спасибо!

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

Вступление

КАК ДЕВОЧКА В СИНЕМ КАПОРЕ

ПОЯВИЛАСЬ В СЕЛЕ НЕЧАЕВЕ

Фронт был далеко от села Нечаева. Нечаевские колхозники не слышали грохота орудий, не

видели, как бьются в небе самолёты и как полыхает по ночам зарево пожаров там, где враг проходит по русской земле. Но оттуда, где был фронт, шли через Нечаево беженцы. Они тащили салазки с узелками, горбились под тяжестью сумок и мешков. Цепляясь за платье матерей, шли и вязли в снегу ребятишки. Остановивались, грелись по избам бездомные люди и шли дальше.

Однажды в сумерки, когда тень от старой берёзы протянулась до самой житницы, в избу к Шалихиным постучались.

Рыжеватая проворная девочка Таиска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе её косички весело задрались кверху.

— Две тётеньки! — закричала она. — Одна молодая, в шарфе! А другая совсем старушка, с палочкой! И ещё... глядите — девчонка!

Груша, старшая Таискина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну.

— И правда девчонка. В синем капоре...

— Так идите же откройте, — сказала мать. — Чего ждёте-то?

Груша толкнула Таиску:

— Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Таиска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Таиска разглядывали девочку.

— Гляди-ка, в ботиках!

— А чулок рваный!

— Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

— А ты спроси.

— А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему щёки. Красный, как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на неё глаза. Даже ноги обмести забыл.

А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки.

Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую через плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила беженкам горячей похлёбки, отрезала по куску хлеба.

— Ох, да и горемыки же! — вздохнула она. — И самим нелегко, и ребёнок мается... Это дочка ваша?

— Нет, — ответила женщина, — чужая.

— На одной улице жили, — добавила старуха.

Мать удивилась:

— Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

Девочка мрачно поглядела на неё и ничего не ответила.

— У неё никого нет, — шепнула женщина, — вся семья погибла: отец — на фронте, а мать и братишка — здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку и опомниться не могла.

Она глядела на её лёгонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на её рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белеющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девчонка жива. И одна-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

— Как тебя зовут, дочка? — ласково спросила она.

— Валя, — безучастно ответила девочка.

— Валя... Валентина... — задумчиво повторила мать. — Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

— Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и позёмка пошла — ишь как замедает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на тёплой лежанке — пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел её. Так что, когда вечером пришёл домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке.

После ужина все уgomонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть.

Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, тёмные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке.

— Сиротинка ты бедная! — вздохнула мать. — Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и всё думала о чём-то. Взяла с пола её ботики, поглядела — худые, промокшие. Завтра эта девчушка наденет их и опять пойдёт куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрезжило в окнах, мать встала и затопила печку. Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посапывал на печке. В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

— Давай возьмём девочку, отец, — сказала она. — Уж очень её жалко!

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

— Взять девочку?.. Ладно ли будет? — ответил он. — Мы деревенские, а она из города.

— А не всё ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Таиске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошёл, посмотрел на девочку:

— Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмём. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!

— Э!.. Авось да не заплачу.

Вскоре поднялись и беженки и стали собираться в путь. Но когда они хотели будить девочку, мать остановила их:

— Погодите, не надо будить. Оставьте Валентинку у меня! Если кто родные найдутся, скажите: живёт в Нечаеве, у Дарьи Шалихиной. А у меня было трое ребят — ну, будет четверо. Авось проживём!

Женщины поблагодарили хозяйку и ушли. А девочка осталась.

— Вот у меня и ещё одна дочка, — сказала задумчиво Дарья Шалихина, дочка Валентинка... Ну что же, будем жить.

Так появился в селе Нечаеве новый человек.

УТРО

Валентинка не помнила, как уснула на теплой лежанке. Голоса слились и отдалились, будто где-то смутно бормотало радио.

Откуда-то появился старик с косматыми бровями, наклонился над ней, что-то говорил. И потом пропал. Был он на самом деле или приснился Валентинке?

Она проснулась оттого, что звякнули ведром. Ей показалось, что это пуля звякнула в окно, и она вскочила, еле сдержав крик: «Немцы!»

Но тут же опомнилась. Тишина окружала её. На бревенчатых стенах, проконопаченных светлой паклей, лежали бледные солнечные полосы. Замороженные окошки тихо светились. Какие маленькие окошки! Совсем не похожие на те высокие окна, которые были в их доме.

Их дом!

Мёртвые серые стены с дырами вместо окон, груды извёстки и кирпича возле дверей — вот каким в последний раз она видела этот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что всё её тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая и насквозь тёплая.

В кухне хозяйка топила печь. Весёлые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощёкий, вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! — вспомнила Валентинка. — А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-жёлтыми, на замороженных стёклах заиграли огоньки. Солнечный денёк начинался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати любопытными глазами глядела на неё рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто рогульки, торчали кверху.

Валентинка узнала Таиску.

— А твои тётеньки ушли! — сказала Таиска.

Валентинка встревоженно оглядела избу:

— Ушли? А меня... А я как же?

— А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

— Не знаю. Мне всё равно.

— А ты фашистов видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про немцев, у неё каменело сердце. Но Таиска не унималась:

— А немцы прямо к вам в дом пришли, да?..

Из кухни появилась мать.

— Это кто здесь про немцев затеял? — сердито сказала она. — Больше разговоров не нашли? Картошка сварилась, вставайте чистить!

Потом подошла к Валентинке и ласково спросила:

— Отогрелась?

Таиска живо соскочила с постели и растолкала Грушу. Груша поднялась лениво. Она была пухлая, белая, похожая на булку. Она одевалась, а сны всё ещё снились ей. Далёкими глазами посмотрела она на Валентинку: может, и Валентинка ей тоже снится?

Девочки уселись возле чугуна с картошкой. Над чугуном поднимался горячий пар.

— Мамка, гляди-ка! — шепнула Таиска, показывая на Грушу.

Груша в полусне вместо ножа взяла ложку и водила ею по картошине. Мать и Таиска громко рассмеялись.

Груша очнулась, бросила ложку и сказала:

— Тогда пусть и Валентинка встаёт картошку чистить. Старшие чистят, а она нет?

— Вставай, дочка, пора! — сказала мать.

Валентинка с сожалением вылезла из-под тулупа. Она умылась над кадкой и тоже подошла к чугуну.

Как чудно! Чужая женщина зовёт её дочкой. Значит, и Валентинка должна называть её мамой?

Валентинка чистила горячую картошку, обжигала пальцы, а сама то и дело взглядывала на хозяйку. Худенькая женщина с гладкими светло-русыми волосами. На лбу у неё три морщинки. Сквозь рыжеватые ресницы весело поглядывают яркие синие глаза. Может быть, она добрая... Только совсем, совсем не похожа она на молодую черноволосую Валентинкину маму.

«Мама! Мамочка!..»

СТРАШНЫЙ ДЕД.

ТАИСКЕ ПОПАДАЕТ ОТ МАТЕРИ

Дверь хлопнула. Кто-то вошёл в избу. Валентинка оглянулась и чуть не уронила картошину. Лохматый старик, который пригрезился ей вчера, стоял у порога и снимал полушубок.

— Кто это? — прошептала она.

— Это наш дедушка, — ответила Таиска. — Отцов отец.

Какие густые белые у него кудри! И какие косматые брови, даже глаз не видно!

Вот таким стариком пугали Валентинку, когда она была совсем маленькая: «Если будешь плакать, придёт старик с мешком и заберёт тебя!» Теперь она будет жить у этого старика в доме и называть его дедушкой. А он, как видно, сердитый...

Мать поставила на стол блюдо картошки со шкварками.

Романок почувствовал вкусный запах и сразу поднял вихрастую голову:

— Ишь какие! Сами едят, а меня не зовут!

— Спать-то и не евши можно, — ответил дед.

Но Романок уже соскочил с печки.

Валентинка не знала, куда ей садиться.

— Садись к окошку! — шепнула ей Таиска.

Валентинка села. Это было самое удобное место: и никто не толкает, и можно в проталинку заглядывать на улицу.

— Мамка! — вдруг закричала Груша. — Ну посмотри, она на моё место села!

— Ну и что ж! — ответила мать. — Пусть сидит.

— Нет, не пусть! Я всегда там сижу! Уходи оттуда, постарше тебя есть!

Валентинка молча встала. Но когда она хотела сесть на табуретку, которая стояла рядом, Романок закрыл её руками:

— Не садись! Это я принёс!

— Иди сюда, — сказала мать Валентинке, — садись рядом со мной. Да руки-то, не стесняйся, протягивай. Бояться тебе некого, ты теперь здесь не чужая.

Валентинка ждала, когда ей дадут тарелку. Но никаких тарелок не подали на стол, а все ели прямо из большой миски. Ложки у неё тоже не оказалось. Она сидела молча, положив руки на колени, и не знала, что делать.

— Ты что же не ешь? — спросила мать. — У нас зевать некогда, как раз без завтрака останешься.

Романок и Таиска переглядывались и потихоньку смеялись чему-то.

— Ты что же это, видно, картошку не любишь? — сказал дед. — Ну, да ведь у нас не город. Колбасу не продают.

Валентинка сидела опустив голову. Она думала, что это ей нарочно не дали ложку и теперь смеются. Может, ей встать и уйти из-за стола?

— Да у неё ложки нет! — догадалась Груша. — Куда же она ложку дела? Ведь я всем подала.

— Как так нету? — живо сказала Таиска. — Да вот она лежит.

И она отодвинула хлебную ковригу, за которой притаилась деревянная ложка.

— Это что ещё? — закричала мать. — Что за фокусы?.. Валентинка, возьми ложку да хлопни её по лбу, чтоб ей в другой раз неповадно было!

И тут же сама хотела хлопнуть Таиску. Но девчонка живо юркнула под стол.

— Вот и сиди там! — сказала мать. — Мало тебе над Романком мудрить, так теперь к другой привязалась?.. А ты, Валентинка, что сидишь, как курица? Видишь — ложки нет, кричи: «Дайте мне ложку!» Разве можно себя в обиду давать?

— А меня Таиска один раз на худой стул посадила, — сказал Романок, я даже шлёпнулся!

Таиске надоело сидеть под столом. Она вылезла с другой стороны, возле деда: здесь уж мать её ни за что не достанет!

Сначала Таиска сидела хмурая, но скоро всё забыла и опять повеселела. Когда налили чай, она придвинула Валентинке синюю мисочку и шепнула:

— Бери сахар!

Валентинка положила, как дома, две ложки. А Таиска уже снова сидела возле Романка, и снова оба давились от смеха.

Валентинка хлебнула чаю, сморщилась и поставила чашку обратно.

Таиска и Романок так и прыснули.

— Что, обварилась? — спросил дед. — Ты не по городскому пей, а по-нашему, по-деревенски — из блюдечка. Вот и не обваришься.

— Мамка, — крикнула Груша, — гляди-ка, да они ей вместо сахара соли дали!

Мать хотела схватить Таиску за косички, но та выскочила из-за стола и убежала в горницу.

Мать налила Валентинке свежего чаю:

— Пей, дочка!.. А ты, Таиска, запомни: уж доберусь я до тебя — не проси милости!

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Груша ушла в школу. В сумку с книгами она засунула бутылку молока, кусок хлеба и сладкую пареную брюкву. До обеда далеко — проголодаешься.

Таиска позвала Валентинку в горницу и вытащила из-под кровати ящик. Там лежали её куклы, все растрёпанные, раздетые, с облупленными носами. Но у Валентинки, когда она увидела их, даже румянец проступил на щеках. Как давно уже не играла она в куклы! Таиска схватила одну куклу за ногу, показала:

— Это Верка!

Другую подняла за косу:

— Это Клашка!

Потом снова пошвыряла в ящик:

— Ну их! Пойду на улицу!

Таиска убежала гулять. Романок увязался за ней.

Мать села чинить бельё: завтра суббота, надо всей семье баню устраивать, надо чистые рубашки приготовить.

А Валентинка подсела к ящику. И тотчас куклы ожили и заговорили с ней.

— Где вы были? — спросила Валентинка. — Почему вы такие растрёпанные? Почему вы голые?

— Это мы от немцев бежали, — отвечали куклы. — Мы всё бежали, бежали — по снегу, через лес...

— Ну ладно, ладно! Не будем про это говорить... Сейчас надо сшить вам платья. Посидите немножко.

Валентинка подошла к матери:

— Пожалуйста...

И запнулась. Валентинка не знала, как назвать её. Тётя Даша? Но ведь эта женщина её в дочки взяла! Значит, мама?..

А мать глядела и ждала, как девочка назовёт её.

— Пожалуйста... дайте мне иголку и ножницы.

Мать усмехнулась, подала ей иголку и ножницы. Девочка поспешно отошла.

Какое красивое жёлтое платье получается для Веры! Какое нарядное!

И вот в то время, когда Валентинка одевала в новое платье куклу, на крыльце раздался топот, смех, говор, и в избу ввалилась целая ватага девчонок и маленьких ребятешек. Впереди была Таиска.

— Что это? — удивилась мать. — Никак, всей деревней явились?

— Явились! — ответила Таиска.

— Вот хорошо-то! Не видали тут вас с вашим озорством!

— Да мы, мамка, не будем озоровать. Вот только девчонки Валентинку посмотрят, и всё. Ведь хочется же им посмотреть!

И не успела мать ответить, как орава уже хлынула в горницу. А чтоб не топтать полы, почти все сбросили у дверей валенки и зашлёпали босыми пятками по белым половицам.

Валентинка растерялась. Она смотрела то на одну, то на другую большими, немножко испуганными глазами. Чего они хотят? Что им надо?

Сначала все молчали. Девчонки подталкивали друг друга, хихикали и с любопытством разглядывали Валентинку.

Первой заговорила Таиска:

— Она городская! Всегда в городе жила! Там дома знаешь какие? Избу на избу поставь, и то мало!

Одна из девчонок, толстоногая Алёнка, под села к Валентинке:

— У тебя куклы были?

— Были, — тихо ответила Валентинка. — У одной глаза закрывались.

— А ещё чего было?

— Посуда.

— А мы посуду из глины делаем, — вмешалась черноглазая Варя. — Всё: и чашки и чайники...

— У! Ты погляди только, какая у нас посуда! — затараторила Таиска. Только у меня побилась вся, вся до крошечки! Вот у Вари...

— А у меня? А у меня плохая? — закричала Алёнка. — У меня даже с цветочками!

И девочки наперерыв начали рассказывать Валентинке, как летом они ходили в овраг за глиной (в этом овраге даже пещерки сделались!), как мочили эту глину, как мяли, как лепили

из неё куклам посуду, а потом сушили на солнце. И тарелочки делали, и чугунки, и кринки! А Славка Вихрев даже самовар сделал. И печку из глины сделали, и даже топили её прямо по-настоящему, настоящими дровами: и огонь горел, и дым в трубу шёл!..

Но им бы не догадаться это сделать, если бы не Груша. Груша тогда в школу пошла, и там учительница им показала, как из глины грибы лепить. Груша принесла глиняный гриб домой и показала Таиске. Вот Таиске в голову и пришло: «Если можно гриб слепить, то, может, и ещё что-нибудь можно?» А Груша говорит: «Больше ничего нельзя. Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб». А вот они пошли в овраг да и начали всё лепить!

— А меня возьмёте посуду делать? — спросила Валентинка. — А я сумею?

— Сумеешь, — ответила Таиска. — Романок и то чего-то слепил: не то санки, не то гуся.

— И вовсе танкетку! — сказал Романок. — Не разглядит ничего, а тоже!..

— А где этот овраг?

— А вот, за усадьбами. Только сейчас там сугробы!

— Весной пойдём, когда растает.

— А я знаю, где одна птичка живёт! — сказал Романок. — В малиннике. Как лето, так и опять там живёт. Гнёздышко и сейчас там висит...

— Птичка? — обрадовалась Валентинка. — И каждый год прилетает? В своё гнёздышко? Какая она — серенькая?

— Как зола. А грудка синенькая...

— Это варакушка.

— А ты почём знаешь? — удивилась Таиска. — Видела разве?

— Живую не видела, — ответила Валентинка, — а в книге видела. Такая маленькая, серая, с голубой грудкой... Ты мне её покажешь, Романок?

— А в этой книге и другие птицы были? — спросила Варя.

— Да. Там все птицы были, какие только есть на свете. Все нарисованы. Мама читала мне про них, а я глядела картинки. Там и колибри есть.

— Какие колибри?

— Такие. Маленькая птичка, с напёрсток. И вся будто драгоценными камнями усыпана, так и блестит!

— Такие не бывают, — сказала Алёнка.

— А вот и бывают! — крикнула Таиска. — Мало ли какие бывают! И не такие ещё — с горошину бывают!.. Правда, Валентинка?

— А где эта книга? — спросила Варя. — Ты её не принесла с собой?

— Нет.

— Эх ты, завязала бы в узелок и понесла!

— Я не знала...

— Что не знала?

— Я не знала, что всё так будет...

Таиска быстро оглянулась на мать и прошептала:

— А как всё было-то? Немцы твоих родных убили, да?

— Да.

— И мамку твою, да?

— Да.

Валентинка перестала улыбаться. Она тихо и безучастно положила в ящик куклу в жёлтом платье...

Ей сразу вспомнился страшный день, последний её день в городе... Город бомбят. Их дом стоит, окутанный дымом и пылью. Вместо окон тёмные дыры. На ступеньки выбегает мама с маленьким Толей на руках. Валентинка видит её как живую. Вот она — в синем платье, с чёрной развевающейся прядкой волос. Она испуганно кричит: «Валя! Валечка!..» Вдруг — удар. Бомба... Валентинка опомнилась среди каких-то разбитых брёвен — видно, её отбросило волной — и отсюда увидела чёрную яму, груды обломков и клочья синего платья под рухнувшими кирпичами... Она царапала эти кирпичи, раскидывала их, кричала, звала маму. Мама не откликнулась. Чужие женщины оттащили её от развалин и насильно увели куда-то. И потом дорога, деревни, снега, лес... И всё время мороз...

— Вы чего там затихли? — беспокойно спросила мать. — Что случилось?

Она вошла в горницу и сразу увидела помертвевшее лицо Валентинки.

— Об чём разговор был, ну? — обратилась она к девчонкам. — Вы что ей сказали?

— Мы ничего... — ответила Варя. — Мы только про книжку...

— А про немцев даже и не говорили, — добавил Романок. — Таиска только спросила: правда, что её мамку фашисты убили?

Мать рассердилась. Ух, как она рассердилась, даже покраснела вся! Она схватила Таиску за руку, нашлапала и выгнала из горницы.

— Бессовестная! — кричала она на Таиску. — Жалости у тебя нету! Сердца у тебя нету! Или у тебя вместо головы пустой котелок на плечах?!

Таиска редела, а девчонки, видя такую грозу, бросились в кухню, поспешно надели свои валенки и одна за другой шмыгнули за дверь.

— Иди сюда, дочка! — ласково сказала мать Валентинке. — Иди посиди со мной, послушай, что

я расскажу тебе.

Валентинка молча уселась на скамеечку возле её ног. Мать рассказывала какую-то сказку. Валентинка не слышала её. Мама стояла у неё в глазах, стояла такая, какой она видела её в последний момент, испуганная, с развевающейся прядкой. И Толя, обхвативший её шею обеими руками...

«Мама! Мамочка! Мамочка!..» — повторяла про себя Валентинка, обращаясь не к этой живой, а к той, умершей. И вдруг посреди весёлой сказки она уткнулась в серый фартук женщины и громко заплакала.

Мать не утешала Валентинку. Она только гладила её тёмные волосы:

— Поплачь, поплачь, дочка! Поплачешь — сердце отойдёт...

Таиска, у которой давно высохли слёзы, с удивлением смотрела на Валентинку. Что это? Таиска ревела — так ведь её нашлапали. А Валентинка чего ревет? Ведь ей же сказку рассказывали!

— Большая, а плачет, — сказал Романок. — Я, когда был большой, никогда не плакал!

— Дурачок! — прошептала мать и улыбнулась сквозь слёзы.

МАТЬ УСТРАИВАЕТ НЕОБЫКНОВЕННУЮ БАНЮ

В субботу вечером, убрав скотину, мать вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой и сказала:

— Ребятишки, готовьтесь!

— Сейчас в печку полезем! — закричала Таиска. — Париться!.. Валентинка, в печку полезем!

Валентинка думала, что Таиска вышучивает её. Как это они вдруг полезут в печку?

— Чудная эта Валентинка, — сказала Груша, — ничего не понимает. А ещё городская!

Тем временем мать вытащила из печки все горшки и кринки, настелила всюду свежей соломы — и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него берёзовый веник и поставила в печку.

— Баня готова, — сказала она. — Кто первый?

— Я! — закричала Таиска, живо сбрасывая платье. — Я готова!

— Ну уж нет, — возразила Груша, — ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!

Но пока-то Груша говорила, пока-то развязывала пояс, Таиска уже залезла в печку. Мать прикрыла её заслонкой, а Таиска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья.

— Лезь и ты, — сказала мать Валентинке. — Печка широкая, поместитесь.

— Я измажусь вся! — прошептала Валентинка.

— А ты осторожнее. Стенок не касайся.

Валентинка разделась, неловко полезла в печку и тут же задела плечом за устье, чёрное от сажи.

— Разукрасилась! — засмеялась мать.

— Лезь, лезь скорее! — кричала Таиска из печки. — Иди, я тебя веничком попарю!

Валентинка боялась лезть в печку. Но когда влезла, ей вдруг эта баня очень понравилась. Блаженное тепло охватило её. Крепко пахло веником и свежей соломой. Таиска окунула веник в мыльную воду и принялась легонько хлестать её по спине. Потом тёрли друг друга мыльной мочалкой. И всё это было очень приятно.

В печке было темно, только щёлочка вокруг заслонки светилась, как золотая дужка. Эта жаркая пахучая тьма, эта шелковистая влажная солома под боком, этот веник, одевающий тёплым дождём, — всё размаривало, разнеживало, отнимало охоту двигаться. Даже Таиска угомонилась и прилегла на солому.

Валентинке вспомнилась сказка про Ивашечку. Вот он так же сидел в печке, прятался от бабы-яги. И представилось ей, будто она и есть Ивашечка. Она притаилась и слушала, не летит ли на помеле баба-яга.

Но в печке долго не просидишь. Стало душно. Хотелось высунуться, глотнуть свежего воздуха.

— Мне жарко... — прошептала Валентинка.

— Мне тоже, — сказала Таиска. И закричала: — Мамка, открывай!

— Ага, запарились! — сказала мать и открыла заслонку.

Таиска выкатилась из печки как колобок. А Валентинка опять зацепилась и посадила на плечо чёрную отметину. Пришлось замывать. Мать посадила их в корыто, облила тёплой водой, дала холщовое полотенце.

— Вытирайтесь, одевайтесь — и марш на лежанку сохнуть!

Валентинке казалось, что никогда ещё чистое бельё не пахло так свежо, как пахла эта заплатанная рубашка, которую дали ей. Всё её тело как будто дышало. Влажные руки всё ещё пахли веником. Это был такой новый для Валентинки запах, такой крепкий и необычный!

За ужином дед спросил:

— Ну как нашей барышне баня показалась? Понравилась или нет?

— Понравилась, — тихо ответила Валентинка.

Но дед не поверил:

— Ну, где же там! В городе-то в банях и светло, и тепло, и шайки тебе, и души всякие, а тут — словно горшок с кашей в печку посадили. Ну, да уж не взыщите, у нас городских бань нету!

«Я и не взыщу, — хотелось ответить Валентинке. — Мне в печке мыться очень понравилось, даже лучше, чем в бане!»

Но она уткнулась носом в кружку с молоком и ничего не ответила. Она боялась деда.

У РОМАНКА ПОЯВЛЯЕТСЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА.

НА БЕЛОМ СТОЛЕШНИКЕ РАСЦВЕТАЮТ АЛЫЕ ЦВЕТЫ

В этот день раньше всех проснулся Романок. Его разбудил приятный густой аромат, который носился по избе. Пахло чем-то сдобным... Возле печки на широкой лавке в два ряда лежали большие румяные лепёшки с картошкой и с творогом.

Романок живо вскочил с постели:

— Мамка, какой нынче праздник? Опять Новый год, да?

— Ваша мамка нынче именинница, вот вам и праздник, — ответила мать. И, вздохнув, добавила: — Только вот нынче отца нет с нами. И письма нет...

Было раннее утро, поэтому все были дома: и дед ещё не ушёл на работу, и Груша ещё не ушла в школу, и Таиска ещё не убежала к подружкам.

Дед молча понурил голову. Давно нет письма с фронта. А на фронте всё время бои.

— А в прошлом году отец был, — сказала Груша. — Он мне всегда говорил: «Учись, учись хорошенько!» Он мне...

— Он — тебе! — прервала Таиска. — Как будто он только с тобой и разговаривал! И мне тоже говорил: «Таиска, не озоруй смотри!..»

— А мне говорил: «Расти скорей!» — добавил Романок.

Все начали вспоминать, как и что говорил отец. Вот бы он приехал! Ну хоть бы на побывочку завернул!.. А мать отвернулась и украдкой смахнула слёзы.

Только Валентинка молчала. Она не видела отца Шалихиных, не знала его, и он её не знал.

— Ну ладно, хватит! — сказала мать. — Будет нам счастье, глядишь — и Гитлера разобьют, и отец наш вернётся с фронта. А пока что лепёшки на столе. Садитесь завтракать!

После завтрака мать позвали в колхозное хранилище разбирать картошку. Она быстро собралась и ушла.

— Когда наша мама была именинница, ей всегда что-нибудь дарили, сказала Валентинка.

— Кто дарил? — живо спросила Таиска.

— Все. И я тоже. Я один раз ей картинку нарисовала и подарила.

У Таиски заблестели глаза:

— Давайте и мы нашей мамке что-нибудь подарим!

— А что, ну что ты подаришь? — спросила Груша. — Ну что ты умеешь?

— А ты что?

Груша задумалась. Может быть, чулки связать? Но ведь чулки сразу не свяжешь. Ещё когда

начала чулок, а всё никак до пятки не доберётся. Вот какая эта мамка, не могла заранее сказать — Груша поспешила бы!

— А я знаю, что сделаю! — закричала Таиска. — Я сейчас все до одной кринки вымою, все до одной кастрюли вычищу, и все ложки, и все вилки!.. Чтобы всё блестело! Что, не сумею? Да?..

Таиска налила в лоханку горячей воды, собрала всю невытую посуду и взялась за дело.

Грязные брызги, зола, сажа — так всё и разлеталось кругом от её мочалки, так и гремели кринки в её руках, так и гудели кастрюли...

— Вот так подарок! — сказала Груша. — Уж я если придумаю, так хорошее что-нибудь!

— Романок, а ты что?

— А не видите — что?

Романок на широкой выбеленной печке рисовал углём танки.

Впереди огромный, с тяжёлыми гусеницами, с большой пушкой — это «КВ» («Клим Ворошилов»). А за ним ещё танки поменьше, лёгкие, подвижные.

К соседям вернулся с фронта раненый сын. Он танкист, и Романок хорошо знаком с ним. Он рассказывал Романку, как боятся немцы крепких и быстроходных советских танков. Романок потому и нарисовал их побольше. Все танки шли от печурок к окнам и палили из пушек. Снаряды рвались кругом и даже взлетали на дымоход, к самому потолку.

Валентинка глядела на Романка, на Таиску, на Грушу. Все они что-то подарят матери.

А разве Валентинке не хочется подарить ей что-нибудь?

«Она их мама, а не моя, — упрямо подумалось ей, — пусть они и дарят...»

Но всё-таки ей очень хотелось подарить что-нибудь маме — тёте Даше. Пусть она не настоящая мама, всё равно!

— А ты возьми и тоже нарисуй что-нибудь, — сказала ей Таиска. — Вон там, под лавкой, стоит баночка с краской, дед кровать красил. И знаешь что? Возьми эту краску и нарисуй цветы вот тут на столешнике, вроде каймы. Я бы сама нарисовала, если бы умела.

— А разве хорошо будет? — спросила Валентинка.

— А почему же нехорошо? Цветы! Если бы я умела! Да ты не будешь, я знаю. Что она тебе — родная разве!

Валентинка на минутку задумалась. Можно ли рисовать цветы на скатерти? Её мама, наверно, сказала бы, что нельзя. Но там было нельзя, а здесь, может быть, можно? Ведь разрисовал же Романок печку!

Валентинка полезла под лавку и достала баночку с краской. Потом встала на колени возле стола и на нижнем углу белого столешника робкой рукой намалевала большой красный цветок.

— Ой, до чего красиво! — сказала Таиска. — Как живой! У нас такие летом в палисаднике растут!.. Рисуй ещё!

Второй цветок вышел лучше. Лепестки у него росли шире и смелее. Третий вышел немножко кривой, но это было почти незаметно.

Романок оставил свои танки и рвущиеся снаряды и круглыми синими глазами с удивлением смотрел, как на белом столешнике расцветают алые цветы.

— И-и!.. — вдруг раздалось испуганное восклицание. — Что наделали!

Груша вышла из горницы с книгой в руках и остановилась на пороге:

— Что наделали! Весь столешник испортили! Ну уж и попадёт вам теперь!

У Валентинки дрогнула кисть, и последний лепесток у последнего цветка загнулся, будто опалённый зноём.

Таиска, Романок и Валентинка глядели на Грушу, глядели друг на друга. Смутное сознание, что получилось как-то неладно, охватило их. А что же плохого, если на белом столешнике будут красные цветы? Но вот Груша говорит: «Попадёт!»

Груша вздёрнула пухлую верхнюю губу и сказала:

— Только, чур, меня не припутывать. Сами заварили кашу, сами и расхлёбывайте.

— А я и не заваривал, — сказал Романок, — я только глядел.

— А что же, я заваривала, да? — закричала Таиска. — Я мою посуду и мою! И никаких цветов я на столешнике не делаю!

— Городская, а баловная! — строго сказала Груша. — Ишь что сбаловала!

И ушла в горницу.

У Валентинки сразу пропала вся радость. Она вытащила из своей жёлтой сумочки носовой платок и попробовала потихоньку стереть краску. Но краска была масляная, она не стиралась. Сердце Валентинки сжалось от страха и горя. Что она наделала! Зачем она послушалась Таиску? Что теперь скажет мать, что она скажет матери?

Валентинка спрятала баночку с краской и села в уголок. Скрип снега за окном, стук во дворе, чей-нибудь громкий голос на улице — всё заставляло её вздрагивать: мать идёт!

И потом — дед. Что скажет дед, когда это увидит?

«Может, у вас в городе можно портить скатерти, ну, а уж у нас этого нельзя! Таких барышень нам здесь не надо!» — вот что он скажет, наверно.

Может быть, полчаса прошло, может быть, час. Послышались шаги на крыльце, скрипнула дверь в сенях, и в избу вошла мать.

Необычная тишина показалась ей странной. Она внимательно поглядела кругом.

— Это что такое?! — сердито закричала она, увидев разрисованную печку. — Это что за озорство такое?!

Взглянув на Таиску, она всплеснула руками:

— Ах ты чучело-чумичело! Ну погляди, на кого же ты похожа? Вся в саже! А руки! А платье!

Увидев красные цветы на белом столешнике, мать даже покраснела от гнева:

— Батюшки мои! Да что же это, в самом деле? Из избы выйти нельзя! Кто это намалевал, а? Кто?

Все трое смущённо поглядывали друг на друга. Только одна Груша спокойно и весело стояла у дверей горницы:

— Что, натворили подарочков?

Мать выдернула из веника прут:

— А ну-ка, Таиска, иди сюда, я тебя берёзовой кашей угощу! Я тебя научу, как цветы малевать на столешниках!

— Это не я! — крикнула Таиска.

— Это я намалевала... — тихо сказала Валентинка.

— Ты? — удивилась мать. — Ты? А кто тебя научил?

Валентинка взглянула на Таиску, встретила её испуганные глаза и опустила ресницы:

— Никто не научил. Я сама хотела...

Мать, ещё рассерженная, стояла, похлопывая хворостинкой по скамейке. У неё не поднималась рука отстегать Валентинку. Ну как её тронуть, когда она и так вся дрожит? А с другой стороны, тем ребятам обидно: ведь Таиску-то она за то же самое отстегала бы.

— Это я хотела тебе подарок... — сказала Валентинка. — Мы все хотели тебе подарки подарить!

— Подарки! Какие подарки?

— Ну... Вот Романок для тебя танки нарисовал. А Таиска всю посуду вымыла. А я... я думала, с цветами красивее. Это мы такие подарки придумали: ведь ты же именинница сегодня!

У матери разошлись сведённые брови. Ей даже стало стыдно, что она так расходилась, не узнав, в чём дело. И она была рада, что не нужно никого ругать и наказывать. Она села на лавку, отбросила хворостину и засмеялась. В это время вошёл дед.

— Отец, ты взгляни-ка! — со смехом сказала она деду. — Ты взгляни, пожалуйста, каких подарков они мне надарили: и танков целую бригаду, и чистых кринок, и алых цветов... Ой, батюшки! Ну что за ребята у меня одна радость!

Потом пригляделась к столешнику и добавила:

— А знаете, ребяташки, с этими цветами и вправду красивее!

Снова мир и веселье поселились в избе. Только одна Груша была не в духе. Она так и не успела придумать подарка для матери.

ГОСТИ ПЬЮТ ЧАЙ С ЛЕПЁШКАМИ И ОСУЖДАЮТ МАТЬ

В сумерки, после того как убрали скотину, к матери пришли гости. Стол был накрыт, кипел самовар, и лепёшки красовались в широком блюде.

Первой ввалилась в избу толстая тётка Марья в широком сборчатом полушубке. Она размашисто перекрестилась на передний угол и, по старинному обычаю, отвесила поклоны — сначала деду, затем матери. Потом разделась, но оставила на плечах большой пёстрый платок. И Валентинке сразу вспомнилась ватная грелка-баба, которую мама сажала на горячий чайник.

Тётка Марья посмотрела на ребят и зычно спросила:

— Живы, пострелы?

— Живы! — крикнула Таиска.

— А новенькая-то у вас где? Приёмыш-то?

Романок ткнул Валентинку пальцем:

— Вот она!

Валентинка покраснела и опустила глаза.

— Да-а... — неодобрительно протянула тётка Марья. — Ничего бы девчонка, да уж больно тоща. Ишь ножки-то какие тоненькие!.. Ну куда же в деревню такую? Ни на воз подать, ни с воза принять...

— Вот и я так-то говорю, — отозвался дед. — В деревне жить — на земле работать. А землю, братцы, любить надо. Ну, а где ж ей! Барышня!

В избу вошла ещё одна гостья, бабка Устинья, высокая старуха, сухощавая, подобранная. Она поклонилась хозяевам и, поджав тонкие губы, уставилась на Валентинку:

— Эту девчонку-то взяли?

— Эту, — ответила мать.

— М-м... Ну и что ж вы с ней делать будете?

— А что делать? Пусть растёт!

— Растёт-то растёт. Да что из неё вырастет? Ни отца её ты не знаешь, ни матери. А что они за люди были? Может, хорошие, а может, и не очень...

Валентинка взглянула на бабку Устинью и снова опустила ресницы.

— Во как зыркнула, видели?! — охнула бабка Устинья. — Так и съела глазищами-то!

— Садитесь чай пить, — сказала мать, — милости прошу.

Только уселись за стол, загремела в сенях дверь, и явилась новая гостья — тётка Василиса, по прозвищу Грачиха. Так прозвали её за большой нос. Она тоже сразу стала разглядывать Валентинку:

— Ай-яй! Сразу видно, что не нашенская: ишь какое лицо-то белое! Приживётся ли она у нас на чёрном хлебе-то?

Валентинка ушла в тёмную горницу и уселась в уголок. Уж очень неприятно, когда тебя разглядывают, будто какую-нибудь вещь!

Бабы за столом поговорили о войне, о том, что наши, слышно, гонят немцев; о том, что завтра всем колхозом возить дрова на станцию; о холстах, которые хорошо сейчас белить: солнышко начинает пригревать и снег стал едкий, все пятна отъедает... А потом снова заговорили про Валентинку.

— И куда ты, Дарья, набираешь себе ребят? — начала тётка Марья. Время трудное, семья у тебя большая, мужик твой на войне — либо вернётся, либо нет... И не работница она: уж такая-то хлипкая! Да с ней в поле-то нагоришься!

— Нет, нет, не будет добра, — подхватила бабка Устинья. Не будет она тебя, Дарья, ни любить, ни почитать. Как есть ты ей чужая, так чужая и останешься. Да она и по масти-то к твоей семье не подходит: вы все белёдые, а она вишь тёмная!

— Э, бабы, полно-ка вам! — возразила Грачиха. — Можно ведь и по-другому рассудить. Ну, а куда, скажем, вот таким сиротинкам деваться? Ведь сейчас война. Мало ли их, горемык, останется? Что же теперь делать! Уж как-нибудь...

Валентинка ждала, что скажет мать. Неужели она тоже согласится с теми двумя? Что же тогда делать Валентинке? Как жить в этом доме, где её никто не будет любить?

Мать выслушала своих гостей, оглянулась, нет ли тут Валентинки, и сказала в раздумье:

— Что семья у меня большая — это меня не печалит: хлеба на всех хватит. Что работница из неё хорошая не выйдет — ну что же делать! Как сможет, так и работает. И это меня не заботит. Но вот что меня заботит, бабы, — продолжала мать грустно, — что меня печалит, так это одно: не идёт в родню, не ластится. Не зовёт меня матерью, никак не зовёт. Не хочет! Или уж и вправду, как была чужой, так чужой и останется?

Валентинка вздохнула.

Она глядела из своего угла на мать, которая сидела в кухне за столом, задумчиво подпершись рукой.

— Мама... мама... — неслышно прошептала Валентинка.

Ей хотелось соединить это слово и эту женщину. Но ничего не получалось. Женщина оставалась тётей Дашей. И с этим Валентинке ничего нельзя было поделать.

В тот же вечер, проводив гостей, мать достала чернила и перо, попросила у Груши бумаги и села писать письмо. Она писала письмо на фронт своему мужу о том, что с делами в колхозе понемногу справляются, что в доме всё благополучно и что ребятишки здоровы и ждут отца.

«...А ещё вот что, — писала она, — нужен мне твой совет. Я взяла в дом девочку Валентинку — сироту, беженку. Думаю, что я это хорошо сделала. Но вот некоторые люди говорят, что напрасно, и ругают меня за это. Что ты скажешь? Как посоветуешь? А может, люди правду говорят, что чужое не приживается?..»

ДЕВОЧКИ ОСТАЮТСЯ В ДОМЕ ОДНИ И ВЕДУТ ХОЗЯЙСТВО

Мать ещё затемно уехала с дровами на станцию.

Когда забрезжило в окнах, дед разбудил Грушу:

— Молодая хозяйка, вставай! Пора печку топить. В школу не пойдёшь сегодня — дома некому.

Груша не могла открыть глаза, не могла голову поднять с подушки. Но дед не отставал:

— Вставай! Телёнок поила просит. Куры у крыльца собрались, корму ждут. Вставай и подручных буди. А мне некогда с вами долго разговаривать: меня в амбаре ждут!

Дед ушёл. Груша встала и тут же разбудила Таиску и Валентинку:

— Идите помогать. Одной, что ли, мне все дела делать?

— Мои дела, чур, на улице, — сказала Таиска, — а в избе ваши!

Таиска живо оделась. И пока полусонная Груша укладывала дрова в печке, Таиска сбегала на задворки, принесла охапку морозного хвороста, схватила ведро и пошла за водой.

Груша затопила печь. Жарко запыльхали тонкие, хрупкие прутья. Но хворост прогорел, а дрова задымились и погасли. Груша начала раздувать. Дым ударял ей в глаза. Груша сердилась и чуть не плакала с досады.

— А ты что стоишь и только смотришь? — закричала она на Валентинку. Думаешь, тебе дела нет? Ступай, ещё хворосту принеси!

Валентинка накинула платок, вышла на улицу и остановилась. Как хорошо! Розовые облака в светло-голубом небе, розовые дымки над белыми крышами, острые огоньки на сугробах. И морозец — лёгкий, скрипучий. А в воздухе уже что-то неуловимое, напоминающее о весне...

Валентинка прошла на задворки и вытащила из-под снега охапку хвороста. Груша встретила её на пороге и нетерпеливо выхватила хворост из её рук:

— За смертью тебя посылать! Тут печка совсем погасла, а она идёт не идёт. Правду тётка Марья сказала: ни с возу, ни на воз!

Валентинка молча исподлобья глядела на светло-русый Грушин затылок, на её голые локти с ямочками. Никогда ещё не видела она такого неприятного затылка и таких неуклюжих рук. А голос какой резкий!

«Была бы тётя Даша дома, так ты на меня так не кричала бы, — думала она, — побоялась бы матери. А вот без неё...»

И вдруг пустой, неуютной и печальной показалась ей изба. Словно солнце ушло за тучу, словно погас огонёк, который озарял её.

«Хоть бы скорее вечер! Хоть бы скорее она приехала!»

Но день ещё только начинался, открывая целый ряд неожиданных неприятностей.

— Лезь в подпол за картошкой! — приказала Груша. — Вот бадейка, набери полную!

— Как — в подпол? — спросила Валентинка. — В какой подпол?

— Ну вот ещё, какой подпол! Уж подпола не знает!

Груша подняла дверцу подпола. Валентинка заглянула — там было темно. Ну как это она туда полезет? Вдруг там... мало ли кто сидит! И какая же там картошка?

— Ну что же ты?! — закричала Груша. — Ведь так и печка прогорит, пока ты соберёшься!

— Я не полезу, — прошептала Валентинка. — Я боюсь, там крысы...

— Какие крысы? Просто ты неженка, даже за картошкой слазить не можешь! Правду бабка Устинья говорит — с тобой нагоришься!

— Там темно же...

— Зажги лампу.

Валентинка зажгла маленькую синюю лампу, взяла бадейку и полезла в подпол. Свет лампы озарил земляные стены, кадки, покрытые деревянными кружками, кринки, яйца, уложенные в ящик и пересыпанные золой. Справа громоздился ворох картошки, круглой и крупной, как на подбор. Рядом красовалась жёлтая брюква. Из кучки песка торчали хвостики моркови... Оказалось, что в подполе совсем не страшно. Наоборот, интересно даже!

— Скоро ты? — крикнула сверху Груша.

— Сейчас! Только вот какой набрать: крупной или мелкой?

— Ну конечно, крупной! Мелкая на семена отобрана. Неужели не знаешь?

— Не знаю.

— Ну и чудная же ты! Все знают, а она не знает.

Валентинка еле подняла ведро с картошкой, еле втащила его наверх по лесенке, со ступеньки на ступеньку. На верхней Груша подхватила ведро:

— Ну вылезай скорей! Я телёнку пойло приготовлю, а ты начисть картошки для супа и вымой... И где это Таиска запропастилась? Надо кур кормить, а её нет и нет! И печка нынче что-то не топится. Горе с вами!

Проснулся Романок. Он свесил с печки вихрастую голову:

— Завтрак сварился?

В это время у Груши свернулся чугунок с ухвата, и вода зашипела на горячих кирпичках.

— Вот ещё проснулся! — закричала Груша. — Чуть глаза откроет, так уже есть просит!

Наконец пришла Таиска, розовая, весёлая. В синих глазах её ещё дрожал смех.

— Ты что же, за водой-то в Парфёнки бегала? — напустилась на неё Груша.

— Да ты знаешь, сколько на колодце народу!

— Нисколько там народу! Просто в снежки с ребятами играла, вот и всё! Смотри, в ведре даже лёд намёрз!

А потом повернулась к Валентинке:

— Ну, готова картошка? Это еще только три картошины очистила?.. Таиска, бери ножик, помоги этой неумехе!

Но Таиска даже не подошла к Валентинке:

— Я сказала: мои дела на улице, а ваши в избе. Я лучше пойду кур кормить.

И снова скрылась, хлопнув дверью. У Валентинки ресницы набухли слезами. Она спешила, чтоб угодить Груше, но и ножик её плохо слушался, и картошка из рук вывёртывалась.

«И когда она приедет наконец? — думала Валентинка. — Ну хоть бы поскорей, хоть бы поскорей!»

И прислушивалась, не скрипят ли сани у ворот, не слышится ли знакомый, такой напевный и ласковый голос...

Но вот картошка начищена. Груша заправила суп и поставила в печку. А потом налила пошла в широкую бадью и сказала:

— Вот, народу в избе много, а телёнка напоить некому!

— Давай я напою, — робко предложила Валентинка.

— Ступай, если сумеешь.

Валентинка не умела поить телёнка и не знала, где он. Но она взяла бадейку и тихонько пошла из избы.

Груша догадалась:

— Романок, проводи нашу барышню. А то она какую-то колибру знает, а вот где телёнок стоит — не найдёт!

— У нас телят не было, — сказала Валентинка.

— Эх, вы! — пренебрежительно протянула Груша. — Даже телёнка не могли завести! Наверно, ленивые были!

У Валентинки засверкали глаза.

— Вовсе не ленивые! Мой папа до фронта целые дни на заводе пропадал. Он инженер был! И мама служила тоже!..

— Ну, ну, заговорила! — прервала Груша. — Пока говоришь, пойло остынет... Ой, кажется, дедушка завтракать идёт, а у меня ещё не готово! Из-за вас всё!

Валентинка с Романком вышли во двор.

— Он у нас в овчарнике, — сказал Романок. — Вот дверь. Его Огонёк зовут, потому что он

рыжий! Иди! Только смотри овец не выпусти.

Когда Валентинка вошла в овчарник, овцы шарахнулись от неё в дальний угол. Они испугались Валентинки, а Валентинка испугалась их и остановилась у порога.

За высокой перегородкой стоял светло-жёлтый бычок. Он нетерпеливо совался мордой в щели перегородки и коротко мукал, вернее, макал:

«Мма! Мма!..»

Валентинка подошла к нему, и сердце у неё растаяло.

— У, какой хорошенький! У, какой миленький! И ножки белые, как в чулочках! А мордочка! А глазки чёрные, как черносливы!..

Валентинка открыла дверцу. Но не успела она войти за перегородку, как бычок отпихнул её, выскочил оттуда, бросился к бадейке и тут же опрокинул её. Тёплое пойло зажурчало сквозь подстилку. Валентинка в ужасе подхватила бадью, но там было пусто. Бычок сердито стучал в дно бадьи, облизывал крошки жмыха со стенок. Но пойла не было, и он принялся орать во весь голос.

— Противный! — чуть не плача, крикнула Валентинка. — И пролил все! И сам выскочил! Иди обратно! Иди!..

Но бычок и не собирался лезть обратно. Он принялся играть и бегать по тесному овчарнику. Овцы бросались от него, чуть не на стены прыгали. А ему это, как видно, очень нравилось: он фыркал, макал и подпрыгивал на всех своих четырёх белых ногах.

Валентинка вышла из овчарника, захлопнула дверь, села на приступку и расплакалась.

— Уйду отсюда! — повторяла она. — Всё равно уйду! Мне всё равно... Пусть в лесу замёрзну!

Наплакавшись, Валентинка вошла в избу и молча поставила пустую бадейку. На столе уже дымилась горячая картошка. Груша заметала шесток.

— Напоила? — спросила она.

— Нет... — ответила Валентинка.

— Как — нет? А пойло где?

— Он пролил...

— Ой!.. Ну ничего-то она не умеет! Ничего-то она не может! Вот уж барыню привели к нам! Правду тётка Марья говорила...

— Зачем сказала-то? — шепнула Валентинке Таиска. — Она бы и не узнала ничего!

— А бычок-то как же? Голодный будет целый день, да?

— Ну и что ж! Авось не окошел бы!

— У таких хозяев, как ты, пожалуй, и окошел бы! — вдруг сказал дед. Он стоял за дверью в горнице, вытирал полотенцем руки и слышал их разговор. — Скотину любить надо, жалеть. Вот

видишь, городская, а и то жалеет. А тебе: «Ну и что ж!..» Сделай, Аграфена, пойло да снеси сама.

Груша поворчала, но пойло отнесла. Всё обошлось.

Однако Валентинку томило что-то. Вот сейчас Груша опять даст ей какое-нибудь мудрёное дело. А Таиска, вместо того чтоб помочь, засмеётся и убежит на улицу, и Романок за ней. А дед хмурый, неприветливый, к нему не подойдёшь. Ну до чего же далеко до вечера! А вдруг она и вечером не приедет?..

После завтрака начали убирать избу. Валентинке досталось мести пол. Ну, это она сумела, она и дома не раз подметала комнату. Она вымела и горницу и кухню и смела сор с крыльца.

Утро было ясное, а день наступил сырой, серый, ветреный. С крыши срывалась капель. Среди голых веток щебетали воробьи. Какой холодный, хмурый день! Как холодно и грустно Валентинке! Надо, чтобы кто-нибудь её любил, обязательно надо, чтобы кто-нибудь любил её, был бы с ней ласков, чтобы кто-нибудь спросил её, не хочет ли она погулять или покушать, чтобы кто-нибудь сказал ей: «Не стой без пальто на ветру, простудишься!» Когда человека никто не любит, разве может человек жить на свете?..

Где солнце на небе? Высоко ли оно ещё или спустилось к вершинам леса? Ничего не видно за тучами. Валентинка продрогла и вошла в избу.

В избе было подозрительно тихо. Груша, Таиска и Романок сидели вокруг стола, уткнувшись лбами, и что-то рассматривали. Но едва Валентинка переступила порог, они испуганно оглянулись на неё.

Таиска схватила что-то со стола и сунула руку под фартук.

Все трое глядели на Валентинку не то смущённо, не то насмешливо и молчали. Валентинка увидела, что из-под Таискиного фартука выглядывает жёлтый ремешок.

— Мою сумочку взяли! — крикнула она. — Зачем? Отдайте!

— О, раскричалась! — со смехом ответила Таиска. — А вот не отдам!

— Отдайте!

— Отдай! — пренебрежительно сказала Груша. — Подумаешь, добро! Мы думали, там что хорошее, а там картинки какие-то.

— На! — сказала Таиска.

Валентинка протянула руку, но Таиска отдернула сумочку. И Романок и Таиска рассмеялись.

— Ну догони! Догони, тогда отдам! — И Таиска убежала в кухню.

Валентинка не стала догонять. Она подошла к угловому окошку и уставилась глазами в талый узор на стекле.

Тогда Таиска подошла и молча сунула ей сумочку. Валентинка взяла её, но от окна не отошла. Как они смели взять её сумочку? Разве она когда-нибудь полезла бы в школьную Грушину сумку? Разве стала бы рассматривать, что там есть?

Какой серый, хмурый день смотрит в окно!

Но что это там? Кажется, сани заскрипели по снегу. Так и есть кто-то подъезжает к дому.

— Вроде как мамка приехала, — сказала Груша.

Валентинка бросилась на улицу, даже платка не накинула.

— Так и есть! — крикнула она. — Так и есть! Приехала!

Она подбежала к Дарье и молча обхватила её сырой армяк.

— Ты что это раздетая на холод вылетела? — закричала Дарья. — Иди домой живо!

Но пусть кричит — Валентинка ничуть её не боится. Она видит, как ласково светятся ей навстречу синие глаза, как улыбается покрасневшее от ветра милое лицо. Конечно, сегодня уже никто больше не посмеет обидеть Валентинку!

НА ОКНЕ ЗАЦВЕТАЕТ ВЕСНА.

ДЕД ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕ СТРАШНЫМ И НЕ СЕРДИТЫМ

Стало теплее пригревать солнце. Берёзы стояли мокрые от стаявшего снега, и с тонких веток падали на землю сверкающие капельки. В деревне вдруг появились грачи. Они кричали среди голых вершин, рылись на потемневших дорогах.

— Снег рушится, — сказал дед. — Теперь фронтовикам в землянках, пожалуй, худо будет — сыро. — И вздохнул: — Эх, Гитлер проклятый! Весь свет заставил мучиться.

«Снег рушится... — подумала Валентинка. — Как это — рушится?»

Ей тотчас представился огромный овраг, куда с шумом обрушивались горы снега. Но где этот овраг? Спросить бы... Только у деда разве спросишь!

Валентинка часто выходила на крыльцо, стояла, смотрела, слушала... Смотрела, как идут облака по небу, как раскачивает ветер длинные косицы берёз, как скачут воробьи, подбираясь к куриному корму. Слушала шум ветра в деревьях, смутное пение чижей, доносившееся из соседней рощицы.

Воздух был полон каких-то новых, необъяснимых запахов, которые волновали Валентинку, манили, звали куда-то...

Иногда Таиска тащила её гулять:

— Пойдём к девчонкам! Пойдём на гору!

Валентинка не шла. Боялась мальчишек — они отколотят. Девочек боялась тоже — они будут смеяться над её капором, над её коротким платьем. И часто издали, не отходя от избы, смотрела, как веселятся ребяташки на горе или лупят снежками друг друга.

В солнечное утро дед принёс из кладовой семена пшеницы, овса и гороха и посеял в тарелках. Ему надо было узнать, хорошие ли это семена, годятся ли они для сева. Дед был кладовщик, и это была его первая забота — выдать для сева хорошие семена.

Каждый день Валентинка разглядывала тарелки: не показался ли где-нибудь росточек? Груша часто замечала, как Валентинка сидит над этими тарелками и смотрит на мокрую землю.

— И чего смотрит? — удивлялась Груша. — И чего ей интересно? Чудная!

Однажды к тарелкам с лукавым видом подошла Таиска.

— Что-то не всходят и не всходят! — сказала она. — Может, и не взойдут? — И, понизив голос, предложила: — Знаешь, Валентинка, ты посмотри. Разрой и посмотри, есть на них наклёвыши или нет. Если есть, значит, взойдут.

Валентинке и самой очень хотелось вырыть хоть бы одно зёрнышко. Но что-то слишком весело смеются у Таиски глаза и что-то Романок насторожился, так и вытаращился: разроет или не разроет Валентинка тарелку?

И вдруг Романок не выдержал.

— Не разрывай! — сказал он. — Дедушка вот до чего рассердится!

— Сунулся! — крикнула Таиска. — Ну чего ты сунулся? На тебя, что ли, он рассердится? На тебя, да?..

Таиска показала Романку язык и ушла.

— Я в ту весну разрыл, а он меня прямо за волосы, — продолжал Романок. — Ведь он их считает!

Валентинка испуганно смотрела на Романка. Ух, что было бы, если б она так вот деду напортила!

С этого дня она даже и близко не подходила к тарелкам. И, когда становилось очень скучно, усаживалась в уголке за комодом, вынимала из своей жёлтой сумочки связку картинок и расставляла их рядышком возле стены. Эти картинки она собирала давно: вырезала из старых журналов, выменивала у подруг на лоскутки и на игрушки, выпрашивала у мамы, если та получала красивую открытку.

Дарья с беспокойством посматривала на Валентинку, когда та, усевшись перед своими картинками, смотрела на них и что-то бормотала потихоньку. С кем она разговаривает? Кого она видит?

А Валентинка придумывала: вот на круглом листке водяной лилии сидит крохотная девочка — Дюймовочка. Но это не Дюймовочка, это сама Валентинка сидит на листке и разговаривает с рыбками...

Или — вот избушка. Валентинка подходит к дверям. Кто живёт в этой избушке. Она открывает низенькую дверь, входит... а там прекрасная фея сидит и прядёт золотую пряжу. Фея встаёт Валентинке навстречу: «Здравствуй, девочка! А я давным-давно тебя поджидаю!»

Но игра эта тотчас кончалась, как только кто-нибудь из ребят приходил домой. Тогда она молча убирала свои картинки.

Как-то перед вечером Валентинка не вытерпела и подошла к тарелкам.

— Ой, взошло! — воскликнула она. — Взошло! Листики!.. Романок, смотри!

Романок подошёл к тарелкам:

— И правда!

Но Валентинке показалось, что Романок мало удивился и мало обрадовался. Где Таиска? Её нет. Одна Груша сидит в горнице.

— Груша, поди-ка сюда, погляди!

Но Груша вязала чулок и как раз в это время считала петли. Она сердито отмахнулась:

— Подумаешь, есть там чего глядеть! Какая диковинка!

Валентинка удивлялась: ну как это никто не радуется? Надо деду сказать, ведь он же сеял это!

И, забыв свою всегдашнюю боязнь, она побежала к деду.

Дед на дворе прорубал канавку, чтобы весенняя вода не разлилась по двору.

— Дедушка, пойдём! Ты погляди, что у тебя в тарелках: и листики и травка!

Дед приподнял свои косматые брови, посмотрел на неё, и Валентинка в первый раз увидела его глаза. Они были светлые, голубые и весёлые. И совсем не сердитым оказался дед, и совсем не страшным!

— А ты-то чего рада? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Валентинка. — Так просто, интересно очень!

Дед отставил в сторону лом:

— Ну что ж, пойдём посмотрим.

Дед сосчитал всходы. Горох был хорош. Овёс тоже всходил дружно. А пшеница вышла редкая: не годятся семена, надо добывать свежих.

А Валентинке словно подарок дали. И дед стал не страшный. И на окнах зеленело с каждым днём всё гуще, всё ярче.

До чего радостно, когда на улице ещё снег, а на окне солнечно и зелено! Словно кусочек весны зацвёл здесь!

ПРИБЫЛЬ В ДОМЕ.

В ИЗБЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ ЖИЛЬЦЫ

Мать сегодня то и дело заглядывает в овчарник. Всё ходит, смотрит чего-то. И даже поздно вечером, когда уже все легли спать, Валентинка услышала, как она зажгла лампочку и, накинув шубейку, опять пошла в овчарник.

На этот раз она вернулась очень быстро и сразу стала будить деда:

— Отец, отец, встань, помоги!

И снова ушла. Дед тоже быстро поднялся и поспешил за ней.

Валентинка встревожилась. Что случилось? Она торопливо надела платье — может, сейчас придётся бежать?

Девочки спокойно спали на большой кровати. На краю печки похрапывал Романок. Ну почему же они все спят, когда в доме такая тревога?

Через некоторое время захлопали двери во дворе, раздались шаги в сенях. Вот мать идёт, вот дед, а вот ещё чьи-то мелкие шажки — тук, тук, тук...

Открылась дверь. Вошли мать и дедушка, а за ними вбежала большая чёрная овца. Мать несла что-то, завернутое в дерюжку. И когда она эту дерюжку развернула, Валентинка увидела маленьких, ещё мокрых ягнят.

Она вскочила с постели:

— Ой, какие малюсенькие!

Ягнят было трое. Они еле стояли на своих растопыренных тонких ножках. Овца подошла к ним и начала их облизывать своим шершавым языком, и так яростно лизала, что ягнята не могли устоять, падали и кувыркались.

— Ну, хватит, хватит! — сказала мать. — Умыла, и ладно. Давай-ка лучше покорми своих ребят!

Дед подержал овцу, а мать взяла ягнят и подсунула к вымени. Ягнята тотчас принялись сосать. Только вышло не совсем хорошо: два чёрных сосали, а третий, белогрудый, бегал вокруг и кричал тоненьким голоском. Мать оттащила одного чёрного и подсунула белогрудого. Но чёрный рвался из рук. И не успела мать его выпустить, как он уже снова бросился и оттолкнул белогрудого. Мать покачала головой:

— Вот безобразники! Придётся этого отдельно подкармливать.

Она налила молока в бутылку и надела резиновую соску.

— Неужели пить будет? — удивилась Валентинка. — Разве он сумеет из соски? Разве он ребёночек?

— А кто же он? — улыбнулась мать. — Конечно, ребёночек... Овечий только.

Ягнёнок сначала не взял соску, выплюнул. Но когда капелька молока попала ему на язык, он почмокал и принялся сосать.

— Дай-ка я! — попросила Валентинка. — Дай, пожалуйста!

Мать дала ей бутылку.

— Гляди-ка, пьёт! — обрадовалась Валентинка. — Пьёт из соски! Ой, до чего милая мордочка! До чего милые глупые глазочки!..

Валентинка обняла ягнёнка и поцеловала его в белый круглый лоб.

Мать и дед посмотрели друг на друга и молча улыбнулись.

— Может, и приживётся, — пробормотал дед, кряхтя и укладываясь спать. — Наши-то вон к скотине не больно ласковы, а эта — ишь...

— Не сглазь! — тихо ответила мать.

Валентинка не слышала этих слов. А если б и слышала, то не обратила бы внимания, так она была рада ягням. Ведь она таких барашков видела раньше только на картинках!

ВАЛЕНТИНКА ЗАВОДИТ В ОВЧАРНИКЕ НЕРУШИМУЮ ДРУЖБУ

Ягнята так и остались жить в избе. Мать боялась, что в овчарнике они замёрзнут, простудятся да и овцы их могут ушибить.

С ягнятами в избе стало очень весело. Несколько раз в день к ним приходила овца, кормила их. Белогрудому всегда доставалось меньше всех. Но для него бывала приготовлена бутылка с тёплым молоком, и Валентинка поджидала его.

И к молоку и к Валентинке ягнёнок привык скоро. Ей уже не приходилось совать ему соску в рот — он сам хватал её, чмокал и подталкивал, как подталкивают ягнята вымя, когда молоко задерживается.

После кормёжки ягнята начинали играть. Они бегали взапуски взад и вперёд — из кухни в горницу, из горницы в кухню. Маленькие твёрдые копытца мелко стучали по полу, будто горох сыпался. Ягнята подпрыгивали, подскакивали, налетали друг на друга, бодались безрогими лбами и снова мчались гурьбой от печки в горницу и из горницы к печке.

— Будет вам! — кричала на них мать. — Опять есть захотите!

Романку не терпелось — ему непременно хотелось схватить какого-нибудь ягнёнка на руки. Ягнята не давались, он бегал за ними, падал, они прыгали через него, девочки смеялись, и такой шум поднимался в избе, такой базар!..

Валентинка не могла нарадоваться на ягнят. Особенно на своего, на белогрудого. Он её знал, и Валентинка этим очень гордилась. Если б можно было, она бы не расставалась с ним. Она целовала его маленькую мокрую мордочку, белую отметину на лбу, тёплые атласные ушки и осыпала его всеми ласковыми словами, какие только могла придумать.

Мать давала ягням попрыгать и поиграть, а потом загоняла их в хлевушок под кухонной лавкой. Валентинка сначала помогала ей. А потом целиком взяла на себя эту заботу: выпускать их к овце, загонять обратно, убирать грязную подстилку и стелить свежую. И часто, когда ягнята сладко дремали в тёплой полутьме, она сидела возле и в щёлочку любовалась ими.

Прошла неделя. Ягнята подросли, окрепли. Их густая шерсть закрутилась пушистыми завитками. У двух чёрных отчётливо выглянули крутые рога.

— Ну, братцы, пора вам в овчарник, — сказала мать. — Довольно тут грязнить да буянить!

Валентинка помогала переселять ягнят. Как жалко! Ну где им там попрыгать? Большие овцы их затолкают. Вдруг этот дуралей, жёлтый бык, из своего стойла вырвется да начнёт бушевать по овчарнику?

— Ничего, ничего, — говорила мать, — привыкнут. А этого дуралея мы не выпустим. А хочется ему: ишь как поглядывает!

Бычок смиренно глядел на них сквозь широкую щель своими влажными большими глазами. Валентинка вспомнила, сколько ей пришлось однажды вытерпеть из-за этого смиренника. Но

она подошла к нему, увидела его забавную тупую морду, потрогала нежные складочки на его жёлтой шелковистой шее и забыла все свои обиды:

— Огонёк, дай я тебя поглажу, миленький!

А когда вышли из овчарника, она обратилась к матери:

— Можно, я буду с тобой Огонька поить?

— С кем?

Валентинка потупила голову: она знала, что матери очень хочется, чтоб Валентинка сказала: «С тобой, мама!»

Но она не могла назвать её мамой. Ну не может, и всё!

— Ну что же, — со вздохом сказала мать, — если хочешь, давай поить вместе.

С этого дня Валентинка стала ходить с матерью в овчарник. Мать показала ей, как открывать дверцу, чтобы не выпустить бычка, как ставить бадейку, чтобы он не опрокинул, и как держать её, чтобы он не ударил рогом. Рога у него уже торчали в стороны, как у заправского быка.

Сначала Валентинка побаивалась Огонька, такой он неумный, такой бестолковый — наскокивает, толкается, чуть с ног не сшибёт. А чуть зазеваешься — сейчас заберёт себе в рот Валентинкино платье и начнёт жевать. Вот такой чудной! А однажды он лизнул Валентинку прямо в лицо, словно тёркой провёл.

— Ой, меня бык умыл! — закричала Валентинка со смехом.

Мать засмеялась тоже:

— Вишь как он тебя любит! Знает же, глазастый, кто ему поило носит.

Зато в избе, когда увели ягненок, Валентинке показалось пусто и скучно. Таиска и Романок пропадали на улице. Домоседка Груша или учила уроки, или вязала чулки. И тогда Валентинка снова расставляла свои картинки, глядела на них и что-то шептала, словно разговаривала с невидимыми людьми.

ВАЛЕНТИНКА РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

Груша читала вслух сказку про хромую уточку. Дойдя до того места, где уточка превратилась в девушку, Груша положила закладку и закрыла книгу.

— Ну что же ты! — сказал Романок. — Ну, а дальше?

— Дальше нам не задано, — ответила Груша. И, потянувшись, сладко зевнула: — Поспать бы сейчас!

На улице лепило — не то снег, не то дождик. Носа не высунешь. Таиска бродила по избе, не зная, чем заняться, и, заглядывая в окна, раздумывала: шибко она промокнет, если добежит до Алёнки, или не шибко?

Валентинка сидела в уголке за комодом. Картинки стояли перед ней. Романок подсел поближе и спросил:

— Это что — корабль?

— Да, — нехотя ответила Валентинка.

— А куда он плывёт?

— Вокруг света.

Романку стало интересно.

— Как — вокруг света? А где это? А какой корабль? А на корабле кто? А зачем он плывёт вокруг света?

— Это Магеллан плывёт, — сказала Валентинка.

Когда-то мама рассказывала ей о великих путешественниках, которые открывали новые земли. Про этих путешественников у них в доме была толстая книга с картинками. Больше всех ей почему-то запомнилась история хромого Магеллана. Как он проплыл по морям вокруг света, как он сражался с дикарями, как он умер. И хотя неизвестно, чей корабль был нарисован на картинке, она решила, что это корабль Магеллана.

— Видишь, как волны бушуют? Это ведь не река, это море. А на корабле матросы. И вот кричат: «Не хотим дальше плыть! Хотим обратно, домой!» А из каюты выходит капитан. Он идёт и хромает, идёт и хромает. Но это ничего, что он хромает, — он смелый! Он говорит: «Молчите! Мы домой не вернёмся! Мы будем плыть всё дальше! Там золотой остров, весь золотым песком усыпанный! А в речках лежат жемчужины — бери сколько хочешь!»

Валентинка рассказывала Романку, как моряки нашли золотой остров, как пальмы на нём звенели своими золотыми листьями и как драгоценные камни сверкали в чашечках цветов и маленькие эльфы с цветными фонариками летали по ночам над лугами...

Об этом мама не говорила ей. Это она только что придумала. Но что ж из того, если Романку интересно!

Таиска тоже слушала чудесную историю. Она смотрела на синее море, на зелёные пальмы, которые виднелись вдаль, на крутобокий корабль, увешанный парусами.

Ей чудилось, что она видит, как ходит по палубе хромой капитан, она различала блеск золотого песка на далёком берегу острова, она слышала звон чистых ручьёв, на дне которых лежат светлые жемчужины...

— А на этой картинке — видишь? На них напали дикари...

Валентинка показала Романку вырезанную из книги иллюстрацию, где голые люди со стрелами нападали на людей, одетых в испанские костюмы.

— А кто кого убил? — спросил Романок.

— Они Магеллана убили. Видишь, он падает?

— Ну, давай говори! — вдруг вмешалась Таиска. — Ты всё по порядку говори. Это какие люди: русские или немцы?

— Что ты! — улыбнулась Валентинка. — Тут русских нету! Это испанцы. А это дикари,

чернокожие. У них кожа как сапог блестит.

— И вовсе так не бывает, — сказала Груша, зевая, — и всё придумала...

— А ты почём знаешь? — закричала Таиска. — А вот и бывает!

— Значит, ты знаешь?

— А вот и да! Знаю!

— Видела, что ли?

— А вот и да! Видела!

— С тобой говорить — язык наварить, — сказала Груша и замолчала.

— А ещё про какие-нибудь картинки знаешь? — спросила Таиска Валентинку.

— Знаю.

— А про какие знаешь?

— Да про все знаю.

— А расскажешь? Про всё расскажешь?

Валентинка обещала. А пока что она собрала картинки и уложила в сумочку. Мать готовила пойло, надо было идти в овчарник.

— Давай я с тобой пойду быка поить? — предложила Таиска. — Давай будем вместе?

Валентинка не знала, радоваться ей или нет. Хорошо, если Таиска и вправду будет дружить с ней. А может, она только так, дурачится, а потом возьмёт да как-нибудь и подведёт Валентинку. И она ответила еле слышно:

— Давай.

Пошли все трое: мать всё-таки хотела посмотреть, как молодые хозяйки будут одни без неё управляться. И не напрасно пошла. Таиска сразу так напугала овец, что они чуть всех ягнят не потоптали, а с бычком тут же подралась и с досады хотела бадейку с пойлом опрокинуть ему на голову.

— Э, иди-ка ты отсюда! — сказала мать. — Так, матушка моя, за скотиной не ходят. Ступай-ка лучше принеси им свежей соломки да сенца клочок позеленее выбери.

— Вот и хорошо! — пробурчала Таиска.

И побежала за сеном.

ТАИСКА УВОДИТ ВАЛЕНТИНКУ НА УЛИЦУ

И НЕОЖИДАННО ПОЛУЧАЕТ СИНЯК

Перед вечером прояснело, снова ударил лёгкий морозец. Но снег почернел и подёрнулся настом. Зажурчали невидимые подснежные ручьи. Таиска пристала к Валентинке:

— Пойдём к девчонкам! Ну что ты всё дома да дома? Только и сидишь в углу, как мышь.

— Ступай, ступай, — подхватила мать, — пускай тебя ветерком обдует.

— В овраг пойдём! Помнишь, где глина?

Интересно посмотреть, какой это овраг. А может, там уж и снега нет, и пещерки видно.

Валентинка оделась. Вместо худых ботишков мать дала ей старые Грушины валенки с галошами. Девочки отправились. Романок тащился сзади. Зернистый снег проваливался и крепко хрустел под ногами. По дороге зашли за Варей, постучали в окно Алёнке. Девочки немножко сторонились Валентинки: они ещё не привыкли к ней.

Дошли до прогона и свернули на узкую тропочку, которая вела вниз, к реке. Тут, возле тропочки, и был овраг. Края его обнажились и ярко желтели под солнцем.

— Смотрите, вербушка! — вдруг сказала Варя. — Барашки вылезли!

— Где?

На самом краю оврага среди ольховых кустов стояла молодая верба. Её тёмно-красные ветки были украшены белыми шелковистыми комочками. Это было самое весёлое, самое нарядное деревце во всём перелеске.

Девочки стали думать, как бы достать вербушку. На дне оврага лежал глубокий снег. Только Таиска долго думать не стала — полезла прямо через сугроб. Местами наст выдерживал её, местами нет, и тогда Таиска проваливалась выше колен и барахталась в жёстком снегу. Снег набился ей в рукава и в валенки.

Но Таиска всё-таки добралась до вербы.

— Эй, вербушка!

Девчонки, видя такую удачу, тоже полезли через сугроб. И Валентинка полезла. Ей было и страшно — а вдруг провалишься с головой — и интересно: ей ещё никогда не приходилось перелезть через такой сугроб. Будто она моряк, который отправляется в широкое море и не знает, переплывёт его или нет. Когда ноги скользили по блестящей корочке наста, ей казалось, что она идёт, не касаясь земли. Когда вдруг с хрустом ломался наст, ей чудилось, что она стремглав летит куда-то в пропасть... Она выкарабкивалась, отряхивала снег и смеялась вместе с девчонками.

Вот и верба! Какая она пушистая, как она расправила свои ветви, даже ломать её жалко!

Но Валентинке жалко, а Таиске не жалко — она уже целый пук наломала. И Варя с Алёнкой не жалко — они тоже ломали и кромсали тёмно-красные ветки. И Романку не жалко. Он стоит на тропинке и кричит, чтоб Таиска ломала больше — на его долю. Но не идти же Валентинке домой с пустыми руками! Она отломила одну пушистую ветку. Какая сочная и как остро пахнет, когда отломишь!

«Ещё зима, а она цветёт», — подумалось Валентинке. Но, оглянувшись кругом, она среди чёрных деревьев увидела кусты, увешанные красно-бурыми серёжками. Что такое? Кругом блестит снег, а кусты стоят и красуются, будто уже май наступил на улице. Красные серёжки над снегом! А вот и ещё чудеснее: низенькие кустики внизу оврага подёрнулись, словно

туманом, лёгкой зеленью. Ещё зима кругом, ещё спят ёлки и большие деревья стоят совсем голые и безмолвные.

Но что же волшебное случилось здесь? Может, сама Весна была этой ночью в перелеске и дотронулась до этих кустов?..

— Валентинка, ты что же? — крикнула Таиска. — Чего стоишь?

Валентинка встрепенулась. Девчонки с охалками вербы уже выбрались на тропинку. Валентинка пустилась в обратное путешествие через сугробы. Когда все собрались на тропинке, девочки удивились:

— Что же ты, Валентинка, лазила, а ничего не наломала?

— На вот, я тебе дам, — сказала Варя.

— Я сама дам, — вмешалась Таиска, — у меня хватит!

Вдруг откуда-то из-за кустов вылетел снежный комок и — бах! — прямо Таиске в спину.

— Ай! Кто это?

Послышался негромкий смех. Из-за кустов вылетело сразу несколько жёстких снежков — и кому в затылок, кому в грудь, кому прямо в лоб...

— Мальчишки! — крикнула Варя. — Вербу отнимут! Бежим!

Девочки пустились домой. Таиска самая первая, Валентинка самая последняя — очень большие и тяжёлые были у неё валенки. Даже Романок обогнал её.

— Догоняй, догоняй их! — кричали сзади мальчишки. — Верба хлёт, бьёт до слёз! Верба бела, бьёт за дело! Э-э!.. А-а!..

Мальчишек было только двое, но Валентинке показалось, что сзади налетает какая-то дикая орда.

Снежки так и летели через голову и то и дело больно стучали в спину. Видя, что Валентинка отстаёт, они сосредоточили весь свой снежный огонь на её синем капоре.

Девчонки всё дальше, даже Романок прыгает, как заяц, а Валентинка спотыкается, скользит, и ноги её отказываются бежать. Что ей делать? Как ей спастись?

И тогда она закричала пронзительно, изо всех сил:

— Таиска! Таиска!..

Таиска была уже на горе. Она остановилась и оглянулась. Мальчишки настигли Валентинку и, весело выкрикивая «вербу», с двух сторон забивали её снегом. Валентинка уже не пыталась бежать — она стояла согнувшись и закрыв руками лицо.

Таиска сунула свою вербу Романку в руки и, словно коршун с высоты, устремилась обратно вниз. Она с разбегу налетела на Андрюшку — он стоял ближе — и сцепилась с ним. Она сбила с него шапку и старалась схватить за волосы. Андрюшка дал ей тумака, а сам нагнул за шапкой. Таиска уловила момент и запустила руку в его вихры. Другой мальчишка, Колька

Сошкин, сначала растерялся, но потом снова схватился за снежки. Бой начался не на жизнь, а на смерть. Таиска царапалась и налетала на мальчишек, словно разъярённый петух.

— Беги! — кричала она Валентинке. — Беги! Я с ними... сейчас... расправ... расправлюсь!

Но Валентинка не побежала. Она неожиданно подскочила к Андрюшке и начала хлестать его своей вербой.

— Ой, ой! — закричал Андрюшка. — Ты ещё глаз выстегнешь! — и закрыл руками лицо.

Таиска схватила Валентинку за рукав:

— Пойдём! Хватит с них. Они теперь будут знать, какая верба хлёт!

Домой явились прямо к уборке. Валентинка всё ещё дрожала после боевой схватки. Только возле ягнят, возле жёлтого тёплого Огонька она успокоилась.

— Эх ты, лизун! — сказала она, поглаживая его нежную шею. — Стоишь тут и ничего не знаешь. А в овраге что делается!

Большой букет вербы красовался на столе в горнице. Тонкий аромат леса бродил по избе. Валентинка под села к деду:

— Дедушка, ты знаешь... Ты не поверишь, наверно, но это правда, я сама видела!

— Что видела?

— В овраге! Кругом снег, а на кустах зелёные листики. Мелкие-мелкие, но всё-таки листики! А на другом кусте, на большом, красные серёжки... Хочешь, пойдём, покажу?

Но дед и не думал не верить.

— Вот так чудо! — усмехнулся он. — Да это ольха зацвела. Она всегда так торопится. Это чтоб листья ей цвести не мешали. Она любит цвести на просторе, чтоб ей цветы ветерок обдувал. А те зелёные — так это ивняк. Деревце не гордое — солнышко греет, и ладно.

За ужином все увидели, что у Таиски заплывает глаз и веко почернело. Первая заметила Груша:

— Смотрите, глаз-то у Таиски!

— Вот так фонарь! — сказал дед. — Теперь нам и лампы не нужно, и так светло.

— Батюшки! — удивилась мать. — Это где же тебя угораздило? Стукнулась, что ли?

— Небось с мальчишками подралась, — сказала Груша.

Таиска молча уплетала щи, будто не о ней шла речь. Но последнее замечание её задело.

— А вот и да, — ответила она, — вот и подралась! И ещё подерусь!

— Таиска, — с упреком сказала мать, — ну неужто это хорошо — с мальчишками драться?

— А если они нашу Валентинку бьют? — крикнула Таиска. — Это хорошо, да?

— Они нашу Валентинку снегом! — сердито сказал Романок.

— Нашу Валентинку... — вполголоса повторила Груша, словно прислушиваясь к этим словам. — Нашу...

А дед потрепал Таиску по плечу:

— Так и надо. Если наших бьют, спускать не надо! Дерись!

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ. ЖАВОРОНКИ ИЗ ТЕСТА

Это был праздник. Но о таких праздниках Валентинке никто никогда даже и не рассказывал.

Ещё с вечера Таиска вертелась возле матери:

— Мамка, погляди-ка на численник...

— Поглядела. Двадцатое. Что же дальше?

— А дальше — завтра двадцать первое. Ты что же, забыла?

— А что такое двадцать первое? Война кончится, что ли?

— Да мамка же, не притворяйся! Ведь завтра жаворонки прилетят!

— Отстань! — с досадой ответила мать Таиске. — Нужны мне твои жаворонки! Прилетят, и ладно.

Таиска чуть не заплакала:

— Да ведь тесто ставить нужно!

Но мать ничего не ответила.

А поздно вечером она всё-таки взяла большую глиняную миску и тихонько замесила тесто.

На другой день Валентинка встала пораньше и вышла на крыльцо. Может, она увидит, как летят жаворонки.

Свежее лучезарное утро встретило её. Неистово чирикали воробьи под окнами. Кричали грачи. На изгороди сидела красивая чёрно-белая сорока и поглядывала на Валентинку то одним глазом, то другим. И по всей деревне из конца в конец без умолку голосили петухи.

На крыльцо вышел дед:

— Ты что рано выскочила?

— А я жаворонков гляжу. Таиска говорит, они прилетят сегодня.

Дед усмехнулся:

— Эка, хватились! Да уж я одного ещё на той неделе слышал!

Дед взял метлу, промёл канавку с водой, а потом подошёл к старой берёзе и стал прислушиваться к чему-то.

Валентинка подошла к нему:

— Дедушка, что ты слушаешь?

— Слушаю, как у берёзы сок пошёл. Слышишь? От корня вверх. Так и напирает. Слышишь?

Валентинка слушала, приложив ухо к прохладной атласистой коре. Где-то тихонько шумело, где-то журчало — может, это вода журчала в канавке, может, это ветерок шумел. Но Валентинка шепнула:

— Слышу!

Вдруг на крыльцо выскочила Таиска и закричала звонче, чем все деревенские петухи:

— Валентинка, иди жаворонков лепить! Ну скорей же ты, ну скорей же!

Валентинка побежала в избу. На кухонном столе пыжилось пухлое ржаное тесто. Ребятишки окружили стол. Даже ленивая Груша встала пораньше. Даже Романок проснулся, хотя завтрак ещё не был готов.

— Жаворонков лепить! — крикнул Романок.

— Каких жаворонков? — удивилась Валентинка. — Из чего лепить? Из теста?

— Не знает! — со вздохом сказала Груша. — Ничего не знает! Вот уж правду тётка Марья сказала...

— Много правды твоя тётка Марья наговорила! — прервала мать. — Людей надо слушать, когда они доброе говорят. А когда говорят злое — слушать тут нечего, не то что повторять. Чтоб ни про какую тётку Марью я больше не слышала!

— Бери тесто, — сказала Таиска, — лепи.

— А как?

— Да как хочешь! Вот, гляди, какого мамка слепила!

На большом противне лежал первый жаворонок. Правда, он очень мало был похож на птицу. Хвост у него завивался кренделем, вместо крыльев были две бараночки, вместо глаз торчали две сухие смородины, а клюва и вовсе не было. И всё-таки это был жаворонок.

Груша лепила старательно. Она хотела сделать точь-в-точь такого же. Раз мать сделала такого, значит, и всем надо делать таких.

Зато у Таиски жаворонок был необыкновенной красоты и нарядности. Хвост у него распускался веером, на голове, будто корона, поднимался высокий гребень. На крыльях, широко распластанных по столу, одно перо вниз — другое кверху, одно перо вниз — другое кверху... Такого жаворонка даже во сне увидеть нельзя!

Романок тоже что-то валял в муке, что-то комкал, раскатывал, расшлёпывал ладонью, а потом опять комкал...

Валентинка отрезала себе кусок теста:

— Значит, какого хочу?

Она сделала своему жаворонку хвост в три пера, каждое перо с завитушкой. А крылья сложила на спинке и концы подняла кверху. Жаворонок вышел не похожий ни на материн, ни на Таискин.

— Вот здорово! — сказала Таиска. — Давай придумывать, чтоб все разные-пре разные были.

Противень заполнялся. Удивительные птицы появлялись на нём — и маленькие и большие, и с длинными хвостами и с короткими, и с гребешками и без гребешков... Только Грушины все были похожи друг на друга: хвост крендельком и крылья баранками. Романок наконец тоже сделал жаворонка. Но мать не захотела сажать его на противень:

— Куда такого чёрного? Кто его есть будет? Не жаворонок, а валякушка! Нет ему места!

— Ну и не надо! — сказал Романок. — Я его и так съем, — и недолго думая тут же съел своего жаворонка.

Никто не уходил гулять. Так и похаживали у печки: как-то испекутся жаворонки, как-то они зарумянятся?

Тёплый приятный запах расплывался по избе. Это жаворонками пахнет, праздником, весной... Ну скоро ли они будут готовы?

Таиска приставала к матери:

— Мамка, ты не забыла?

— Отстань!

Но Таиска не унималась:

— Мамка... ну, может, я погляжу?

— Уйди, не суйся к печке!

— Ну, смотри! А то, может, ты забудешь...

Вкусный запах стал густым и жарким. Мать вытащила противень.

У, какие чудесные, какие зарумяненные птицы сидят на нём! Целая стая! Что, если они сейчас взмахнут своими необыкновенными крыльями да и полетят по всей избе?

Таиска прыгала и визжала от радости. Валентинка смеялась. Романок порывался схватить то одного жаворонка, то другого... Только Груша издали поглядывала на них.

Ну что там особенного? Этим маленьким всегда всё на свете интересно!

Мать каждому дала по жаворонку. Каждый выбрал, какого хотел.

И когда дед пришёл завтракать, ребяташки встретили его в три голоса:

— Дедушка, гляди-ка, гляди-ка, жаворонки прилетели!

Дед поглядел на жаворонков и покачал головой:

— Ух ты! Вот это птицы так птицы!

ЛЁД ПОШЕЛ.

РОМАНOK ЧУТЬ НЕ ПРЕВРАТИЛСЯ В МАГЕЛЛАНА

Валентинка проснулась среди ночи от какого-то далёкого, неясного шума. Она встревоженно прислушалась. Шумело ровно, широко, стремительно. Валентинка привстала. Может, разбудить мать? Может, это фронт нагрязнул? Может, идут по дорогам немецкие машины и шумят-шумят, а деревня спит и не слышит ничего?

Тёмная-тёмная ночь глядела в окна. По стёклам шуршал дождь, и что-то тихонько постукивало по наличнику.

Шум не затихал и не становился сильнее. Валентинка успокоилась. Нет, это не машины шумят. Так может ветер шуметь в густых вершинах, так, может быть, шумит море.

Валентинка улеглась, но долго не могла уснуть. Что происходит там, в сырой весенней темноте? Что-то таинственное, что-то чудесное и немножко жуткое...

Утром, проснувшись, она снова услышала тот же монотонный шум.

Таиска умывалась. Она, смеясь, брызнула на Валентинку водой:

— Вставай! Пойдём реку смотреть — лёд пошёл! Слышишь, как шумит?

— Это река шумит? Так, значит, это река шумит! Она ещё ночью шумела. А я подумала...

— Что подумала?

— Так, ничего.

...Все нечаевские ребяташки высыпали на реку. Маленькие стояли на горе, пригретой солнышком, а ребяташки постарше и посмелее подошли к самой воде. У, как бурлила вода, как она крутилась воронками! Льдины плыли по реке, сталкивались, натыкались на берега и снова мчались куда-то. Река прибывала, вздувалась, начинала выступать из берегов. Она казалась Валентинке огромной, сильной и опасной. Кто её знает: вот возьмёт да и выхлестнет сейчас на берег, затопит луг, рощу, а их всех утащит и понесёт вместе со льдом. Как она глубока, наверно! И какая холодная, страшная эта глубина!

Мальчишки стояли на берегу. Романок был с ними. Они стояли на самом краю и бросали палки на середину реки, чтобы посмотреть, как они крутятся в бурунчиках.

Вдруг мальчишки закричали. Край берега, на котором они стояли, отделился и медленно поплыл... Это был кусок льда, прибитый к земле. Ребята один за другим прыгали на берег. Только Романок, растерявшись, стоял и не знал, что ему делать. А полоска воды между ним и берегом потихоньку увеличивалась и увеличивалась.

— Прыгай! — кричали ребяташки. — Прыгай скорее!

— Прыгай, дурак! — взвизгнула Таиска.

Валентинка, увидев Романка на уплывающей льдине, такого маленького, жалкого и растерянного, забыла всё на свете. Она прыгнула в воду, сдёрнула Романка со льдины и вместе с ним выскочила обратно на берег.

Всё произошло очень быстро. Валентинка даже испугаться не успела. Но она увидела уплывающую льдину, которая уже неслась по течению, — ведь Романок сейчас стоял бы на ней! Она заглянула в тёмную воду, в которую только что прыгнула, — до чего страшная эта вода! И ей стало до того жутко, что слёзы подступили к горлу.

Таиска подлетела, отшлёпала Романка и отогнала его от реки, словно он не человек был, а какая-нибудь овца.

Потом подошла к Валентинке:

— Как же теперь домой-то идти? С тебя так и льёт. Полны валенки небось. А ну-ка, скинь!

Девочки помогли Валентинке снять валенки и вылили из них воду.

Валентинка дрожала.

— Пошли к бабушке Славиной! — сказала Варя. — Она добрая. Мы когда зимой в прорубь провалились, она всех нас сушила.

— И правда! — подхватила Таиска. — Пошли!

Бабушка Славина одиноко жила в своей маленькой избушке. Ни родных, ни близких у неё не было. Но когда соседи заходили к ней за какой-нибудь нуждой или ребятишки забегали со своим горем, она всегда была рада помочь, чем только могла.

Бабушка велела Валентинке снять валенки и намокшее платье, дала ей свою шубейку и затопила печку. А на стол поставила чугунок со сладкой пареной брюквой:

— Ешьте. Мёд, а не брюква.

Девчонки всё ещё переживали случившееся. Они уже не дичились Валентинки. И Валентинка больше не боялась их. Они не смеялись над её синим капором, не разглядывали, какие у неё чулки.

— А всё-таки у нас Валентинка смелая, — сказала Таиска. — Я ещё и опомниться даже не успела...

Алёнка поёжилась:

— Прямо в воду! Ух!.. А если б тут не мелко было? Если б тут яма была?

— Страшно! — прошептала Варя.

— Ну и что ж, что страшно! — ответила Валентинка. — А если б Романок ваш был? И ты тоже прыгнула бы. Мало ли что страшно! Конечно...

Она вдруг заплакала. Ей снова представилось, как бурная река уносит льдину и Романок стоит на этой льдине и смотрит на всех испуганными синими глазами. А льдину уже вертит, уже крутит в воде... Ой, что, если б это и в самом деле случилось?

— Ну, ведь не случилось же, ведь не случилось же! — повторяла Таиска. — Ведь не случилось же!

Но неожиданно всхлипнула и сама. И тут же рассердилась:

— Уж и надаю я этому Романку сегодня! Будет он у меня знать, как в реку соваться!

ОГОНЁК УВИДЕЛ СОЛНЦЕ

Серые стояли дни. Тяжёлый сырой туман висел над землёй. Ночи были непроглядны. Только ветер шумел и река бушевала вдали.

И вдруг ударило солнце. Засверкали Грушины спицы, воткнутые в клубок; словно серебряные, засветились ручки у комода; заблестела посуда на полке, и на большой глиняной миске отчётливо проглянули глянцевые синие цветы.

А на подоконниках, затопленных солнцем, свежо и сквозисто зеленели дедушкины сеянцы.

Валентинка была молчалива. Но ей казалось, что начался какой-то необъяснимый длительный праздник. Этот праздник не имел названия, но он был разлит в воздухе, глядел в окна. Она вышла на улицу — праздник был и здесь. Да ещё какой! Снег уже исчез — туман и чёрные ночи согнали его. Синие лужи, словно осколки зеркала, ослепительно сверкали под солнцем. Тонко звенел ручеёк, бегущий через двор. А возле избы на старой берёзе пел скворец. Как он пел! Он словно хотел рассыпаться сам в своих звонких трелях, он даже крылья распускал и весь трепетал от неизбежного счастья.

Дед на усадьбе подправлял изгородь. Он постукивал топором по тонким ольховым жердинкам, подгонял их, прилаживал к высоким кольям, перевязывал мягкой, как волокно, ивовой корой.

Но вот он остановился отчего-то, поднял бороду и глядит в небо. Валентинка сразу встревожилась. Что там? Самолёт? Немецкий?

Дед поманил её пальцем. Валентинка подошла. И — как хорошо! — вместо жёсткого, воющего гула немецких пропеллеров она услышала ещё одну птичью песню. Словно серебряные колокольчики звенели вверху. Словно серебряный дождик падал на землю. Высоко-высоко дрожала в небе маленькая птица.

— Дедушка, кто это? — спросила Валентинка. — Это соловей?

— Это не соловей, — ответил дед, — это самая наша крестьянская птичка. Всегда она с мужиком в поле. Мужик работает, а она над ним поёт, веселит его, радует. Это, Валентинка, жаворонок!

— Жаворонок?!

Тотчас вспомнились жаворонки, которых они лепили из теста. Какой же этот? Может, как Таискин — с широкими крыльями и гребешком на голове? Или такой, как был у неё, — с тремя перьями в хвосте? Какие у него перья: синие или красные?

Но нет! В толстой книге был нарисован жаворонок. Маленькая серая птичка с хохолком на голове. Такая же простая серая птица, как воробей.

Ну и пусть как воробей! Пусть совсем простая и совсем серенькая! Всё равно — это самая

лучшая птичка на свете!

Среди улицы, подёрнутой яркой зеленью, одна за другой собирались бабы-колхозницы. Сначала две встретились, заговорили и остановились. Потом из соседних дворов подошли. Все поглядывали на тёплое небо, на талый, украшенный лужицами выгон, советовались о чём-то...

— Вроде как пора... Уж вон возле палисадника и крапива выскочила.

— Да, думается, пора... Чего ж томить, пусть прогуляются... Ванька, беги за пастухом!

Вышла мать за калитку:

— Что, бабы, скотину, что ли, выгонять?

— Да вот стоим думаем.

— А чего ж думать? Тепло, хорошо... Да вот председатель идёт... Эй, Василий Никитич, подойди к нам на совет!

Председатель колхоза, крепкий загорелый старик, подошёл к женщинам, снял шапку, поклонился:

— О чём совет идёт?

— О скотине совет. Выгонять не пора ли?

— Ну что ж, хорошо, — ответил Василий Никитич. — Давайте выгонять.

А потом обернулся к Дарье, спросил приветливо:

— Ну как, Дарья, твоя новая дочка: приживается?

— Приживается, — ответила мать.

— Ну, вот и добро, вот и добро! Расти ребятишек, Дарья. А в чём нужда будет — приди скажи. Колхоз поможет.

Мать несколько раз кивнула ему головой:

— Спасибо, Василий Никитич! Спасибо на добром слове!

Решив выгонять скотину, женщины разошлись по дворам.

Таиска выскочила на улицу:

— Валентинка, пойдём посмотреть!

Пастух встал на краю деревни и хлопнул длинным кнутом. Словно выстрелил! Потом ещё раз и ещё...

По всей деревне начали открываться скрипучие ворота — впервые после того, как наглухо закрылись осенью. По всей деревне замычали коровы, заблеяли овцы... Вот-то гомон поднялся на улице!

Мать прежде всех выпустила корову Милку. Милка подняла голову, раздула ноздри и заревела,

как в трубу затрубила. Сонные глаза её заблестели, будто внутри больших чёрных зрачков зажглось по фонарику.

— Ну иди, иди! — сказала мать, слегка стегая её пучком вербы (такой уж обычай — выгонять скотину в первый день вербой). — Иди и другим давай дорогу!

Милка медленно вышла на улицу и опять затрубила. Соседские коровы отвечали ей.

Мать открыла овчарник — и овцы высыпали всей гурьбой. Ягнята жались к овце и кричали как заведённые, и овца отвечала им. Белогрудый увидел Валентинку, хотел было подбежать к ней, но овцы шархнулись в сторону, и он бросился за ними, поджав хвост.

Труднее всех было справиться с Огоньком. Он был в такой радости от солнца, от вольного воздуха, от необъятного простора, который вдруг открылся перед ним! Он рвался, бодался, подпрыгивал и бегал по двору того и гляди, расшибётся об изгородь или об стену. Мать пыталась его успокоить, уговорить. Валентинка тоже упрашивала:

— Ну тише ты, дуралей, ну тише! Ну что ты, сумасшедший, что ли?

Наконец они вдвоём с матерью вывели бычка на улицу. Дорогой он раза два лизнул Валентинку и успел уже намусолить край материного фартука. Но как только он увидел перед собой широкую улицу, так опять вырвался, макнул, бакнул, задрал хвост, разбежался и влетел прямо в пруд. Холодная вода заставила его опомниться. Он выскочил из пруда, покрутил головой. Но тут же, увидев других телят, помчался за ними.

— Вот чучело! — волнуясь, повторяла Валентинка. — Ну, смотрите, все свои белые чулки испачкал!

Скотина медленно проходила по улице. Хозяйки провожали своих коров и овец. Коровы останавливались и пробовали бодаться — надо было разгонять их. Овцы бросались то в один пргон, то в другой — надо было направлять их по дороге.

Открыли двор колхозной фермы. Породистые ярославские тёлочки, белые с чёрным, одна за другой выходили из стойла.

Таиска дёрнула Валентинку:

— Пойдём поближе, посмотрим!

— А забодают?

— Да не забодают — мы сзади.

Девочки вышли на середину улицы и тихонько пошли за стадом. Свежий ветерок, прилетевший из леса, веял в лицо. Глубокая тишина, полная затаённой радости, лежала на полях. Неподвижный, сквозной под солнцем, стоял лес. Он словно примолк, он словно прислушивался к чему-то. Что творилось там? Что происходило в его таинственной глубине?

Вдруг сзади, совсем близко, раздался негромкий, но грозный и протяжный рёв.

— Бык! — вскрикнула Таиска и бросилась к дому.

Валентинка оглянулась. Из ворот фермы вышел большой светло-рыжий бык. Он шёл, опустив лобастую голову, и ревел. Острые прямые рога торчали в стороны. Он прошёл несколько

шагов, нагнулся и начал рыть рогом землю. Валентинка растерялась. Она стояла на месте и не могла отвести глаза от быка.

— Убегай! — кричала ей Таиска.

Валентинка увидела, как ребяташки бросились врассыпную. Вон и Романок, словно вспугнутый гусёнок, улепётывает к соседям на крыльцо.

Тогда и Валентинка наконец встrepенулась. Она побежала, а бык будто только этого и ждал. Он рывкнул, закрутил головой и двинулся вслед за ней.

Бык пробежал шагов пять и снова остановился. А Валентинка мчалась, охваченная ужасом. Она уже видела, как бык нагоняет её, она слышала прямо за собой его хриплый рёв, чувствовала его огромные рога... И Валентинка закричала, закричала отчаянно:

— Мама! Ма-ма!..

Она не знала, какую маму она звала на помощь. Может быть, ту, которая умерла. Но из-за коровьих спин выскочила худенькая светло-русая женщина, бросилась ей навстречу, протянула к ней руки:

— Я здесь, дочка! Ко мне, сюда!

Валентинка с размаху обхватила её за шею и крепко прижалась к ней. Опасность миновала. Как бы ни был страшен бык, разве он посмеет подойти к матери?

— Пусть подойдёт! — сказала мать. — А вот палка-то на что?

Стадо уходило за околицу. Самым последним прошёл бык. Он всё ещё ревел, нюхал землю и вертел головой — видно, крепкие весенние запахи дурманили его.

У матери в синих глазах светилась гордая радость. Её сегодня наконец-то назвали мамой! Разве тётка Марья или бабка Устинья не слышали, как чужая темноволосая девочка сегодня кричала ей на всю улицу: «Мама! Мама!..»

Валентинка знала, чему радуется мать. Только её ли она назвала мамой? Может, нет?

Может, и нет. Но всё равно, трудное слово сказано. А раз уж оно сказано, повторить его будет гораздо легче.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Всё дальше отходил фронт. С тяжёлыми боями выбивала Красная Армия врагов со своей родной земли. По-прежнему каждый день колхозники поджидали почтальона. Нет ли письма из армии? Что в газетах: гонят ли немца, или опять упёрся?

Мать стала частенько задумываться. Нет и нет письма с фронта... Она сама стала выходить за ворота встречать почтальона. Но уже издали видела, что почтальон идёт по деревне и не собирается свернуть к их дому. И, понутив голову, тихонько возвращалась домой.

Молчаливая печаль незаметно поселилась в доме. Никто о ней не говорил, но все чувствовали её, знали о ней. Все, кроме Романка, который ни минуты не сомневался, что всё на свете очень хорошо и ничего плохого вообще не бывает.

Но вот однажды дед пришёл обедать в каком-то необычайном настроении. Во-первых, он весело хмыкал и побрякивал, во-вторых, был что-то очень разговорчив.

— Ну, как дела, пострелята? Как дела, мать? Какая у тебя похлёбка нынче?.. С грибами? Хорошо, лучше некуда!

И, садясь за стол, даже забурчал что-то похожее на песню.

Мать поглядела на него с улыбкой:

— Отец, да что с тобой сегодня? По займу, что ли, выиграл?

Дед хмыкнул:

— По займу? Подумаешь, по займу! Не по займу, а кое-что побольше...

— Так чего же побольше? Медаль, что ли, получил?

— Медаль не медаль, а кое-что получил!

И вдруг не выдержал, достал из кармана голубой конверт:

— Вон оно!

— Письмо! — вскрикнула мать.

— Письмо! — закричали ребятишки.

Груша, которая только что вошла в избу, увидев письмо, поспешно бросила свою сумку.

Мать хотела доставать из печки похлёбку, но забыла про неё и отставила ухват:

— Ну что это ты, отец! Читай же скорее!

Дед бережно вынул письмо из конверта и надел очки. Ребятишки окружили его. Только Валентинка не подошла, осталась там, где стояла.

Дед читал письмо с фронта. Отец писал, что он жив и здоров, что бьют они фашистов из тяжёлых орудий, а фашисты, как крысы, забились под дома, в подвалы, и нелегко выбивать их оттуда, проклятых.

Описывал отец, как был он в большом бою и как выгнали они врагов из нескольких населённых пунктов.

А потом отец спрашивал, всё ли благополучно в доме, здоровы ли ребятишки, как учится Груша...

Груша подняла голову и гордо поглядела на Таиску и Романка. Вот как: отец про неё отдельно спрашивает!

— «...Как Таиска, шибко ли озорует?»

Таиска даже подпрыгнула. И про неё отец тоже отдельно спрашивает!

— «...Как наш Романок, наш будущий боец? Подрастает он или всё ещё такой же карапуз, из-

под стола не видать?»

— И про меня! — крикнул Романок. — И про меня тоже!

Мать, не спуская глаз, глядела на деда и, казалось, ждала ещё чего-то в письме, очень важного, очень нужного...

— «Дорогая моя жена Даша, — читал дальше дед, — ты писала мне, что взяла в дом сиротку Валентинку...»

Вот оно! Все сразу оглянулись на Валентинку. Валентинка насторожилась, а у матери на щеках вспыхнули красные пятна.

— «...Должен тебе сказать, — читал дед, — что ты, Даша, у меня умница и хороший человек. Не слушай, что говорят некоторые люди. Пускай сиротка найдёт в нашем доме свой родной дом, пускай она в нашей семье найдёт свою родную семью. Прикажи ребятишкам, чтоб они её не обижали. Пусть живёт и растёт на здоровье!»

Мать только теперь перевела дух.

— Вот и хорошо! — прошептала она.

А Романок подбежал к Валентинке и весело дёрнул её за платье:

— Слышала? И про тебя тоже!

— Слышала! — ответила Валентинка и, покраснев, так же гордо, как Груша и Таиска, поглядела на всех.

А Груша неожиданно сказала:

— Мамка, может, надо и Валентинке чулки связать?

ПОДСНЕЖНИКИ

А весна развёртывалась всё богаче, всё краше.

Неожиданно расцвела старая берёза. Наступило утро, и Валентинка увидела её, всю увешанную тёмно-красными серёжками, всю обрызганную золотистой пылью.

Таинственный, заманчивый, темнел за усадьбами лес. Снизу уже что-то зеленело — трава, кусты... Вот если бы можно было пойти заглянуть в эту неведомую лесную страну! Только можно ли это?

Как раз деду понадобилась оглобля. Он взял топор и сказал:

— Ну-ка, девчонки, кому в лес за сморчками надо?

Романок побежал за корзинкой. Таиска проворно сняла полусапожки, бросила их на завалинку и зашлёпала босиком по лужам:

— Пойдёмте! Дедушка места знает, покажет.

— Дедушка, я тоже пойду? — спросила Валентинка. — Мне тоже можно?

— А почему же нельзя? — удивился дед.

— А босиком тоже можно?

— Ну, это дело твоё. Не боишься ногу напороть — иди босиком.

— Тогда подождите, не уходите! Я сейчас!

Валентинка вбежала в избу. Никого не было: Груша в школе, мать на работе. Она поспешно сняла свои худые ботики и башмаки и сунула под приступку.

Пробегая мимо лежанки, она нечаянно зацепила ремешок жёлтой сумочки, лежавшей на подушке. Сумочка упала, и заветные картинки выскользнули на пол, развернувшись веером.

Вот избушка под снегом, вот караван в пустыне, вот корабль Магеллана, плывущий в неведомые страны...

Валентинка схватила их и как попало засунула в сумочку. Пусть куда хочет плывёт Магеллан! Валентинка идёт в лес, в настоящий дикий лес! Она босиком побежит по лужам и по свежей траве, и они пойдут через поле, и, может быть, она отыщет настоящий, живой гриб! Пускай Магеллан плывёт куда хочет! Дорожка бежала полем. Колхозницы пахали землю. Валентинка видела в книжках, как пахут, но там всегда были нарисованы мужчины... Ну что ж нынче война. Мужчины ушли воевать, а женщины взялись за плуг.

А кто это там пашет на рыженькой лошадке? Кто эта женщина, такая слабая на вид, но такая ловкая и умелая? Она не дёргает беспрестанно вожжами, не кричит без толку на лошадь, но лошадь у неё идёт ровно, и плуг под рукой этой женщины не виляет в стороны, а ведёт прямую, глубокую борозду... Кто эта женщина в такой знакомой голубой кофточке, выцветшей на плечах?

И Валентинка узнала:

— Смотрите, смотрите, вот наша мама пашет!

Нежной прохладой, влажными запахами, звонкими птичьими разговорами встретил их лес.

Деревья были ещё голые, но на кустах уже развернулись почки.

А внизу, приподняв почерневшую прошлогоднюю листву, пышно и весело красовались цветы. Они заполнили все лесные прогалины: лиловые, красные, розовые среди тёмных мохнатых листьев.

— Дедушка, что это? — удивилась Валентинка. — Смотри, на одной веточке разные цветы?

— Это медуница, — ответил дед. — А что разные цветы, так что же: те, что лиловые, постарше, а те, что розовые, помоложе...

Немного дальше, в тени широких ёлок, ещё лежали пласты снега. Но цветы росли и возле самого снега, и даже сквозь снег пробивались нежные зелёные ростки.

Таиска и Романок пошли вдоль опушки на вырубку — там, возле пней, весной рождаются сладкие грибы сморчки. Но Валентинка осталась возле деда.

А дед рассказывал. Лесные цветы — это первые весенние цветы. Другие только ещё в семенах

просыпаются, а у этих под чёрной листвой уже и почки и бутоны готовы. Чуть снег посторонился — они и выскочили!

Дед показал Валентинке ветреницу — лёгкий белый цветок, задумчиво глядевший из полумрака чащи. Раскопал слой листвы, и она увидела закрученные спиралью бледные ростки папоротника. Отыскал для неё странное растение — Петров крест. Почти целый год живёт оно под землёй и только ранней весной, когда ещё светло в лесу, выкидывает из-под земли толстый чешуйчатый стебель и начинает цвести, а потом снова убирается под землю. Правда, эти чешуйки вовсе не похожи на цветы. Ну что же? Каждый цветёт как умеет.

Всё удивляло Валентинку, всё приманивало её: и лимонная бабочка, прилетевшая на медуницу, и красные шишечки, чуть наклюнувшиеся на концах еловых лап, и лесной ручеёк в овражке, и птицы, перелетающие с вершины на вершину...

Дед выбрал деревце для оглобли и начал рубить. Звонко аукались Романок и Таиска, они уже шли обратно. Валентинка вспомнила о грибах. Что же, она так и не найдёт ни одного? Валентинка хотела бежать навстречу Таиске. Недалеко от опушки на краю оврага, она увидела что-то голубое. Она подошла ближе. Среди лёгкой зелени обильно цвели яркие цветы, голубые, как весеннее небо, и такие же чистые, как оно. Они словно светились и сияли в сумраке леса. Валентинка стояла над ними, полная восхищения.

— Подснежники!

Настоящие, живые! И их можно рвать. Ведь их никто не сажал и не сеял. Можно нарвать сколько хочешь, хоть целую охапку, целый сноп, хоть все до одного собрать и унести домой!

Но... оборвёт Валентинка всю голубизну, и станет прогалинка пустой, измятой и тёмной. Нет, пусть цветут! Они здесь, в лесу, гораздо красивее. Только немножко, небольшой букетик она возьмёт отсюда. Это будет совсем незаметно!

Когда они вернулись из лесу, мать была уже дома. Она только что умылась, полотенце ещё висело у неё на руке.

— Мамушка! — ещё издали закричала Таиска. — Мамушка, ты гляди, каких мы сморчков набрали!

— Мамка, давай обедать! — вторил Романок.

А Валентинка подошла и протянула ей горсточку свежих голубых цветов, ещё блестящих, ещё пахнущих лесом:

— Это я тебе принесла... мама!

САД ПОД ОБЛАКАМИ

НАДО И НЕЛЬЗЯ

— Алимджан! Куда полез?

Ну вот, уж и увидела. У старшей сестры Лали глаза как полевой бинокль — всё видит.

— Одну кисточку, — сказал Алимджан, — маленькую.

— Придёт отец, подставит лестницу и достанет тебе виноград. А на лозу лазать нельзя!

Алимджан посмотрел на виноградные кисти, которые висели над головой, прозрачные, сладкие... Жди, когда отец придёт... А теперь вот птица села на лозу!

Алимджан схватил рогатку, нашёл подходящий камушек и только натянул резинку, как Лали опять закричала:

— Что ты делаешь, эй, Алимджан! Брось рогатку, нельзя птиц убивать!

— А если она виноград клюёт?

— Хватит винограду и ей, и тебе. Неужели из-за двух ягод птицу убить?

— Опять нельзя.

— Конечно, нельзя. Ты вот лучше пойдёшь вымой руки. Да садись завтракать.

Сестра поставила тарелку шавли — жидкой каши. Но Алимджан увидел, что на столе, в блюде, лежат лепёшки. Он схватил лепёшку и убежал во двор. Он не любил шавли.

— Алимджан! Куда побежал?

Лали вышла, посмотрела туда, сюда. Но Алимджана и след простыл. Лали покачала головой, и все её пятнадцать чёрных косичек рассыпались по спине. В кишлаке уже многие девочки начали подстригать волосы. У кого до плеч, у кого совсем короткие. Но Лали нравилось ходить с косами. А узбечки не одну косу заплетают, а множество косичек. И косички эти покрывают всю спину, как чёрная блестящая шаль.

Лали покачала головой.

— Вот негодник! Убежал. Наверно, к Юсуфу.

Юсуф — это товарищ Алимджана. Он живёт совсем недалеко, только перейти через дорогу. Алимджан ел лепёшку и не спеша шагал к Юсуфу. Посреди дороги, где очень мягкая пыль, он повозил ногами, и пыль сразу поднялась, как облако.

«Сейчас увидела бы Лали, — подумал Алимджан, — так сразу закричала бы: «Эй, Алимджан, что ты делаешь! Нельзя!»

Вдруг прямо над головой загудела машина. Алимджан подскочил и бросился бежать.

— Эй ты, малый! — закричал шофёр. — Если ещё раз такую бурю поднимешь, плохо тебе будет!

Машина была огромная, она везла хлопок с поля, целую гору хлопка. Вот и отец сейчас на такой же машине возит хлопок. Взял бы прокатиться — да нет. Тоже нельзя.

Алимджан открыл калитку во двор к Юсуфу. Юсуф сидел на ступеньке айвана; айван — это длинная открытая терраса. Юсуф держал на коленях кастрюлю и прямо из кастрюли доставал и ел пареную тыкву.

— Садись ешь, — сказал он.

Алимджан сел рядом, достал из кастрюли кусок жёлтой сладкой тыквы, которая так и липла к

рукам.

— Тебе хорошо, — сказал Алимджан. — Как хочешь, так и живёшь. А мне!..

— А тебе что? — спросил Юсуф. — И тебе хорошо. Вот ишаку плохо, на нём мешки возят, дрова возят и мало ли чего. А тебе что?

— А меня мучат всё время, вот что, — ответил Алимджан. — Что хочешь делать — нельзя. Чего не хочешь — надо. Только и знают: «Надо!», «Нельзя!».

Из дома выглянула бабушка Юсуфа. На голове у неё был жёлтый платок, а из-под платка тянулись две косы.

— Юсуф-джан, надо подмести двор, — сказала она. — А что это ты изо всей кастрюли ешь? Так нельзя, Юсуф. Положи себе в миску и кушай на здоровье.

— Эх, — сказал Алимджан, — у тебя тоже: это надо, это нельзя!

И пошёл домой.

СОН В ПОЛДЕНЬ

Солнце поднялось на середину неба. И стало палить. Не так сильно, как летом, но всё-таки горячо. Алимджан стал переходить дорогу и не удержался, опять так напылил, что и сам еле проскочил сквозь эту пыль. И тут он увидел, что мама стоит у калитки и качает головой.

— Ай, сынок! Смотри, что ты наделал, целый ураган поднял. Теперь ветер эту пыль по всем дворам понесёт. Скажут тебе люди «спасибо»? Нет, не скажут. Так нельзя, сынок.

— Опять «нельзя», — проворчал Алимджан. — Тьфу на это «нельзя»! Пусть оно провалится!

Вскоре приехал отец на своей большой машине. Лали накрыла стол к обеду.

После обеда, в самый жаркий час, можно было отдохнуть. Отец улёгся в холодке под чинарой. Лали убежала к подругам. А мама расстелила одеяло на айване и легла. Алимджан тоже прикорнул около неё.

Маме хочется уснуть, но Алимджан ей не даёт:

— Мама, почему ты глаза закрываешь? Ведь ещё день, а не ночь.

— Я устала, сынок. Глаза у меня сами закрываются.

— А почему ты устала?

— Потому что работала. Хлопок собирала.

— А ты бы не собирала.

— Но как же, Алимджан? Хлопок поспел, коробочки открылись. Каждый кустик кричит: бери скорей, бери скорей! Это твоё богатство!

Тут у мамы закрылись глаза, и она заснула. Но Алимджан не дал ей спать, разбудил:

— Мама, а на что вам богатство?

— Ох, сынок! Тебе рубашка нужна? Нужна. И другим нужна. Всем людям. Ты ведь знаешь, что из хлопка ситец делают...

— Другим нужна! Пусть другие сами себе на рубашку хлопок собирают!

— Какой же ты глупый у меня, сынок! У других своя работа. Каждый свою работу делает, и бросать её нельзя... Кто дом строит, кто поезда водит, кто коров доит... — ответила мама.

И опять уснула.

Алимджан больше не будил маму. Он лежал и думал:

«Да, мама правду сказала. Если доярки пойдут хлопок собирать, то кто же будет коров доить? А если машинисты пойдут, то и поезда остановятся...»

Он лежал и думал. И глядел на горы. Горы поднимались, как зубчатая стена, жёлтые горы, каменные... Никакой травы нет, никаких кустиков. Только далеко на вершине, под самыми облаками, стоят деревья. Они, будто взявшись за руки, стоят рядом на самом гребне горы.

Во дворе было тихо, только отец похрапывал под чинарой.

«А почему там деревья? — думал Алимджан. — Как они туда забрались? Горы — один камень. А там — деревья. Может, сходить поглядеть? Да, как же, пойдёшь. Сейчас все закричат: «Куда пошёл? Нельзя!»

«Я здесь», — прозвучал чей-то негромкий голос.

Алимджан сразу поднялся. Под виноградной лозой сидел какой-то длинный человек. Глаза чёрные, брови строгие, и губы строгие.

«Кто?» — спросил Алимджан.

«Как кто? Ты же позвал меня. Сказал: «Нельзя!» Вот я и здесь. Я и есть Нельзя».

«Ой-бой! — удивился Алимджан. — Ты Нельзя? А где же Надо?»

«И я здесь», — отозвался ещё один голос.

Около Нельзя появился другой человек, коротенький, толстый.

«Да, да, — сказал он со вздохом, — это и есть я — Надо. Что поделывать!»

«А зачем вы сюда пришли?» — спросил Алимджан.

«Но мы тут живём», — ответил Нельзя.

«Мы тут живём, — повторил Надо. — Мы тут живём на радость хозяевам».

«Ох ты! На радость? Не на радость, а на одно мученье. Хоть бы вы совсем пропали!»

«Если мы пропадём, и ты пропадёшь!» — строго сказал Нельзя.

«Да, да, Алимджан, — со вздохом сказал Надо, — и ты пропадёшь. Ты ведь знаешь Алибека?»

«Знаю. Его один раз из школы выгнали».

«А почему выгнали?»

«Уроков не хотел делать. И хулиганил ещё. Стёкла в школе бил. Говорит: захочу и разобью! И разбил».

«Вот. А почему он такой? Потому что нас в этом доме не было».

«Если мы пропадём... — Нельзя так взглянул на Алимджана, что тот поёжился. — Если мы пропадём, и ты будешь, как Алибек».

«Не буду я, как Алибек!» — закричал Алимджан.

— Сынок, сынок, ты что кричишь? Или сон страшный приснился?

Алимджан открыл глаза. Мама уже встала. Она покрылась белым платком, чтобы идти в поле. Она стояла над Алимджаном, смотрела на него своими блестящими чёрными глазами и смеялась.

— Кого же ты испугался, верблюжонок мой?

Алимджан вскочил и побежал к виноградным лозам. Тяжёлые виноградные гроздья висели над головой. На скамейке под лозой никого не было.

«Но они же тут сидели, — подумал Алимджан, — я же их видел. Они сами сказали, что живут у нас...»

И не мог решить — хорошо это или плохо? С одной стороны — плохо: никакой свободы. А с другой — стать, как Алибек, тоже не хочется.

АЛИБЕК

Что за утро сегодня! Такое красивое, такое ясное сегодня утро! Солнечный свет заполняет двор, дрожит золотыми точками на виноградных гроздьях. Пробирается сквозь густые ветки арчи и, словно мёд, лётся с вырезных листьев чинары... Светло и тихо, только разговаривают за проволочной сеткой куры, задумчиво воркует горлица на крыше, да журчит в арыке вода.

Во дворе тихо, потому что все ушли на работу. В поле ушли. Когда хлопок поспевает, так за него берутся всем миром. Даже школьники приходят помогать. Пока хорошая погода, пока коробочки не отсырели, пока хлопок белый да пышный.

Вот и пошли всем колхозом в поле собирать хлопок. Мама ушла. Отец еще на заре погнал машину. И «Пали ушла. Она надела фиолетовую тюбетейку, закрутила свои косички вокруг тюбетейки, чтобы не мешали, и пошла вместе с подругами. Даже и не оглянулась на Алимджана.

Ладно. Когда он вырастет и будет водить машину, как отец, он сядет за руль и уедет. И даже не оглянется на Лали.

Но зато мама обняла Алимджана, пригладила его густые чёрные волосы и сказала:

— Будь умным, мой верблюжоночек! Не убегай далеко от дома. Обещаешь?

— Ладно. Обещаю.

— Покорми кур. Подмети двор. Возьми веник, который полегче, и подмети. А я побегу скорее, хлопок ждёт!

И мама поспешила со двора. Она шла быстрыми шагами, а её чёрные косы так и танцевали у неё на спине.

Вот тогда и наступила эта светлая тишина с куриным разговором и воркованьем горлинки.

Алимджан накормил кур. Потом взял большой веник и стал подметать двор. Взмахнул раза два веником, и сразу жёлтая пыль взвилась над головой.

— Тьфу ты! В рот набилась...

Алимджан взял старый медный чайник, зачерпнул в арыке воды и принялся поливать двор. Пыль сразу присмирела, будто её и не было.

— То-то же, — сказал Алимджан. — У меня не разгуляешься!

Алимджан подмёл двор. Посмотрел вокруг — хорошо, чисто, хоть масло лей да подлизывай. Улицу около дома тоже надо подмести, так полагается.

А на улице у каждого двора уже пылили веники. Хоть и брызгали водой, но земля была такая сухая, что пыль поднималась и сквозь воду. Алимджан снова зачерпнул из арыка воды в свой медный чайник, побрызгал вокруг и взялся за веник. В это время его окликнул Алибек:

— Эй, Алимджан, охота тебе пыль глотать?

Алибек сидел верхом на глиняной стене и держался за ветку дерева. Это абрикосовое дерево росло у него во дворе. Оно стояло всё увешанное жёлтыми абрикосами. Алибек доставал абрикос за абрикосом и ел. Алимджан поглядел на Алибека: хоть бы бросил ему один-два абрикосика! Но просить не стал.

— Чего это ты взялся за веник? — опять спросил Алибек.

— Надо, вот и взялся, — ответил Алимджан.

— А вот мне не надо, — сказал Алибек.

Алимджан подумал: почему это ему надо, а вот Алибеку не надо?

— Зато у вашей калитки будет сор, — сказал Алимджан.

— А мне какое дело! — ответил Алибек. — Пускай будет сор.

— У вас бабушка подметёт.

— Ничего не бабушка. Она в поле ушла. А придут с работы, кто-нибудь подметёт. Мама, бабушка, сёстры...

— Да ведь они устанут на хлопке!

— Ну, пусть и не подметаю, я ведь не заставляю. И на хлопок я их не посылал, пускай бы дома

сидели.

Тут Алибек потянулся за самым крупным абрикосом, но промахнулся и свалился со стены прямо на улицу, к Алимджану.

— Эх, — сказал он с досадой, — за сук зацепился, штаны разодрал! Ну ладно, Алимджан, пошли купаться на канал!

Алимджан покачал головой.

— Нельзя. Мама не велит на канал ходить.

— Подумаешь — нельзя, нельзя! Тебе всё нельзя!

В это время среди улицы взвилась пыль клубами. Это Юсуф переходил дорогу.

— Алимджан! — кричал он. — Пошли купаться!

Вот они сошлись все трое — Алимджан, Юсуф и Алибек.

— Ну что, идёте на канал или не идёте? — сказал Алибек.

Алимджан не знал, что делать. Ему очень хотелось пойти на канал, там воды много, вода чистая. Но канал далеко, и мама не велит туда ходить, говорит, там нельзя купаться, там водовороты есть... Но вот ребята пойдут, а ему нельзя. Опять этот Нельзя!

— Я не иду, — сказал Алимджан. — Я маме обещал не ходить.

А Юсуф не знал, что делать. И на канал хочется. И боязно: далеко идти.

— Если пустят... — проямлил он.

— Пустят, не пустят... — сердито сказал Алибек. — А я вот и спрашиваться ни у кого не буду. Пойду, и всё.

И он зашагал по дороге в своих рваных штанах. Юсуф метнулся за ним. И тут же вернулся к Алимджану. Но представил себе светлую прохладную воду широкого канала и бросился догонять Алибека.

Алимджан стоял со своим веником и смотрел им вслед. Ему было очень грустно, даже слёзы выступили. Он вернулся во двор и забросил веник в угол. И пошёл есть рисовую кашу, которую мама сварила рано утром. Вкусная была каша, с урюком и с изюмом.

БЕЛОЕ ЗОЛОТО

Сидеть дома одному, конечно, неинтересно. Алимджан запер калитку на щеколду и пошёл в Дом пионеров. Он ещё не пионер, но там и маленьких пускают.

В Доме пионеров старших ребят не было, они все ушли собирать хлопок. А младшие школьники были на занятиях. Только маленькие ребяташки, такие, как Алимджан, работали в саду. Они вместе с учительницей сгребали граблями жёлтые листья, убирали сад.

Алимджан тоже взял грабли. Сухие листья шуршали под граблями, весь сад шуршал. И так это интересно было, будто свёртывалось жёлтое одеяло, а под ним оказывалось другое, зелёное.

Там после скошенной начала расти новая трава.

Потом ребята кормили птиц в живом уголке. Алимджан кормил кекликов. Он их очень любил. Кеклики клевали корм и поглядывали на Алимджана. А когда наелись досыта, то стали петь. Такие милые птицы!

— А теперь, дети, бегите домой обедать, — сказала учительница, — уже пора!

Алимджан и не заметил, как время прошло. Он побежал домой. И как вошёл во двор, так услышал, что за глиняной стеной у соседей кто-то громко плачет.

— Ой, бедный мой, ой, жеребёночек ты мой!

«Это Алибекова бабушка плачет, — догадался Алимджан. — А почему?»

Как только Алимджан вошёл во двор, Лали закричала:

— Вот он! Тоже где-то бегал!

— Ты где был? — строго спросил отец.

— В Доме пионеров был, — ответил Алимджан. — Мне мама не велела далеко ходить. А ведь Дом пионеров близко.

— Ты меня послушался, Алимджан, и хорошо, — ласково сказала мама. — А вот Алибек всё-таки побежал на канал.

— А почему его бабушка плачет?

— Потому что Алибеку от отца досталось. А бабушке его жалко, вот и плачет. Ох, от этого Алибека родным одно горе!

Алимджан задумался. Он вспомнил, как обидно ему было утром: товарищи на канал пошли, а он как телёнок, на верёвке привязанный. Думал — пойду завтра. Но теперь, пожалуй, и завтра не пойдёт. Хорошо, что ли, если от тебя родным — одно горе?

Алимджан вздохнул и направился к столу. Но Лали сразу подстерегла:

— А руки?

Алимджан потёр ладони о штаны и показал руки маме.

— Смотри, совсем чистые!

— Нет, сынок, — сказала мама, — всё равно мыть надо. Обязательно, как садишься есть, руки мыть надо.

Алимджан пошёл к крану. А кран стоял среди двора. Алимджан вымыл руки, потом зажал струю, вода поднялась вверх и рассыпалась кругом радугой. И всем досталось дождика: и отцу, и маме, и Лали. Все сразу закричали:

— Эй! Что делаешь? Ни шагу без баловства!

После обеда Алимджан сказал маме:

— Мама, а вы опять в поле уйдёте?

— Опять уйду, сынок.

— А не ходите сегодня. Каждый день всё хлопок да хлопок.

— Не пошла бы, да надо.

— «Надо, надо»! Слово-то какое-то надоедное!

Мама засмеялась.

— Нет, слово очень хорошее. Оно большие дела делает. Без этого слова, пожалуй, и вся жизнь остановилась бы.

Алимджан вышел на улицу, где отец наливал воды в радиатор своей машины.

— Папа, ну хоть раз возьмите меня с собой на машине!

— Эх, Алимджан, — сказал отец, — ты же ещё маленький, а поездки у меня дальние. Устанешь, беда мне будет с тобою!

Тут Алимджан не выдержал — заревел. Да так громко, что Лали выскочила на улицу.

— Ревёт, как ишак, — сказала она, — людей пугает!

Маме стало жалко Алимджана.

— Ладно, сынок, пойдём с нами хлопок собирать, глядишь, килограмма два наберёшь.

— Десять наберу! — крикнул Алимджан. — Давай фартук!

Но фартуки, в которые собирают хлопок, очень большие. Поэтому мама вместо фартука подвязала ему свой старый зелёный платок.

— Вот сюда, в платок, и будешь класть хлопок!

Только вышли за калитку — появился Юсуф.

— Алимджан, ты куда?

— Хлопок собирать, — ответил Алимджан.

И даже не взглянул на Юсуфа — так он важничал.

— И я с тобой, Алимджан!

— Иди, иди, Юсуф, — сказала мама, — хлопка всем хватит.

Хлопковая плантация раскинулась по всей долине. Коричневые кустики стояли тесно друг к другу. И на всех кустиках, будто искорки, белели комочки хлопка. Среди хлопковых кустиков, как цветы, цвели яркие платья, красные, оранжевые, жёлтые — собирать хлопок пришли всем колхозом. Мама тоже была нарядная: в розовом платье и в зелёной безрукавке. А у Лали платье было малиновое и лиловая тюбетейка.

Алимджан и Юсуф клали хлопок в платок. Но дело у них плохо двигалось. Хлопковые коробочки на кустиках маленькие, а в коробочке комочек белого хлопка ещё меньше. Да и не скоро эти белые комочки соберёшь с куста, ветки цепляются, мешают. У мамы руки проворные, раз-раз — и кустик стоит пустой. И Лали от неё не отстаёт. А вот Алимджан торопится, сердится, а всё догнать их не может. Руки у него очень скоро устали. Собираешь, собираешь, а в зелёном платке всё никакой тяжести. И одного килограмма не соберёшь никак, а он хотел десять!

Юсуф на восьмом кустике остановился. Он положил в платок последнюю горсть белого пуха и сказал:

— Домой пойду.

И пошёл с плантации.

Но Алимджан терпел. Солнце припекало голову, руки стали совсем вялыми. А тяжести в платке всё не прибавлялось. Мама посмотрела на него и сказала:

— Иди и ты, сынок. Спасибо за подмогу.

Алимджан обрадовался. Но виду не показал.

— Я ещё мало набрал. Я ещё могу.

— Ничего, на твою долю хватит. Вот будем сдавать хлопок стране, ты скажешь: «Моё белое золото тоже здесь есть!» А теперь иди.

Ну что ж, после такого разговора можно и уйти. И ноги Алимджана сами собой помчали его с плантации.

День в кишлаке катится, как камушек с горы. Не увидишь, как и прокатится. Вот уж и солнце село. И люди с плантации идут. И ночь подступила.

Когда легли спать, взошла большая жёлтая луна. Алимджан, прижавшись к маминой руке, смотрел на луну.

— Мама, — спросил он, — а как это люди могли туда залететь — на луну? И как это по луне тележка каталась? Ведь луна-то маленькая, с арбуз.

— Луна не маленькая, она большая, — ответила мама сквозь сон, — а про тележку спроси у отца, он лучше знает.

Луна тихо шла по небу, пробиралась среди крупных осенних звёзд. Осветила горы, осветила и деревья, которые стоят там, далеко-далеко, на самом гребне...

«Сад... — думал Алимджан. — Какой же там сад? На высокой горе. Всякие яблони там растут... Груши... айва...»

Заснул и сразу очутился в этом поднебесном саду. Ну и сад! Груши по ведру, сами падают на землю. Берегись, если такая груша упадёт на голову! И виноград — розовый, жёлтый, чёрный... Гроздь висят до самой земли...

«Эй, Нельзя, где ты?» — крикнул Алимджан.

Никто не отозвался. Значит, можно взять винограду. Только ведь за это надо работать в саду?

«Эй, Надо!» — крикнул Алимджан.

И опять никто не отозвался. Алимджан обрадовался — значит, их тут нет.

«Ага! — сказал он. — В гору-то им не подняться!»

Такой весёлый сон снился Алимджану.

БЕЛЫЕ ГОРЫ

Алимджан сидел во дворе около очага, на котором варят плов. Очаг сложен из кирпичей и глины. Внутри разжигают маленький костёр. А над костром на кирпичи ставят тяжёлый котёл с крышкой, и там варится плов.

Сейчас в очаге огня не было, а лежала кучка золы. Алимджан сидел и чистил золой закопчённую миску. Лали велела.

— Эй, Алимджан!

Это прибежал Юсуф. Алимджан угрюмо посмотрел на него. Ему не хотелось чистить миску, и поэтому у него было плохое настроение. Юсуф присел около Алимджана на корточки.

— Чистишь, да?

— Сам видишь. А что тебе?

— Надоело.

— Что надоело?

— Дома надоело. То одно делай, то другое. Прямо как ишак какой. Теперь вон шерсть разбирать надо! Бабушка прять хочет, а там колючки всякие...

— А ты?

— А я взял да убежал. Только, наверно, бабушка сейчас сюда за мной придёт. Разве от неё спрячешься!

Алимджан сунул миску в золу и посмотрел на Юсуфа.

— А мне, думаешь, не надоело? Думаешь, я не ишак?

— Давай уйдём куда-нибудь, — сказал Юсуф.

Алимджан сразу поднялся.

— Давай.

— Только ты умойся, — сказал Юсуф, — а то весь в золе.

Алимджан побежал к крану, поплескал в лицо водой, утёрся полотенцем, которое висело тут же, на гвоздике. На полотенце остались серые пятна, сразу видно, что это Алимджан умылся.

— Пойдём.

Они вышли на улицу, захлопнули калитку.

— Куда? На канал?

— Нет, — сказал Алимджан, — мы пойдём на гору. Вон в тот сад, который на горе.

Юсуф согласился. И они дружно зашагали по дороге в гору.

Казалось, что сад на горе не так уж и далеко. Но идут, идут, а сад всё не приближается. Уже и кишлака не видно совсем, одни жёлтые каменистые склоны поднимались кругом, бугры, горные вершины. А дорога уходила всё дальше, всё выше. Стало жарко. Захотелось пить. Ноги еле двигались. То Юсуф вздохнёт, то Алимджан вздохнёт. А сад всё так же далеко, под самым небом.

Вдруг на дороге за поворотом загудела машина. Юсуф и Алимджан остановились. Из-за горы вышел большой грузовик, гружённый хлопком. Хлопок лежал в высоком кузове, как огромный снеговой сугроб. Машина прошла было мимо, но тут же замедлила ход и остановилась. Шофёр высунулся из кабины, и Алимджан сразу закричал:

— Папа! Уй, папа!

Отец вёз хлопок на хирман. Хирман — это место, куда со всех колхозов привозят хлопок.

— Почему вы здесь оказались, ребята? — спросил отец.

— Мы в сад идём, — ответил Алимджан. — Вон на гору.

— Ах, неразумные вы головы! — сказал отец. — Да ведь туда и до ночи не дойдёшь. Ну-ка, влезайте в кабину.

Алимджан, а за ним Юсуф уселись в кабину и поехали. Вот-то весело им было! Сколько раз Алимджан просил отца взять его с собой на хирман, так отец не хотел. А сегодня Алимджан и не собирался ехать, так отец сам позвал! Следом за отцовской машиной шли и другие машины, гружённые хлопком. Жёлтая пыль взвивалась из-под колёс. Так и ехали будто в тумане. Потом машины вышли на асфальтовое шоссе, и пыль сразу отстала.

Вот и хирман — большая площадь. На хирмане возвышались огромные кучи хлопка, такие высокие, что наверх ни за что не взобраться. Эти белые горы назывались бунтами. Отец высадил ребят, а сам подъехал к бунту, свалил хлопок. А отсюда на транспортёре хлопок пополз на верх бунта.

— Вот здорово! — сказал Алимджан.

— Да-а... — согласился и Юсуф.

Отец скоро управился. Ребята снова уселись к нему в кабину, и машина помчалась обратно. Но поехали они не в кишлак, а свернули в долину.

— Слезайте, — сказал отец, — отсюда до дома недалеко.

Алимджан и Юсуф слезли. Но домой не пошли. Здесь плантация была ещё больше, чем у них, возле кишлака. Коричневые кустики были густо покрыты белыми хлопьями, будто их снегом

занесло. А народа не видно было.

— Ух ты! — сказал Алимджан. — Когда весь этот хлопок соберёшь!

— До зимы не собрать, — согласился Юсуф. — Ай, Алимджан, — вдруг закричал он, — гляди-ка! Машины!

— Машины! — закричал и Алимджан. — Вижу! Голубые корабли!

По широкой плантации шли четыре машины, которые сами собирают хлопок. Они шли рядом, ровно, как солдаты в строю. И каждая захватывала четыре ряда. Машины были голубые, как небо, они шли по хлопковой долине, будто корабли по морю. Поэтому их и называют голубыми кораблями.

Голубые корабли подошли к самому краю поля. Потом повернули и пошли обратно. И там, где они прошли, коричневые кустики словно сразу погасли, стали тёмными, незаметными. А голубые корабли уходили всё дальше и дальше.

— Есть хочется, — вздохнул Юсуф.

— И пить тоже, — отозвался Алимджан. — Пошли!

Они направились по дороге в свой кишлак. И вышли как раз на ту самую плантацию, на которой они вчера собирали хлопок. Здесь Алимджан увидел свою маму и Лали, а Юсуф тоже увидел свою маму и бабушку... И соседи были там же.

Алимджан подбежал к маме:

— Мама, вы тогда здесь всё собрали. А почему же опять?

— Вот, смотрите на него! — засмеялась Лали. — Не знает, как хлопок растёт. А ещё узбек!

— Неужели ты не знаешь, сынок? — сказала мама. — Тогда мы собрали хлопок. А наутро на тех же кустиках раскрылись новые коробочки. Вот и опять мы тут собираем. Так и будем ходить на это поле, пока ни одной коробочки на кустиках не останется. Разве ты это не знал, сынок?

Алимджан не знал. Просто не думал об этом. Однако сознаться, что не знал, он не хотел.

— Я знал, — сказал он, — только забыл. Но, мама, зачем вы тут руками хлопок собираете... Вон там машины есть. Пусть машины придут и соберут!

— Машин на все поля ещё не хватает, — ответила мама, а руки её так и мелькали среди кустиков, — а хлопок не ждёт. Собирать его надо, и не как-нибудь, а поскорее!

Тут Юсуф потянул Алимджана за рукав.

— Пойдём!

— Мама, а мы на хирмане были! — сказал Алимджан.

Мама так и охнула:

— Ой, верблюжатки вы мои! Такую даль ездили. Проголодались небось. Бегите домой скорее!

— Как только живыми остались! — с усмешкой сказала Лали.

— А вы когда же домой, мама?

— Ещё рано, сынок, поработать надо.

— Всё надо да надо. Эх! — сказал Алимджан и вспомнил недочищенную миску. — Пойдём, Юсуф!

Алимджан и Юсуф выбрались с плантации и пошли домой. Один — шерсть щипать, другой — миску чистить. Раз надо — значит, надо.

САД ПОД ОБЛАКАМИ

Дни летели, как листья с деревьев. Колхозники изо всех сил торопились убрать хлопок.

А когда плантации были убраны, наступил праздник. Все колхозники нарядились и пошли на площадь к сельсовету. Председатель колхоза сказал:

— Поздравляю вас, товарищи! Мы сдали хлопка государству, сколько обещали. И ещё больше, чем обещали. Наш хлопок теперь пойдёт по всей стране, по всему Союзу, по всем республикам. И везде люди будут из нашего хлопка делать ситец. И будут говорить нам «спасибо»!

Все колхозники захопали в ладоши. А потом загремели бубны, зазвенели струны, заревел карнай — большая длинная труба. Молодые колхозники начали танцевать. И пошло веселье!

Во всех дворах в этот день варили плов. Алимджан очень любил плов, поэтому он не отходил от отца, глядел, как он перебирает рис, как жарит баранину, как складывает рис и баранину в котёл и кидает туда всякую душистую приправу... А потом сидел у глиняной печки во дворе, следил, чтобы огонь под котлом не погас, и ждал, когда плов сварится. Можно бы, конечно, поставить котел на газовую плиту, но отец говорит, что на очаге плов получается вкуснее. Ну что же, Алимджану не трудно посидеть у очага.

Но вот по двору поплыл тёплый вкусный запах — это плов оповестил всех, что котёл можно снимать с огня. Мама погасила огонь под котлом. Отец снял с лозы несколько кистей винограда. Лали разостлала праздничную скатерть, и мама поставила на стол большое блюдо с пловом.

Перед обедом Лали обошла всех с кувшином, полным воды, с тазиком и полотенцем. Полила всем на руки и дала полотенце вытереть руки. После всех дала вымыть руки Алимджану. Но он не обиделся, что после всех. Потому что когда полотенце свежее, то после его рук сразу будут видны пятна. А когда после всех, то никто этих пятен и не заметит.

Ну и обед был сегодня! Что ж, в праздник и обед праздничный.

Когда съели плов и напились чаю, отец сказал:

— Нынче председатель зовёт всех бригадиров в гости на гору. Там и совещание хочет провести. Придётся поехать.

Алимджан сразу насторожился:

— На какую гору?

— В сад, что на горе. Вон туда, где деревья видны.

Алимджан бросился к отцу:

— Папа, и я с вами! Папа, я давно хотел!

— Да ведь ты ещё не бригадир, сынок.

Алимджан опустил голову. Хотел промолчать, но ничего не вышло: заревел во весь голос, и так громко, как только хватило сил. Мама не могла это слышать.

— Ох, Хаким-джан, — сказала она отцу, — возьмите его с собою. Он тоже когда-нибудь бригадиром будет!

В это время во дворе появился Юсуф. Он стоял и ждал, когда Алимджан перестанет реветь.

— Ну, если так, — сказал отец, — надо подумать.

— Он и хлопок собирал, — опять попросила мама.

— Целых две горсти собрал, — засмеялась Лали.

— И кур кормил, — продолжала мама, — и двор подметал...

— И миску вон как начистил, — сквозь слёзы напомнил Алимджан.

— Ну что ж, — согласился отец, — думаю, что бригадиры не обидятся, если я привезу такого гостя, а?

— А я тоже хлопок собирал, — сказал Юсуф.

Лали опять засмеялась:

— Ещё один бригадир нашёлся!

Тут на соседской стене появился Алибек. Он сидел и слушал: о чём это говорят? Куда это собираются? А как понял, что хотят ехать в сад на горах, то закричал:

— А я тоже бригадиром буду! Ещё лучше Алимджана.

— Если хочешь разговаривать, — строго сказал Хаким-ака, — то слезь со стены и войди к нам во двор как человек!

Алибек сразу исчез за стеной. А через минуту вошёл во двор.

— Я тоже буду бригадиром, — повторил он. — Меня тоже возьмите в сад.

— Разберёмся, — сказал Хаким-ака. — Алимджан хлопок собирал, улицу подметал, кур кормил...

— Миску чистил, — напомнил Алимджан.

— И миску чистил. Юсуф тоже улицу подметал и кур кормил...

— А ещё шерсть раздёргивал, колючки выбирал, — сказал Юсуф.

— Вот — и шерсть раздёргивал. Так. А теперь ты скажи, Алибек, что ты делал?

У Алибека глаза так и забегали туда-сюда. Что сказать?

— Что хотел, то и делал, — сказал он.

Хаким-ака покачал головой.

— Э-э... — сказал он, — человек должен делать не только то, что ему хочется, но и то, что надо делать. А когда человек делает только то, что он хочет, из него толку не будет. Бригадиром ты, Алибек, не станешь. А поэтому в сад с нами ты не поедешь. Иди домой.

— А что мне там делать?

— То самое, что всегда, — что хочешь.

Алибек рассердился, нахмурился и пошёл домой. А когда пришёл домой, то взял рогатку и сказал:

— Вот возьму и буду птиц бить.

Но услышал, что на улице зашумел мотор большой Хакимовой машины, бросил рогатку.

— Бабушка! — закричал он. — Что надо делать?

— Ах, жеребёночек мой, — сказала бабушка, — да что тебе делать? Ты ещё маленький. Ступай на улицу, побегай, поиграй с ребятами. Какие тебе дела?

Алибек вышел на улицу. Вдали стояла пыль — это Хакимова машина прошла. Алибеку стало очень скучно.

Но тут пришли его отец и мать с гулянья, и старший брат пришёл. Алибек сразу подбежал к матери:

— Мама, они в сад уехали, а меня не взяли!

— Почему же? — спросила мама.

— Говорят, что я... делаю, что хочу. А что надо — не делаю.

— Ничего, пусть говорят, — сказала мама. — Вырастешь — ещё наработаешься. Побегай, поиграй.

Но Алибеку почему-то ни бегать, ни играть не хотелось.

«Может, помочь бабушке яблоки собирать? Вон она гнётся под яблоней, яблок много нападало».

Но тут же решил, что не стоит. Яблоки-то всё равно кислые. Уж лучше абрикосов поесть.

И полез на дерево.

А большая машина в это время мчалась по горной дороге. Дорога всё время кружилась по жёлтому склону и уходила всё выше и выше. И вот наконец поднялась на самую высокую

вершину горы и вошла в тень высоких чинар. Хаким-ака поставил машину под чинарами. А тут уже стояли другие машины — и грузовые, и легковые, и мотоциклы были здесь, и велосипеды.

— Ого! — сказал отец. — Все бригадиры уже съехались. Мы, как видно, после всех!

Ну вот он, этот сад, куда так хотелось попасть Алимджану. Алимджан шёл следом за отцом и глядел кругом. Сад был большой, густой, деревья уходили вниз по склону и поднимались вверх, к самым облакам. И казалось, что белые, как хлопок, облака сидят на верхушках деревьев.

Юсуф то и дело дёргал его за рубашку:

— Ой-бой! Гляди, груши-то какие! А гранаты! Гляди, а это чего? Стручки какие-то!

Они шли по аллее среди яблонь, абрикосов, груш... По краям аллеи стояли розовые кусты. И всюду у корней деревьев блестела и журчала вода.

Среди сада стоял дом с высоким айваном.

Около дома под навесом виноградных лоз собрались бригадиры.

— Салям алейкум! — сказал Отец бригадирам. Это значит — мир вам!

— Ва алейкум ассалям! — ответили бригадиры. Это значит — вам мир!

Бригадиры стояли и разговаривали. И отец с ними.

— Откуда же здесь вода? На горе ведь ручьёв нету.

— Подняли воду по трубам на гору.

— Ах, молодец наш председатель! Умудрился на голой горе такой сад вырастить!

Тут вышел на крыльцо председатель и пригласил бригадиров в дом. А там, в большой длинной комнате, стоял большой длинный стол. На столе было полно угощений — и жёлтые, как мёд, дыни, и красные сахарные арбузы, и румяные яблоки, и айва, и гранаты, и виноград.

— Угощайтесь, — сказал председатель, — всё это из нашего сада!

Потом пришли садовники, которые здесь ухаживали за садом. И колхозники, которые проводили в этот сад воду. И женщины, которые варили обед всем, кто работал в саду. А когда все собрались, то уселись за стол.

Юсуф и Алимджан взяли по ломтю сладкого арбуза и снова ушли в сад.

— Что хотите, то и сорвите в саду, — сказал им председатель. — Только веток не ломайте.

Алимджан, как вышел в сад, так и задумался:

«А может, это мне всё во сне снится?»

Но Юсуф не давал ему раздумывать:

— Эй, Алимджан, попробуй-ка — вот так груша!.. Эй, Алимджан, попробуй — вот так гранат!

И вдруг какой-то чужой голос:

— А вот это, ребята, попробуйте-ка...

Под деревом стоял старик в голубой чалме. Он глядел на ребят ласковыми коричневыми глазами.

— Попробуйте-ка, а? Это сливы.

В его загорелой руке лежали лиловые сливы. Алимджан не знал, что это такое, у них в колхозе слив не было.

А Юсуф не стал раздумывать, а сразу взял сливу и сунул в рот.

— Уй! Вкусно!

Алимджан попробовал — да, вкусно. Такие сладкие, сочные эти сливы. Алимджан и Юсуф чуть не подрались из-за них. Но старик сказал:

— Кушайте, детки, слив много. Может быть, вам понравится у нас в саду и тоже приедете к нам работать, когда будете большими.

— А вы, дедушка, садовник?

— Я и садовник. И сторож. Работать-то в саду я уже не могу.

— А трудно здесь работать? — спросил Алимджан.

— Да, нелегко. Землю приходится возить на гору снизу из долины, ведь тут один камень.

— А взяли бы да и посадили этот сад в долине!

— Нельзя. Там хлопку место нужно. Ведь хлопок у нас в Узбекистане главное богатство. Наше белое золото.

— А как же тогда? Значит, землю из долины сюда возили и сыпали на камни?

— Нет, не так. Сначала камень взрывали. Взорвётся кусок скалы станет яма. Камень, который отколется от горы, везли вниз, в кишлак. Дома из этого камня строили. Дувалы — стены. Видели небось?

— Видели.

— Отвезут камни вниз. А внизу машину нагрузят землёй и везут сюда, к нам. Мы землю — в яму. В эту яму и деревья сажали. Так вот и сад у нас получился. Понятно вам?

— Понятно, — сказал Алимджан.

— Ага, понятно, — сказал и Юсуф, хотя он только ел сливы и ничего не слышал, о чём рассказывал садовник.

— Уй, это очень трудно работать в вашем саду, — сказал Алимджан.

— Ещё бы не трудно! — согласился садовник. — Но что же поделаешь? Надо. Для народа надо. Отказаться от этой работы нельзя.

«Опять «надо», опять «нельзя», — подумал Алимджан. — Никуда от них не денешься».

А потом ещё подумал:

«Никак без них не обойдёшься. И хлопок не уберёшь, и сад не вырастишь. Даже двор не подметёшь».

Алимджан и Юсуф ходили по саду до сумерек. Когда на небе появились звёзды, машина дала сигнал.

— Это мой папа сигналил, — сказал Алимджан, — домой зовёт!

Они простились со старым садовником в голубой чалме и побежали к машине.

Снова мчались они по горной дороге. Только теперь уже не в гору, а с горы. Алимджан оглядывался назад — всё дальше и дальше чинары, которые стоят у садовых ворот, всё дальше тёмные деревья сада... Вот уже и совсем скрылся сад за вершинами и увалами гор. А горы стали тёмными. И небо стало тёмным. Лишь звёзды светились над горами, как белые комочки хлопка среди тёмных кустов...

Поздно вечером, когда все улеглись спать, Алимджан сказал маме:

— Мама, я вырасту и пойду работать в тот сад. Там очень трудно работать. Но что ж поделаешь — надо.

Подумал и сказал ещё:

— Для народа надо.

— Конечно, сынок, это для народа надо, — ответила мама и усмехнулась.

Но она тихонько усмехнулась, потому что если бы Алимджан это заметил — он бы обиделся.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

1. АНИСКА

Это было интересное зрелище. Розовый дождевой червяк высунулся на свет возле самого муравейника. Муравьи вцепились в него и начали вытаскивать из земли. Червяк, видно, почувствовал недоброе. Он упёрся. А потом и совсем испугался, заворочался, начал пятиться обратно в землю. Но муравьи не давали ему уйти...

Аниска сидела над ними неподвижно. Муравьи бегали по её босым ногам, но не кусались — никогда муравей не тронет Человека, если его не пугать. Изредка она поднимала ресницы, оглядывалась на густые берёзки, осыпанные острыми солнечными огоньками, на мохнатые сосенки, на коричневые иглы муравейника, тёплые и блестящие под солнцем, на цветущие лесные травы... И, улыбнувшись неизвестно чему, снова устремляла свои тёмно-серые, немножко косые глаза на червяка и муравьёв.

Низко, почти над головой, пролетела любопытная синичка. Села на куст и поглядела на Аниску сначала одним глазом, потом другим: «Что это? Человек сидит? Или так, растёт что-то?..»

Аниска улыбнулась:

— Что смотришь?

«Человек!» — в страхе чивикнула синичка и скрылась.

Аниска снова опустила глаза:

— Вытащили!

Муравьи волокли червяка к себе в муравейник. Червяк скорчился, уцепился за траву. Тогда чёрные хищники навалились на него и розняли на две половинки. Аниска, удивлённая такой свирепостью, смотрела, как они запихивали червяка в отверстия муравейника.

— Аниска, ау!

— Аниска, ты где? Ты что делаешь?!

Аниска встала. Девочки пробирались к ней сквозь кусты.

— Чего нашла? Чего нашла? — звонко и торопливо, как птица, повторяла Танюшка. — Что смотришь?

Она заглянула своими быстрыми чёрными глазами в Анискину корзинку. В корзинке топорщились сухие еловые шишки — Аниска набрала разжигать самовар.

— Ничего? А почему здесь сидишь?

Аниска помедлила — рассказать или не надо?

— Тут одна история была...

Танюшка тотчас пристала:

— Какая история? Какая? Что случилось?

Катя молча глядела на Аниску спокойными ожидающими глазами. Солнце просвечивало сквозь её белёсые волосы, торчавшие над голубой ленточкой, и голова её была похожа на пушистый одуванчик.

— Вот я видела... Отсюда червяк вылез...

— Ой! Вот так история, — закричала Танюшка, — про червяка!

— Червяк вылез. А потом? — спросила Катя.

— А потом муравьи напали, разорвали его и утащили.

— И всё?..

Аниска и сама не могла понять, почему ей так интересно было смотреть, а рассказ вышел совсем неинтересный.

— А ну-ка я сама погляжу!

Танюшка схватила рыжую сухую ветку и быстро разворошила край муравейника. Муравьи закипели-забегали, потащили куда-то свои белые коконы...

Аниска оттолкнула Танюшку, вырвала у неё ветку и забросила в чашу.

— Ты что? Драться, да?! — У Танюшки в голосе слышались слёзы. — Уж скорей драться, да?

— А ты не мучай.

— А кого я мучаю? Кого? Кого я мучаю?

— Муравьёв. Они строили, а ты ломаешь.

— Ну и сиди со своими муравьями. Косуля!.. Катя, пойдём! Пусть одна ходит!.. Косуля, Косуля!

Катя невозмутимо запела тоненьким голоском и пошла по лесу. Она не любила, когда плачут и когда ссорятся.

Аниска хмуро посмотрела им вслед. На смуглых скулах выступил румянец. Всегда так. Когда сказать нечего, так сейчас — «Косуля».

А это слово Аниске было больней всего на свете.

2. БРАТЕЦ НИКОЛЬКА, С КОТОРЫМ МОЖНО РАЗГОВАРИВАТЬ

Мать уходила из дому и наказывала Лизе, старшей Анискиной сестре:

— Гляди за домом. Уберись в избе, подмети, посуду вымой. А перед зеркалом довольно вертеться — не доросла ещё.

— А Аниске — что?

— А ей — с Николькой сидеть.

И, уже выходя из избы, крикнула:

— Не обижайте Никольку, смотрите!

Лиза с тоской посмотрела на молочные кринки с застывшей белой кромкой по краям, на сальные чугушки, на большую плоску с остатками щей... А она только что причесалась и покрылась чистым голубым платком — можно бы и на улицу...

Она стояла возле печки и острыми мышинными глазами искоса поглядывала на Аниску. Взясась было за ухват, чтоб достать горячей воды, и снова со вздохом поглядела на Аниску:

— Может, ты вымоешь... а?

Аниска поливала свои цветы. Цветы у неё стояли на всех окнах — в горшках, в консервных банках, в кринках с отбитым горлышком.

— Мать велела тебе, — ответила Аниска, — а мне с Николькой.

— Ну, Николька-то ведь спит! А? Мне ведь на школьный участок надо! Я же платье запачкаю!..

— А ты фартук надень.

— У, Косуля! Вот сейчас побросаю все твои цветы!

Аниска растопырила руки. Ей показалось, что Лиза и вправду сейчас набросится на её горшки и плошки.

— Во! Как наседка расшиперилась! — засмеялась Лиза. — А как будто я их после разбросать не могу!

— А я матери скажу!

— Скажи. Она и сама рада будет — в избе светлей. Говори — не будешь мыть?

Аниска посмотрела на свои фуксии, «огоньки» и «крапивки» — такие они были беззащитные, словно маленькие детки! Они глядели на неё малиновыми и лиловыми глазками, словно просили не давать в обиду.

— Иди уж!..

Аниска налила в миску горячей воды и взялась за мочалку.

Лиза повеселела:

— Ты сейчас вымоешь... А я после обеда. Уж после обеда к тебе не пристану!

Она ещё раз заглянула в зеркало и проворно выскочила из избы. Лишь бы сейчас не мыть, а там видно будет!

Жаркая тишина в избе. Слабый запах цветущей сирени плывёт в открытые окна. На рябине поют скворцы...

Всегда было так. Девчонки водятся друг с другом, а она с ними никак поладить не может. Вот и опять — поссорилась с Танюшкой. А из-за чего? Из-за каких-то муравьёв!..

...Аниска тёрла кринки горячей мочалкой, обливала их чистой холодной водой...

А на что ей нужны эти муравьи?

Но вспомнилась их суматоха, их муравьиная паника, их беготня. И Аниска сказала, обращаясь к большой миске:

— А она пусть не ломает. Им ведь тоже не легко строить-то! А к чему она сломала? Ну?..

В окно влетела бархатная оранжевая бабочка. Аниска поймала её, трепетавшую на стекле:

— Красавица ты моя! И кто ж тебя так нарядил? И кто ж тебя так разукрасил?

Аниска глядела на бабочку, ожидая ответа:

— Ну, скажи — ты откуда? Ну, скажи — как тебя зовут?

На кровати захныкал Николька. Аниска тихо вздохнула:

— Ну лети. Прощай. Прилетай ещё — ты меня не бойся!

Проводив глазами вспорхнувшую бабочку, Аниска подошла к кровати.

Никольке ещё года не было. Он говорить не умел, только гукал. Но зато умел слушать. Он слушал всё, что бы Аниска ему ни рассказывала. И только он один не ссорился с ней и не называл её Косулей.

Аниска усадила братца на полу, на разостланное одеяло, дала ему вместо игрушки расписную деревянную ложку.

— Сиди. А мне надо посуду вымыть. А то Лиза придёт — знаешь, какая у нас Лиза? Она теперь с девчонками на речку убежала. Хоть и сказала, что на участок. Да уж я знаю... Сегодня жарко-жарко! Ну, зачем на пол сползаешь? Сиди на одеяле. Вот так. А тебе на речку хочется?

— А-гу... — отвечал Николька.

— А, хочется! — продолжала Аниска. — А мне, думаешь, не хочется? А вот надо с тобой сидеть. И посуду мыть. И в избе убираться. А то мамка придёт, скажет: почему не убрано? Лизе от матери попадёт. А мне от Лизы ещё больше попадёт. Уж лучше вот я домою посуду да вымету...

— А-гы... — отвечал Николька.

— Да, тебе всё «агы». А у меня смотри какие руки! Чугунок-то в саже был. Ну это, Николька, всё ничего. А вот, знаешь, мне бы надо в лес сбегать. Мне бы на весь день... я бы тогда ронжу нашла. Отец говорит, у нас в лесу ронжи есть. Только далеко, за Лощинами, — он-то их видел. А знаешь, какие эти ронжи? Как полетят, как развернут крылья — так лес и осветят! Красные у них крылья-то. А я вот сколько хожу по лесу — никогда эту птицу не видела!

Никольке надоело сидеть на полу. Он закричал, забросил свою ложку под лавку. Аниска заторопилась:

— Ну подожди! Вот только блюдо осталось! Ну что, не можешь подождать, да? Ну сейчас, сейчас! Беру! Беру!

Аниска убрала посуду, взяла Никольку на руки и вышла из избы. Николька зажмурился от солнца.

— На лужайку пойдём?

— А-гу-у, — пропел Николька.

Аниска кивнула головой:

— Ну я так и знала, что тебе на лужайку хочется!

Лужайка была среди деревни, возле колодца — зелёная луговинка, наполовину затенённая старой липой. Здесь ребята играют в салочки и в горелки, здесь под липой на брёвнышках сидят по вечерам...

Но вышла Аниска с Николькой на руках из калитки, дошла до лужайки и остановилась, раскрыв от изумления свои серые косые глаза.

3. ЛАСКОВОЕ СЛОВО

Лиза не убежала с девчонками на реку. Все они стояли здесь, сбившись в кружок, — и Катя, пушистая как одуванчик, и черномазая Танюшка, и курносая Верка, с розовыми, словно полированными щеками. Тут же лепился и Прошка Грачихин, белый с белыми ресницами,

коренастый и по виду настырный.

И среди них Аниска увидела чужую девочку. Она была в коротком красном платье; аккуратные тоненькие косички с большими бантами лежали на плечах. Лиза кружилась возле неё, щупала её платье, разглядывала пуговики на груди. А Танюшка щебетала, как воробей:

— Ты на всё лето приехала? А с нами водиться будешь? А на реку пойдёшь? А на школьный участок пойдёшь?

Девочка улыбалась. Аниска заметила, что верхние зубы у неё немножко торчат. Но эти два маленьких белых зуба нисколько не портили её улыбки.

— Косуля пришла, — вдруг сказал Прошка и спрятался за чью-то спину: за «Косулю» Аниска и вцепиться не замедлит.

— Косуля? — спросила чужая девочка. — А почему же Косуля? Косули ведь это животные такие. Ну, вроде оленей, что ли...

— А она же у нас косяя, — объяснила Лиза, — у неё один глаз к носу забегает.

— Глаза по ложке, не видят ни крошки, — сказала румяная Верка и засмеялась.

А Танюшка сквозь смех скорчила рожу и вытаращила глаза, представляя Аниску.

Аниска стояла не говоря ни слова, будто не о ней шла речь. Она никогда не думала, чтобы у человека могло быть такое белое лицо, как у этой чужой девочки, и такие прозрачные нежные голубые глаза.

Эти голубые глаза весело глядели на Аниску:

— А как её зовут? Как тебя зовут, а?

— Аниска, — ответила за сестру Лиза и добавила, понизив голос: — Хоть бы причесалась. Вечно как помело!

— Аниска? Аниса, значит. Надо вежливо называть друг друга.

Чужая девочка подошла к Аниске и взяла её за руку.

— А меня зовут Светлана. Я к бабушке в гости приехала. Марья Михайловна Туманова — это моя бабушка. А это твой братик, да? Ой... какой маленький!..

— Это Николька, — сказала Аниска и покраснела.

Танюшка не вытерпела, дёрнула Светлану за платье:

— Не водись с ней. Она дерётся.

Аниска сразу нахмурилась и стала похожа на ежа.

— Вот и буду драться!

— Словно петухи... — негромко сказала Катя и улыбнулась, как большая на маленьких.

Светлана удивилась:

— А почему драться? Из-за чего?

Тут вся Танюшкина обида вырвалась на волю.

— Из-за всего! Она из-за всего дерётся! Крылья у слепня оторвёшь дерётся! Кошку стали купать в пруду — дерётся! Мальчишки полезут за гнёздами — и с мальчишками и то дерётся!

Все постарались вставить словечко. И Верка, у которой Аниска однажды отняла лягушку и бросила в пруд. И Прошка, которому попало от неё за то, что он подшиб грача. И даже Лиза — Аниска ей житья дома не даёт из-за цветов: не толкни их да не задень их!

Только светлоглазая Катя молча глядела куда-то на далёкие облака. Ленивая у Кати была душа — ни бранить, ни защищать не хотела.

Светлана поглядела на Аниску с любопытством. Но вдруг неожиданно повернулась к девочкам и сказала:

— Ну, а раз ей их жалко?

Скуластое Анискино лицо потемнело от жаркого румянца. Глаза засветились, как вода в калужинах, когда в них заглянет солнце. Светлана заступилась за неё! Она сразу всё поняла и никого не послушала!

Тут Николька неожиданно закапризничал и заплакал. Аниска вспомнила, что не покормила его. Она почему-то была уверена, что если Никольку не покормить вовремя, то он может сразу умереть. Она испугалась, прижала его к себе и побежала домой.

Светлана удивилась этому. А потом легко догнала её и, расставив руки, загородила ей дорогу.

— Аниса, ты куда? Ты рассердилась?

Аниска широко раскрыла свои прекрасные, серые, немного косящие глаза. Это она-то рассердилась? Она! На Светлану!..

Аниска хотела бы сказать, что она даже и не думала сердиться, что, наоборот, ей весело, а Светлана ей вся — одна радость!.. Но вместо этого она пробурчала еле слышно:

— А что оставаться-то? Мне ещё избу убирать...

Светлана удерживать её не стала:

— Ну ладно. А потом приходи ко мне. Я тебе заколку дам. А то у тебя волосы какие-то косматые...

И отвернулась к девочкам:

— Ну что ж — мы хотели на реку?

Девочки ответили хором:

— На реку! На реку!

Трава на усадьбах краснела от дрёмы и цветущего щавеля, золотилась от ярко-жёлтой куриной слепоты. Сладким, тёплым запахом тянуло оттуда. Аниска с крыльца глядела девочкам вслед, пока они не скрылись в кустах. Потом крепко прижалась лицом к Никольке.

— Ой, Николька! И откуда она взялась? Ты слышал, как она: «Аниса... Аниса»? И за руку взяла, а девочки сразу и замолчали. Ой, какая девочка к нам приехала! А ты слышал? Она сказала, чтобы я к ней пришла!

Что случилось на свете? Какое высокое и какое ясное сегодня небо! Воробьи щебечут так радостно и неистово — праздник у них, что ли? А может, это у Аниски праздник?

Аниска вдруг почувствовала, что сердце у неё большое-большое, во всю грудь, и что всё оно такое живое и тёплое. Хоть бы скорей отец пришёл со стройки. С самой весны он в совхозе строит телятник. Всё нет и нет дома отца, только на воскресенье приходит. А сегодня вторник. Но как придёт в субботу вечером отец — Аниска сразу расскажет ему, какая к бабушке Тумановой приехала внучка и как она сразу заступилась за Аниску. «Ну, а раз ей их жалко?» — вот что она сказала.

4. АНИСКИНЫ БРЕДНИ

Бабушка Туманова с утра с вилами в руках разбивала навоз в огороде, носила его под рассаду. Светлана, соскучившись в избе, пришла к ней в огород и, аккуратно приподняв платице, присела на брёвнышко.

— Это что растёт? — спросила она.

— Капуста.

— Капуста? Но... бабушка! Вы же её испортите этим!

Бабушка удивилась:

— Чем — этим? Навозом-то?

— Ну да. Она же будет плохо пахнуть!

— Это добро всякий злак любит, — сказала бабушка, — и капуста тоже. А ты что фыркаешь — нешто оно поганое?

Светлана чуть-чуть скривила губы и приподняла свой маленький, словно защипнутый нос. Уж эта бабушка — скажет тоже!

Пушистые светло-зелёные кусты малины, росшие у изгороди, вдруг тихонько зашуршали и раздвинулись. В щёлочку глядели на Светлану большие Анискины глаза.

— Бабушка, — с улыбкой сказала Светлана, — гляди-ка!

Бабушка выпрямилась:

— Кто там? Аниска? А! Ну иди сюда, иди, не бойся, чай, не кусаюсь.

Аниска обогнула огород и вошла в калитку.

— Ты за заколкой пришла, да? — спросила Светлана.

Аниска отрицательно покачала головой.

— А зачем же тогда?

— Ну что такое — зачем да зачем! — сказала бабушка. — Пришла, да и всё! Вот что, Аниска, возьми-ка нашу барышню да поведи куда-нибудь. Вишь, сидит без дела, не знает куда себя девать.

Аниска улыбнулась, крупные зубы сверкнули, как белая речная галька.

Светлана вскочила:

— Бабушка!

— Ну, чего ты?

Светлана подошла к ней, пригнула к себе её голову и зашептала в самое ухо:

— Бабушка, что вы! Как я с ней пойду? Ведь она же чудная...

Бабушка посмотрела на Светлану сурово, с неудовольствием:

— Это кто же тебе такую басню сказал?

— Девочки.

— Экие злыдни твои девочки! Если человек на них не похож, так у них уж и «чудная»! Иди, иди, она плохому не научит!

Светлана подошла к Аниске:

— Ну... пойдём.

— Со мной? — спросила Аниска с затаённой радостью.

— Ну конечно.

— В лес?

— Ну хоть в лес...

Девочки вышли на узкую тропочку, которая сквозь кудрявую травку пробиралась вдоль деревни к пруду.

— Только ты, Аниса, мне что-нибудь рассказывай. А то будешь молчать да молчать... Я тогда от тебя убегу!

Аниска задумчиво посмотрела на неё:

— А рассказывать про всё?

Светлана повела тонкими бровками:

— Какая ты странная. Конечно, про всё, почему же нет?

— Вот здесь наш дедушка умер, — вдруг сказала Аниска.

Светлана остановилась:

— Где?

— Вот на этой тропочке.

— Как?.. Почему?..

— А у нас немцы были тогда. Они не велели вечером на улицу выходить. А дедушка вышел. Покурить ему захотелось, уж очень ему захотелось покурить. Он пошёл к дяде Егору — нет ли у него самосаду? А немец ему кричит: «Стой! Стой!» А дедушка наш глухой был. Идёт да идёт. Ведь ещё и не темно было, смеркалось только. А немец из ружья — бум! Дедушка схватился за грудь, покачался, покачался и лёг на снег. Вот здесь и умер.

— А ты почём знаешь? Ты же не видела!

— Мать рассказывала...

Светлана со страхом смотрела на зелёную солнечную тропочку:

— Ой... Уйдём отсюда. Уйдём скорей! Побежим в поле — догоняй!

Светлана припустилась бежать, лёгкая, как котёнок. Красные ленточки в косах распустились на ветру. Аниска бросилась за ней. У неё были крепкие ноги, и бегала она, топая, как жеребёнок. Она уже раз пять догоняла Светлану, но, догнав, не решалась схватить её — а вдруг рассердится?

А Светлана останавливалась, прыгала на одной ножке и, смеясь, дразнила:

— Не догнать! Не догнать!

И была очень рада, что Аниска никак её не догонит.

Потом тихонько шли к лесу без тропки, прямо через поле, засеянное льном. Тонкие жёсткие стебли стегали по ногам.

— А на этом поле весной самолёты садились, — сказала Аниска.

Светлана удивилась:

— Настоящие?

— Ага. Настоящие. С лётчиками. У нас тогда на зелены какой-то вредитель напал — вот с этих самолётов всё поле и опрыскивали. Как дождиком.

— И ты видела?

— Все видели. А Стёпка Лукошкин у лётчика спросил: «Можешь без отдыха до границы долететь?» А лётчик говорит: «А почему без отдыха? Мы можем на облачко присесть, отдохнуть да и дальше!»

Светлана поглядела на тёплое синее небо, на крутое белое облако с тёмным доньшком.

— Как на облака присядешь? Ведь они из пара! Ты ведь знаешь, что они из пара? Ты в каком классе?

— Во втором. Буду в третьем.

— У, большая, а во втором! Я уже в четвёртый перешла! Ты, значит, и не пионерка?

— Нет.

— А меня зимой приняли. А почему не вступаешь?

— Не примут.

— Почему? — Светлана удивлённо посмотрела на неё.

Аниска отвела глаза.

— Я с ребятами дерусь. Они всегда дразнятся. Я и дерусь.

— А почему же вожатая не заступится?! — Светлана даже плечами пожала от возмущения.

— А она почём знает? — глухо сказала Аниска. — Я же не говорю, почему дерусь... Да ну и пусть не принимают. — Аниска насупила брови.

И Светлана тотчас переменяла разговор:

— А мне мама новую форму сшила. Шерстяное коричневое платье и чёрный фартук с широкими плечиками. А ты в чём?

— В этом.

— Но ведь это ситцевое!

— А ещё есть синее с горошками...

— Ну и не похожа на ученицу. Надо, чтобы коричневое и чёрный фартук. Только тебе не сошьют...

— А может, и сошьют? У матери трудней много — она у нас огородница. Попрошу, и сошьёт... И отец у нас плотник. — И добавила чуть слышно: — Он сейчас в совхозе работает. А может, он там, в магазине, купит и принесёт.

Но Светлана только засмеялась на это:

— Так он и будет помнить про твоё платье!

У Аниски опять сошлись брови.

— Будет. Он мне в ту осень башмаки с галошами купил!

— Фу, галоши! — Светлана сморщила нос. — Терпеть не могу никаких галош!

Аниска хотела было вспылить. А как же в новых башмаках прямо по грязи в школу идти? Эти башмаки отцу легко было заработать, что ли? Помаши-ка топором-то с утра до ночи!

Но посмотрела на Светлану и промолчала. Неужели надо Аниске ещё и с ней поссориться?

Лён кончился у самой лесной опушки. Аниска вдруг, ничего не сказав, побежала куда-то в сторону.

— Куда ты? — закричала Светлана.

Ей стало страшно: а вдруг Аниска убежит и бросит её одну?

Но Аниска не думала убежать. Она залезла в заросли шиповника, осторожно пригнула тонкую колючую ветку с розовым бутонем на конце:

— Посмотри! Посмотри, какая красавица! Понюхай!

Светлана понюхала:

— Ну подумаешь! Вот розы — это да! Мама ставила в вазу — вот те пахнут! А эти что...

Аниска замахала на неё рукой:

— Не говори! Не говори!

Отвела её от куста и зашептала:

— Зачем так говоришь-то? Ведь ему тоже обидно!

— Кому?

— А шиповнику. Он зацветает, а ты!..

Светлана поглядела на неё с некоторой опаской: «Отколотит?»

Но Аниска была кротка и задумчива.

— Мне вот всё думается — откуда он эти розовые цветочки берёт? Листья зелёные, и почки зелёные, а из зелёного — вдруг розовый цветочек. Ну, откуда? Почему? Как он может?.. Я вот всегда так гляжу и думаю... Ты не знаешь?

Светлана ответила уверенно, но не глядя в глаза:

— Конечно, знаю! Вот ещё пустяки... Только... пойдём домой...

— А хочешь, я тебе партизанскую могилу покажу?

— А далеко?

— Да нет. Вот тут через овражек. Иди за мной.

Аниска бегом бросилась в овраг, заросший ольшнякам и малинником. Светлана поспешила за ней. Кусты царапали ей руки и цеплялись за платье, а под ноги то и дело подвёртывались острые сучья и корявые пеньки. На дне оврага, в ручье, Светлана промочила свои жёлтые туфли. Кое-как перебравшись на ту сторону, она оглянулась в страхе:

— Аниса, ты где?

В ответ ей только шершавые солнечные листья ольшняка тихонько шелестели под ветром. Светлана, не глядя под ноги, изо всех сил карабкалась по крутой стороне оврага. Косы у неё растрепались, одна ленточка осталась где-то на ветке... Ей уже представилось, что Аниска убежала, что она осталась одна и теперь совсем пропадёт в лесу...

Но, выбравшись наверх, она сразу увидела Аниску.

— Ты что же не откликнулась?! — сердито, чуть не со слезами, крикнула она.

Но Аниска сделала ей знак рукой:

— Не кричи. Здесь нельзя кричать... Видишь?

На бугорке, обнесённая частой оградой, зеленела большая могила. Широкая черёмуха прикрывала её свежей душистой тенью.

— На этой черёмухе очень много цветов бывает, — тихо сказала Аниска. — Как начнёт отцветать — так с неё и сыплется и сыплется на могилу... Будто летом снежок идёт...

— А ты видела?

— Да.

— Что же, вы часто сюда ходите?

— Я хожу.

— Одна?

— Да.

— А девочки?

— Они не ходят.

— Ну, а почему же ты ходишь?

— Так. Побывать с ними.

— С кем?

— Ну, с ними. Которые здесь лежат.

Светлана поёжилась от страха.

— Ну тебя! Ты мне нарочно, чтобы я боялась! Не буду с тобой ходить, ни за что не буду!

Но Аниска глядела на неё ясными и печальными косыми глазами:

— А чего ты боишься? Мне их очень жалко. Ведь к ним на могилу родные не придут. Кто их знает, где у них родные? А ведь им тоже хочется, чтобы их помнили. Наши-то, деревенские, помнят — могилу каждую весну оправляют. Ну, а всё-таки... К ним ведь и приходиться тоже надо!

— Аниса, пойдём отсюда, — прошептала Светлана, — пойдём, я домой хочу!

Аниска поглядела на солнце:

— Что ты! Рано ещё!

— Всё равно пойдём. Только не через овраг — там сыро.

Аниска вывела Светлану на лесную тропочку. Высокие молчаливые ёлки и берёзы стали по сторонам.

— А ты не заблудишься? — опасливо спросила Светлана.

Аниска улыбнулась:

— В своём лесу-то? Да я тут с закрытыми глазами пройду. Вот на этой ёлке дятлово гнездо. Видишь?

— Нет.

— Да вот же!

— Да никакого там гнезда нету! Только дырка в стволе.

— Дырка! — засмеялась Аниска. — Это и есть гнездо. А ты думала, дятлы гнёзда вроде грачиных делают? Тише!.. Летит...

Девочки притихли. Чёрный дятел с малиновым затылком бесшумно юркнул в маленькое круглое дупло.

Прошла минута... другая. Светлана потянула Аниску за платье:

— Пойдём, ну чего стоять-то?

— А может, он вылезет!

— Ну и пусть вылезает. А что интересного?

Аниска с сожалением отошла от ёлки. Хотелось посмотреть, что в дупле. Может, там уже детки есть? А может, ещё только яички лежат...

Девочки молча шли по усыпанной старой хвоей лесной тропинке. Светлана изредка срывала цветок — то душистый жёлтый бубенчик, то крупную незабудку, растущую возле старой колдобины.

— Как чудно... — наконец сказала Аниска. — Вот дятлы яйца кладут белые-белые! Даже блестят. А птицы из них вырастают чёрные... Вот я и думаю — почему?..

Светлана нетерпеливо потрянула косичками:

— «Думаю-думаю»!.. А тебе не всё равно? Какая тропка длинная, идём-идём, а всё из лесу не выйдем!

— А зачем тебе надо поскорей из лесу выходить? Разве плохо в лесу-то?

— Не плохо... А как-то страшно...

Светлана насупила тонкие бровки и оглянулась по сторонам:

— Всё деревья, деревья... Стопились кругом и ничего из-за них не видно!

— Я все эти деревья давно знаю, — возразила Аниска, — и они меня тоже знают...

Светлана поглядела на неё с удивлением:

— Они тебя знают? Деревья?

Аниска кивнула головой.

— Да, знают. Вот ёлка — видишь? Косматая такая, как медведь. Когда меня в лесу дождик застает, так она машет, машет мне потихоньку — иди! Иди укройся! А вон там — берёзка. Вон та, кудрявая. Когда сделается мне скучно-скучно... Ну вот так скучно-скучно сделается! Даже слеза пробивает... Ну, мало ли там почему. Другой раз и сама не знаю... Вот и прибегу сюда, к ней. А она меня встречает такая веселенькая, радуется мне. И мне тогда станет веселее.

Светлана молча ускорила шаг. Хоть бы выйти поскорей из этого леса! И дорога незнакомая, и дом неизвестно где. А подруга и в самом деле у неё чудная, какие-то бредни говорит... А может, она и сама-то дорогу не знает как следует, может, им и не выбраться теперь отсюда?!

Аниска тоже примолкла. С каждым шагом приближался конец её праздника, её радости. Сейчас кончится тропка — и всё кончится. Дома, если матери нет, Лиза нападет на неё. Убежала, а её с Николькой оставила. А Светлана уйдёт к девчонкам — разве она будет водиться с Аниской!

А может, будет? Целое лето впереди — сколько раз ещё пойдут они по полям и лесам со Светланой! Аниска сводит её к Лощинам — там белые грибы рождаются. Покажет кабанью нору. Поведёт на вырубку, в малинник — ни одна девочка не знает это малинное местечко! А шмелиное гнездо, а ёжик, который встречается на овсяной меже, а лосиные следы у ручья... Да мало ли! Они везде будут ходить со Светланой.

— Я тебе когда-нибудь ронжу покажу! — сказала Аниска. — Они у нас в лесу водятся.

— Какую ронжу?

Аниска весело удивилась:

— Не знаешь? Птица такая. Как полетит — будто огонь загорится. Красная вся — и крылья и хвост. Только шапочка чёрная. Отец её сколько раз видел.

— Ну, отец! А ты же не видела. Может, отец тебе нарочно сказал. Такие птицы только в жарких странах бывают!

Аниску снова бросило в жар от гнева. Что же отец будет её обманывать? У них отец не такой, он никогда не обманывает! Он в лесу жил, когда на лесопилке работал, — там и ронжу видел. Только вот как всё это высказать Светлане, чтобы и за отца заступиться и её не обидеть?

— Деревню вижу, — вдруг радостно крикнула Светлана, — нашу избу вижу! Я теперь дорогу знаю, — запела она, — я дорогу знаю и сама!..

И, словно забыв про Аниску, побежала в деревню. У околицы на пруду плескались Верка и Катя.

— Что это вы делаете? — крикнула Светлана.

— Идите к нам! — позвала Катя.

— Светлана, иди к нам! — подхватила Верка. — Мы куклино бельё стираем!

Аниска замедлила шаг. Что же? Так и уйдёт? И не оглянется даже?

Светлана оглянулась. Но глаза у неё были весёлые, прозрачные и совсем далёкие:

— Тебе домой надо, да? Ну иди! Я с ними буду!

А на крыльце уже стояла Лиза с Николькой на руках.

— Ах ты Косуля! Убежит и не спросится! Бери Никольку. Она будет бегать, а я дома сидеть — ишь ты, какую моду взяла! Он мне всю кофточку обмуслякал!

5. ПУТИ К СЕРДЦУ

И вечером, когда улеглась в постель, и утром, проснувшись чуть свет, Аниска думала об одном: что бы такое сделать для Светланы?

И вдруг вспомнила: «Ронжа!»

Да! Надо поймать ронжу! Аниска найдёт эту птицу с красными крыльями, поймает её и отдаст Светлане! Вот, наверно, она обрадуется!

«Ага! — скажет тогда Аниска. — Что, нарочно сказал отец? Вот она ронжа. Уж очень эта птица хитрая, трудно её поймать. А вот я поймала всё-таки. На, это я тебе её принесла!»

Аниска тихонько встала и перелезла через Лизу, которая спала рядом с ней на скрипучей деревянной кровати. Ещё розовое было небо, и солнце, только поднявшись над огородами, в упор глядело в окна.

Мать топила печку. За тонкой щелястой перегородкой потрескивало пламя, брякали чугуны и ухваты.

Аниска оделась и, чтобы не показаться матери на глаза, не пошла через кухню, а раскрыла окошко и выпрыгнула в палисадник.

Ветки цветущей сирени обдали её густым прохладным дождём. Аниска любовно подняла лицо к лиловым цветам. Сколько в них красоты, сколько в них радости! Хоть бы они всё лето цвели и до самой зимы не осыпались.

Из палисадника Аниска скользнула на тропочку и мимо крыльца — на задворки. Но скрыться не успела — на крыльце вышла мать выплеснуть помой.

— Это куда? — удивилась она. — Это что ж — с утра пораньше с глаз долой? Ишь ты, голубушка! Иди, иди-ка домой. Раз уж встала — помогай. Иди почисти картошки на суп. А потом поросёнку вынесешь.

Аниска с насупленными бровями вошла в избу: «Ну и ладно. После завтрака убегу».

Но после завтрака пришла Катя и сказала:

— Тётка Прасковья, бригадирша, зовёт капусту полоть.

Лиза насторожилась:

— Кого зовёт?

— Всех ребятишек. Все, кто есть, пойдут. Потому что очень заросло.

Лиза сразу скисла:

— Ещё что выдумали! Там весь нос облупится, на жаре-то!

Катя улыбнулась:

— А ты на нос бумажку налепи. Вот и не облупится. Аниска, пойдёшь?

— Я пошла бы. Лиза, с Николькой останешься?

Острые Лизины глаза тревожно забегали: пойти? Не хочется — загорись очень и руки будут корявые. Остаться? Николька надоест за день!.. Наконец решила: подошла к Аниске и молча взяла Никольку.

Девочки гурьбой побежали к реке. Там, в низинке, широко залегли капустные огороды. По пути Аниска слазила в ольховую чащу и сорвала жёлтый, просвечивающий на солнце бубенчик. Танюшка взглянула на неё и засмеялась:

— Смотрите, солома горит!

Все засмеялись. А Светлана стала оглядываться во все стороны:

— Где? Где солома горит?

Танюшка указала на растрепавшиеся Анискины волосы:

— А вот где! Не видишь?

Светлана засмеялась:

— И правда! Похоже!..

Аниска подбежала к Танюшке и мигом взъерошила её чёлку.

— Вот и у тебя солома горит! Вот и у тебя — похоже!

А потом скомкала нежный бубенчик и бросила в кусты. Пусть Светлана сама за цветами лазит!

Девочки, как синицы, окружили тётку Прасковью.

— А где нам полоть? Какие грядки?

Далеко, на крайних грядках звучала негромкая песня, пестрели кофточка и платки колхозниц. Капусты совсем не видно было, лебеда и пырей шубой накрывали гряды.

Тётка Прасковья указала на самые короткие:

— Начинайте отсюда. Только капусту не дёргайте.

Аниска встала рядом со Светланой, мимолётная досада её прошла. Она сейчас же принялась за работу. Её загорелые руки проворно и крепко схватывали траву и выдирали с корнем. Сочная, словно запылённая мукой лебеда поддавалась легко. Хрупкий мокрижник тоже слабо цеплялся за землю. Только пырей ни за что не хотел уступать — приходилось разворачивать всю грядку, чтобы выдрать тугое корневище... И тогда пальцы приятно ощущали прохладу свежей земли, скрытой под сухой, заветренной коркой. А как мило смотрели на солнышко освобождённые от сорной травы нежные листья рассады! Как они радовались небу, простору, ветерку и словно говорили Аниске спасибо.

Танюшка пыжилась, пыхтела и даже вспотела вся, стараясь не отстать от Аниски. Она даже примолкла минут на десять. Но через десять минут язык у неё заскучал.

— Ох и грядка у меня — пырей да пырей! У Аниски лучше. И у Кати лучше. У Верки вовсе с плешинами... А у меня! Ой... А где же Светлана? Ха-ха! Смотрите, на «козе» едет!

Светлана была ещё в самом начале гряды. Она осторожно, одной рукой выдёргивала по травинке. Верка поглядела и тоже засмеялась — она рада была хоть чему-нибудь посмеяться, а розовые щёки у неё так и блестели на солнце.

— Боится ручки замарать! Смотрите, как пикульник-то берёт — двумя пальцами!

У Танюшки слова мешались со смехом:

— Да ты хватай его, хватай, не бойся! Он тебя не укусит!

— Да, не укусит... — жалобно ответила Светлана. — Ещё как кусается-то! Он ведь с колючками!..

Аниска, ничего не говоря, подошла и выдрала с корнем колючий пикульник. И так же молча ушла на свою грядку.

— Димка бежит! — вдруг прошипела Верка. — Сейчас начнёт просмеивать!

И бросилась как попало дёргать траву, только бы не показалось, что она отстаёт.

— Эй вы, куриная слепота! Как дела?

У Димки жёлтые волосы торчали надо лбом, короткий нос покраснел от солнца и лупился, а на щеках светились ямочки.

— А мы на том конце полем!

— Это ребята полют, а ты бегаешь! — не оборачиваясь, крикнула Танюшка. — Чего пришёл?!

— А вот посмотреть! Подумаешь — задаются. И обогнали-то на два шага!..

— Ага! Всё-таки обогнали, значит?

Но тут Димка увидел грядку Светланы, и ямочки на щеках засветились ещё больше:

— О-ёй! Вот так «коза»! Это чья такая?

Светлана глядела на него, поджав губы. По белому лицу её пошёл нежный румянец, и светлые жалобные глаза обратились к подругам. Аниска вскочила и закричала на Димку:

— Уходи! Уходи отсюда! Ступай свою «козу» паси, а чужих нечего!

— Ох-ох! Подумаешь!

— Вот и подумай! — подхватила Танюшка. — Когда конец будет — тогда и посмотрим, у кого будут «козы»!

— Посмотрим! — крикнул Димка и побежал обратно.

Солнце пекло. Платье прилипало к спине. Танюшка долго ещё ворчала на отсутствующего Димку, но скоро и она примолкла. Начинала побаливать поясница, руки двигались всё медленней. Девочкам казалось, что они давным-давно сидят на капусте, что и обед прошёл, а про них забыли...

Сигнал на обед долетел к ним из деревни. Там стучали в железную доску, и густой отрывистый звон разносился далеко вокруг — и в поля, и на пахоту, и в пустырь, где корчевали пни, и к ним, на капустные огороды...

Девочки, обтирая руки травой, вышли на тропочку. На горке их догнали ребята. Усталости как не бывало. Спорили, смеялись. Димка называл девчонок куриной слепотой. Они его репьем и молочайником. Чистый голос Светланы слышался всех отчётливей:

— А ты репей! Репей! Как пристанешь — так и не отцепишься!

И никто не заметил, что Аниска одна осталась на грядках.

6. БУКЕТ СИРЕНИ

На другой день девочки пришли на участок с утра. Выполотые грядки смотрели как умытые. Капустная рассада весело топорщилась под солнцем, расправив толстые голубоватые листья.

Первая остановилась Верка:

— Смотрите!

— «Козы» нету! — удивилась Танюшка.

Обе посмотрели на Светлану:

— Ты дополола?

У Светланы забегали глаза:

— Я... Правда, я не... Да я же...

— Ты что — вечером полоть приходила? Да?

— Мы с ней вчера весь вечер в куклы играли, — сказала Катя.

— А кто же тогда? Может, Димка пришёл да выполол?

Все глядели друг на друга и смеялись:

— Вот так чудо! «Коза» пропала!

— А я знаю! — вдруг догадалась Танюшка. — Это Косуля выполола! Она же ведь с нами домой-то не шла вчера!

Аниска будто не слышала этого разговора. Она уже начала новую грядку.

— О, так-то, как Светлана, и мы можем! — обидчиво сказала Верка. Будем дёргать по травиночке, а за нас кто-нибудь полоть будет!

И надула губы.

Светлана рассердилась:

— А я и не просила. Я просила разве? Я бы и сама... Аниса, ты что это? Зачем мою грядку выполола? Я не могу, да?

— Здорово, — лениво усмехнулась Катя. — Это тебе, Аниска, вместо «спасибо».

Светлана, вздёрнув маленький защипнутый нос, косилась на Аниску. Но когда увидела, что Катя хочет начать грядку соседнюю с Анискиной, она бросилась и сама заняла её.

Девочки сначала оживлённо болтали о своих делах — о новой кукле, которую сшила себе Верка, о ласточках, которые живут под застрехой у Тумановых, о том, как за белобрысым Прошкой гнался колхозный бык... Но грядки попались трудные, то пырей, то колючий пикульник, и весёлые языки скоро примолкли.

Аниска работала яростно. Она пропалывала и грядку и обе межи — свою и Светланину, — так что и Светлана сегодня не так-то быстро отставала. Сорняки складывала грудками и притаптывала их своими босыми коричневыми ногами — злые травы живучи, уцепятся корнями за рыхлую землю и опять поднимут голову.

Вдруг проворные руки её замедлились. Аниска в меже увидела жука. У него было толстое брюшко и короткие жёсткие крылья. Жук рыл норку — позади у него возвышалась маленькая кучка вырытой земли. Аниска забыла о капусте.

Норка была уже глубокая, но чёрно-синий жук рыл всё глубже и глубже. Под брюшком у него Аниска увидела маленький желтоватый комочек и догадалась, что жук хочет положить в норку яички... Значит, это такой жук, у которого детёныши выводятся в земле.

Минуты проходили одна за другой. Жук продолжал работать, и Аниска не трогалась с места. Танюшка, полная торжества, давно перегнула её. Катя и Верка поравнялись с ней и молча, посмеиваясь и переглядываясь, спешили изо всех сил, чтобы тоже обогнать её. Аниска ничего не видела. Она ждала когда же наконец этот жук перестанет копать и положит яички?

Жук перестал копать. Но яичек не положил. Он отполз в сторонку, нашёл листок подорожника и принялся его грызть — видно, устал и проголодался.

Давно, ещё той зимой, Аниска прочитала сказку про Хромую Уточку. Тогда Аниска только что научилась читать. Книжка была хорошая — крупные буквы и картинки во всю страницу. Это была первая книжка, которую Аниска прочитала сама. Жалко ей было бабку и деда, которые

остались одни. И жалко Уточку — сожгла бабушка её гнёздышко, а ещё не время было это гнёздышко сжигать. Вот и не пришлось Уточке превратиться в девушку. Бросили ей гуси-лебеди по серому пёрышку — она и улетела в дальние страны... Аниска тогда плакала. А Лиза над ней смеялась:

— Дурочка! Что это — в сам-деле было, что ли? В сам-деле так не бывает.

А откуда Лизе знать — бывает или не бывает? Вот почему-то умеют муравьи строить такие дома — с переходами внутри... И осы делают гнёзда будто из бумаги лепят... И цветы — сами поворачиваются к солнцу, а на ночь свои чашечки закрывают... Значит, они что-то думают, что-то понимают. А может, они тоже, как Хромая Уточка? Бабушка-то думала, что это простая птица, а ведь это была девушка!

Так вот и жук этот...

— Аниса... Что же ты сидишь-то?

Голос был негромкий, просящий. Но Аниска вздрогнула — так неожиданно прозвучал он. Она обернулась. Светлана жалобно глядела на неё синенькими глазками.

— Помоги... — попросила она еле слышно, — мы ото всех отстали. Ты-то догонишь. А меня опять все будут дразнить...

Аниска откинула назад свои густые космы, поглядела кругом словно спросонья.

— Эй! Задремала? — крикнула Татьяна. — Смотри, на «козе» поедешь!

— Не поеду, — буркнула Аниска.

— А я поеду... — печально сказала Светлана. — Ты вот сидишь только да отдыхаешь!

— И ты не поедешь, — ответила Аниска.

Она полола сразу две грядки — и свою и Светланину. Сорняки будто горели у неё под руками. Хоть и медленно, но всё-таки она нагоняла девочек.

Подошла тётка Прасковья, посмотрела, покачала головой:

— Отстаёшь, Аниска, отстаёшь! Будешь лениться — в пионеры не примут!

У Аниски болела поясница и пальцы на руках припухли и растарацились.

— Догоним, — спокойно ответила она, — вот ещё!

Обед прервал работу.

Когда шли домой, Верка пела:

— Кто-то едет на козе,

На козе на дерезе!..

— А потом ещё Димка прибежит... — украдкой вздохнула Светлана. Противные все какие-то...

Аниска не стала обедать. Она схватила кусок хлеба, съела его с молоком и побежала к Светлане.

— Ты что? — удивилась Светлана. — Уж идти надо?

— Пойдём, — сказала Аниска.

— Но я ещё и не отдохнула ничего! И у меня ещё заноза в руке! Я не могу так скоро... И потом, ведь сейчас жарко очень!

Аниска понизила голос:

— А ты не будешь полоть. Ты там в холодочке посидишь. А то скажут, что я одна выполола...

— Но я же не могу-у-у!..

— Ну, ты не сейчас. Ты пообедай и приди... Ладно? Будто ты всё время там была.

Светлана сразу повеселела:

— Ладно!

Так и было, как сказала Аниска. Она прополола обе грядки и догнала девочек. А потом опять гнала две — и свою и Светланину. Светлана только между успевала пропалывать. И к тому времени, как из деревни донеслись к ним глухие удары в железное било, у них на участке не было ни одной «kozy».

Светлана подбежала к Аниске и крепко обняла её — так она была рада, что вылезла из беды.

— Анисочка! Я всегда буду с тобой водиться! Я к тебе сегодня играть приду — вот увидишь! Я все время буду с тобой!..

Аниска молчала. У неё болела спина; руки, исколотые пикульником, изрезанные пыреем, больно было сжать в кулак. Но серые косые глаза говорили о том, что она счастлива.

В сумерки Светлана в самом деле пришла к Аниске на крыльцо. Они вдвоём забавляли Никольку, агукали ему, пели песенки. Потом посадили его на одеяло, а сами играли в «мак». Аниска прыгала неуклюже — то наступала на черту, то попадала в «огонь». Светлана не прощала ей ни одного промаха. Но Аниска не обижалась. Она раскраснелась, крупные зубы её блестели, смех разбирал её от всякого пустяка.

Первая подошла к ним Танюшка. В следующий кон она уже прыгала вместе с ними. Верка бежала мимо. Но увидела «мак», и ноги сами собой привели её к Анискиному двору. Потом подошла Катя и тихонько стала в стороне.

— Давайте снова! — скомандовала Светлана. — Чур, первая!

— Чур, вторая!

— Чур, третья!

— Четвёртая!

Аниска была последняя.

Аниске было всё равно — первой ей быть или последней. Но её приняли в «мак». Она по-прежнему проигрывала и без конца оставалась последней, но зато как было весело! И Николька мирно играл на одеяле, и Лизы не было дома — ушла с бельём на речку... Если бы три дня и три ночи продолжалась эта игра, Аниска ничуть не соскучилась бы!

Но наступил вечер.

Девочки убежали встречать скотину.

Светлану бабушка позвала домой. Вернулась с речки Лиза, пришла мать с работы. Мать взяла Никольку и унесла в избу.

Аниска долго сидела на крыльце. Ей видно было, как опускается солнце в далёкий лиловый лес, как бледнеет розовое облачко, похожее на рыбку, как ложатся мягкие тени на заросшую гусиной травкой улицу... Тихо-тихо становится кругом. Первые звёзды задрожали на бледно-зелёном небе, а берёзка у околицы стала тёмной и неподвижной, будто нарисованная...

Никогда ещё Аниска не видела, чтобы так красиво и так радостно было на земле. Ей даже плакать хотелось оттого, что слишком хорошо человеку жить на свете!.. Вот завтра Аниска будет так работать, что Светлана со своей грядкой окажется впереди всех!

Но это будет завтра. А вот если вытащить для неё мёд из шмелиного гнезда? Но это тоже завтра. Можно бы достать белых купавок с омута, но ведь и это только завтра — ночью же не полезешь! Всё завтра! А вот Аниске хочется сделать что-нибудь сегодня, сейчас! Сейчас же!

«А! Знаю!»

Мать окликнула Аниску ужинать. Аниска не отозвалась. Она бросилась в палисадник и быстро, грубо обломала все цветы со своего любимого сиреневого куста. Завтра утром в окно заглянут изуродованные ветки, в садике покажется скучно и пусто... И мать станет ругаться, наверно...

«Ну, пускай!»

Аниска тихонько выбралась из палисадника и, прижимая к груди охапку влажной сирени, побежала к Тумановым. У Тумановых уже было заперто. Ей открыла бабушка Марья.

Она удивилась, увидев Аниску:

— Ты что?

— Я ничего... — виновато сказала Аниска. — Я только вот... Бабушка Марья, отдай Светлане!

Она положила на стол мокрые встопорщенные сиреневые ветки и скрылась.

— Бабушка... Кто это там? — сонным голосом спросила Светлана из маленькой комнаты за печкой.

— Аниска тебе букет принесла, — ответила бабушка. — Ты погляди какой!

— Только не ставьте ко мне, — сказала Светлана, — а то от него голова заболит. Я завтра посмотрю...

7. ИЗМЕНА

Три дня ходили девочки полоть капусту. Три дня Светлана крепко дружила с Аниской. Они почти не расставались — полости вместе, а после работы играли вместе. Светлана даже помогала Аниске — ходила с ней за водой, вязала с ней веники из полыни...

Когда в последний раз шли с огородов, лукавая Верка обратилась к Светлане:

— А завтра ты с ней тоже дружить будешь?

Аниска быстро взглянула на Верку, потом на Светлану. Светлана подняла кверху свой маленький защипнутый носик.

— Да. Вот и буду дружить. За грибами с ней пойду. А когда малина поспеет — буду с ней за малиной ходить. Всё лето буду с ней дружить!

Она обняла Аниску за плечи. И так шли они от реки до деревни, до самого дома. У палисадника Аниска остановилась и поглядела Светлане в глаза.

— Ты правда со мной ходить будешь?

— Буду.

— И в лес, и на луг, и за малиной?..

— Конечно.

— А малина поспеет ещё не скоро... Ты до тех пор со мной не раздружишься?

— Нет. Не раздрусусь.

Аниска вдруг крепко обняла Светлану.

— А я тебя до самой смерти буду любить, — сказала она, — до самой смерти. До самой смерти.

И побежала домой, потому что Лиза уже стояла на крыльце и нетерпеливо звала Аниску.

Кто самый счастливый ходил по земле в этот вечер? Кому усмехалось заходящее солнце? Кому светили весёлые звёзды?

Это Аниске усмехалось солнце, это ей светили звёзды, это она, счастливый человек, лёгким шагом ходила по земле.

И вот снова они вдвоём — Аниска и Николька. Спокойный жаркий день стоял за окнами. Где-то гудела пчела. Лиза попрянула немытую посуду по углам, наскоро вымела середину пола и ушла в село, к Анне Дмитриевне, своей пионервожатой. Анна Дмитриевна ведёт у них кружок рукоделия, у неё всякие нитки есть. Лиза попросит у неё красных ниток, а потом вышьет себе кофточку и наденет на Октябрьский праздник...

С улицы долетел звонкий говор Танюшки, протянулась тоненькая песенка... Девочки собрались куда-то! Идут всей гурьбой, и белобрысый Прошка сзади тащится. И Светлана с ними. Она сегодня в чистом платье в розовую полоску и с розовым пояском. Уходит!

Конечно, Аниска могла бы схватить Никольку и выбежать к ним навстречу. Но мать не велела таскать Никольку на реку. А потом, если бы даже и Никольки не было, Аниска всё равно не выбежала бы к ним. Зачем же? Раз не зовут — она и не пойдёт...

Николька хныкал, но Аниска не отходила от окна. Что это? Девочки остановились против их дома. Светлана бежит к ней!

— Аниса! Пойдём купаться.

Аниска, улыбаясь, затрясла головой:

— Мне с Николькой нельзя... Ты иди, иди! А я дома буду.

— Ну ладно. Я потом приду к тебе!

Светлана побежала обратно.

— А ты вправду придёшь? — крикнула Аниска.

— Конечно, приду!

Девочки ушли. Тоненькая песенка всё дальше, дальше... Наконец Аниска заметила, что Николька плачет. Она взяла его на руки, поцеловала в лоб и нежно прижала к себе его светлую голову.

— Николька, ты не плачь. Ты думаешь, что Светлана с нами больше не водится? А вот и нет. Водится! Видишь — прибежала, позвала! Она искупается и придёт. Мы будем с ней играть в «мак». Потом мы ей покажем, где у нас под крыльцом живёт жаба. А говорят, уж в лесу сыроежек пропасть — вот пойдём с ней в лес. Там овражек есть — длинный такой и немножко тёмный... Знаешь, там по краям сколько сыроежек бывает! Вот обрадуется, если полную корзину наберёт!

Аниска с Николькой на руках вышла на улицу. На лужайке под липой было тихо и пусто, только маленький рыжий телёнок нерешительно щипал траву. Солнце поднималось к полдням. Куры, раскрыв клюв, искали холодочка...

— Они теперь долго купаться будут... — прошептала Аниска, — долго, долго! Потому что жара... Но она придёт. Сказала приду — значит, придёт. Вот увидишь.

Светлана пришла. Только пришла она к Аниске уже после того, как все отообедали, после того, как снова позвонили колхозникам на работу. Светлана принесла свою куколку с розовым лицом и чёрными кудрями, плюшевого медвежонка и кукольную кровать.

— Мы на крыльце будем играть? — спросила она. И тут же сама ответила: — Давай на крыльце. Вот тут будет моя комната. А в том углу твоя. А Никольку посади на одеяло, пускай ползает. Выноси своих кукол.

— А у меня нету...

— Нету? Ну-у... Почему же у всех куклы есть, а у тебя нету?

— А на что они?

Светлана даже плечами пожала.

— Вот чудная ты, Аниса! А играть-то во что?

— А как в куклы играть? — сказала Аниска. — Они ведь тряпочные... неживые. Ну, что они

умеют-то? Они даже пошевелиться не могут.

— Не могут! — повторила Светлана с лёгким нетерпением. — Ну и пусть не могут. А ты сама вместо куклы говори... Или нет. Лучше на тебе мишку, а то куклу разобьёшь ещё!

Игра сначала не ладилась. Светлана из своей квартиры звонила по телефону к Аниске. Но Аниска никогда не разговаривала по телефону и не знала, как отвечать. Она не знала, что должен делать мишка и что он должен говорить. Ей скучно и тесно было сидеть на крыльце, когда рядом на усадьбе было полно цветов, пели птицы, стрекотали кузнечики и столько всякого интересного, непонятного и милого живья копошилось кругом! Вот хоть бы этот паучок под застрехой — ишь какую паутину свил! Ниточки ровные, частые и блестят, будто радуга... Но что ж делать — Светлана не любит разглядывать каких-то пауков и какие-то паутины!..

Но всё равно. Аниска уступила без всякой обиды. Она научилась разговаривать по телефону, водила мишку за плюшевую лапу, приходила с ним в гости к Светлане и её кукле, готовила кушанья из головок сладкого клевера и из кислого щавеля.

И всё же среди самой оживлённой игры Аниска неожиданно сказала:

— Хочешь, пойдём на пруд? Я тебе покажу, как лягушки мух ловят.

Светлана удивилась:

— А на что мне?

Аниска покраснела: и в самом деле, а на что ей? Но ведь Аниска думала, что это интересно...

— А правда, что мне девочки рассказывали? — вдруг спросила Светлана. В блестящих глазах её светился смех.

— А что? — спросила Аниска.

— А про тебя. Будто ты, когда была маленькая, сидела на пруду с прутиком, лягушек пасла. Будто тебя пастушонок научил, а ты и поверила, что их пасти надо! — Светлана не выдержала, рассмеялась. — Правда?!

Аниска нахмурилась и не ответила. А она тогда почём знала, что их не надо пасти!

— Да, — вспомнила Светлана, — я же тебе заколочку принесла!

Она вытащила из кармашка маленькую блестящую заколочку, подобрала густые Анискины космы и заколола надо лбом.

— Ну вот видишь — и глядеть хорошо!

Аниска просветлела, заулыбалась, пощупала свои волосы и заколку в волосах...

На лужайке под липой слышались голоса. Что-то закричали, засмеялись.

Светлана насторожилась.

— Не уходи! — быстро сказала Аниска.

Но Светлана уже вскочила:

— Я сейчас! Я приду!

И побежала на лужайку. Аниска издали услышала её возглас:

— Ай! Белочка! Поймали белочку!..

Аниска и Николька долго ждали Светлану. Они сидели на ступеньках, кукла и мишка сидели рядом с ними. Голоса на лужайке вдруг затихли видно, все убежали куда-то. Значит, Светлана сейчас придёт.

Но Светлана не приходила. Медленно прошёл час, начался другой. Незаметно собирались сумерки. Николька запросил каши. Аниска ждала и не уходила с крыльца.

На тропинке показался белобрысый Прошка.

— А девчонки где? — спросила Аниска.

Прошка флегматично ответил:

— В лес побегли. Белку пускать.

— А... Светлана?

— И она побегла.

Прошка ушёл. Из палисадника торчали обломанные ветки сиреневого куста. На них сидели и взапуски трещали молодые воробьи, будто смеялись над Аниской.

Аниска с минуту постояла молча, оглушённая гневом. Потом вырвала заколку из своих волос, бросила на дорожку и затоптала в пыль. Стиснув зубы, схватила Светланины игрушки, подбежала к палисаднику Тумановых и с яростью пошвыряла их через загородку. И плюшевого мишку, и кроватку, и куклу с чёрными кудрями. Аниска так боялась, что может нечаянно разбить эту куколку! А вот теперь швырнула её изо всех сил — и, если бы куколка разбилась, она не пожалела бы! Пускай разобьётся! Пускай Светлана больше никогда не подружится с Аниской, пускай!

Вечером пришла мать с работы и никого не нашла в избе. Николька один лежал и агукал на широкой кровати.

Вскоре пришла Лиза.

— Кто с Николькой оставался? — сердито спросила мать. — Одного бросили!

— Косуля оставалась! — ответила Лиза. — А я избу убирала... А сейчас за водой схожу!..

Она схватила вёдра и убежала на колодец, пока ей не попало: в избе-то и совсем не было убрано!

А Косуля тем временем обнимала в перелеске свою ласковую берёзку, прижималась щекой к её прохладной коре и шептала, еле удерживая слёзы:

— Ой как мне скучно! Ой как мне скучно-скучно!

А вечер этот был субботний. В первый раз за всё лето Аниска сегодня не вышла за околицу встретить отца.

8. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Отец колот дрова. Сильные руки высоко вскидывали топор и легко, будто играючи, бросали его на круглый чурбак. Раз! И толстый чурбак развалился на две половины. Раз-раз — и вместо чурбака охапка поленьев.

Аниска подбирала свежие, пахнущие лесом дрова и носила их под навес. Там она складывала их в поленницу. Старалась укладывать ровно, чтобы поленница не развалилась.

Отец расколол все чурбаки, сел на завалинку покурить.

— Так где же это ты была, Аниска? — спросил он. — Мать жалуется — всё из дому убегаешь.

Аниска молчала, укладывала поленья. Отец спрашивал сердитым голосом, но Аниска знала, что это он её просто хочет попугать немножко, а сам ничуть на неё не сердится. Когда он был маленький, то так же, как Аниска, по целым дням в лесу пропадал.

Сквозь табачный дым на Аниску глядели прищуренные серые отцовские глаза. Это были хорошие глаза большого, сильного человека, такого человека, который не обидит слабого, а за обиженного всегда заступится. Откуда ему знать, что Аниске трудно живётся на свете, что не умеет она дружить с девчонками, что терпит она от них всякие насмешки, а потому и убегает в лес, где каждый цветок ей улыбается и каждая птица кричит ей «здравствуй!»?

Аниска никогда не жаловалась отцу. Однако он знал всё, что у неё на душе, и никогда на неё не сердился.

Аниска укладывала дрова и молчала. Если бы не поссорилась она вчера со Светланой, сколько бы всего весёлого она могла рассказать отцу! А так что ж рассказывать? Ничего хорошего нет.

— Говорят, новая подружка у тебя завелась?.. А? — опять спросил отец.

Аниска бросила полено.

— А на что она мне? Пускай с другими девчонками водится. А что в ней хорошего-то? Зубы торчат, как у зайца. И не нужна она мне! И никто не нужен!..

Отец вздохнул:

— Эх, дочка, дочка. Нельзя так на свете жить. Плохо, когда тебе никто не нужен и ты никому не нужна. Уж как в этих делах разобраться — сам не пойму. Трудные это дела!

Из дома вышла мать с Николькой на руках. Она услышала его слова и усмехнулась.

— Страсть какие трудные дела — с девчонками не поладили! Есть о чём говорить — сейчас побранятся, сейчас и помирятся. Аниска сама крапива хорошая.

— Да ведь и крапива колется лишь тогда, когда её топчут да ломают... — ответил отец.

— Ну что выдумал!.. — Мать махнула рукой. — Будь к людям хорош, и люди к тебе хороши будут. А на обиды эти и вниманья обращать нечего пустяки какие!

— А я ей не хороша была, да? — вдруг всхлипнула Аниска, и слёзы закапали на белые поленья.

Отец встал.

— Сходить в лес, сушинику посмотреть, подготовить... — сказал он, встал и засунул за пояс топор. — В то воскресенье лошадь обещали.

— Ну вот, — обиделась мать, — и так тебя по целым неделям не вижу!

А Аниска обрадовалась. Слёзы её сразу высохли.

— И я с тобой, папаня! Ладно?

— Ну, а как же! — отозвался отец.

— Оба чудные, — сказала мать и улыбнулась, покачав головой. — В лес каждый раз будто к празднику идут! Э-эх!

Аниска неподвижно стояла на полянке, озарённой солнцем, среди пышной пёстрой иван-дамарьи.

Деревья, полные солнечного спокойствия, окружали её, и откуда-то из зелёной чащи сыпался разноголосый птичий щебет. Аниска видела, как на белый цветок дикой петрушки вылез и уселся кремовый паучок-бокоход. Сел и сидит неподвижно — попробуй-ка, муха, разгляди врага!

Она слышала, как далеко-далеко стучит дятел по стволу дерева. Она различала сладкий запах пушистой розовой таволги, которая цвела среди кустов. Сердце её понемножку отогревалось, успокаивалось.

— Папаня, ау! — звонко закричала она.

— Э-ге-ге! — ответил ей отцовский голос из лесной гулкой дали.

Отец здесь, рядом. И весь день будет Аниска около него. Как хорошо, как весело, когда отец дома! Пускай только кто-нибудь нынче подразнит её! Пускай Лиза хоть пальцем тронет! Ага! При отце-то она побоится.

Легонько взмахнув густыми космами, Аниска пошла дальше, в лесную страну, — тихую, приветливую, ласковую...

На старой заросшей дороге Аниска увидела ежа. Он хлопотливо бежал ей навстречу.

— Куда ж, дурачок, бежишь прямо под ноги? — спросила Аниска. — А если б это не я была, а какие-нибудь мальчишки?

Ёжик был молодой, иглы у него были светлые, свежие и не острые. Он свернулся в клубок, Аниска легонько перевернула его.

— Ну, ну, не фыркай, я тебе только в лицо посмотрю. У, какой ты смешной! И глаза зажмурил. А нос-то чёрный да мягкий какой, как сливинка! Ну ладно, развёртывайся да иди куда шёл...

Ёжик открыл глазки, посмотрел на Аниску и опять зажмурился.

— Ну ладно, уйду, — сказала Аниска, — а то пролежишь тут, опоздаешь по своим делам...

И пошла дальше.

Муравьи чёрным ручейком текли куда-то, пересекая дорогу. Куда это они? Ага, на калину! А что там, на калине, мёдом намазано, что ли?

— Ты что нашла? — спросил отец, выходя из чащи.

Аниска молча поманила его к себе рукой.

— Гляди-ка... куда это они?

— А вот куда, — сказал отец, приглядевшись, — видишь?

На калиновых листьях, возле самого черешка, Аниска увидела красные бугорки. Вот к этим-то бугоркам и стремились муравьи. Они грызли их со всех сторон жадно и торопливо. На калиновый лист села глупая муха и поползла к этим бугоркам. Но муравьи, приподнявшись на задние лапы, замахали на неё передними и выставили свои свирепые челюсти:

«Не подходи! Загрызём!»

Муха попятилась и улетела в страхе.

— Ой, звери! — прошептала Аниска. — А что, если бы они большие были? Ну, если бы с корову? Вот-то страшны были бы! Ух, и страшны!..

— Страшней медведя были бы, — согласился отец.

К полудню, когда густой зной начал проливаться на лесные полянки, отец и Аниска дошли до ручья. Они уселись на бережку. Отец достал из кармана большой ломоть хлеба с солью, завёрнутый в газету, посмотрел вокруг:

— Кто хлеба хочет? Ну-ка?

— Ты кому — птицам? — засмеялась Аниска.

— Всем, кто попросит, — улыбнулся отец.

Он отломил половину ломтя Аниске. А от своей половины отщипнул мякиш и покрошил на сырую песчаную отмель.

— Может, какие пичужки съедят...

Аниска съела хлеб, запила водой из ручья.

Хорошо! Хорошо жить!.. Речка журчит. Таволгой пахнет. Отец сидит на бугорке, покуривает...

Аниска запела. Голос у неё был низкий и неверный. Если бы девчонки услышали, сейчас же начали бы смеяться. А если отец слышит — ничего. Он смеяться не будет.

В голубой вышине, играя солнечными огоньками, чуть-чуть трепетали тревожные листья осины. Аниска посмотрела на них и вдруг замолкла. Как жалко, что Светланы сейчас нет здесь. Сидели бы у ручейка, лежали бы на траве...

— Папаня, а где эти ронжи водятся? — сдвинув брови, спросила она. Ведь ты правду сказал, что у нас эти птицы живут? С красными крыльями, а?

— Правду, — ответил отец, — а для чего же человеку неправду говорить?

— А как её найти? Вот я хожу, хожу, всё хочу эту ронжу увидеть...

— Красивая птица, — сказал отец. — Она, где сыро да глухо, от людей подальше своё гнездо вьёт.

— А поймать её можно?

— Нет. Поймать нельзя. Не поддастся. Да и на что её ловить? Пусть в лесу живёт. В неволе она жить не может. Умирает. Тоскует шибко.

— Мне нужно поймать ронжу.

Отец поглядел на Аниску:

— Это на что же тебе?

Аниска опустила глаза.

— Мне Светлане подарить надо. Это я не так тебе тогда сказала. Светлана хорошая. И зубки у неё хорошенькие...

— А говорила, не нужен тебе никто, а? — усмехнулся отец.

— Светлана нужна мне... — еле слышно прошептала Аниска. — Прямо знаешь как... До смерти!

— Эх, Аниска! — удивился отец. — Так чего ж ты? Сходи да помирись с ней. Вот давай лисичек наберём, ну и снесёшь ей гостинец. Ладно?

* * *

Вечером Танюшка прибежала к Кате.

— Знаешь, а Косуля всё-таки чудная. Лисичек принесла — целый фартук и все отдала Тумановым! Вот хочется ей со Светланой дружить, вот хочется, и всё. И что пристала?

— А Светлана что?

— А Светлана смеётся. Говорит: «То игрушки мои все покидала, а то как собачонка за мной бегаёт». Говорит: «Я и в Москве всем буду рассказывать...»

Катя сказала задумчиво:

— А когда Аниска за неё капусту полола, что ж она тогда не смеялась?..

Хоть и ленивая у Кати была душа, но тут и она не смолчала.

9. АНИСКА УХОДИТ ИЗ ДОМУ

Давно перестали петь соловьи, и кукушка в лесу примолкла. Наступил богатый июль месяц, с жаркими днями, с ясными зорями, с лесной земляникой и красной смородиной...

На лугах созрели травы. Начался покос. Тётка Прасковья опять позвала ребятишек:

— На Дмитров луг сено ворошить!

Аниска схватилась за грабли, но мать сказала:

— Подожди, подожди. На луг тебе идти не придётся.

Аниска нахмурилась:

— Лиза пойдёт, да?

— Лиза с Николькой будет.

— А я?

— А ты пойдёшь в Корешки. К тётке Анне.

— Что?!

Оказалось, что тётка Анна, материна сестра, наказывала прислать к ней кого-нибудь из девочек — Лизу или Аниску — на время покоса. У них косьбы много, а тётке Анне от маленького Гришутки никуда отойти нельзя. У них в Корешках, на беду, детский сад закрыли — заболел кто-то из ребятишек, там теперь карантин. Так вот, пусть придёт кто-нибудь, поживёт у неё недельку, Лиза или Аниска, пока жаркие дни стоят...

— Вот ты и пойдёшь, — закончила мать, — а то совсем одичала, дома не знаешь, в доме ничего делать не хочешь...

— Только и знает — в лес да в лес, — ввернула Лиза.

Аниска молча глядела на мать. Косые серые глаза её с большими ресницами были похожи на цветы.

Матери стало жаль Аниску, но сделать ничего было нельзя, она уже обещала тётке Анне. А чтобы скрыть слабость сердца, она сказала сурово:

— Ну, что глядишь? Собирайся. Авось не в чужое царство-государство уходишь! Вон они Корешки-то, с горы на гору видно!

— Я не буду из дому убегать, — сказала Аниска, — я боюсь в чужую деревню...

— Авось не съедят.

— Я буду с нашими девчонками... на покосе. Мамка, не посылай меня в Корешки!

Аниска отвернулась.

— Ну вот ещё — теперь слёзы! — сказала мать. — Как будто её из дому гонят. Через неделю опять со своими девчонками будешь, никуда они не денутся. На вот чистый платок, повяжись да и отправляйся. Вон уж и на работу звонят...

Мать с рук на руки отдала Лизе Никольку и поспешно вышла из избы. Глупая какая девка — плачет, будто на век из дому уходит! И не послала бы, да ведь обещано!

Лиза молча поглядывала на Аниску. Конечно, не очень-то хорошо, что Аниска уйдёт — Николька теперь так и будет на Лизиных руках.

— Мам, — сказала Лиза, — а почему это мы Никольку в ясли не отдадим? Отдали бы в ясли, да и всё!

— А что, у нас дома с Николькой посидеть некому, что ли? Пускай в ясли несут, кому ребёнка оставить не с кем. А у нас своих нянек хватает. Нечего в яслях место зря занимать!

Аниска повязалась белым платком с каёмочкой и со слезами на ресницах вышла на крыльцо. Девочки шли мимо с граблями на плечах. Светлана тоже была с ними и тоже, как настоящая колхозница, несла грабли на плече.

Аниска выбежала к дороге:

— Светлана!

Девочки остановились, обернулись.

— Что тебе? — спросила Светлана.

— Я в Корешки ухожу.

Светлана приподняла тонкие бровки:

— Ну, а я что? Я же не бригадир...

— Я ведь на все дни ухожу...

— Ну что ж, счастливо! — улыбнулась Светлана. — Приходи скорее! — И помахала рукой: — До свиданья!

Девочки пошли дальше. Верка затянула песню. Аниска постояла, посмотрела им вслед. Но видела она только одну Светлану, её светлую голову, её голубое платье.

Потом повернулась и молча, с тяжёлым сердцем пошла по дороге в Корешки.

Неожиданно, уже под горой, её догнала Катя.

Аниска оглянулась на её голос и хмуро ждала, что она скажет.

Катя, запыхавшись, подбежала к ней и протянула ей книжку в пёстрой обложке. Это была любимая Катина книжка сказок, которую она берегла и никогда никому не давала.

— Возьми с собой, — сказала она Аниске каким-то незнакомым тёплым голосом, — а то, может, тебе скучно будет! Потом отдашь.

У Аниски посветлели глаза. Она взяла книгу и в изумлении смотрела на Катю, не зная, что сказать.

Но Катя и не стала ждать её слов. Она повернулась и побежала по тропочке на гору сквозь кусты, подпираясь граблями.

10. ЦАРСТВО-ГОСУДАРСТВО

Толстоногий Гришутка был непоседа. То он старался влезть на подоконник и сваливался оттуда, то застревал где-нибудь в щели забора, то забредал в крапиву и ревел там на всю деревню. Аниске часто хотелось нашлёпать ему хорошенько, но Гришутка был ябеда, живо всё матери расскажет. А тётка Анна сердитая, долго думать не будет, сейчас и даст подзатыльник.

Аниске казалось, что нет ни одной деревни хуже, чем Корешки, — улица бугристая, избы неприветливые, пруд совсем зелёный, набитый тиной и ряской... А лес так далеко, что, пока дойдёшь, тебя солнцем испечёт, как картофелину.

Тётка Анна целые дни проводила на покосе. Крепкий запах сена доносился и в деревню. В деревне стояла сонная скучная тишина.

Аниске представлялось, как в Зелёных Горках весёлая бригада работает на сенокосе — ворошат, подгребают, складывают скирдушки... Поспевает ли за ними Светлана? Наверно, нет — ведь она и охапки-то таскать не умеет.

Издали всё кажется хорошо. Аниска забыла, как девчонки дразнили её Косулей, как не принимали играть, как Светлана убегала от неё... А если когда и вспоминала об этом, то не сердилась. И кроме того, там были субботы и воскресенья, когда приходил отец домой!

Знойные тягучие дни были безнадежно тоскливы. Аниске казалось, что она уж так давно ушла из дому, что, пожалуй, теперь даже и дорогу забыла в Зелёные Горки. А до конца покоса было ещё очень далеко. И, если бы не Катина книжка — неизвестно, как Аниска терпела бы эту тоску.

Однажды утром Гришутка разбил чайную чашку. Аниска собрала черепки и закинула в крапиву. А после обеда, только ушла тётка Анна, Гришутка залез в шкаф и рассыпал крупу.

— У, баловник! — рассердилась Аниска. — Вот убегу от тебя!

Она собрала крупу, закрыла шкаф и взяла Гришутку за руку:

— Пойдем. Ты в избе только бедокуришь.

Они вышли на скошенные усадьбы. Эти усадьбы лежали светлые, пустые и немножко печальные. Аниска потащила Гришутку дальше по тропочке — в поле. Тропочка привела их в рожь. Бледно-жёлтые блестящие стебли густо и высоко поднимались по сторонам, колосья ласково шуршали над головой, задевали волосы, а вверху синела жаркая полоска неба.

— Мы куда? — спросил Гришутка.

Аниска не ответила. Гришутка дёрнул её за платье.

— Куда мы? — закричал он. — Я не хочу! Жарко!

— Не кричи, — сказала Аниска, — я тебе царство-государство покажу.

Гришутке сразу стало интересно.

— Какое царство?

— Вот придём, увидишь.

Гришутка прибавил шаг.

Они долго шли через ржаное поле. Голым пяткам было горячо ступать по твёрдой белой дорожке. Рожь дышала им в лицо жарким запахом созревающих колосьев. Сладко пахли васильки и розовая кашка, которая густо цвела в зелёной меже... У Гришутки пот каплями сбегал от висков по щекам, оставляя тёмные полоски. Но он щурил глаза и упрямо шагал вперёд — уж очень хотелось посмотреть, какое это царство-государство.

Наконец поле кончилось. Гришутка поглядел на Аниску:

— Ну скоро?

— Скоро. За рощицей.

Рощицу, всю белую от молодых берёзок, миновали незаметно и вышли на высокий, ещё не кошенный бугор. Аниска опустила на колени, обняла Гришутку за плечи:

— Смотри. Вон за полями... И за тем лесочком. Видишь?

Гришутка даже шею вытянул, чтобы увидеть царство.

— А где же? Ну, а где же?..

И вдруг увидел. За светло-зелёными льнами, за клеверами, подёрнутыми красным цветом, за тёмными острыми ёлками на солнечной горе виднелись коньки крыш...

— Вижу! Царство-государство вижу!

— Ну вот же... — ласково сказала Аниска, — говорила же тебе!

И будто забыла о Гришутке. Подперлась руками и загляделась на далёкие крыши. Наконец Гришутка спросил:

— Тебе туда хочется?

Аниска ответила со вздохом:

— Ой, хочется!

— А пойдём!

— Что ты! Мать заругает. Уж и так мы с тобой далеко зашли.

Но, вместо того чтобы встать, Аниска снова задумалась, глядя на это царство-государство.

Гришутке надоело.

— Пойдём... — заныл он, — домой хочу-у!

Аниска встала.

— Прощайте, — негромко сказала она кому-то и кивнула головой, прощайте.

Взяла Гришутку за руку, и они снова пошли обратно. Когда прошли половину рощи, Гришутка спросил:

— А ты с кем прощалась?

— А с теми, кто там живёт.

— Они тебя знают?

— Знают.

— А там крыши драночные?

— Нет. Золотые.

— А избы?

— А избы из пряников.

— А как это царство зовут?

— Это царство — Зелёные Горки, — сказала Аниска. — Видишь, как хорошо? Зелёные Горки.

Вышли из рощицы, и снова солнце яростно принялось жарить им лица.

— В рожь идти, как в горячую печку! — сказал Гришутка и надул губы.

— Ничего, — сказала Аниска, — скоро дождик пойдёт.

— А туча где?

Аниска мотнула головой:

— А вон за лесом.

— У! Эта туча завтра придёт!

— Нет. Скоро придёт.

— А ты почём знаешь?

— А мне вот они сказали.

Аниска показала ему на колокольчики. Нежные цветы поникли на своих тонких стебельках.

— Думаешь, от жары завяли? Нет. Нагнулись просто — дождя боятся. Вот и эти тоже.

Она раздвинула траву, и Гришутка увидел маленький белый цветок, который сжал свои лепестки будто на ночь и повернулся книзу. Голубой журавельник тоже наклонил к земле свои широкие простодушные цветы.

— Видишь — зажмурились? Уж это обязательно дождик будет. Это они знают. Как бы нас в поле не застал!

Она посадила Гришутку на загорбок и припустилась бегом через широкое ржаное поле.

11. ПИРОГИ С МОРКОВЬЮ

Цветы сказали правду: к вечеру зашумел проливной дождь. Дождик шёл всю ночь, и утро наступило пасмурное. Сено разваливать было нельзя.

Тётка Анна была рада отдохнуть от покоса. Она стряпала, месила тесто, прибиралась в избе и так чистила и скребла, будто год не была дома.

Гришутка сидел на лавке, ждал, когда поспеют пироги.

— А царство-государство знаешь как называется? — неожиданно спросил он у матери.

Тётка Анна удивилась:

— Какое царство?

— А такое. Знаешь как? Зелёные Горки. Мы с Аниской ходили смотреть.

Тётка Анна поглядела на Аниску:

— Ты что ж — заскучала, что ли?

Аниска покраснела, опустила голову.

— Скоро соскучилась, — недовольно сказала тётка Анна. — Эва какую даль парня по жаре таскала!

Наступило молчание. Только горшки и кринки побрякивали в руках тётки Анны.

— Дождик на улице-то... — наконец пробормотала Аниска.

— Ну, а что из этого?

— Покосу-то нету...

— Домой, что ли, сбегать хочется? Ну что ж, иди. Вот возьми пирог да ступай. Но смотри, завтра обратно!

Аниска торопливо повязала платок.

Тётка Анна достала из печки пироги, выбрала один с пригаринкой и положила на стол.

— На вот. Только и глядит, как бы домой... И куда идёт, когда дождик вот-вот опять брызнет!

Аниска взяла пирог. Но уходить медлила. Она глядела в окно, как бы стараясь понять — брызнет сейчас дождь или нет?

Тётка Анна вышла зачем-то в чулан. Тут Аниска бросилась к противню, схватила ещё два пирога и сунула их под фартук.

— Прощайте, — крикнула она с крыльца, — я пошла!

Гришутка высунулся в окно:

— Ты куда?

Аниска махнула рукой:

— В Зелёные Горки!

— И я! — завизжал и завопил Гришутка. — И я с тобой! И я хочу!

Но Аниска, шлёпая пятками по сырой тропинке, уже мчалась усадьбами. Аниске хотелось превратиться в жеребёнка, тогда бы она эти пять километров проскакала вприпрыжку и ни разу не отдохнула бы. Или сделаться бы птицей это ещё лучше! Прямо над лесами, над полями, над оврагами... Бросили же гуси-лебеди девушке по пёрышку, и вот сделалась же она птицей!

Аниска посмотрела на небо. Ни одной птицы не было видно под светло-серыми облаками, даже певучий жаворонок спрятался куда-то, испугался дождя.

Идти было неспособно, ноги скользили по сырым тропинкам. Спускаясь с бугра за рощей, Аниска два раза упала, а потом замывала платье в ручье. Воздух был влажный и тёплый, от земли поднимался пар, сквозь облака мягко просеивалось солнце, над сладкоцветущим клевером гудели шмели... Озарённый, счастливый день раскрывался перед Аниской.

Чем ближе к Зелёным Горкам, тем приветливей становилась дорога. Вот и река с узкими и шаткими лавами. Здесь под лавами они купаются в жару. А вон там уже видны капустные огороды, которые они пололи... Как давно это было!

Аниска торопливо поднялась сквозь кусты на горку — вот и деревня!

Мать встретила её немножко удивлённо.

— Ты что? Разве там покос кончился?

— Нет, — сказала Аниска, — только ведь дождик же... А завтра обратно пойду. Вот тётка Анна пирог дала.

— Только один? — спросила Лиза.

Аниска не ответила.

— Ох, глупая, — улыбнулась мать, — неужели без дому и недели прожить нельзя? Ну садись, поешь.

— А потом Никольку бери... — добавила Лиза.

У Лизы моментально создался план — сейчас она сдаст Никольку, а сама к Верке, а с Веркой за ягодами...

Но, оглянувшись через минуту, Лиза увидела, что Аниски уже нет в избе.

Аниска и Светлана сидели на крыльце у Тумановых. Светлана неожиданно для самой себя обрадовалась Аниске. Она не скучала об Аниске, но всё же ей чего-то не хватало в эти дни. Особенно на работе. Танюшка прямо засмеяла её — то она грабли не так держит, то подгребает не чисто... А Катя тоже: «Что, некому за тебя поработать?» Ехидная такая!

— Ты не уходи больше, — сказала Светлана.

Но Аниска покачала опущенной головой:

— Мать велит. А то тётка Анна рассердится...

— Как хорошо — кругом пасмурно! — улыбнулась Светлана, поглядев на небо. — Может, и

завтра покосу не будет. Только за ягодами сыро...

— Скоро малина поспеет, — сказала Аниска, — вот я тебя поведу... Ведро набрать можно!

— Ведро?!

Светлана с радости даже обняла Аниску.

Аниска, улыбаясь, развернула свой фартук.

— А я тебе гостинца принесла!

И подала ей два толстых ржаных пирога.

— Ой, куда мне столько? — засмеялась Светлана. — Да они же чёрные!..

Аниска омрачилась:

— А они всё-таки ничего. Они с морковью. Ты попробуй!

Светлана попробовала и сморщила свой защипнутый носик.

— Так себе... Ну-ка, а другой такой же?

У калитки неожиданно появилась Лиза. Она своими острыми мышинными глазками увидела пироги — один на коленях у Аниски, другой у Светланы в руках.

— Ага, — крикнула она, — а сказала, что тётка Анна один прислала! Ага! Скажу мамке! Тётка Анна три прислала!

— А вот и нет, — покраснев, ответила Аниска, — тётка Анна один дала!

— А эти два откуда же? Не тётка Анна дала? Нет?

— Нет.

— А кто же?

— Никто.

— Значит, сама взяла, да?

Аниска замолчала и покраснела ещё больше.

— Утащила, значит?

Аниска испуганно взглянула на Светлану.

Светлана опустила руку с пирогом и перестала жевать.

— Эх, ты, и не стыдно! — сказала Лиза. — Вот Косуля! Сейчас пойду скажу мамке, что пироги таскаешь!

И убежала.

Светлана обиженно поджала губы.

— Что ж ты мне... какие пироги приносишь? На вот, возьми, пожалуйста.

Она положила пирог Аниске на колени и встала. Во двор вошла Катя.

— Аниска пришла? Больше не уйдёшь?

Аниска не ответила и не подняла глаз. Катя поглядела на одну, поглядела на другую.

— Поругались, да? Всё, как петухи.

— Ничего не поругались, — оттопырив маленькие губы, ответила Светлана, — а просто я с ней больше не вожусь...

— А почему же?

— А потому же. Сами потом скажете, что я с жульницей вожусь.

— Аниска, — сказала Катя, — а ты разве жульница?

— Да, — сказала Аниска и ещё ниже опустила голову.

Катя удивлённо посмотрела на неё:

— Как это?

— А так, — подхватила Светлана, — у тётки пироги утащила.

Катя немножко помедлила, подумала. И вдруг рассердилась и всё её ленивое спокойствие исчезло.

— Она же для тебя принесла! А если бы не ты, то и не взяла бы их никогда! А уж ты скорей «жульница»! Тоже слово какое нашла! Да я бы на Анискином месте и водиться-то с тобой ни одного дня не стала бы, даже ни одной минуточки!

Катя круто повернулась и пошла прочь. Светлана вскочила и побежала за ней — она вовсе не хотела ссориться с Катей. Аниска глядела им вслед, не трогаясь с места.

Возле пруда, в большой тёплой луже Танюшка, Верка и белобрысый Прошка делали мельницу. Катя и Светлана вошли в лужу. Танюшка и Верка поднялись им навстречу. И Прошка присунулся. Стоят всей кучкой, говорят что-то и поглядывают в Анискину сторону.

Аниска медленно завернула в фартук пироги с морковью, встала и, не оглядываясь, пошла домой. Ей хотелось спрятаться где-нибудь на задворках, лечь, закрыть глаза и забыть всё так, чтоб совсем отняло память.

Мать увидела её в окно.

— Что это Лиза про пироги говорит? — закричала было она. Но поглядела в туманные Анискины глаза и сразу сбавила голос. — Ты что? Ай, заболела? Ступай-ка на печку, прогрейся хорошенько!

Аниска молча положила на лавку надкусанные пироги и залезла на печку. Она долго смотрела

в потолок. Мать расспрашивала про тётку Анну, про Гришутку, про харчи. Аниска отвечала односложно, думая о своём. Потом вдруг заплакала.

— Ты о чём? — встревожилась мать. — Тётка Анна обижает, что ли?

— Нет.

— А чего ж тогда?

— Я ведь не украла пироги-то... Я взяла просто — их ведь там было много...

— Ах, вон что! Ну, а зачем взяла-то, разве тебе их не дали?

— Нужно мне было.

— Попросить надо. Кто ж так-то берёт? Разве можно?

— Да она не дала бы.

— А может, и дала бы. А раз не дала — самой брать нельзя! Хоть бы и не для себя...

Аниска, наклонясь с печки, поглядела на мать:

— Мамка... А тебе кто сказал, что я не для себя?

— Ну, кто сказал — сама вижу. Подружке небось принесла. А ей-то наши пироги не больно нужны! Глупая ты у меня, Аниска! Трудно тебе будет на свете жить. Э-эх! Сердце у тебя всё наружу — кто захочет, тот и поранит. И тут же прервала себя: — Ну, не в этом дело. Нужны или не нужны ей пироги, а без спросу брать ничего нельзя. Придёшь к тётке Анне — скажи, что взяла. А ругаться будет — ну что ж, терпи. За дело. Вперёд умнее будешь. Скажи непременно, слышишь?

Аниска ответила со вздохом:

— Скажу.

Теплота приятно размаривала и нежила. Но лишь только Аниска начинала дремать — воспоминание о том, что случилось, как булавкой колело в сердце. И она снова открывала глаза.

«Жульница!»

12. КУДА ПЛЫВУТ ОБЛАКА

Дни в Корешках жаркие, медленные, как смола, текущая по стволу, как облака, идущие по небу...

Аниска сидела на бугорке над рекой. Гришутка играл на песке, у самой воды. Он отыскивал в песке крошечные раковины, гладкие камушки, чёртовы пальцы и складывал всё это на круглом глянцевице листе кувшинки.

Аниска сушила мокрые от купания волосы. Они очень отросли за лето и крупными завитками лежали по плечам.

Отсюда, с бугорка, далеко видно. На том берегу кусты растут островками, а между кустов, на солнечных полянках, корешковские колхозники сушат сено. Аниска никого не знает, даже девчонок не знает. В первый же день, когда она только что появилась в Корешках и пришла на колодец, одна корешковская девочка сразу высмеяла её:

— Ты куда глядишь — на меня или на тётку Марью?

Стоявшая тут суровая тётка Марья осадилась девчонку:

— Эко, язык-то у тебя вредный!

Девчонка застеснялась:

— Да ведь я так, я шуткой!

Но Аниска уже больше ни разу не пошла на колодец в то время, когда там был народ.

Она считала дни. Оставалось немного — последний лужок за рекой, вот этот самый. Аниске видно было, как вдали по ровному лугу ходили конные грабли, загребая длинные пушистые валы. Ближе к берегу, где росли кусты, колхозницы таскали сено охапками. Вон в синем платке тётка Анна. Высокая, худощавая, она широко взмахивает граблями. Вон набрала охапку, потащила. Ну и охапка — с полвоза будет! И откуда у неё сила такая?

Аниска мельком взглянула на Гришутку. Гришутка втыкал в песок зелёные ветки — может быть, устраивал сад. Солнце припекало, размаривало. Аниска подняла глаза к белым облакам, и сразу её мысли потекли куда-то далеко от Корешков, от покоса, от Гришутки, — вслед за белыми холмистыми облаками... Куда они идут? Куда плывут они, словно большие гуси-лебеди по глубокой голубой воде?

Учительница рассказывала, что иногда облака идут низко, даже садятся на вершущки гор. А на горах домики. Вот сядет облако возле домика. Люди утром проснутся — что такое? Солнца не видно. Открыли окно — а в окно облако лезет...

Неожиданно резкий крик прозвенел над рекой. Аниска вскочила, взглянула вниз — Гришутки на песке не было. А на том берегу маленькая черноволосая женщина кричала, хватаясь за щёки:

— Ой, утонул! Ой, утонул!

Аниска скатилась с бугорка. Гришутка барахтался в осоке. Он не кричал, а только кряхтел с испуга. Аниска вытащила его на берег. Руки у неё дрожали, когда она снимала с него мокрую, с налипшей тиной, рубашку.

На крик со всех покосных полянок бежали женщины. Впереди — тётка Анна.

— Где? Где? — хрипло кричала она.

И едва поверила своим глазам, когда увидела на том берегу своего толстого Гришутку, который голышом сидел в траве и даже не плакал.

— В воде был! Сама видела — разрази меня гроза! — тараторила чёрненькая женщина. — Уже нырял, уж совсем воду хлебал, вот разбей меня гром!

— Иди домой! — крикнула тётка Анна Аниске. — Чтоб ноги твоей не было у речки!

Женщины вернулись на покос. Тётка Анна тоже ушла, но, уходя, погрозилась граблями.

— Пойдём! Скорей! — торопила Аниска.

Но Гришутка упирался:

— А что я, голый пойду, да?

— Ну и что же? Не замёрзнешь.

— А вороны утащат!

Но Аниска уговорила его. Они шли рядышком. Гришутка скоро и позабыл совсем, что он голый, — бегал за бабочками, ловил кузнечиков, разглядывал мышинные норки...

Аниска сушила на ветру его рубашку, неся её над головой. А когда подошли к усадьбам, рубашка уже высохла и Гришутка оделся.

Аниска с трепетом ждала, когда придёт тётка Анна.

«Может, она до вечера-то забудет, — думалось ей, — а хоть и не забудет — всё-таки не так уж будет злиться!»

Но тётка Анна, хоть и вернулась домой очень поздно, всё-таки ничего не забыла.

— Завтра же домой отправляйся! — сурово сказала она. — Завтра же! — И пробормотала вполголоса: — С дураками свяжешься — только горя наживёшь.

Утром Аниска ушла домой. Как она ждала этого дня! А день-то этот получился грустный. Даже спасибо ей не сказали за все эти долгие томительные часы, за то, что потешала Гришутку, за то, что убиралась в избе, за то, что так молчаливо тосковала по дому... Ни одного хорошего словечка ей не сказали!

Только одно порадовало: Гришутка догнал её и сунул ей в руку обсосанную конфетку. И пробурчал на прощание:

— Как вырасту большой, так и я к тебе в царство-государство приду!

Аниска улыбнулась ему:

— Ладно. Обязательно приходи. Я ждать буду!

И пошла. Хотела ещё что-нибудь сказать милому светлоглазому парнишке, но только махнула рукой и торопливо зашагала по тропинке.

Сухая жёлтая рожь кланялась ей налитым колосом.

«Скоро жниво... — подумала Аниска. — Малина поспела... Теперь на Ясной вырубке что делается! Если б не пироги эти!..»

Воспоминание о пирогах вызвало снова чувство тоски и недоумения хотела порадовать Светлану, а только рассердила и сама оказалась жульницей... Но за эти пироги она уж расплатилась ещё раз — тётка Анна тогда целых полдня ругала и стыдила её. Неужели и этого ещё мало?

13. ТРУДНАЯ ДРУЖБА

Аниска не знала, какой разговор произошёл возле большой тёплой лужи, в которой торчали крупные стебли золотого, уже отцветшего чистяка. А разговор был такой. Первой начала Светлана, потому что Катя молчала и глядела в сторону.

— Вы подумайте, девочки! Украла пироги и принесла мне. Ну, я и откусила — я же ведь не знала, что они утащенные!

Танюшка всплеснула руками:

— Украла! Воровка! Надо смотреть за ней, а то придёт да чего-нибудь украдёт!

— Она не воровка, — сказала Катя, — и ничего не украдёт. Не придумывай.

Это неожиданное возражение сбило Танюшку, и она умолкла.

Светлана обиделась:

— А ты что думаешь — я неправду говорю, да? Она же при тебе созналась, что жульница!

Но Катя, не отвечая, повернулась и пошла — пошлёпала по тёплой луже.

— Теперь Косуле попадёт!.. — сунулся было Прошка.

Но Верка оборвала его:

— Смотри, как бы тебе самому от Косули не попало.

Друг за другом побрели по воде. Снимали с чистяка коричневые коробочки с семенами. Потом собрались в кружок и стали считать, у кого этих коробочек больше. Светлана тоже ходила с ними и тоже собирала коробочки... Почему это никто не возмутился вместе с нею, как будто она зря наговорила на Аниску? А может, и правда зря?

Скорее всего, поэтому и случилось так, что когда Аниска вошла в свою деревню — ей пришлось и удивиться и обрадоваться: Светлана встретила её с улыбкой.

— Совсем пришла, да? Вот и хорошо! Теперь пойдём за малиной помнишь, ты меня в какое-то местечко отвести собиралась?

Есть в лесу потаённый уголок. Туда ведёт только узенькая, полузаросшая тропочка, да и ту мало кто знает.

Идти туда надо сумрачным ельником, пробираться сквозь заросли можжевельных кустов, прокладывая путь среди густых спесивых папоротников. Светлана шла следом за Аниской, поторапливаясь, чтобы не отстать, и в то же время робко поглядывала кругом. Ей казалось, что лес становится всё угрюмей, какие-то сухие ёлки — снизу совсем нет ни веток, ни зелени, только лохматая макушка темнеет где-то наверху. И так они густо растут, что и неба не видно.

Иногда путь преграждала валежина — рыжая, суковатая, с торчащими корнями... А то возвышался на пути огромный муравейник. Светлана обегала далеко стороной, потому что боялась муравьев, и тогда Аниска ждала её.

— Ой, этому лесу конца нет! — крикнула Светлана, уморившись. — Ты заблудилась, наверно!

— Лесу конца нет, — ответила Аниска, — а нашей дороге конец есть. Видишь — светлеет?

Лес расступился как-то внезапно и встал по сторонам со своим сумраком, холодком и сырими травами. Щедрое солнце заливало вырубку, полную пней и малиновых зарослей. Малинник пышно заполнил поляну, и даже издали было видно, что тонкие белёсые ветки гнутся от красных ягод. Светлана захлопала в ладоши:

— Ой, сколько! Ой, я с ума сойду!

Девочки приподнимали ветки, прозрачные алые ягоды сами ложились в руку. А тёмные, перезрелые — не успеешь подхватить, только дотронешься, а уж они падают вниз, в спутанную траву. Очень скоро кринки стали полны, а на языке появилась оскомина. Но сладкие ягоды манили и не отпускали и не давали уйти...

Всё шло хорошо и весело до той минуты, когда из малинника выпорхнула птичка-славочка. Светлана даже вздрогнула — чуть не из-под руки порскнула эта птичка.

— Тут, значит, гнёздышко есть, — сказала Аниска, — отойди.

— Почему же — отойди? — возразила Светлана. — Я хочу посмотреть!

— Отойди, не надо. Эти птички очень пугливые...

— А я хочу!

— Ну ведь она может совсем гнёздышко бросить! Знаешь, эта птичка какая? Потрогаешь гнёздышко рукой, а она уж и не сядет. А вдруг там детки? Останутся без матери. Нет, нельзя.

— А я посмотрю!

Аниска встала между кустом и Светланой.

— А! Не даёшь? Не буду с тобой водиться! И даже разговаривать не буду. Покажи мне дорогу, я домой пойду!

— И я пойду...

— Нет! Я одна пойду!

У Аниски потемнело лицо. Вдруг душной и тесной показалась вырубка и стало непонятным — для чего здесь родилось столько малины, если её и собирать некому?..

Аниска вывела Светлану на тропочку. Светлана шла, вздёрнув испачканные малиной губы. Аниске было невесело. Ну что ж — значит, дружбе опять конец. Очень хотелось заплакать, но Аниска крепилась, и светлые глаза её блестели от удержанных слёз. Ну пусть Светлана не разговаривает с ней, пусть не водится. Всё равно Аниска больше не знает, что ещё для неё сделать.

Обратный путь показался ещё длиннее. Светлана скоро начала уставать. Она останавливалась, пристраивала кринку где-нибудь возле пёнышка, обмахивалась вышитым фартуком, вытирала пот со лба. А потом снова со вздохом брала кринку и молча шла дальше.

Там, где тропочка через овраг пошла в гору, Аниска нерешительно предложила:

— Давай, я твою малину понесу?

Светлана, не глядя, протянула ей кринку, и Аниска сразу повеселела.

Прошли болотце, и сухую валежину, и рыжий муравейник... Сквозь деревья замелькало светло-жёлтое поле.

— А хочешь, я тебе свою малину отдам? — сказала Аниска. — Мне ничуть не жалко. Ничуть даже!

Светлана потрясла косичками:

— Нет, спасибо.

Хоть и скупно она разговаривала, но всё же Аниска заметила, что голос её стал помягче и синенькие глазки глядят приветливей.

У околицы Светлана повернулась к ней:

— Ну, теперь давай. Сама донесу.

Аниска отдала кринку. Вот сейчас уйдёт её капризная подружка, как тогда с ней помириться?

— А хочешь, я тебе яблоков из сада принесу?

Светлана с усмешкой покосилась на неё:

— Утащишь?

— Нет. Не утащу. У сторожа выпрошу. Возьмёшь?

— Не возьму. Это нищие выпрашивают.

Несколько шагов прошли молча.

— А если я ронжу поймаю, — вдруг сказала Аниска, — возьмёшь?

Светлана фыркнула:

— Так и поймала!

— А если поймаю?

— Ну поймай.

— А возьмёшь?

— Возьму.

— Ну так я поймаю. Поймаю, вот увидишь. Пойду и поймаю!

14. РОНЖА

В эти дни в своих скитаниях по лесу Аниска увидела, что многое в лесу изменилось. На полянках уже не было ягод. Облетели малиновые цветы иван-чая. И злое деревце — волчье

лыко — украсилось яркими, алыми ягодами. Если попробуешь такую ягоду — на языке вздуется пузырь. А если съешь этих ягод побольше — то замучаешься и умрёшь. Среди вершин ещё порхали птицы, но песен уже совсем не было слышно. И Аниска с неясной тревогой и печалью поняла, что лето проходит...

Но где же эта краснокрылая ронжа вьёт своё гнездо? Там, где глухо и сыро и подальше от людей, — вот где она вьёт гнездо и выводит деток.

Аниска ходила по лесу каждый день. С утра работала с девочками в поле — подтаскивала снопы, подгробала солому... А когда кончали работу и девочки бежали на речку — Аниска молча замедляла шаг и поворачивалась к лесу.

Как-то раз Танюшка пристала к ней:

— Чего ты всё ходишь туда, ну скажи? Ну чего ты всё одна ходишь?

Аниска упёрлась взглядом в землю:

— Хожу — значит, надо.

— Да чего тебе там надо? Клад, что ли, ищешь?

Аниска повторила упрямо:

— Надо мне. Надо. И не лезь.

— Ну ищи, ищи, — засмеялась Танюшка. — Может, найдёшь сундук с золотом!

— Она мне ронжу ловит! — объяснила Светлана девочкам.

Те посмеялись, и больше никто не приставал к Аниске.

Только Светлана иногда спрашивала с усмешкой:

— Ну, что же? Всё ещё не поймала ронжу? А я жду!

И при этом незаметно подмаргивала девочкам.

Так проходили дни. Начало осени уже возвещало о себе тонкими радужными паутинками, которые медленно проплывали над полями.

Аниска становилась всё угрюмее. Она обошла лес и рощу, заглянула во все овраги, и ближние и дальние, лазила в чащобу молодого ельника, вязла в болоте... Каждый вечер она, не дождавшись ужина, засыпала от усталости. Лиза жаловалась на неё, сонную. Мать грозилась по утрам, что если Аниска опять после работы убежит в лес, то она не даст ей обеда... Аниска всё терпела, и всё напрасно. Ронжи не было.

В сырой пасмурный день, когда можно было поспать подольше, Аниску разбудила одна острая мысль:

«А Лощины! Дальние Лощины — что же я туда-то не сходила?! Там глухо и сыро и от людей далеко!»

Аниска бесшумно соскользнула с кровати.

Лиза, уверенная, что уж сегодня-то ей ни в коем случае не придётся сидеть с Николькой, сладко спала, приоткрыв рот.

Улучив минутку, когда мать вышла в сени, Аниска вылезла в окно и скрылась.

Ольховые кусты под росой сверкали, будто отделанные серебром. Острые горьковатые запахи стояли в прохладной чаще. Иногда на пути попадалась осинка, тронутая красной краской. И тогда Аниске хотелось остановиться и посмотреть на неё неизвестно сколько времени...

Аниска долго шла по лесной дороге. Потом дорога пропала в сырых овражках, в густом папоротнике. Вот и Лощины — глухое место. Высокие старые ёлки верхушками глядели в небо. А внизу под ёлками было тихо и сумрачно.

Аниска вышла на полянку, заросшую жёстким голубым цикорием, похожую на голубой прудок, затаившийся в лесу. Она присела на сухую валежину и упёрлась лбом в свои шершавые ладони. Где-то высоко над головой лепетала осина, пинькали синицы... Аниска вдруг почувствовала, что она очень устала.

«Не буду больше искать ронжу, — решила она. — Ну что ж, пусть не дружится. Не буду».

Она встала и медленно пошла через полянку. Лесная трава стояла по пояс.

Вдруг шевельнулась, закачалась еловая ветка. Аниска подняла глаза: на большом старом дереве, покрытом волокнистыми голубыми лишаями, сидела необыкновенная птица. Она, словно большой яркий цветок, как-то боком висела на суку и поглядывала на Аниску. Чёрная как бархат шапочка, светло-зеленоватая грудка, красное перо в крыле...

Аниска перестала дышать.

«Ронжа?»

Птица, легко вспорхнув, развернула крылья, и Аниске показалось, что она сейчас ослепнет от этой красоты. Красные, как огонь, были у этой птицы крылья, красный, как огонь, был у неё хвост! Она тихо, бесшумно скользнула над полянкой и скрылась в густой древесной листве.

«Ронжа!»

Аниске хотелось кричать от радости. Но она затаила дух и крадучись подошла к дереву, покрытому лишаями. Прижавшись к стволу, она долго глядела вверх, разглядывая старые сучья. Не здесь ли спрятала ронжа своё гнездо?

И Аниска увидела это гнездо. Оно чернеловерху среди густых веток, прижатое к самому стволу. Там должны быть детки. Большие уже должны быть детки — лето на исходе!

Аниска подобрала подол, заткнула за пояс и полезла на корявую смолистую ёлку. Обдираясь о сучья, морщась от сухой хвои, которая набивалась ей в волосы и сыпалась в глаза, Аниска упрямо лезла всё выше и выше. Она карабкалась трудно, долго. А когда уселась на большом суку передохнуть и подняла глаза, то увидела, что гнездо уже совсем близко, над самой её головой. Она перебралась повыше и заглянула в гнездо.

Аниска не ошиблась — в гнезде сидели птенцы. Они уже оперились. Но что такое?

Тускло-серые, чуть рыжеватые к хвосту, они вовсе не были красивы. У них не было красных

перьев на крыльях, а хвостов и совсем ещё не было видно. Куцые глупые птенцы доверчиво и беспомощно глядели из гнезда на Аниску.

— Бедненькие! Ну как же я возьму вас от матери? — сказала Аниска. Ой, как же мне быть?!

У неё не поднималась рука взять птенца из гнезда. Вот, сколько она искала эту ронжу, сколько мучилась! А когда нашла — не может взять! Аниске хотелось плакать.

«А зачем их ловить? Ронжа не может жить в неволе. Умрёт от тоски по лесу...»

Это отец сказал Аниске. Но что же ей теперь делать, если она обещала Светлане?

Аниска стиснула зубы и запустила руку в гнездо. Птенцы тревожно затрепетали крыльями, один вырвался из гнезда и взлетел. Аниска схватила его.

Вдруг закачались ветки и красная птица с пронзительным криком кинулась к Аниске. Она кричала, словно звала на помощь. Она чуть не касалась крыльями Анискиных волос...

Тёплое маленькое тельце птенца дрожало в руках, и в нём изо всех сил билось сердце. Аниска нежно коснулась губами бархатной головки.

— Не бойся. Я тебя не обижу...

Бережно завернув птенца в фартук, Аниска спустилась с дерева и пошла через высокие травы. А красная птица ещё долго кричала у своего гнезда. И от этого крика у Аниски всю дорогу острой болью болела душа.

Домой Аниска пришла как раз к обеду. Мать, увидев её, всплеснула руками:

— Ох, на кого ж ты похожа? И где это тебя угораздило?

— А руки-то все в смоле! — подхватила Лиза. — И платье разорвано! А в фартуке что?

Аниска посмотрела на мать, на Лизу, на свои чёрные от смолы руки, на порванное платье с мокрым подолом... И вдруг, заглянув в фартук, бегом бросилась из избы.

— Совсем рехнулась, — сказала Лиза.

Мать только вздохнула. Ну что ей делать с этой горе-головушкой Аниской?

Аниска прибежала к Тумановым. Светлана стояла перед зеркалом и завязывала синий бант в косе. Она увидела Аниску в зеркало:

— Фу, какая... испачканная!

Но Аниска схватила своей чёрной от смолы рукой тонкую руку Светланы и прошептала:

— Я тебе ронжу нашла! Я из гнезда достала! Теперь ты будешь со мной дружить?

Светлана встрепенулась:

— Правда? Где она, покажи скорей!

Аниска раскрыла фартук. Испуганный птенец сидел съёжившись и ни на кого не глядел.

— Это и есть ронжа? — протянула Светлана. — Ну что же в ней хорошего?

— Да ведь это ещё детка! — сказала Аниска задрожавшим голосом. — У него красные крылья потом вырастут! Ты увидишь, какой он красивый будет! Он скоро вырастет!

Аниска говорила, стараясь убедить Светлану, но уже чувствовала, что всё это напрасно. Светлане не понравилась ронжа.

— Я не виновата... — пробурчала наконец Аниска. — Если бы большую ронжу можно было поймать — я бы поймала. Ну ведь эта тоже красивая будет!

Светлана засмеялась. Но обернулась к ней, увидела её жалкие косые глаза и вдруг обняла за плечи.

— Да ну ладно! Ронжа-ронжа! А на что она мне? Пойдём к нам в огород, горошку поедим. Я ведь сказала, что буду с тобой дружить — значит, буду!

И, схватив Аниску за руку, потащила её в огород.

— Подожди! — ответила сразу утешенная Аниска. — Я сейчас. Птенчика в лукошко посажу. А завтра отнесу обратно, на ёлку. Пусть его мать выкормит!

15. ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Так и прошло лето — с дождями и солнцем, с грозами и алым сиянием зорь...

Аниска не заметила, как дни полетели один за другим вместе с золотой осенней листвой.

Дружила или нет с ней Светлана? Трудно было Аниске понять. Нынче дружила, а завтра обижала. Правда, Аниска никогда не говорила о своих обидах, хотя эти обиды каждый раз всё тяжелей ложились ей на сердце. Но стоило Светлане кликнуть её, Аниска бежала к ней полная радости.

В этот ясный осенний день Светлана позвала Аниску к старой, поваленной бурей рябине:

— Пойдём на рябине покачаемся!

Девочки взобрались на большой сук, тихонько покачивались и смеялись им казалось, что они птицы.

— Давай петь! — сказала Светлана. И запела тоненьким голоском:

— Жили у бабуси

Два весёлых гуся

Один серый, другой белый,

Два весёлых гуся!

Аниска стала ей подтягивать. Но голос у неё был неверный, и песня не получалась, только получалось очень смешно — кто в лес, кто по дрова.

Посмеявшись, они снова запели. И снова рассмеялись.

— Ой, падаю! — вдруг закричала Аниска. И свалилась в мягкую рябиновую листву.

Хохот поднялся ещё громче. Аниска думала, что сейчас умрёт от смеха, и она никак не могла встать и вылезти из рябиновых веток.

А Светлана наверху смеялась, повизгивала и сквозь смех кричала:

— Ой, и я сейчас! Ой, и я сейчас!..

В разгар этого веселья неожиданно явился белобрысый Прошка. Он подошёл и сказал басом:

— Светлана! Эй!

— Что тебе ещё? — крикнула Светлана.

— Иди. Бабушка домой велела.

— Ну вот ещё! Зачем такое?

Аниска выбралась из листвы и помогла Светлане слезть с ветки.

— Сейчас сбегает и опять придёт, ладно? — сказала Светлана. — Ты, пожалуйста, не уходи домой, ты со мной!..

Девочки побежали. Ещё издали Аниска увидела во дворе у Тумановых какую-то женщину в белой кофточке. Она приостановилась и неизвестно почему встревожилась.

— А у вас кто-то...

— Где?

— А вон... У калитки с бабушкой стоят...

Светлана пригляделась. И вдруг взвизгнула, бросила Анискину руку и припустилась к дому.

— Мама! Мамочка приехала!

Аниска не знала, что же ей делать теперь? Бежать за Светланой? А Светлана уже и забыла про неё. Она повисла на шее у своей мамы, целовала её, что-то быстро рассказывала...

Потом все пошли в избу — бабушка, мама, Светлана... Но тут Светлана вспомнила про Аниску.

— Что же ты стоишь? Иди сюда! Сейчас вещи собирать будем — я уезжаю!

Аниска медленно подошла к Светлане, у неё ноги почему-то стали очень тяжёлыми.

— Да не бойся, иди! — нетерпеливо кричала Светлана. — Я уж маме рассказала, что ты мне ронжу принесла! А знаешь, она мне новую игру купила!..

Быстрые Светланины слова кружились где-то возле уха, как летняя мошкара. А в сознании осталось только одно:

«Уезжает»...

Аниска вошла вслед за Светланой в избу. Бабушка Туманова торопливо собирала на стол.

Светланина мама — вся какая-то чистенькая, беленькая, приглаженная — укладывала в чемодан знакомые платья: красное тоненькое, в котором Светлана появилась впервые, розовое в полоску, вышитый фартучек, испачканный малиной...

— Уезжаешь...

— Ну да! Уезжаю! Ведь первое сентября скоро! А у мамы сегодня выходной — вот она за мной и приехала. Сейчас лошадь запрягут — мама наняла в колхозе лошадь! И папа пишет из командировки, что скоро домой приедет. А потом, у нас комнату в Москве новыми обоями оклеили... Сейчас пообедаем и поедем!

Аниска неподвижными глазами смотрела на Светлану и ничего не говорила. Светлана даже обиделась немножко.

— А тебе даже всё равно, что я уезжаю!

Но, взглянув на Аниску, примолкла, словно поняла, что большое горе слов не имеет.

Светлане стало неприятно. Анискина тоска мешала её радостному настроению. И она с нетерпением обратилась к матери:

— Мама, ну когда же мы поедем?!

— Всё готово, — ответила мама, — пообедаем и поедем.

Мама закрыла чемодан, вымыла свои белые руки.

— Девочки, за стол! Живо-живо!

Аниску рядом со Светланой усадили за стол. Мама привезла из Москвы колбасы — поджаренная с яйцами, она пахла остро и горячо. Аниска молча съела кусочек, но не почувствовала вкуса.

Светланина бабушка внимательно поглядела на Аниску.

— Ты что это уж очень загоревала-то? Полно, полно. Стоит того!

Аниска не отвечала, но глаза её налились слезами.

— Да и не стоит, — продолжала бабушка, — наша-то барышня про тебя тотчас забудет. Только за порог!

— Нет, — глухо, но твёрдо возразила Аниска и вскинула на Светлану блестящие от слёз глаза.

Она ждала, она требовала, чтобы Светлана немедленно вмешалась и сказала бы, что это не так, что это бабушка так думает, а Светлана никогда не забудет Аниску, что ей никак нельзя забыть Аниску.

Но Светлана, увидев этот взгляд, чуть-чуть сморщила свой защипнутый носик и нетерпеливо заболтала ногой.

— Ну, что вы всё... Забудет — не забудет!

— Не болтай ногами, — сказала мама, — ешь. — А потом повернулась к Аниске, положила ей на

голову свою белую тёплую руку и заглянула в лицо. Ты что так расстроилась, девочка? Ведь и горя-то никакого нет. На будущий год Светлана опять приедет. Ну, давай-ка улыбнёмся!

Но Аниска не могла улыбнуться. Она хмурилась и сжимала губы, стараясь удержаться и не заплакать.

— И ты не сердись на Светлану, — продолжала Светланина мама, — ведь она городская. Ведь там её дом. А здесь она чужая всё-таки. И не обижайся, ладно? Ведь каждому домой хочется!.. И тебе хотелось бы, ведь правда?

Тут за окном послышались голоса девчонок. Светлана живо выскочила из-за стола и подбежала к окну.

— Ой как хорошо! — весело закричала она. — Девочки меня проводить пришли!

Аниска молча сползла с лавки и пошла из избы.

Вскоре вышли на улицу и Светлана, и её мама, и бабушка. Ребятишки уже глазели у ворот, шныряли возле лошади — интересно же посмотреть, какая у Светланы мать, и какой у них чемодан, и как они будут прощаться...

Катя, Верка и Танюшка окружили Светлану. Светлана обнимала их по очереди. Она очень любила их всех в эту минуту.

— До свиданья, до свиданья! — повторяла она, и в голубеньких глазках её бегали слезинки. — Я всё время буду вас вспоминать.

А когда чемодан уже поставили в телегу, она вдруг оглянулась:

— А где же Аниса?

Катя молча отвела глаза и стала глядеть куда-то в сторону. Она всегда так делала, когда должна была сказать что-то неприятное человеку и не хотела сказать. Но зато Верка и Танюшка тотчас всё объяснили.

— Она от вас как вышла, так и ушла, — торопилась Танюшка, — прямо будто её выгнали!

— А мы кричим, куда же ты? А провожать-то? — перебила Верка. — А она...

— А она губы зажала, и ничего!

Светлана обиженно обернулась к бабушке:

— Вот видишь, бабушка! А ты всё на меня. — И сердито добавила, влезая в тележку: — Я тебе говорила, что она чудная!

Бабушка покачала головой и ничего не ответила. Зато мама нахмурилась.

— А мне вот кажется, что это ты у меня чудная, — резко сказала она, ничего не понимаешь! Слепая и глухая, вот ты какая у меня. И это очень грустно.

Ребятишки проводили подводу до околицы и вернулись. Верка и Танюшка пошли дальше до той канавки, которая отграничивает их поля от полей соседнего колхоза. Там лошадь прибавила шагу. Светлана в последний раз махнула рукой, и встопорщенные придорожные ёлочки

заслонили от неё Зелёные Горки.

Светлана вытащила платочек и заплакала.

— Ах, вот как, — сказала мама, — а я уж подумала, что ты у меня совсем равнодушный человек!

Светлана отняла платочек от лица.

— Но, мама! — В голосе её слышалась обида. — У тебя всё время я в чём-то виновата. И всё из-за Аниски.

— А разве ты не видела, как эта девочка тебя любила!

Светлана пожала узенькими плечиками:

— А всё-таки почему я виновата? Я ведь не просила её меня так любить!

Мама ничего не ответила. Она не знала, что ответить на это своей рассудительной дочке.

Светлане скоро надоело молчать.

— Мама, а Шура Селиверстова приехала?

— Приехала. Приходила, спрашивала про тебя.

— А Лена из двадцатой квартиры?

— Не знаю. Но сегодня или завтра должна приехать — ведь через два дня в школу!..

— Мамочка, а платье-то как же, коричневое? Не готово ещё?

— Ну, как не готово! Уже и воротничок пришит!

— Ой, мамуля!

Светлана бросилась целовать маму и чуть не свалилась с телеги.

Лошадка бежала дробной весёлой рысью. Тихие, примолкшие леса отходили назад, отступали всё дальше от шоссе-ной дороги. Новые посёлки возникали на пути, огороды, поля... Вот вдали показались круглые, как макароны, трубы стекольного завода... А за этим заводом уже будет и станция видна, а там — поезд, Москва, подруги, школа!..

А Зелёные Горки остались где-то далеко-далеко. Может, они просто во сне приснились.

* * *

Аниска стояла на высоком бугорке в густом ельнике и смотрела на дорогу. Она видела, как девочки провожали Светлану. Видела, как Светлана помахала им рукой. И ещё долго видела удалявшуюся подводку.

А потом спустилась с бугорка и медленно пошла домой. Она шла через поля, сжатые, убранные, по-осеннему пустые. Заблестел сквозь вётлы полевой прудок. Летом среди ржи его совсем не было видно, а сейчас он как будто налит на блюдечко. И может, оттого, что было

пусто кругом, что не шумели колосья, не пели жаворонки — этот прудок показался Аниске притихшим и запечаленным.

Аниске не хотелось идти в деревню. Она встала у пруда и прислонилась к ветле. Что-то случилось с её сердцем, что-то как будто сломалось в нём. Светлана уехала — вот ещё следы колёс видны на дороге... За что было Аниске так любить её? Но так уж устроен человек — любит и сам не знает за что. И даже когда поймёт, что напрасно, то и тогда всё ещё любит, хотя и не ждёт ничего.

Аниска стояла в пустом поле, у тёмного неподвижного пруда, и ей казалось, что она сейчас совсем одна на всей земле...

Что-то зашумело в небе, лёгким шелестом зашумело над головой.

Аниска посмотрела вверх — над нею летела стая диких гусей. Они летели вереницей и тихонько покрикивали. Если бы Аниска могла обернуться сейчас же птицей! Как бы весело, как бы радостно было лететь вместе с ними в этой дружной большой стае, вместе со всеми радоваться утреннему солнцу! Аниска была бы такая же, как все, — хорошая, добрая, весёлая! И никто бы не называл её Косулей!

И вдруг тоска, словно костёр, охватила Аниску. Она выбежала на открытое поле, подняла руки к улетающей стае и закричала:

— Гуси-лебеди! Бросьте мне по пёрышку! Бросьте, бросьте мне по пёрышку!

Но гуси-лебеди, всё так же медленно взмахивая крыльями, улетали всё дальше и дальше... Всё глуше и глуше становился в небе негромкий птичий разговор... Вот уж и пролетели над полем. А вот и совсем растаяли в холодной небесной синеве...

Тихо стало кругом. Только жёсткая осока шуршала под ветром да сизая верба роняла узкие листья в неподвижную тёмную воду.

Аниска, понурив голову, брела по стерне.

Чей-то тонкий голос доносился к ней с дальнего края поля, кто-то кричал, звал, аукал... Кто кричит? Кого зовут? Аниска не прислушивалась её звать никто не станет.

— Анис-ка-а! Ау-у!

Аниска остановилась. По полю мелькало пёстрое платье — это Катя бежит, это её пёстрое платье и пушистая, как одуванчик, голова...

— Куда она, — прошептала Аниска, — зачем?

Катя бежала к ней.

— Ну, чего ты! — накинулась на неё Катя, еле переводя дух. — Кричу, кричу! Глухая ты, что ли?

Аниска молча глядела на неё широкими затуманенными глазами.

— Пойдём. Чего одна тут ходишь? Тебя ищут, а ты ходишь тут!

— Кто ищет?

— Анна Дмитриевна пришла. Велела всем завтра в школу. Будет беседу с нами проводить.

— Со мной-то беседу проводить не будет. Чего ей со мной-то?

— А вот и будет. Сама сказала. Всех пионеров соберём, говорит, и всех, кто ещё не пионер. Принимать будем скоро, на Октябрьскую, говорит. Вот.

Аниска незаметно вздохнула:

— Меня-то принимать не будут.

Катя рассердилась:

— Не знаешь ничего. Бегаешь тут и не знаешь ничего. Танюшка только начала было: «А наша Аниска драчунья — как же её принимать?» А Анна Дмитриевна: «Надо же разобраться — почему драчунья? А может, она дерётся потому, что беззащитного защищает?» Так и сказала. Вот.

Аниска внимательно посмотрела на Катю. Правду говорит? Придумывает?

Но Катя не стала больше разговаривать. Она подала Аниске руку и повела за собой. И рука у Кати была крепкая и тёплая, какую всегда бывает рука друга.